

7 Теодор Драйзер

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Теодор Драйзер

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

ТОМ
СЕДЬМОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

Издание выходит под общей редакцией
С. И в а н ь к о

Генерал

КНИГА ВТОРАЯ

БОРЬБА

(Продолжение)

ГЛАВА XXX

Только по истечении изрядного срока, видя, как Анджела ведет почти безнадежную борьбу, чтобы жить на его заработок да еще кое-что откладывать, Юджин взялся за ум и стал серьезно искать более подходящую работу. Все это время он внимательно присматривался к Анджеле и наблюдал, как упорно и настойчиво, невзирая на все трудности и лишения, выполняла она все, что требовалось по дому. Она готовила, убирала, ходила за покупками; перешивала свои старые платья так, чтобы они возможно дольше служили и выглядели к тому же модными; сама мастерила себе шляпки — одним словом, делала все, что было в ее силах, стремясь к тому, чтобы денег, лежавших в банке, хватило, пока Юджин не станет на ноги. Она охотно мирилась с тем, что он брал из этих денег, чтобы одеться, тогда как сама не соглашалась ни цента израсходовать на себя. Она жила надеждой на лучшее. Очевидно, когда-нибудь Юджин поймет, как она нужна ему. Впрочем, она не верила, что их прежние отношения вернутся. Ей никогда не забыть прошлого, да и он не забудет.

Роман Юджина с Карлоттой, под давлением различных неблагоприятных обстоятельств, медленно близился к концу. Эта связь не могла противостоять бурям, обрушившимся на нее с самого ее возникновения. Во-первых, мать Карлотты осторожно дала понять зятю, что у него есть все основания не оставлять жену надолго одну, и это сильно связывало Карлотту. При этом миссис Хиббердел не переставала упрекать дочь в распущенности — примерно так же, как Анджела Юджина, — и Карлотте все время приходилось отбиваться. Она была настолько прижата к стене, что не рискнула снять от-

дельную квартиру, а Юджин ни за что не хотел брать у нее деньги, чтобы оплачивать дорогостоящие посещения загородных ресторанов и отелей. Карлотта надеялась, что у него когда-нибудь снова появится своя студия и она будет видаться с ним, как со знаменитостью, в его родной стихии. Так было бы во всех отношениях лучше.

Промежутки между их свиданиями, когда-то приносившими обоим столько радости, все увеличивались, и Юджин мирился с этим, хотя и не без сожаления. Если честно признаться, то после недавно пережитого недуга его романтические наклонности представлялись ему в плачевном свете. Ему казалось, что он начинает понимать, к чему они ведут. Богатства он таким образом, безусловно, не наживет,— Юджин все больше убеждался в том, что судьбы мира находятся в руках людей, чье счастье состоит в труде. Тунеядцы, как правило, теряют все, в том числе и уважение своих сограждан. Распутные люди быстро изнашиваются и сами себя позорят своими нездоровыми и недостойными наклонностями. Женщины и мужчины, живущие неводержанно, оказываются рабами своей болезненной чувственности, и всякое здоровое общество если не выбрасывает их за борт, то игнорирует. Если хочешь достигнуть богатства, ты должен быть сильным, энергичным, решительным, воздержанным — да и сохранить богатство можно только с помощью этих качеств. Нельзя давать себе волю, в противном случае человек становится таким, каким был сейчас он, Юджин,— развинченным, угрюмым, больным душевно и физически.

Итак, пройдя через любовные увлечения и нужду, через болезнь и унижения, Юджин стал ясно понимать одно — если он хочет добиться успеха, он должен вести себя благоразумно. Улыбается ли ему такая жизнь? Этого он не мог сказать. Но у него нет другого выхода, как это ни печально,— а раз так, он постарается сделать все, что возможно. Задача трудная, но жизненно важная.

Надо сказать, что Юджин все еще сохранял подчеркнуто артистическую наружность и манеры, которые он усвоил в дни юности. Но теперь он стал подозревать, что это придает ему нелепый и слегка несовременный вид. В последнее время он стал замечать, что некоторые

художники, из наиболее преуспевающих, внешне ничем не отличаются от обыкновенных дельцов. Это объясняется тем, решил Юджин, что они живут в реальном мире, а не витают в эмпиреях. Мысль эта заставила его последовать их примеру: он отказался от свободно повязанных галстуков и небрежной прически и придал своей внешности строгую простоту. Он продолжал носить мягкие шляпы, считая, что они ему больше к лицу, но во всем остальном предпочел расстаться с артистическими замашками.

Работая у Дигана, он понял, что такое настоящий тяжелый и честный труд. Диган был простым рабочим. В нем не было ничего романтического, он и слыхом не слыхивал ни о какой романтике. Лопаты, кирки, раствор и опалубка — вот что составляло его жизнь, и он никогда не жаловался. Юджину запомнилось, как однажды он посочувствовал Дигану: десятник ежедневно вставал в четыре утра, чтобы поспеть к поезду, доставлявшему его на работу к семи часам. Но темнота и холод ничего не значили для Дигана.

— Ясно, а как же иначе, — отозвался он с обычной усмешкой. — Надо же вовремя быть на месте. Никто не будет мне платить за то, что я валяюсь в постели. Если бы вам пришлось с годик вставать так каждое утро, вы бы человеком сделались.

— Едва ли, — поддразнил его Юджин.

— Уж поверьте, — настаивал на своем Диган. — За один год. Будьте покойны, я вижу, что вы за фрукт.

Юджину было неприятно слышать подобные замечания, но все же он принимал их к сведению. Диган имел обыкновение делать окружающим весьма полезные внушения касательно труда и воздержанности, причем это выходило у него совершенно не намеренно. Просто эти два свойства — трудолюбие и умеренность — составляли его сущность.

Однажды Юджин отправился на Типографскую площадь в надежде, что, может быть, у него хватит смелости зайти в редакцию какой-нибудь газеты и предложить свои услуги. Там он неожиданно наткнулся на Хадсона Дьюлу, которого не видел уже много лет. Дьюла очень обрадовался ему.

— Ба! Да это Витла! — воскликнул он, пораженный невероятной худобой и бледностью Юджина. — Где же

вы столько времени пропадали? Ужасно рад вас видеть. Что вы подделывали? Зайдемте к Гану, закусим, и вы мне все расскажете.

— Я был болен, Дьюла,— откровенно сказал Юджин.— У меня было очень серьезное нервное расстройство, и, чтобы переменить обстановку, я работал на железной дороге. Я обращался ко всяким специалистам, но они мне не помогли. Тогда я решил взяться за труд чернорабочего и посмотреть, что из этого выйдет. Я совершенно выбился из колеи и вот четвертый год только и занимаюсь тем, что привожу себя в норму. Но теперь я, по-видимому, на пути к выздоровлению. Собираюсь в ближайшие дни уйти с железной дороги и вернуться к живописи. Мне кажется, что я опять могу писать.

— Не странно ли? — задумчиво произнес Дьюла.— Я на днях как раз думал о вас и спрашивал себя, куда это вы могли запропасться. Должен вам сказать, что я переменял род занятий. «Труф» приказал долго жить, и я занялся литографским делом. Я состою младшим компаньоном в одной фирме на Бонд-стрит и работаю в ней управляющим. Буду очень рад, если вы как-нибудь заглянете ко мне.

— Непременно зайду,— сказал Юджин.

— А теперь насчет ваших нервов,— продолжал Дьюла, когда они вошли в ресторан.— У меня есть зять, с которым произошла такая же штука. Он и сейчас все бегаёт по врачам. Я ему расскажу про вас. Вид у вас совсем неплохой.

— Я чувствую себя значительно лучше,— сказал Юджин,— да, значительно лучше, хотя мне пришлось довольно тяжело. Но я уверен, что снова вернусь к жизни и буду теперь осторожнее. Я переутомился тогда, с первыми картинами.

— Должен сказать, что в своем роде это были лучшие вещи, какие мне когда-либо попадались у наших художников,— сказал Дьюла.— Если помните, я был на обеих ваших выставках. Они были великолепны. А что же случилось с вашими полотнами?

— Некоторые были проданы, остальные я сдал на хранение,— ответил Юджин.

— Странно,— сказал Дьюла.— Я готов был биться об заклад, что они все будут проданы. В них было столько

нового и яркого. Вы должны крепко взять себя в руки и больше не сдаваться. Вас ожидает большое будущее.

— Ну уж, право, не знаю,— пессимистически отозвался Юджин.— Заслужить известность — конечно, вещь хорошая, но прожить на это, как вы сами знаете, невозможно. На живопись у нас в Америке не слишком большой спрос. Большинство моих работ остались непроданными. Любой бакалейщик, переезжающий с места на место со своим фургоном, куда обеспеченнее самого лучшего нашего художника.

— Ну, дело не так уж плохо,— с улыбкой заметил Дьюла.— Художник все-таки не лавочник. У него совершенно иной взгляд на вещи. Духовно он живет в другом мире. Да и материально можно устроиться совсем недурно,— главное, прожить, а что вам еще нужно? Зато перед вами открыты все двери. Художник пользуется тем, чего никогда не добиться лавочнику,— почетом; он служит обществу мерилom всех достоинств — сейчас или в будущем. Если бы я обладал вашим талантом, я никогда не стал бы завидовать мяснику или булочнику. Ведь вас знает теперь каждый, во всяком случае каждый хороший живописец. Вам остается только работать дальше и добиваться большего. А зарабатывать мало ли чем можно.

— Чем, например? — спросил Юджин.

— Как чем? Пишите панно, займитесь стенной росписью. Я только на днях говорил кому-то, что бостонская публичная библиотека совершила большую ошибку, не поручив вам часть работы по росписи стен. Вы могли бы создать для них прекрасные вещи.

— Вы, я вижу, еще верите в меня,— растроганно сказал Юджин.

После стольких тоскливых дней слова Дьюлы были подобны теплу, исходящему от яркого пламени. Значит, его не забыли. Значит, он на что-то годен.

— Помните Орена Бенедикта? Вы, кажется, знали его по Чикаго, не правда ли? — спросил Дьюла.

— Конечно,— ответил Юджин.— Я работал вместе с ним.

— Он сейчас в газете «Уорлд», заведует художественным отделом, совсем недавно перешел туда.

И когда Юджин удивился, заметив, что вот как меняются времена, Дьюла вдруг добавил:

— А ведь это мысль! Вы говорите, что собираетесь расстаться с железной дорогой. Почему бы вам не устроиться у Бенедикта и не поработать немного тушью, чтобы набить руку? Это вам очень пригodiлось бы. А он, я уверен, с радостью возьмет вас.

Дьюла догадывался, что финансы Юджина в плохом состоянии, и хотел дать ему возможность без большой затраты сил заняться работой, которая постепенно привела бы его назад, к настоящей живописи. Он любил Юджина и очень хотел помочь ему. С удовольствием вспоминал он, что первый поместил в журнале цветную репродукцию его этюда.

— Мысль неплохая,— сказал Юджин,— я и сам подумывал заняться чем-нибудь таким, если удастся. Я зайду к нему, может быть, даже сегодня. Это было бы как раз то, что мне сейчас нужно, небольшая практика, ведь я совсем отстал.

— Хотите, я ему позвоню,— любезно предложил Дьюла.— Мы с ним большие приятели. Он спрашивал на днях, не могу ли я рекомендовать ему одного или двух действительно сильных художников. Обождите минутку.

Дьюла вышел, и Юджин откинулся на спинку стула. Возможно ли, что его возвращение к жизни совершится так легко и просто? Ему мерещились всякие трудности. И вот счастливый случай обещает избавить его от всех страданий.

— Он сказал: «Разумеется!» — воскликнул Дьюла, возвращаясь на свое место.— «Пусть сейчас же зайдет». Советую вам сегодня же повидаться с ним. Это будет самое лучшее. А когда устроитесь, навестите меня. Где вы сейчас обитаете?

Юджин дал ему свой адрес.

— Ах, да, ведь вы женаты,— сказал Дьюла, когда Юджин сообщил ему, что они с Анджелой занимают крохотную квартирку.— Как поживает миссис Витла? Я ее помню, очаровательная женщина. А мы с миссис Дьюла снимаем квартиру на площади Грэмерси. Вы не знали, что я женился? Да, представьте. Приходите к нам с супругой. Вы нас очень обрадуете. Мы бу-

дем ждать вас к обеду, надо только договориться о дне.

Юджин был очень доволен. Он думал о том, как рада будет Анджела. За эти годы они совершенно отошли от общества художников. Юджин поспешил к Бенедикту, и тот встретил его как старого приятеля. Они не были раньше особенно близки, но всегда хорошо относились друг к другу. Бенедикт слышал про болезнь Юджина.

— Вот что я вам скажу,— сказал он, когда кончился обмен приветствиями и воспоминаниями,— много я платить не могу — пятьдесят долларов здесь считается высоким окладом, а у меня сейчас только одно вакантное место на двадцать пять долларов в неделю. Если хотите попробовать свои силы, вы можете его получить. Временами у нас бывает гонка, но этого вы, кажется, не боитесь. Когда я наведу здесь порядок, у меня, возможно, найдется для вас и что-нибудь получше.

— Неважно,— весело отозвался Юджин,— я и этим доволен. (Он действительно был очень доволен.) А что касается спешки, то это меня не пугает. Даже приятно, для разнообразия.

Бенедикт на прощание дружески пожал ему руку. Он рад был заполучить Юджина, так как знал, чего от него можно ожидать.

— Вот только мне едва ли удастся приступить к работе раньше понедельника. Я должен предупредить об уходе за несколько дней. Можно будет подождать?

— У меня нашлись бы для вас дела и раньше, но уж так и быть — в понедельник так в понедельник,— ответил Бенедикт, и они тепло распрощались.

Юджин поспешил домой. Ему не терпелось рассказать обо всем Анджеле — ведь это намного скрасит их суровую жизнь. Конечно, не особенно приятно снова начинать карьеру с газетного иллюстратора на жалованье в двадцать пять долларов в неделю, но ничего не поделаешь,— это лучше, чем ничего. По крайней мере это поставит его на ноги. Он был уверен, что в самом скором времени добьется чего-нибудь получше. С работой он вполне справится, в этом он не сомневался, а остальное пока неважно. Разве мало ударов было нанесено его гордости? Все же это неизмеримо лучше, чем

работать поденщиком. Он быстро взбежал по лестнице в свою тесную квартирку и, увидев Анджелу у плиты, крикнул:

— Ну, хватит с нас, кажется, железной дороги.

— Что случилось? — испугалась Анджела.

— Ничего не случилось, — ответил он. — Я нашел лучшую работу.

— Какую?

— Иллюстратором в «Уорлде».

— Когда же ты это придумал? — спросила она, просяв, так как их тяжелое материальное положение страшно угнетало ее.

— Сегодня, и с понедельника уже приступаю к работе. Двадцать пять долларов в неделю — это не то, что девять, не правда ли?

— Еще бы! — улыбнулась Анджела, и слезы радости брызнули у нее из глаз.

Юджин понимал, чем были вызваны эти слезы. Он всячески хотел избежать сейчас неприятных воспоминаний.

— Не плачь, — сказал он. — Все будет хорошо.

— О, я так надеюсь! — пробормотала Анджела, и когда она прижалась к его груди, он ласково погладил ее по голове.

— Ну-ну, полно! Гляди веселей, слышишь? Теперь мы заживем на славу!

Анджела улыбнулась сквозь слезы и живо принялась накрывать на стол.

— Вот уж действительно хорошие новости, — смеясь, заговорила она немного спустя. — Но мы все-таки еще долго будем тратить не больше, чем сейчас. Надо отложить немного денег, чтобы снова не очутиться в таком тяжелом положении.

— Об этом не может быть и речи, — весело отозвался Юджин, — если только я еще не совсем забыл свое ремесло. — И он направился в крохотную комнатку, которая служила ему и для работы, и для отдыха, и для приема гостей, и, развернув газету, принялся насвистывать. Он был так взволнован, что почти забыл про свои огорчения с Карлоттой и вообще про всякие любовные дела. Он снова пойдет в гору и будет счастливо жить с Анджелой. Он станет художником, или дельцом, или

еще кем-нибудь. Взять, например, Хадсона Дьюлу. У него своя литография и квартира на площади Грэмерси. Мог бы жить так кто-либо из художников, которых знает он, Юджин? Едва ли. Надо будет об этом подумать. Да и об искусстве вообще. Все это надо хорошенько взвесить. Может быть, удастся получить место художественного редактора, заняться литографским делом или еще чем-нибудь? Работая на железной дороге, Юджин не раз подумывал о том, что из него вышел бы недурной начальник строительства, если бы он мог целиком этому отдаться.

И Анджела задумалась над тем, что сулит ей перемена в их жизни. Бросит ли Юджин свои дурные повадки? Хватит ли у него характера медленно, но верно продвигаться в гору? Ведь он уже не мальчик. Пора бы ему позаботиться о том, чтобы занять прочное место в жизни, если он вообще надеется чего-нибудь достигнуть. Ее любовь к нему была уже не та, что раньше, негодование и неприязнь отравляли ее временами, но все же Анджела знала, что он нуждается в ее помощи. Бедный Юджин, если бы только судьба не покарала его этой слабостью! Но, может быть, он преодолет ее? — думала Анджела.

ГЛАВА XXXI

Работа в художественном отделе газеты «Уорлд» ничем не отличалась от той, какая у Юджина была лет десять назад в Чикаго. Но, несмотря на весь его опыт, ему сейчас приходилось не легче, чем тогда, а пожалуй, даже и труднее, так как работа не удовлетворяла его, и он чувствовал себя не на месте. Теперь у него появилось желание найти что-нибудь такое, что приносило бы ему вознаграждение в соответствии с его способностями. Сидеть вместе с какими-то мальчишками (были там и люди одних с ним лет и старше его, но не в этом дело) казалось ему унижительным. Он считал, что Бенедикт мог бы отнестись с большим уважением к его таланту и не предлагать ему такое маленькое жалованье. Но в то же время Юджин был благодарен и за это. Он энергично принялся выполнять то, что ему поручали, и поражал своего начальника быстротой, с какою разра-

батывал каждую тему, проявляя при этом необыкновенную изобретательность. На следующий же день он изумил Бенедикта прекрасной фантазией на тему «Черная смерть» — рисунок должен был идти в воскресном номере, к статье об опасностях современных эпидемий. Мистер Бенедикт сразу понял, что ему не удастся удержать Юджина на таком жалованье. Он сделал большую ошибку, назначив ему для начала столь скромную плату, но он боялся, что после серьезной болезни талант Юджина сильно пострадал. Будучи новичком в газетном деле, Бенедикт не знал, как трудно потом добиться повышения жалованья для своих подчиненных: чтобы хлопотать кому-нибудь прибавку в десять долларов, нужно было долго спорить и убеждать заведующего финансовым отделом, а о том, чтобы удвоить или утроить оклад (как в данном случае требовала справедливость), не могло быть и речи. Раньше шести месяцев нельзя было и надеяться на прибавку — таковы были твердые установки главной администрации, но в отношении Юджина это было, конечно, смешно и несправедливо. И все же, поскольку Юджин был болен, он мирился с этой работой, надеясь добиться лучших условий, как только к нему вернутся силы и у него появятся некоторые сбережения.

Анджелу, конечно, радовала перемена в их жизни. Она так долго страдала, так долго ничего не видела впереди, кроме новых невзгод и горя, что для нее было большим утешением ходить по вторникам в банк (Юджин получал жалованье в понедельник) и откладывать по десять долларов про черный день. Они решили, что могут позволить себе тратить шесть долларов в неделю на одежду (в которой оба очень нуждались) и на кое-какие развлечения. Юджин иногда приглашал к обеду кого-нибудь из товарищей по службе и, в свою очередь, получал приглашения вместе с Анджелой. Они уже столько времени обходились без нового платья, без друзей, почти не бывали в театре — нигде! Теперь в их жизни наметился поворот. А вскоре они стали встречаться и с прежними знакомыми, тем более что у Юджина появилось свободное время.

Прошло полгода, в течение которых Юджин тянул лямку в газете; и вот опять, как прежде на железной

дороге, им овладело беспокойство, и наконец наступил момент, когда он почувствовал, что больше ни одной минуты не выдержит такой жизни. Жалованье ему повысили сперва до тридцати пяти, а затем до пятидесяти долларов, но работа казалась до ужаса скучной и с точки зрения искусства насквозь фальшивой. Единственные ощутимые ее результаты заключались в том, что впервые в жизни он получал твердый, хотя и скромный оклад, которого вполне хватало на жизнь, да еще в том, что голова его была всегда занята мыслями о работе и на размышления о себе не оставалось времени. Он работал в огромной комнате с людьми, наделенными чрезвычайно острым чувством юмора, предприимчивыми и смело предъявлявшими к жизни свои требования. Они так же, как и Юджин, мечтали о роскоши и богатстве, с той лишь разницей, что у них было больше веры в себя и зачастую больше той уравновешенности, которую дает идеальное здоровье. Вначале они готовы были заподозрить Юджина в зазнайстве, но постепенно полюбили его — все без исключения. У него была такая подкупающая улыбка, и он больше чем кто-либо умел ценить шутку, а это привлекало к нему всякого, кто мог рассказать хороший анекдот.

«Это надо рассказать Витле», — то и дело слышалось в редакции, и Юджин постоянно кого-нибудь выслушивал. Он приходил домой завтракать то с одним, то с другим приятелем, а то и сразу с тремя или четырьмя, и скоро у Анджелы появилась обязанность дважды, а иногда и трижды в неделю принимать у себя друзей Юджина. Она часто протестовала, и из-за этого происходили ссоры, так как у них не было горничной, и она считала, что Юджин перегружает этими приемами их скромный бюджет. Она хотела, чтобы гости приходили, как принято, по уговору и приглашению, но все чаще случалось так, что Юджин, придя домой, весело кричал ей с порога, что с ним Ирвинг Нелсон, или Генри Хейр, или Джордж Бирс, и только потом, улучив минуту, нервно спрашивал: «Ничего, что я их привел?» Анджела в таких случаях отвечала: «Ну конечно, милости прошу!», — но лишь в присутствии гостей. Когда же они оставались одни, следовали упреки, и слезы, и категорические заявления, что она этого не потерпит.

— Ну, ладно, я больше не буду,— виноватым голосом говорил Юджин.— Я просто забыл.

Однако он хотел, чтобы Анджела наняла горничную и позволила ему приглашать кого угодно. Ему было так приятно сознание, что он снова живет в кругу друзей и что их становится все больше.

Когда Юджину окончательно надоела низкооплачиваемая работа в «Уорлде», он узнал об одном деле, обещавшем гораздо большие возможности в смысле карьеры. Ему не раз приходилось слышать то от одного, то от другого знакомого, какую роль начинает играть искусство в области рекламы. Он прочел несколько статей на эту тему в каком-то второстепенном журнале и время от времени видел любопытные и подчас прекрасно выполненные серии реклам, которые разные фирмы одна за другой стали помещать в периодических изданиях с целью более широкого распространения какого-нибудь продукта. Разглядывая их, Юджин думал, что мог бы создать хорошую серию реклам на любую тему, и задавался вопросом, кто этим ведает. Однажды вечером, возвращаясь с работы вместе с Бенедиктом, он заговорил с ним об этом.

— Видите ли, насколько мне известно,— сказал Бенедикт,— это дело с огромным будущим. В Чикаго есть некий Салджерьян, американский сириец,— то есть отец его был сирийцем, а сам он родился здесь,— так вот он создал колоссальное предприятие, снабжая крупные корпорации художественной рекламой. Он выпустил, например, знаменитую серию «Молли Мэгайр», рекламирующую жидкость для выведения пятен. Не думаю, чтобы он сам непосредственно что-нибудь делал. Он приглашает для этой цели художников, и, как я понимаю, на него работают наши крупнейшие силы. Он берет за такую рекламу большие деньги. Этим делом занимаются также и некоторые рекламные агентства. Одно из них я знаю. Компания Саммерфилд создала у себя специально для этой цели большой художественный отдел. Там постоянно работает от пятнадцати до восемнадцати художников, а иногда и больше. По-моему, есть очень удачные работы. Помните, например, серию реклам «Корно»?

Бенедикт имел в виду пищевой продукт, который

некая фирма рекомендовала американцам к завтраку,— она поместила в печати одну за другой десять прекрасно выполненных и остроумных картинок.

— Помню,— ответил Юджин.

— Ну вот они как раз и выпущены компанией Саммерфилд.

Юджин подумал, что это должно быть исключительно интересное дело. Реклама интересовала его еще в те времена, когда он в Александрии работал наборщиком. Мысль о том, чтобы заняться чем-нибудь подобным, завладела его воображением. Это было самое новое из всего, с чем он сталкивался за последнее время. Может быть, здесь таились и для него какие-то возможности. Картины его оставались непроданными. Приступить к работе над новой серией полотен у него не хватало духу. Если бы ему удалось заработать сперва немного денег, тысяч десять, скажем, чтобы иметь шестьсот — семьсот долларов годового дохода, он, пожалуй, рискнул бы заняться искусством. Слишком уж он настрадался; бедность до такой степени страшила его, что сейчас ему хотелось одного — добиться постоянного заработка или твердого годового дохода.

Как раз в то время, когда Юджин упорно думал об этом, к нему заглянул один художник, который раньше работал в «Уорлде», а теперь перешел в другую газету. Это был молодой человек по имени Моргенбау — Адольф Моргенбау,— очень любивший Юджина и восхищавшийся его талантом. Моргенбау горел желанием сообщить Юджину важную новость: по дошедшим до него слухам, в художественном отделе компании Саммерфилд намечается смена руководства. Он думал, на основании некоторых соображений, что Юджину небезынтересно будет узнать об этом. Моргенбау всегда считал, что Юджину не место в газете. Это не соответствовало ни его уму, ни призванию. Что-то подсказывало молодому человеку, что Юджину предстоит блестящее будущее, и, движимый этой догадкой, он хотел как-нибудь помочь ему и тем завоевать его расположение.

— Мне нужно кое-что рассказать вам, мистер Витла,— сказал он.

— Выкладывайте, я слушаю вас,— улыбнулся Юджин.

— Вы пойдете завтракать?

— Непременно, пошли вместе!

Они отправились завтракать, и Моргенбау сообщил Юджину о том, что слышал. Компания Саммерфилд только что уволила (а может быть, отпустила или не сумела удержать) своего заведующего художественным отделом, чрезвычайно способного человека, по имени Фримен, и теперь ищет ему преемника.

— Почему бы вам не предложить свои услуги? — сказал в заключение Моргенбау. — Вы вполне могли бы справиться с этой работой. То, что вы сейчас делаете, как раз подошло бы для прекрасных реклам. И, кроме того, вы умеете обращаться с людьми. Вас все любят, например, здесь, в газете, вся молодежь любит вас. Почему бы вам не повидаться с мистером Саммерфилдом? Его агентство помещается на Тридцать четвертой улице. Возможно, вы окажетесь для него подходящим работником и получите в свое ведение целый отдел.

Юджин смотрел на Моргенбау и спрашивал себя, что могло ему внушить такую мысль. Он решил немедленно позвонить Дьюле и посоветоваться. Дьюла ответил, что лично он Саммерфилда не знает, но что у них есть общие знакомые.

— Вот что я вам посоветую, Юджин, — сказал он. — Повидайтесь с Бейкером Бейтсом из компании «Сатина». Это на углу Бродвея и Четвертой улицы. У нас крупные дела с этой фирмой, а у нее крупные дела с Саммерфилдом. Я вам сейчас пришлю с рассылным рекомендательное письмо, которое вы захватите с собой, а затем позвоню Бейтсу, и он, вероятно, согласится поговорить с Саммерфилдом. Конечно, он захочет раньше повидать вас.

Юджин горячо поблагодарил и стал с нетерпением ждать письма. Он попросил Бенедикта отпустить его и отправился к мистеру Бейкеру Бейтсу. Последний, достаточно наслышавшись о Юджине от Дьюлы, встретил его очень приветливо. Дьюла рассказал ему, что у Юджина редкостный талант, что сейчас он переживает тяжелый период, но тем не менее прекрасно справляется с работой и будет еще лучше делать свое дело на новом месте, поскольку оно больше ему подходит. На Бейтса произвела очень хорошее впечатление внешность Юджи-

на, так как тот давно сменил костюм «свободного художника» на более солидный. Юджин показался ему человеком способным и, вне всякого сомнения, очень приятным.

— Я поговорю с мистером Саммерфилдом,— сказал он,— но на вашем месте я не стал бы возлагать на это слишком большие надежды. Он человек трудный, и лучше всего не показывать вида, что вам очень хочется поступить к нему. Надо сделать так, чтобы он сам обратился к вам. Подождем до завтра. Я встречу с ним по другому делу, а за завтраком расспрошу, что, и как, и кого он имеет в виду на это место — если он имеет кого-нибудь в виду. Если вакансия действительно открыта, я скажу ему про вас. А дальше видно будет.

Юджин расстался с ним, горячо поблагодарив. Он шел и думал, что Дьюла всегда приносит ему счастье. Не кто иной, как Дьюла в свое время поместил в журнале его первое крупное произведение. Картинами, репродукции которых печатались в его журнале, Юджин завоевал расположение мосье Шарля. Благодаря Дьюле он получил свою теперешнюю работу. Уж не получит ли он, с его легкой руки, и это место?

Возвращаясь в трамвае на работу, Юджин встретил косого парнишку. Кто-то недавно сказал ему, что косоглазые мужчины приносят счастье, а косоглазые женщины — несчастье. Трепет радостного предчувствия пробежал по его телу. Ну, конечно, он получит работу у Саммерфилда и, если это сбудется, окончательно уверует в приметы. Они и раньше оправдывались, но это будет настоящей проверкой. Юджин с веселым видом уставился на мальчика, а тот в ответ выпучил на него глаза и широко улыбнулся.

«Ну, все в порядке,— подумал Юджин.— Место за мной!»

Все же он не был в этом уверен.

ГЛАВА XXXII

«Рекламное агентство Саммерфилда», президентом которого был Дэниел К. Саммерфилд, представляло собою нередко встречающееся в деловом мире явление — некое выражение или даже воплощение одной недюжин-

ной личности. Идеи, темперамент и энергия мистера Дэниела К. Саммерфилда — вот в сущности чем определялась и исчерпывалась деятельность его рекламного агентства. Правда, этот человек содержал огромный штат — агенты по сбору объявлений, составители реклам, финансовые работники, художники, стенографистки, счетоводы и т. д., — но все они были в своем роде эманацией или излучением личности Дэниела К. Саммерфилда. Это был подвижной человек маленького роста, черноглазый и черноусый, с оливковым цветом лица и ровным рядом красивых (хоть и смахивающих порой на волчьи) белых зубов, выдававших его алчную, ненасытную натуру.

Мистер Саммерфилд поднялся к богатству — или по крайней мере благосостоянию — из глубочайшей бедности, и при этом способом самым элементарным: собственными усилиями. В штате, где он родился, — в Алабаме, — семью его, те немногие, кому она была известна, причисляли к «белой голи». Отец его был нерадивым полунщиком хлопководом-арендатором, снимавшим с акра разве что один бушель. Он плелся за тощим мулом, еле державшимся на ногах от старости и усталости, по бороздам своего еще более тощего поля и вечно жаловался на боль в груди. Его медленно точила чахотка, или это только так казалось ему, — не важно, ибо суть дела от этого не меняется. Вдобавок он страдал солитером, хотя этот паразитический возбудитель неизлечимой усталости еще не был в те времена открыт и не получил еще имени.

Дэниел Кристофер, его старший сын, не получил почти никакого образования, так как семи лет от роду был отдан на хлопчатобумажную фабрику. И тем не менее очень скоро оказался главой и разумом своей семьи. В течение четырех лет он работал на фабрике, а потом благодаря своей исключительной смывлености получил место в типографии викхемской газеты «Юнион», где так понравился своему тугодуму-хозяину, что в конце концов сделался главным мастером наборной, а затем и управляющим. В то время он ничего еще не понимал ни в типографском, ни в издательском деле, но тот небольшой опыт, который он получил в газете, раскрыл ему глаза. Он сразу сообразил, что представляет собою

газетное дело, и решил им заняться. Позже, когда он подрос, он обратил внимание на то, как мало людей разбирается в рекламном деле, и решил, что именно он призван навести здесь порядок. Мечтая о широком прищѣ, на котором можно было бы по-настоящему развернуться, он немедленно приступил к подготовке, читал по возможности все, что было когда-либо написано о рекламе, и учился искусству показывать вещи с самой выгодной стороны и писать о них так, чтобы это запечатлевалось в памяти. Он прошел такую жизненную школу, как вечные драки со своими подчиненными (однажды он сбил рабочего с ног ударом тяжелого гаечного ключа), постоянные пререкания с отцом и матерью, когда он говорил им в лицо, что они ничего не стоят и что для них же было бы лучше поучиться у него уму-разуму. Он ссорился с младшими братьями, стараясь подчинить их себе, и ему удалось достичь этого в отношении самого младшего — главным образом, по той простой причине, что тот глупо и безоглядно к нему привязался. Этого младшего брата он впоследствии взял к себе в рекламное дело. Он ревностно копил гроши, которые зарабатывал, часть их вложил в расширение газеты «Юнион» и, кроме того, купил своему отцу ферму в восемь акров и сам же показал ему, как ее надо эксплуатировать; но в конце концов решил податься в Нью-Йорк и связаться там с каким-нибудь крупным рекламным концерном, в котором можно почерпнуть полезные сведения по единственному интересовавшему его вопросу. К тому времени он был уже женат и привез с собой в Нью-Йорк молодую жену-южанку.

Вскоре Саммерфилд поступил в одну крупную фирму агентом по сбору объявлений и быстро пошел в гору. Он всегда мило улыбался, был вкрадчив и настойчив и так умел очаровать клиента, что заказы сами шли к нему в руки. Он сделался «столпом» фирмы, и Альфред Кукмэн, ее владелец и управляющий, стал подумывать, как бы удержать Саммерфилда у себя. Но ни один человек, ни одна фирма не могли удержать надолго Дэниела К. Саммерфилда, стоило ему только понять, что он способен на большее. За два года он овладел всем, чему мог научить его Альфред Кукмэн, и еще многим, чему последний не мог его научить. Он знал своих клиентов

и их требования и недостатки в работе фирмы Кукмэна. Он предугадал появление художественной рекламы на товары первой необходимости и решил заняться именно этой отраслью. Для этого нужно было основать агентство, которое сумело бы дать своим заказчикам такую действенную и эффектную рекламу, чтобы всякий, кому она будет по карману, получал от нее значительную выгоду.

В то время, когда Юджин впервые услышал о фирме Саммерфилда, она существовала уже шесть лет и дело быстро росло. Это было крупное предприятие, приносящее большие доходы и отличавшееся той же энергией и напористостью, что и сам его владелец. Когда вопрос касался судьбы отдельного человека, Дэниел К. Саммерфилд не знал пощады. Он изучил биографию Наполеона и пришел к выводу, что жизнь отдельного человека ровно ничего не стоит. В деловых отношениях жалость представлялась ему чем-то совершенно неуместным. Всякие разговоры о чувстве он считал глупой болтовней. Важно лишь нанимать нужных людей, платить им возможно меньше, выжимать из них все соки и немедленно гнать тех, кто в результате напряженной работы обнаруживает малейшие признаки изношенности. За пять лет у него перебывало пять заведующих художественным отделом; он нанимал и, как он выражался, гнал взащей бесконечное множество агентов по сбору объявлений, составителей реклам, бухгалтеров, стенографисток, художников, выбрасывая за дверь всякого, кто выказывал малейшие признаки неспособности или нерадивости. Огромный зал на первом этаже, занятый его конторой, мог бы по праву считаться образцом чистоты и порядка,—если хотите, даже красоты, с коммерческой точки зрения,—но это были чистота, порядок и красота бездушной, хорошо налаженной и хорошо смазанной машины. Дэниел К. Саммерфилд был в сущности и сам такой машиной,—он давным-давно решил, что именно таким и нужно быть, если не хочешь потерпеть поражение в жизни, оказаться в дураках и стать жертвой мошенников. Он считал, что это делает ему честь.

Мистер Бейкер Бейтс, отправившийся по просьбе Хадсона Дьюлы позондировать почву насчет вакансии,

о которой ходили слухи (и которая действительно имелаась), попал к мистеру Саммерфилду в чрезвычайно благоприятную минуту,— тот как раз вел переговоры насчет двух очень крупных заказов, выполнение которых должно было потребовать известной фантазии и вкуса. А он как на грех лишился своего заведующего художественным отделом из-за размолвки, вышедшей у них в связи с выполнением одного старого контракта. Правда, во многих случаях — можно даже сказать, в большинстве случаев — его клиенты сами знали, что они хотят сказать и как они хотят это выразить, но все же далеко не всегда. Обычно они охотно прислушивались ко всяким советам, исправлениям и переделкам, а в ряде случаев, когда речь шла о крупном заказе, целиком поручали его агентству Саммерфилда на его просвещенное усмотрение. Поэтому фирме необходимо было иметь людей, достаточно сведущих и в изготовлении реклам, и в том, как и где их разместить. И как раз в изготовлении реклам очень важно было участие способного заведующего художественным отделом.

Как уже говорилось, Саммерфилд за пять лет сменил пятерых заведующих художественным отделом. И всякий раз он применял чисто наполеоновский метод, бросая в прорыв человека со свежим, неутомленным воображением, а едва тот обнаруживал малейшие признаки усталости, преспокойно вышвыривал его вон. Этот метод работы не допускал никакой жалости или угрызений совести. «Я нанимаю хороших работников и плачу им хорошие деньги,— было любимым доводом Саммерфилда.— Почему же мне не ожидать хороших результатов?» Если же он бывал расстроен или взбешен какой-нибудь неудачей, он умел выражаться и по-другому: «Будь они прокляты, эти безмозглые маляры! Чего от них ждать? Кроме своих жалких идей насчет того, как что должно выглядеть, они ровно ничего не понимают! Они ничего не смыслят в жизни! В этом они, черт их побери, просто дети малые! С какой же стати считаться с их мнением? Кому какое дело до них? Они у меня вот где сидят!» Мистер Дэниел К. Саммерфилд очень любил прибегать к крепким словечкам, но это было у него скорее скверной привычкой, чем проявлением злобного характера; однако портрет его был бы неполон без некоторых образчиков его излюбленных выражений.

Когда Юджин впервые услышал об агентстве Саммерфилда, хозяин этой фирмы как раз думал о том, как ему быть с двумя новыми контрактами, о которых говорилось выше. Заинтересованные фирмы с нетерпением ждали его предложений. Одна из них ставила себе целью распространение по всей стране сахара новой марки, другая — ознакомление Америки и других стран с несколькими сортами французских духов, сбыт которых в значительной степени зависел от того, насколько заманчиво они будут преподнесены непосвященным. Духи предполагалось рекламировать не только в Соединенных Штатах и Канаде, но и в Мексике. В обоих случаях получение контрактов зависело от того, одобрят ли клиенты представленные Саммерфилдом эскизы газетной, трамвайной и уличной реклам. Дело было нелегкое, но оно могло принести в конечном итоге тысяч двести дохода, и мистеру Саммерфилду, естественно, было весьма желательно, чтобы человек, который возглавит его художественный отдел, обладал большой энергией и талантом, даже гением, если возможно, и своими идеями помог бы ему пожать золотой урожай.

Найти подходящего человека было, конечно, трудно. Последний, кто занимал эту должность, удовлетворял его не вполне. Человек солидный, с большим чувством собственного достоинства, он был вдумчив, внимателен и обладал большим вкусом и пониманием того, какими способами, применительно к обстоятельствам, можно внедрить в сознание публики те или иные несложные идеи; единственно, чего ему не доставало, это полета фантазии. В сущности ни один из тех, кто когда-либо занимал пост заведующего художественным отделом, не удовлетворял мистера Саммерфилда. Все они, по его мнению, были «слабачки», «шарлатаны», «мошенники», «мыльные пузыри» — иначе он и не называл их. А между тем требования к ним предъявлялись огромные. Всякий раз, когда мистер Саммерфилд старался создать рынок для какого-нибудь товара, он ставил перед их изобретательностью ряд труднейших задач, добиваясь бесчисленных предложений фирме относительно того, как привлечь внимание потребителя к выпускаемой ею продукции. Иногда это был легко запоминающийся и броский текст, вроде: «Как Вам Нравится Новое

Мыло?» Или: «Вы Видели Сорезду? — Она Красная». Иногда цель достигалась изображением на плакате, с соответствующей объяснительной надписью, руки, пальца, рта или глаза. Когда речь шла о сугубо прозаическом продукте, нужно было дать столь же прозаическое изображение, сделанное четко, ярко, привлекательно. В большинстве случаев, однако, требовалось нечто совершенно оригинальное, так как, согласно теории мистера Саммерфилда, его рекламы должны были не только бросаться в глаза, но и запечатлеваться в памяти, доводя до сознания зрителя факты, к которым он уже не мог оставаться равнодушным. Это был поединок с одной из наименее изученных и весьма интересных сторон человеческой психики.

Последний заведующий художественным отделом, Олдер Фримен, оказался по-своему весьма полезен мистеру Саммерфилду. Он окружил себя одаренными художниками — людьми, которые временно переживали тяжелую полосу и так же, как Юджин, мирились с подобной службой, — и из них настояниями, лестью, наглядным примером и всякими другими средствами он выколачивал немало интересных идей. Их рабочий день был с девяти до половины шестого, оклад они получали скудный — от восемнадцати до тридцати пяти долларов (только настоящие мастера своего дела получали изредка пятьдесят — шестьдесят) и были загружены до крайности. Их труд учитывался по специальной шкале, показывавшей, сколько каждый из них выработал за неделю и во что фирма оценивает его услуги. Идеи, которые они разрабатывали, принадлежали большей частью заведующему художественным отделом или же самому мистеру Саммерфилду, хотя зачастую они и сами выдвигали интересные предложения. Но заведующий художественным отделом в известной мере нес личную ответственность за должное выполнение работы, за время, на нее потраченное, и за неудачи. Он не мог показать хозяину рисунок, плохо осуществлявший хорошую идею, или же предложить ему плохую идею, когда требовалось нечто исключительное, — тогда бы он долго не удержался на своем месте. Мистер Дэниел К. Саммерфилд был слишком хитер и слишком требователен. Энергия его была неистощима. По его мнению, обязанность заведующего художественным отделом состояла в том, чтобы давать

хорошие идеи для хороших рисунков и заботиться о быстром и безупречном их выполнении.

Все, что не соответствовало этим требованиям, мистер Саммерфилд объявлял безнадежным браком и при этом не стеснялся в выражениях. Иначе говоря, он временами бывал нестерпимо груб.

— На кой черт нужна мне такая мазня! — кричал он Фримену. — Да я мог бы добиться бóльших результатов от последнего мусорщика. Нет, вы только взгляните на руки этой женщины! Посмотрите на ее уши! Кто согласится принять такую вещь! Это мертвечина! Дрянь! Что за бараны у вас работают, хотел бы я знать? Если «Рекламное агентство Саммерфилда» не может дать ничего лучшего, мне остается только закрыть лавочку. Ведь не пройдет и шести недель, как мы станем всеобщим посмешищем! Вы, Фримен, лучше не пытайтесь подсовывать мне такой хлам! Вы сами должны понимать, что наши клиенты не потерпят ничего подобного. Проснитесь, Фримен! Я плачу вам пять тысяч в год. Каким же образом, по вашему мнению, окупятся мои затраты при таких порядках? Вы попросту выбрасываете мои деньги на ветер. Вы зря тратите время, если позволяете кому-то рисовать подобные вещи, черт возьми!

Заведующий художественной частью, кто бы он ни был, постепенно приучившись к грубому обращению, обычно смиренно выслушивал эти оскорбительные тирады. Проработав у Саммерфилда известный срок, он оказывался в роли человека, продавшегося в рабство: он привыкал к комфорту, который давало ему его жалованье, комфорту, о каком он раньше, возможно, и не мечтал, и ему уже казалось, что иначе он не умеет жить. Где еще мог он надеяться получить за свою работу пять тысяч долларов в год? Как сможет он существовать, привыкнув жить на широкую ногу, если потеряет это место? Художественных отделов, которые нуждались бы в заведующих, было не так уж много; люди, могущие с успехом занять этот пост, не такая уж редкость. Если человек этот вообще способен был думать и если он не был гением, отмеченным свыше, невозмутимым в сознании своего высокого дарования, — ему оставалось только волноваться, мучиться, покорно склонять голову и терпеть. Большинство людей при подобных обстоятельствах именно так и поступают. Они крепко

думают раньше, чем бросить в лицо своим притеснителям хотя бы ничтожную часть выслушанных от них оскорблений и грубостей. К тому же нельзя забывать, что в предъявляемых им упреках обычно есть и какая-то доля правды. Такие встряски полезны людям, они толкают их на путь совершенствования. Мистер Саммерфилд это знал. Он знал также, под каким гнетом нужды и вечного страха живет большинство его подчиненных, а может быть, и все. И его нисколько не мучили угрызения совести, когда он прибегал к этому оружию, как сильный человек, пускающий в ход дубину. Он и сам прожил нелегкую жизнь и ни в ком не встречал сочувствия. А кроме того, он считал, что если хочешь преуспеть, нельзя поддаваться состраданию. Лучше смотреть фактам в лицо, иметь дело с исключительно способными людьми, без колебания освобождаться от всех, кто не знает своего дела в совершенстве, и идти по линии наименьшего сопротивления, только когда сталкиваешься с более сильным противником. Пусть люди строят себе всевозможные иллюзии хоть до второго пришествия, но дела следует вести именно так, и именно так он и предпочитал их вести.

Эти деловые принципы, утвердившиеся в фирме Саммерфилда, были неизвестны Юджину. Мысль о работе в ней была подана ему так внезапно, что ему некогда было раздумывать; но, будь даже у него время, ничего от этого не изменилось бы. Жизненный опыт научил Юджина, как учит всякого, что слухам и пересудам доверять не следует. Узнав про это место, он тотчас же решил предложить свои услуги и надеялся, что его возьмут. Бейкер Бейтс на следующий же день заговорил о нем с мистером Саммерфилдом во время завтрака.

— Кстати,— сказал он (это было совсем не кстати, так как он только что обсуждал с мистером Саммерфилдом вопрос о том, каковы шансы на распространение его продукции в Южной Америке),— вам случайно не требуется заведующий художественным отделом?

— Всяко бывает,— осторожно ответил мистер Саммерфилд, считавший, что мистер Бейкер Бейтс очень мало разбирается в том, что должен представлять собой заведующий художественным отделом, да и вообще в этой стороне рекламного дела. Возможно, мелькнула

у него мысль, Бейтс слышал о его затруднениях и намерен подсунуть ему кого-нибудь из своих друзей — человека, ничего, конечно, в этом не смыслящего. — А почему это вас интересует?

— Видите ли, я только что говорил с Хадсоном Дьюлой, управляющим литографией, и он мне рассказал про одного человека, который работает в «Уорлде» и мог бы вам быть очень полезен. Я немного знаю его. Он несколько лет назад написал ряд прекрасных видов Нью-Йорка и Парижа. Дьюла говорит, что это были замечательные вещи.

— Молодой? — прервал его Саммерфилд, что-то мысленно прикидывая.

— Да, относительно, — лет тридцать, тридцать два.

— И он хочет заведовать художественным отделом? А чем он сейчас занимается?

— Он работает в «Уорлде», но, насколько я понимаю, собирается уходить оттуда. Помнится, вы в прошлом году говорили, что ищете такого человека, вот я и подумал, что это может вас заинтересовать.

— А как он попал в «Уорлд»?

— Он, кажется, болел и теперь постепенно становится на ноги.

Это объяснение показалось Саммерфилду достаточно правдоподобным.

— Как его зовут? — спросил он.

— Витла, Юджин Витла. Несколько лет назад в одной из художественных галерей была выставка его картин.

— Боюсь я этих настоящих знаменитых художников, — брюзгливо сказал Саммерфилд. — Они обычно до того помешаны на своем искусстве, что с ними невозможно сговориться. Для моей работы нужен человек с трезвым, практическим умом. Не дурак и не рохля. Он должен быть хорошим начальником, хорошим администратором. Одного таланта к живописи недостаточно. Хотя, конечно, у него должен быть и талант, по крайней мере, в чужой работе он должен уметь разобраться. Ну что ж, пришлите его ко мне, если вы его знаете. Я не прочь поговорить с ним. Мне, возможно, скоро понадобится такой работник. Я подумываю о кое-каких изменениях в штате.

— Если увижу, пошлю, — сказал Бейкер безразличным тоном и больше уже не заводил разговора на эту тему. На Саммерфилда, однако, имя Юджина произвело известное впечатление. Где он слышал его? Оно наверняка ему знакомо. Пожалуй, надо бы разузнать про этого Витлу.

— Когда будете посылать его ко мне, дайте ему рекомендательное письмо, — поспешил он добавить, пока Бейтс не забыл об их разговоре. — Столько народу пытается пролезть ко мне, что я могу и забыть.

Бейкер сразу понял, что Саммерфилду очень хочется повидать его протеже. Он в тот же день продиктовал стенографистке рекомендательное письмо и отправил его Юджину.

«Насколько я могу судить, — писал он, — мистер Саммерфилд склонен принять Вас для переговоров. Я бы советовал Вам повидаться с ним, если Вас это интересует. Предъявите прилагаемое письмо. Преданный Вам и проч.».

Юджин с изумлением взглянул на письмо и вдруг почувствовал, что может заранее предсказать исход дела. Судьба благоприятствует ему. Он получит это место. Странная штука жизнь! Вот он сидит в «Уорлде» и работает за пятьдесят долларов в неделю и вдруг, прямо с неба, сваливается на него место заведующего художественным отделом, то есть то, о чем он мечтал годами. Он решил немедленно позвонить мистеру Дэниелу Саммерфилду, чтобы сказать ему о письме мистера Бейкера Бейтса и спросить, когда тот может его принять. Но затем подумал, что не стоит зря тратить время, а лучше прямо пойти и предъявить письмо. В три часа дня он получил от Бенедикта разрешение отлучиться с работы до пяти, а в половине четвертого был уже в приемной «Рекламного агентства» и с нетерпением ожидал разрешения войти в кабинет его главы.

ГЛАВА XXXIII

Когда мистеру Дэниелу К. Саммерфилду доложили о Юджине, он не был занят ничем особенно спешным, но решил, по своему обыкновению, заставить просителя подождать. И Юджин ждал целый час, после чего один

из клерков сообщил ему, что, к сожалению, неотложные дела задержали мистера Саммерфилда и он не может принять его сегодня. Он будет рад, однако, видеть его завтра в двенадцать часов. На следующий день Юджин был, наконец, допущен к мистеру Саммерфилду и с первого же взгляда понравился ему. «Малый с головой,— подумал тот, откидываясь в кресле и уставившись на Юджина,— и, кажется, не робкого десятка. Молод, глаза открыты настежь, быстро соображает, приятен на вид. Возможно, что я нашел, наконец, человека, из которого выйдет хороший заведующий художественным отделом». Он улыбнулся,— мистер Саммерфилд всегда был очень мил при первом знакомстве, и особенно к людям, желавшим поступить к нему на работу.

— Садитесь! Садитесь! — пригласил он Юджина, и тот сел, охватив взглядом дорогие обои на стенах, большой мягкий светло-коричневый ковер на полу и письменный стол красного дерева, покрытый толстым стеклом и уставленный всякими принадлежностями из серебра, слоновой кости и бронзы. Мистер Саммерфилд показался ему чрезвычайно проницательным и энергичным человеком; внешне он чем-то напоминал японскую резную фигурку из твердого и гладкого дерева.

— Ну-с, а теперь расскажите мне подробно о себе,— начал Саммерфилд.— Откуда вы? Кто вы? Чем занимались раньше?

— Полегче, полегче! — непринужденно и добродушно ответил Юджин.— К чему такая спешка? Моя жизнь не бог весть как сложна. Биография у меня простая и короткая, как у всякого бедняка. Ее можно рассказать в двух словах.

Саммерфилд несколько опешил от этой резкости, вызванной в сущности его же собственным тоном, однако ничуть не рассердился. В этом было что-то для него новое. Проситель несколько не рсбел и, по-видимому, даже не волновался. «Чудаковат,— подумал он,— но в меру. Очевидно, человек, выдавший виды. Держит себя свободно и не злой».

— Ну, я вас слушаю,— сказал он, улыбнувшись. Ему очень понравилось, что Юджин не торопится. У этого человека было чувство юмора, а такой черты Саммерфилд до сих пор не встречал в заведующих художественным отделом. Насколько он мог припом-

нить, ни у одного из предшественников этого кандидата не было ни крупицы юмора.

— Итак, я художник,— начал Юджин,— работаю в «Уорлде». Надеюсь, это не будет поставлено мне в минус.

— Не будет,— сказал мистер Саммерфилд.

— И я хочу заведовать художественным отделом, так как думаю, что из меня выйдет хороший заведующий.

— Почему вы так думаете? — спросил Саммерфилд, любезно ослабившись.

— Видите ли, я люблю руководить людьми,— или так по крайней мере мне кажется. И умею завоевывать их расположение.

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен. Во-вторых, та мелкая работа, которую я сейчас выполняю, не соответствует моим познаниям и опыту в области искусства. Я способен на гораздо большее.

— Это мне тоже нравится,— одобрил Саммерфилд.

Слушая Юджина, он думал о том, что человек этот очень привлекателен, немного, пожалуй, бледен и чересчур худощав для роли энергичного начальника, но, может быть, это только кажется. Волосы у него слишком длинные. И манеры, возможно, немного развязны. Но все же он ничего. Зачем только он носит мягкую шляпу? Почему художники непременно носят мягкие шляпы, во всяком случае, большинство художников? Это придает им такой комичный и неделовой вид.

— Сколько вы получаете сейчас, если дозволено будет спросить?

— Меньше, чем я заслуживаю,— ответил Юджин.— Всего пятьдесят долларов в неделю. Но я согласился на это, так как рассматривал свою работу как средство для поправления здоровья. У меня было несколько лет назад сильное нервное расстройство. Теперь мне много лучше, и я не хочу оставаться на этой работе. Заведование же художественным отделом — мое призвание, так по крайней мере мне кажется. И вот я здесь, к вашим услугам.

— Вы хотите сказать, что раньше никогда не заведовали отделом? — спросил Саммерфилд.

— Никогда.

— Понимаете ли вы что-нибудь в рекламном деле?

— Когда-то мне казалось, что понимаю.

— Давно это было?

— Когда я работал в газете «Морнинг Эппил» в Александрии, штат Иллинойс.

Саммерфилд не мог удержаться от улыбки.

— Это, надо полагать, такой же крупный орган, как и викхемская «Юнион»? И, надо полагать, с такой же обширной сферой влияния?

— О, с гораздо большей, с гораздо большей,— невозмутимо отозвался Юджин.— Из всех провинциальных газет к югу от Сангамона александрийская «Морнинг Эппил» выходила самым большим тиражом.

— Понятно, понятно,— шутливым тоном согласился Саммерфилд.— То же самое можно сказать и про «Юнион». Но как же случилось, что вы разуверились в своем призвании к рекламе?

— Во-первых, я стал немного старше,— сказал Юджин.— А затем я решил, что мне суждено сделаться великим художником. Я приехал в Нью-Йорк и в горячке растерял все свои идеи относительно рекламы.

— Понимаю.

— Но, хвала небу, я опять нашел их,— теперь они у меня всегда при себе. И вот я здесь.

— Знаете, Витла, откровенно говоря, вы на обыкновенного и вполне надежного заведующего художественным отделом мало похожи. Но, возможно, что вы и справитесь. Если исходить из утвердившихся у нас здесь вкусов, вы, пожалуй, недостаточно «брызжете талантом». Все же я не прочь пойти на отчаянный риск. Вероятно,— как это всегда случалось,— я буду потом раскаиваться, но я так часто раскаивался, что пора мне уже привыкнуть к этому. Все мое тело покрыто болячками от укусов ос, которых я принимал за пчел. Но предположим, что вы получите в свое ведение настоящий, в натуральную величину художественный отдел,— что, по-вашему, можете вы с ним сделать?

Юджин подумал, раньше чем ответить. Эта пикировка забавляла его. Он чувствовал, что теперь, поговорив с ним, Саммерфилд его возьмет.

— Прежде всего я получил бы жалованье, а затем позаботился бы о том, чтобы допуск ко мне в кабинет был обставлен должным образом,— чтобы каждый, кто

захочет меня видеть, думал, что я английский король... А потом уж...

— Я действительно был вчера занят,— извиняющимся тоном вставил Саммерфилд.

— Нисколько в этом не сомневаюсь,— весело ответил Юджин.— И, наконец, если бы меня хорошенько попросили, я снизошел бы до того, чтобы немного поработать.

Эта манера разговаривать и раздражала, и забавляла Саммерфилда. Он любил людей с характером. С человеком, который не трусит даже в том случае, когда не знает по-настоящему, как взяться за дело, можно будет сговориться. А у Юджина был, очевидно, изрядный запас знаний. К тому же его манера говорить и вести себя была сродни саркастическому и полушутливому тону самого Саммерфилда. В устах Юджина насмешка звучала значительно мягче, чем в его собственных, но это был тот же веселый, подтрунивающий тон. Он решил, что Юджин ему подходит. Во всяком случае, испытать его нужно, и немедленно.

— Вот что я вам скажу, Витла,— сказал он наконец.— Я не знаю, справитесь вы с этим делом или нет,— весьма вероятно, что не справитесь,— но у вас есть, по видимому, кое-какие идеи или они могут возникнуть под моим руководством, и я, пожалуй, дам вам возможность показать себя. Заметьте, однако, что большой уверенности в успехе у меня нет. Личные симпатии обычно роковым образом подводят меня. Но как бы там ни было, вы здесь, вы мне нравитесь, никого другого у меня нет на примете, так что...

— Благодарю,— сказал Юджин.

— Не благодарите. Вам предстоит тяжелая работа, если я решусь вас взять. Это не детская забава. Однако не мешает вам, пожалуй, пойти со мной и взглянуть на нашу контору.— И он повел Юджина в огромный главный зал, где в это время находилась лишь часть служащих (перерыв на завтрак еще не кончился), но по всему видно было, какое это внушительное предприятие.

— Здесь работают семьдесят два человека — стенографистки, счетоводы, агенты по сбору объявлений, составители реклам и коммерческие консультанты,— заметил он, сопровождая свои слова небрежным жестом, и двинулся дальше по направлению к художественному

отделу, расположенному в другом корпусе, окна которого выходили на север и восток.— А вот это интересный вас отдел,— сказал он, распахивая дверь в комнату, в которой стояло тридцать два рабочих стола и столько же мольбертов. Большинство художников ушли завтракать. Юджин был изумлен.

— Неужели вы столько народу держите? — спросил он, чрезвычайно заинтересованный.

— От двадцати до двадцати пяти человек постоянно, а иногда и больше,— ответил Саммерфилд.— Часть работы мы отдаем на сторону. Все зависит от степени загруженности.

— И сколько вы, как правило, платите?

— Это, видите ли, смотря кому. Вам я думаю положить для начала семьдесят пять долларов в неделю, если мы договоримся. Если вы оправдаете мои надежды, я через три месяца повышу ваш оклад до ста долларов в неделю. А дальше видно будет. Другие столько не получают. Это вам подтвердит управляющий конторой.

Юджин понял, что Саммерфилд увиливает от прямого ответа, и слегка сощурил глаза. Все же здесь перед ним открывались большие возможности. Семьдесят пять долларов много лучше, чем пятьдесят, тем более что в дальнейшем эта сумма может увеличиться. Он будет сам себе хозяин, человек с весом. Он не мог не испытать горделивого трепета при виде комнаты, которую показал ему Саммерфилд, заметив, что здесь, если они договорятся, будет его кабинет. В ней стоял огромный письменный стол полированного дуба и несколько обитых кожей стульев. На стенах были развешаны эскизы, на полу лежал прекрасный ковер.

— Вот где вы будете работать, если поступите к нам,— повторил Саммерфилд.

Юджин огляделся по сторонам. Действительно, в его жизни наступил просвет. Как ему получить это место? От чего это зависело? Мысли его забежали далеко вперед, и он уже представлял себе, какие это внесет изменения в их домашний быт: у Анджелы будет хорошая квартира, она сможет лучше одеваться, расширится круг их знакомств и развлечений, они избавятся от вечных забот о будущем. Ясно, что такое место скоро повлечет за собой и текущий счет в банке.

— Большой у вас оборот? — любопытствовал Юджин.

— Как сказать — миллионов около двух в год.

— И вы делаете эскизы к каждой рекламе?

— Обязательно. И не один, а иногда шесть, а то и восемь. Все зависит от заведующего художественным отделом. Если он работает как следует, он сберегает мне немало денег.

Юджин понял, что это намек.

— Что случилось с моим предшественником? — спросил он, заметив, что на двери еще значится имя Олдера Фримена.

— Он сам уволился, — сказал Саммерфилд, — вернее, он понял, что его ждет, и предпочел уйти под добру-здорову. Он никуда не годился. Слунтяй, каких мало. Такую работу мне подсовывал, что просто смешно, — некоторые вещи приходилось переделывать по восемь, по девять раз!

Так вот какие трудности, какие обиды и нарекания ждут его здесь! Саммерфилд — черствый человек, это ясно. Пусть он сейчас смеется и шутит, но рука его будет давить на всякого, кто займет у него пост заведующего. На мгновение у Юджина шевельнулась мысль, что ему не справиться, что лучше даже не пытаться, но затем он подумал: «А почему бы и нет? Ведь я же ничем не рискую. В случае неудачи у меня всегда останется мое искусство».

— Итак, все ясно, — сказал он. — Если я провалюсь, меня, надо полагать, ждет дверь?

— О нет, далеко не так просто — мусорный ящик, — усмехнулся Саммерфилд.

Юджин обратил внимание, как он ласкнул при этом зубами, словно норовистая лошадь; этот человек, казалось, излучал энергию. Ответ Саммерфилда заставил его вздрогнуть. Он вступал в атмосферу беспощадной борьбы. Здесь ему придется драться за жизнь, это ясно.

— Ну вот, — продолжал Саммерфилд, когда они, не торопясь, возвращались в его кабинет. — Мы могли бы с вами сделать следующее. У меня есть на руках два предложения — одно от парфюмерной компании Сэнд, другое от Американской сахарной компании. Обе фирмы согласны заключить со мной крупные контракты, если

мне удастся представить им подходящие идеи для реклам. Компания Сэнд ждет от меня образцов этикеток для флаконов, газетных объявлений, афиш, трамвайных плакатов и тому подобного. А сахарозаводчики хотят распространять свой товар небольшими пакетами, — сахарный песок, пудру, кубики, шестигранники. Им нужны эскизы пакетов и этикеток, плакатов и прочего. Вся суть в том, чтобы при минимальных размерах реклам дать максимум оригинальности, простоты и эффекта. В таких вещах, надо вам сказать, я завишу от того, что скажет мой заведующий художественным отделом. Я вовсе не требую, чтобы он все делал сам. Напротив, я во всякое время здесь и рад помочь ему. У меня в отделе коммерческой консультации сидят ребята, каждый просто кладезь новых идей, но заведующий художественным отделом должен нам помогать. Он-то и должен обладать вкусом и облекать в окончательную форму поданные ему мысли. Я предложил бы вам разработать эти две темы, — посмотрим, что у вас получится. Принесите мне эскизы. Если они придутся мне по вкусу и я увижу, что вы подошли к делу правильно, место за вами. Если же нет, вы этого места не получите и ничем не пострадаете. Идет?

— Идет, — отозвался Юджин.

— Можете посмотреть вот это, — сказал Саммерфилд, подавая ему кипу каталогов, проспектов и брошюр. — Возьмите с собой, а потом вернете.

Юджин встал.

— Мне понадобится на это дня два-три, — сказал он. — Задача для меня новая. Я не уверен, конечно, но думаю, что дам вам несколько хороших идей. Так или иначе, я попробую.

— Валяйте несите, — сказал Саммерфилд. — И чем больше, тем лучше. Принесете, тогда поговорим. Пока у меня тут есть человек — помощник Фримена, временно заведующий отделом. Желаю успеха! — и он небрежно помахал ему на прощанье.

Юджин ушел. Впервые в жизни встречал он такого человека — черствого, холодного, практичного! Для Юджина это было вновинку. Он был поражен — главным образом, вследствие неопытности. Ему не приходилось еще вступать в поединок с деловым миром, в который вынужден вступать всякий, кто пускается в круп-

ную игру. Этот человек уже разбередил ему душу, внушил ему сознание величия его нового дела, заставил поверить, что мирное царство искусства — глухое захолустье, где люди осуждены на прозябание. Все, кто вершит большие дела, кто находится в первых рядах, это бойцы, как Саммерфилд, — простые дети земли, беспощадные, надменные, хладнокровные. Если бы он, Юджин, мог стать таким! Если бы он умел быть сильным, властным, дерзким! Не колебаться, не отступать, а стоять, не дрогнув перед целым миром, и подчинять себе людей. О, какие горизонты открывались перед ним!

ГЛАВА XXXIV

Эскизы рекламы для товаров «М. Сэнд и К°» и «Американской сахарной компании», которые Юджин представил своему будущему патрону, были очень своеобразны. Как уже говорилось, Юджин обладал богатой, искрящейся фантазией, и, когда он был здоров, идеи так и теснились в его голове и без всяких усилий принимали зримую форму. Мистеру Саммерфилду требовались трамвайные плакаты, афиши и газетные объявления всевозможных размеров, и от Юджина он ожидал не столько текста или подбора шрифтов, сколько художественной выдумки и яркости исполнения. В каждом отдельном случае надо было довести до сознания покупателя одну определенную мысль — с помощью яркого, обращающего на себя внимание рисунка или эскиза. Юджин отправился домой и сначала взялся за рекламу для сахара. Он ничего не сказал Анджеле о цели своей работы, чтобы потом не пришлось разочаровать ее, а сделал вид, будто занялся набросками просто так, для собственного удовольствия, но с тем, чтобы потом за небольшую плату предложить их какой-нибудь компании. При свете рабочей лампы под зеленым абажуром он рисовал руки, захватившие квадратные кусочки сахара серебряными или золотыми щипчиками или просто пальцами; сахарницы, до краев наполненные блестящими кристалликами сахарного песка; синюю с золотом чашку и шестигранный кусочек сахара на белоснежной скатерти и многое другое в том же роде. Работа двигалась быстро и легко, и когда на одну эту тему у Юд-

жина набралось штук тридцать пять набросков, он переключил свое внимание на парфюмерию.

Сначала его смутило то, что он не знает флаконов, выпускаемых компанией, но потом он сам придумал оригинальные образчики флаконов — некоторые из них были впоследствии приняты фирмой для производства. Он набросал для собственного развлечения несколько эскизов коробочек с этикетками, а затем сделал ряд композиций — например: коробка, флакон, изящный носовой платок и белая женская ручка. После этого мысли его обратились к производству парфюмерии, к разведению и сбору цветов; он старался представить себе типы мужчин и девушек, занятых этой работой, и на другой день поспешил в Центральную публичную библиотеку, надеясь найти там книгу или журнал по этому вопросу. Отыскав все, что ему было нужно, а вдобавок несколько статей о выращивании сахарного тростника и о сахароварении, подсказавших ему кое-какие мысли, Юджин решил поместить в правом верхнем или левом нижнем углу каждого эскиза изящный флакон духов или красивый пакетик сахара, а в центре изобразить какой-нибудь момент производственного процесса. Он стал припоминать, кто из художников мог бы осуществить его идеи; ему нужны были шрифтовики, жанристы, талантливые колористы, которых можно было бы пригласить за небольшую плату. Он вспомнил о Джерри Мэтьюзе, работавшем когда-то в чикагской газете «Глоб», — где-то он сейчас? о Филиппе Шотмейере, — под его руководством из Шотмейера вышел бы прекрасный работник, ведь он блестящий шрифтовик; о Генри Хейре, который работал в «Уорлде», — Юджин нередко беседовал с ним на тему о рекламе и афишах. Вспомнился Юджину и молодой Моргенбау, большой мастер по части изображения человеческих фигур, надеявшийся к тому же, что Юджин даст ему возможность показать себя, и еще человек восемь, десять, чью работу он знал по журналам, — самых первоклассных специалистов своего дела. Он решил сперва посмотреть, чего можно добиться с тем штатом, который был налицо, а затем часть работников уволить и быстро заполнить свободные вакансии, чтобы таким образом сколотить хорошую рабочую группу. Уже при первом соприкосновении с Саммерфилдом он воспринял кое-что от беспощадности, присущей этому не-

угомонному человеку, и был готов проявить ее по отношению к своим подчиненным. Все то, что сулило успех, всегда увлекало Юджина, и сейчас надежда выбиться из отчаянной нужды, от которой он так настрадался, обострила его способности. За два дня у него набралась внушительная папка эскизов и рисунков, которую он вполне мог показать своему будущему патрону, и Юджин предстал перед ним, почти уверенный в успехе. Мистер Саммерфилд углубился в просмотр его эскизов и вскоре стал обнаруживать признаки оживления.

— Да, знаете ли, — соизволил он наконец сказать, — материал не скучный. Если вы будете продолжать в том же духе, пять тысяч в год вам обеспечены. Конечно, вы еще новичок в этом деле, но уже сумели уловить самую суть.

И он уселся рядом с Юджином, чтобы показать ему, какие усовершенствования можно внести в его идеи — с практической точки зрения.

— А теперь, профессор, — сказал он, окончательно придя к заключению, что Юджин именно и есть нужный ему человек, — мы можем считать, что договорились. Мне совершенно ясно: в вас есть то, что мне нужно. Некоторые из ваших идей превосходны. Я не знаю, конечно, как вы покажете себя в качестве начальника, но пока можете занять кресло в том кабинете, и давайте сразу же приступим к делу. От всей души желаю вам удачи. Энергии у вас, кажется, достаточно.

Юджин затрепетал от радости. Вот этого-то он и ждал. Не сдержанного одобрения, а восторженной похвалы. Он заслужил ее. Он всегда был уверен, что может ее добиться. Людей как-то, независимо от их воли, влекло к нему. Теперь он уже стал привыкать, начал относиться к этому, как к чему-то вполне естественному. Если бы не болезнь — проклятая неудача! — о, как высоко бы он уже взлетел! Он потерял пять лет, в сущности он и сейчас еще не вполне здоров, но, слава богу, с каждым днем ему становится лучше, и он приложит все усилия к тому, чтобы держать себя в узде. Этого требует от него жизнь.

Вместе с Саммерфилдом он вошел в комнату, где работали художники, и был им всем представлен. Мистер Дэйвис — мистер Витла, мистер Харт — мистер

Витла, мистер Клеменс — мистер Витла,— и так далее. Вскоре каждому было известно, кто он такой.

После этого Саммерфилд провел его в следующий зал и представил заведующим различных отделов — управляющему конторой, устанавливавшему гонорар художникам, бухгалтеру, выплачивавшему жалованье, заведующему отделом составления реклам, заведующему отделом коммерческой консультации, а также единственной женщине, возглавлявшей бюро стенографии и машинописи. Юджина покорила вульгарность этих людей. Ему, привыкшему вращаться среди художников и литераторов, они показались грубыми, жадными,— точно рыбы, готовые проглотить друг друга. В них не чувствовалось никакого воспитания. В их внешности и манерах сквозила неумеренная алчность. Особенно раздражал его ярко-красный галстук и желтые ботинки одного агента по сбору объявлений. Приказчиьи замашки и костюмы бесили его.

«К дьяволу весь этот сброд!» — думал он, хотя каждого, с кем его знакомили, дарил улыбкой и говорил, что будет счастлив с ним работать. Наконец процедура представления была окончена, и Юджин вернулся в свой отдел, чтобы приступить к работе, которая захлестывала здесь все бурным, взбаламученным потоком. Художники, с которыми ему предстояло работать, производили, правда, более приятное впечатление. Юджин подозревал, что и они, возможно, явились жертвами расстроенного здоровья или житейских неудач и работают здесь по необходимости. Он вызвал к себе мистера Дэйвиса, которого Саммерфилд представил ему как его будущего помощника, и попросил рассказать, что и как у них делается.

— У вас есть график работы? — спросил он товарищеским тоном.

— Да, сэр,— ответил его новый помощник.

— Покажите мне, будьте добры.

Дэйвис принес журнал и познакомил Юджина с системой работы. Каждый заказ поступал под своим номером, и на карточке записывалось время его поступления, фамилия художника, которому поручена работа, время, потраченное на ее выполнение, и так далее. Если один художник тратил на работу два часа, а другой, к которому она переходила,— четыре, то в журнале дела-

лась пометка. Если первый рисунок был забракован и приходилось приступать к той же теме вторично, это тоже заносилось в журнал. Записи отмечали все: и недочеты и ошибки, а также быстрое выполнение и удачи. Юджин сразу увидел перед собой цель — позаботиться о том, чтобы люди, работающие под его началом, делали поменьше ошибок.

Ознакомившись подробно с журналом заказов, он встал и прошел в мастерскую, где трудились художники. Ему хотелось познакомиться с манерой и методом каждого из них. Одни работали над рекламой для фирм готового платья, другие делали этикетки для мясных консервов, третьи готовили серию плакатов для железнодорожных компаний и так далее. Юджин с любезным видом склонялся над работой каждого из них, так как ему хотелось завоевать дружбу и доверие своих подчиненных. Ему было по опыту известно, какой впечатлительный народ художники и как легко их пленить теплым, товарищеским отношением. Он возлагал большие надежды на свои мягкие, приветливые манеры. Наклоняясь то к одному, то к другому, Юджин спрашивал каждого, что он хотел выразить, сколько времени должна занять та или иная работа, а в тех случаях, когда художник находился в затруднении, советовал, что следовало бы, по его мнению, сделать. Он далеко не был уверен в себе, так как это была новая для него область, но надеялся ею овладеть. Как приятно чувствовать себя начальником,—если только дело пойдет успешно. Он надеялся, что с его помощью эти люди лучше проявят себя, он заставит их хорошо работать и тем повысит и их заработок и свой собственный. Он во что бы то ни стало должен много зарабатывать — пять тысяч, как было сказано, ни в коем случае не меньше.

— По-моему, это у вас хорошо задумано,— заметил он бледному, болезненному на вид художнику, в котором угадывался большой талант.

Художника, которого звали Диллон, подкупили ласковые, дружеские интонации в голосе Юджина и его внешность, хотя он далеко еще не решил, нравится или не нравится ему новый начальник. Ходили слухи,— об этом позаботился Саммерфилд,— будто перед этим человеком в свое время открывалась блестящая карьера. Диллон посмотрел на Юджина и улыбнулся.

— Вы находите? — спросил он.

— Убежден,— ободряющим тоном сказал Юджин.— Попробуйте-ка дать синее пятно вот здесь, рядом с желтым. Может, вам понравится.

Художник последовал его указанию и, сощурившись, стал рассматривать эскиз.

— А правда, сейчас много лучше! — заметил он таким тоном, точно эта мысль принадлежала ему самому.

— Много лучше,— сказал Юджин.— Очень удачная мысль.

И почему-то у Диллона осталось ощущение, будто он и вправду сам это придумал. Не прошло и двадцати минут, как весь отдел единогласно пришел к выводу, что новый начальник, по-видимому, очень милый человек и, пожалуй, оправдывает свое назначение. Он казался таким уверенным в своих силах. Они и не подозревали, как взволнован был Юджин, как ему хотелось взять скорее дело в свои руки и добиться ощутимых результатов. Со страхом думал он о той минуте, когда придется вступить в борьбу с чем-нибудь нежелательным.

Так, за работой, проходили дни и недели; Юджин становился все увереннее и почти освоился со своей должностью, хотя прекрасно понимал, что путь, на который он вступил, не усыпан розами. Он обнаружил, что атмосфера в этом предприятии царит грозовая,— это объяснялось тем, что Саммерфилд, по собственному его выражению, был «на месте» во всякое время, всегда энергичный и напористый. Он приезжал в контору из верхней части города, где он жил, без десяти девять утра и проводил в ней почти весь день — до половины седьмого, до семи, а то и до восьми и даже десяти часов вечера. У него была привычка, не считаясь ни с чем, задерживать до поздней ночи служащих, работавших над интересовавшими его заказами, а иногда он переносил совещание к себе домой, несмотря на то, что люди еще не обедали, и сам он их к обеду не приглашал. Он часами вел переговоры с заказчиками, пока не приходило время закрывать контору, и только тогда собирал к себе измученных сотрудников, не успевших уйти домой, и начинал с ними какое-нибудь важное и чрезвычайно длительное совещание по поводу новых заказов. Когда что-нибудь выходило не так, он впадал в бешенство, сыпал проклятиями, безумствовал, и неред-

ко дело кончалось увольнением того, кто был вовсе ни при чем. Он без конца устраивал утомительные и безалаберно-шумные совещания, на которых грубые окрики и колкости так и сыпались на головы сотрудников, ибо Саммерфилд не питал ни малейшего уважения ни к способностям, ни к достоинству своих подчиненных. Все они для него были машинами, и притом машинами никуда не годными. Ни одно их предложение не принималось, если только оно не было чем-то совершенно новым или же, как в случае с Юджином, если человек не обнаруживал исключительного таланта.

Саммерфилду было трудно понять Юджина, так как он никогда раньше не встречал людей такого сорта. Он зорко присматривался к нему, как и ко всем другим своим служащим, стараясь найти какой-нибудь изъян в его работе. Что-то дьявольское было в сверкающем пристальном взгляде этого человека. Он постоянно с остервенением жевал сигару, весь дергался, то и дело вскакивал и принимался расхаживать по кабинету или перебирал вещи на столе, давая выход своей беспокойной, неукротимой энергии.

— Ну-ка, профессор,— говорил он, когда Юджин входил к нему в кабинет и спокойно и скромно садился где-нибудь в углу,— нам предстоит сегодня решить очень важный вопрос. Я хочу знать ваше мнение по такому-то и такому-то делу,— и он принимался излагать его.

Юджин напрягал свой мозг, стараясь что-то придумать, но Саммерфилд не допускал размышлений.

— Ну-ка, профессор! Ну-ка! — восклицал он.

Юджин раздраженно пожимал плечами. Эта манера разговаривать сбивала его с толку, и он воспринимал ее как унижение.

— Очнитесь, профессор! — не унимался Саммерфилд, давно избравший своим постоянным орудием тычки и понукания.

Юджин вежливо высказывал свое мнение, мысленно посылая Саммерфилда ко всем чертям, но этим дело не ограничивалось. Нисколько не стесняясь присутствием подчиненных — составителей реклам, агентов по сбору объявлений, коммерческих консультантов, а порой и одного или двух художников, работающих над обсуждаемой темой, Саммерфилд восклицал: «Бог ты мой! Что

за бездарное предложение!» Или: «Неужели вы, профессор, ничего умнее не могли придумать?» Или: «Да у меня самого наберется десяток куда более удачных предложений». В лучшем случае он удостаивал заметить: «Ну что ж, в этом, пожалуй, что-то есть», хотя позднее, с глазу на глаз, он, случалось, высказывал свое полное удовлетворение. Прежние заслуги в его глазах ничего не стоили,— это было Юджину совершенно ясно. Недостаточно было целый день ковать для него золото и серебро,— он и на следующий день требовал золота и серебра, да еще в большем количестве. Алчности его не было предела, не было предела и жестокости, с какой он выжимал из своих подчиненных последние соки. Не было предела всеотравляющему, тлетворному действию идеи чистогана, которую он проповедовал. Он сам показывал пример, как должно без конца донимать и выматывать людей, и этого же требовал от своих подчиненных. В результате его контора превратилась в зверинец, в притон головорезов, воров и грабителей, нахалов с пудовыми кулаками, где каждый открыто и нагло преследовал только свои интересы, плюя на весь остальной мир.

ГЛАВА XXXV

Время между тем шло, и хотя в агентстве Саммерфилда с приходом Юджина мало что изменилось, в его личной жизни наступило заметное улучшение. Главное, Анджела несколько успокоилась. Страдания, которые еще недавно причинял ей Юджин своим бездушным отношением, стали постепенно утихать, так как она видела, что он много работает и ведет себя вполне благоразумно. Впрочем, она еще не вполне доверяла ему. Она далеко не была убеждена, что он окончательно порвал с Карлоттой Уилсон (личность которой так и осталась для нее тайной), но все, казалось, подтверждало это. В аптекарском магазине под их квартирой был телефон; Анджела звонила Юджину в контору в разные часы дня, и он всегда оказывался на месте. Он находил теперь время бывать с ней в театре и не обнаруживал желания избегать ее общества. Однажды Юджин откровенно сказал, что не намерен больше притворяться,

будто еще любит ее, хотя по-прежнему питает к ней добрые чувства,— и это очень испугало Анджелу. Несмотря на все ее озлобление, на все страдания, Юджин был ей дорог, и она не теряла надежды, что когда-нибудь его любовь вернется — должна вернуться.

Анджела решила играть роль любящей жены, независимо от их истинных отношений, и, если он не возражал, обнимала его, целовала и всячески хлопотала вокруг него, как будто ничего и не было. Юджин не мог понять этого. Неужели она еще любит его! Ему казалось, что Анджела должна питать к нему ненависть, ибо долгая разлука с Карлоттой и тяжелый упорный труд отрезвили его, он начал понимать, какое жестокое, незаслуженное горе причинил жене, и хотел искупить свою вину. Он не любил ее и считал, что любовь уже никогда не вернется, но вполне готов был вести себя благо-разумно, приложить все старания к тому, чтобы побольше зарабатывать, ходить с ней в театр, создать круг знакомых, возобновив и старые знакомства,— словом, делать все, что, казалось ему, могло заменить Анджеле его любовь. Мало-помалу он приходил к убеждению, что на свете не существует честного и более или менее благополучного разрешения сердечных дел. У большинства людей, насколько он мог судить, брачная жизнь складывалась неудачно. Он не знал никого, кто не ошибся в выборе спутника жизни! Он, вероятно, не более других. Пусть пока все идет, как идет. Сейчас ему нужно постараться заработать немного денег и восстановить свою репутацию. Быть может, когда-нибудь судьба улыбнется ему.

Материальное положение Юджина — еще до его ухода из газеты — значительно улучшилось. Путем упорной экономии, позволяя себе только самые необходимые расходы, Анджела сумела отложить сыше тысячи долларов, а затем эта сумма возросла до трех тысяч. Теперь они немного ослабили узду, стали лучше одеваться, бывали в гостях и регулярно принимали у себя. Их маленькая квартирка, в которой они продолжали жить, не вмещала больше трех-четырех человек гостей. Анджела считала даже, что хорошо принять она может только двоих. Но это не мешало Юджину то и дело приглашать к себе кого-нибудь. Постепенно возобновились некоторые старые связи, в том числе с Хадсоном Дьюлой,

Джерри Мэтьюзом (жившим теперь в Нью-Йорке), Вильямом Мак-Коннелом и Филиппом Шотмейером. Мак-Хью и Смайта не было в городе: первый уехал на этюды в Нова-Скотию, второй работал в Чикаго. Что же касается старого круга знакомых из художественного мира, а также социалистов и радикалов, то Юджин по возможности избегал их. Где были Мириэм Финч и Норма Уитмор, он понятия не имел, зато о Кристине Чэннинг слышал очень часто — она выступала в Большой опере, и он видел в газетах и на афишах ее портреты. У него прибавилось и много новых знакомых, вроде Адольфа Моргенбау,— преимущественно молодых художников-иллюстраторов, которые льнули к Юджину и считали себя в некотором роде его учениками.

Время от времени приезжали родственники Анджелы, и среди них Дэвид Блю, новоиспеченный младший лейтенант американской армии во всем блеске своего офицерского положения и ранга. Бывали и приятельницы Анджелы, но они очень мало интересовали Юджина: миссис Десмас, жена мебельного фабриканта из Ривервуда, у которой они в свое время снимали комнаты; миссис Вертхайм, жена мультимиллионера, с которым их познакомил мосье Шарль; миссис Линк, когда-то приезжавшая вместе с Мариеттой в старую студию Юджина на Вашингтон-сквер, а теперь жившая с мужем, армейским капитаном, в форте Гамильтон в Бруклине, и, наконец, миссис Юргенс, соседка. Покуда они были бедны, Анджела возобновляла знакомства осторожно, но когда у них завелись деньги, она решила, что может несколько удовлетворить свое желание развлечься и хоть отчасти скрасить свое одиночество. Она мечтала установить крепкие связи в обществе ради Юджина, но не представляла себе, как за это взяться.

Когда вопрос о поступлении Юджина в рекламное агентство Саммерфилда окончательно решился, для Анджелы это было большим сюрпризом. Она была рада, что если уж Юджину пришлось на время оставить высокое искусство, условия его новой, практической деятельности складываются так благоприятно: он будет сам начальником, а не подчиненным. Она давным-давно решила в душе, что он никогда не добьется успеха в деловом мире, и теперь с любопытством, хотя и без большой веры, наблюдала за тем, как он идет в гору.

Надо откладывать деньги — таков был ее девиз. Придется, конечно, переехать на другую квартиру, однако не следует расходовать больше, чем необходимо. Она все оттягивала переезд, пока Саммерфилд, заглянув к ним, не высказал по этому поводу своего мнения дельца и коммерсанта.

Саммерфилд высоко ставил художественное дарование Юджина. Он давно уже собирался посмотреть его работы, и, когда Юджин сказал ему, что часть их еще выставлена у братьев Потль, Джейкоба Бергмана и Анри Ларю, он решил зайти туда, но все откладывал. Однажды вечером, после закрытия конторы, Саммерфилд с Юджином ехали в поезде надземной железной дороги, и Саммерфилд, будучи благодушно настроен, решил захватить к Юджину и посмотреть его полотна. Юджину это было вовсе не по душе. Его огорчала необходимость показать Саммерфилду их убогую квартирку. Он пытался уговорить его зайти лучше к братьям Потль, где была выставлена одна из его картин, но Саммерфилд об этом и слышать не желал.

— Мне не хотелось показывать вам мою квартиру, — извиняющимся тоном сказал Юджин, когда они стали подниматься по лестнице пятиэтажного дома. — Мы скоро отсюда переедем. Я поселился здесь, когда работал на железной дороге.

Саммерфилд огляделся кругом. Это был бедный район; в двух кварталах от дома проходил канал. Неподалеку, с восточной стороны, тянулись черные угольные склады, а с северной простирался пустырь, к которому прилегал железнодорожный парк.

— О, это не играет роли, — сказал он, по обыкновению подходя к вопросу прямо и практично. — Мне-то все равно, но вам, Витла, не должно быть безразлично, где вы живете. Я держусь того мнения, что деньги нужно тратить, что каждый должен их тратить. Экономия ни к чему хорошему не приводит. Раскошеливайся! — вот мое правило. Я давно уже пришел к этому. Перебирайтесь отсюда поскорее, как только представится случай, и окружите себя дельными людьми.

Юджин подумал, что легко это говорить человеку, который преуспевает и которому все удастся, но вместе с тем решил, что в этих словах есть доля правды. Саммерфилд посмотрел картины. Они понравились ему, по-

нравилась и Анджела, хотя он не мог понять, как это Юджин выбрал себе такую жену. Она производила впечатление тихой, домовитой женщины. А в Юджине было много от богемы, хотя теперь, под воздействием Саммерфилда, он стал больше похож на клубмена. Мягкую фетровую шляпу давно сменил жесткий котелок, а костюм был самого что ни есть трезвого, делового покроя, благодаря чему Юджина можно было принять скорее за молодого коммерсанта, чем за художника. Саммерфилд пригласил к себе супругов на обед, но у них обедать отказался и отправился домой.

В скором времени, следуя его совету, они перебрались на другую квартиру. У них накопилось четыре тысячи долларов, и Анджела рассчитала, что если Юджин и впредь будет получать такое жалованье, они могут увеличить свои расходы до двух с половиной тысяч долларов в год, а то и до трех. Она настаивала, чтобы Юджин откладывал ежегодно две тысячи, на тот случай, если он когда-нибудь решит опять вернуться к искусству. В субботу, после его работы, и в воскресные дни они занимались поисками и, наконец, нашли на Западной стороне Сентрал-парка чудесную квартиру с окнами прямо в парк, в которой им, судя по всему, будет удобно и жить и принимать гостей. В квартире была большая столовая и гостиная, причем достаточно было вынести стол, чтобы соединить обе комнаты в одну. Затем было три спальни, одну из которых Анджела превратила в гардеробную, прекрасная ванная, удобная кухня с просторной кладовой и квадратная передняя, которая могла служить приемной. В доме было множество стальных шкафов, газ и электричество, лифт, обслуживаемый лифтером в красивой ливрее, и телефонный коммутатор. Как сильно отличалась эта квартира от той, откуда они выехали, где был длинный темный коридор, крутые, неудобные лестницы, был, правда, газ, но телефона не было. И район тут несравненно лучше. По улице то и дело сновали автомобили, в парке гуляла солидная публика, особенно по воскресеньям, и люди, с которыми здесь приходилось сталкиваться, относились к вам либо с вежливым безразличием, либо с подобострастной предупредительностью.

— Дело ясное,— сказал Юджин, когда они разместились в новой квартире,— мы начинаем новую жизнь.

Он отделал квартиру заново, в светлых, ярко-синих и голубых тонах, обставил гостиную и столовую мебелью под розовое дерево, купил несколько хороших картин, которые давно присмотрел на различных выставках, и повесил их попеременно со своими собственными, а стандартную люстру заменил хрустальной. Книг у них накопилось как раз столько, чтобы заполнить красивый белый шкаф. Для спальни была куплена мебель светлого клена и белые эмалированные кровати, и вся квартира приняла элегантный и уютный вид. Они приобрели рояль, а также столовый и кофейный сервизы из гавиландского фарфора. Затем появились ковры, занавеси и портьеры, развешиванием которых руководила Анджела. Итак, они обосновались на новом месте и зажили новой и сравнительно приятной жизнью.

Анджела не простила Юджину его давнишние прегрешения, а тем более его откровенную резкость в последнем памятном случае, но это вовсе не значило, что она все время попрекала его прошлым. И теперь еще происходили иногда сцены, так сказать, отголоски пронесшейся бури. Но денег у них было достаточно, возобновились старые знакомства, и Анджела не намерена была ссориться с мужем. Юджин был внимателен к ней. Он очень много работал. Зачем же упрекать его? Вечером он садился у окна, выходящего в парк, и до полуночи корпел над набросками и проектами реклам. К семи часам утра он бывал уже одет, в восемь тридцать являлся в контору, в час или немного позже шел завтракать и только к восьми или девяти вечера возвращался домой. Иногда Анджела ворчала на него за это, порою бранила Саммерфилда, называя его бездушным зверем, но разве могла она затевать ссоры, когда у них была такая очаровательная квартира и Юджин так быстро продвигался? Ведь он трудился столько же для себя, сколько и для нее. Ему лично ничего не было нужно. Деньги его, по-видимому, совсем не интересовали. Он только работал и работал. Ей даже делалось жаль его.

— Еще бы Саммерфилду не любить тебя! — сказала она однажды мужу отчасти в виде комплимента, отчасти досадуя на Саммерфилда, так много требовавшего от него. — Ему выгодно тебя держать. Я в жизни не видела, чтобы человек столько работал! Неужели у тебя не бывает желания передохнуть?

— Не беспокойся обо мне, Анджела,— отвечал он.— Я должен работать. И я ничего не имею против. Это куда лучше, чем бродить по улицам и ломать голову над тем, как быть дальше.

И он снова углублялся в работу. Анджела качала головой. Бедный Юджин! Вот уж действительно кто заслуживает награды за упорный труд. К тому же он опять стал таким милым, остепенился. Должно быть, это все возраст. Он еще, может быть, станет великим человеком.

ГЛАВА XXXVI

Настало, однако, время, когда вечная гонка, интриги и постоянные ссоры начали раздражать Юджина, и он почувствовал, что долго не выдержит такого напряжения. В конце концов он по натуре был художником, а вовсе не финансовым гением. Он был слишком нервным, слишком неуравновешенным человеком. Надругательство над справедливостью, искренностью, красотой и человеческими чувствами, происходившее на его глазах, сначала удивило его, потом некоторое время забавляло и наконец стало возмущать.

Жизнь, с которой сорваны все покровы иллюзий и обмана, представляет собой малопривлекательное зрелище. Беспощадный, неугомонный, придирчивый характер Саммерфилда служил примером для всех его служащих, и напрасно было бы ждать от них доброго отношения, справедливости или хотя бы элементарной вежливости. Чуть ли не с первых дней Юджин убедился, что сослуживцы (правда, не его подчиненные, а остальной персонал) смотрят на него как на человека, который долго не продержится на своем месте. Его не любили — и потому, что Саммерфилд проявлял к нему расположение, и за его манеры, так резко отличавшиеся от принятых здесь. Правда, благоволение Саммерфилда никогда не отражалось на его требовательности в деловых вопросах, но это не спасало Юджина от общей неприязни. Были и такие что невзлюбили его потому, что он был настоящим художником, держался отчужденно и не мог скрыть своего пренебрежения к ним.

Большинство служащих представлялись ему жалкими марионетками — вторым, третьим или четвертым изда-

нием Саммерфилда или копией с него. Все они подражали властным замашкам и резкому тону хозяина. Словно дети, повторяли они его язвительные замечания и остроты и, верные его системе, выжимали из своих подчиненных последние соки. Юджин был в достаточной степени философом, чтобы относиться к этому с известным юмором. Но ведь в конце концов его положение зависело от его работы и достигнутых результатов, и ему было крайне обидно, что он не мог ни от кого ждать не только услуги, но даже простой учтивости. Не проходило дня, чтоб заведующие другими отделами не врывались в его кабинет с требованием немедленной сдачи того или другого заказа. Художники жаловались на низкую оплату, а управляющий конторой кричал о перерасходах и уверял, что если Юджин кое-что и делает для повышения качества работы и быстроты ее выполнения, то уж слишком он расточителен. Другие бранили его в глаза и жаловались патрону, что некоторые рекламы разработаны отвратительно, что тот или иной заказ задерживается, что Юджин слишком медлителен и ни с чем не хочет считаться. Саммерфилд, следивший за Юджином, знал, что во всем этом очень мало правды, но он слишком любил натравливать служащих друг на друга и разжигать страсти, считая, что дело от этого только выигрывает,— и не находил нужным вмешиваться. Вскоре Юджина стали обвинять в том, что он систематически задерживает заказы, что у него в отделе некомпетентные люди (это, кстати, соответствовало истине), что он слишком медленно работает и вообще ведет себя свободным художником. Юджин сносил все спокойно, так как хорошо помнил свою недавнюю бедность, но он твердо решил рано или поздно дать бой. Он уже не был — вернее, не хотел быть — вялым, малодушным мечтателем, как когда-то. Он задумал дать отпор своим врагам,— и начал осуществлять это решение.

— Помните, Витла,— сказал ему как-то Саммерфилд,— в этом отделе за все спросится с вас. За все неудачи отвечать будете вы. Не допускайте промахов. Не позволяйте никому клеветать на вас. И не вздумайте бегать ко мне с жалобами. От меня вы помощи не получите.

Столько бездушия было в этой программе, что против нее хотелось бороться. Теперь, думал он, жизнь

его закалила и он стал совсем другим человеком, он тоже, если придется, не пожалеет и не даст спуску.

— Провались они все к дьяволу! — крикнул он однажды Саммерфилду после страшного скандала по поводу задержки заказа, когда какой-то служащий, настроенный против него, пытался его очернить. — Все, что здесь сейчас утверждали, — ложь! Я работаю не хуже, а лучше других. Этот тип, — указал он на своего противника, — просто подкапывается под меня. В следующий раз, когда он явится ко мне в кабинет и начнет разнюхивать, я выгоню его вон! Он бессовестный враль, и вы это отлично знаете. Все это выдумка с начала до конца, вы прекрасно это понимаете.

— Молодец, Витла! — похвалил его Саммерфилд, восхищенный тем, что Юджин оказался способен на такой отпор. — Вы начинаете просыпаться! Теперь вы далеко пойдете. Вы человек неглупый, но если вы будете с этой сворой миндальничать, она вас живьем сожрет. И я не смогу вам ничем помочь. Все они ни черта не стоят. Я здесь ни одному человеку не верю, будь они все прокляты!

Так бывало не раз. Юджин усмехался про себя. Удастся ли ему когда-нибудь свыкнуться с этой обстановкой? Сумеет ли он ужиться с этими жалкими, наглыми щенками, которые так и норовят вцепиться вам в икры? Очевидно, Саммерфилда такие работники устраивают, но ему они не по душе. Может быть, это и в самом деле остроумнейшая система руководства, но он, Юджин, держится иного мнения. Для него это своего рода отражение взглядов и темперамента мистера Дэниела К. Саммерфилда — и только. Человеческая натура, надо полагать, лучше.

Удивительно, как жизненная удача заживляет старые раны, прикрывает трещины словно густым плющом и создает иллюзию безмятежного счастья там, где притаились страдания и душевная усталость. Так было и у Анджелы с Юджином, — они снова жили вместе, к ним стали постепенно возвращаться старые друзья, и внешне они были так счастливы, будто никакая буря не пронеслась над ними и не омрачила их благополучного плаванья. Несмотря на все неприятности, Юджин очень увлекался работой. Ему льстила роль главы отдела, где трудилось два десятка человек, приятно было сидеть за

своим красивым письменным столом, слышать подобострастное обращение подчиненных и получать время от времени приглашения от Саммерфилда, который по-прежнему к нему благоволил. Работа была трудная, но зато она приносила ему больше материальных благ, чем любое его прежнее занятие. Анджела, казалось, тоже успокоилась — впервые за много лет ей не надо было думать о деньгах, муж ее снова становился на ноги. Старые друзья заходили все чаще, появились и новые. Им были теперь доступны летние и зимние поездки на взморье и обеды с тремя-четырьмя приглашенными. Они наняли горничную. Обед под личным наблюдением Анджелы подавался с большой помпой. Ей было лестно слышать то, что говорилось о Юджине в ее присутствии; в художественных кругах, с которыми они теперь опять соприкасались, считали, что успехом своих реклам Саммерфилд в значительной мере обязан таланту ее мужа. Юджину не стыдно было теперь сказать, где он работает, — он получал хороший оклад и заведовал целым отделом. Некоторые его рекламы имели шумный успех и принесли рекламодателям огромные барыши. Сначала знатоки, а вслед за ними и широкая публика стали интересоваться, кто автор этих удачных работ.

За все шесть лет своего существования агентство Саммерфилда не могло похвастать такими успехами. А сейчас они столь быстро следовали один за другим, что это открывало новую страницу в истории фирмы. Саммерфилд, как стали поговаривать в конторе, начал коситься на Юджина, так как не в его характере было терпеть рядом человека, который затмевал его. Тем более что Юджин, имея на пять тысяч долларов сбережений в двух банках, обстановку, стоившую не менее двух с половиной тысяч, да еще страховой полис в десять тысяч долларов на имя Анджелы, держал себя весьма независимо. Он уже не боялся за будущее.

Это замечала Анджела. Это замечал и Саммерфилд. Он находил, что Юджин слишком уж явно подчеркивает свое превосходство художника. У него выработался резкий, повелительный, чуть ли не диктаторский тон. Сколько Саммерфилд ни старался, ему так и не удавалось подавить его. Наоборот, он окреп, возмужал и развился. Этот тощий, бледный художник в мягкой фетровой шляпе приобрел солидность, и теперь в своем котел-

ке, щегольском костюме и галстукe с булавкой по последней моде, с экзотическим перстнем на среднем пальце больше походил на дельца, чем на художника.

Характер Юджина в общем мало изменился, но кое-какие перемены были уже налицо, — в нем не осталось и следа прежней робости. Он начинал понимать, что обладает весьма разносторонними способностями, и это сознание давало ему все больше уверенности в себе. Пять тысяч долларов сбережений, к которым ежемесячно прибавлялось долларов двести или триста, плюс нараставшие на них четыре процента годовых, внушали ему веру в свои силы. Юджин позволял себе теперь подшучивать над самым Саммерфилдом, так как не сомневался, что всегда найдет место в каком-нибудь другом рекламном агентстве. Ему однажды передали, что компания «Альфред Кукмэн» (где его патрон когда-то проходил курс обучения) намеревается предложить ему работу и что компания «Твайн-Кембл», самое крупное из существующих рекламных агентств, тоже интересуется им. Художники его отдела, в большинстве своем люди очень ему преданные, так как он успешно руководил ими и добился для них лучшей оплаты, всячески раздували его славу. Они готовы были приписать его заслугам все успехи фирмы Саммерфилда, хотя это далеко не соответствовало истине.

Целый ряд оригинальных замыслов, возможно даже большинство, исходил от Юджина, но наброски просматривал и «доводил» Саммерфилд, обрабатывал отдел текстов, проверяли заказчики и так далее до тех пор, пока не вносились те существенные изменения, которые и приводили наконец к успеху. Безусловно, во всем этом большая заслуга принадлежала Юджину. Его замыслы вдохновляли и заражали других. Он оживил деятельность компании «Саммерфилд» уже своим появлением, но он был отнюдь не единственным, на ком зиждилась работа, и отлично понимал это сам.

Юджин отнюдь не страдал сомнением и чванством — просто он стал увереннее в себе, спокойнее, добродушнее, его уже не так легко было вывести из равновесия; но и это раздражало Саммерфилда. Ему нужен был человек, который бы его боялся, и, понимая, что Юджин может от него ускользнуть, когда окончательно встанет на ноги, он стал подумывать, как бы помешать

его неожиданному бегству или дискредитировать его, чтобы он ничего не выгадал при уходе. Ни тот, ни другой не выказывали открытой неприязни друг к другу и ничем не обнаруживали своих истинных чувств, но тем не менее дело обстояло так. То, что Саммерфилд задумал, было не легко ссуществить, тем более в отношении Юджина. Последний постепенно завоевывал популярность в деловых кругах и держался все более и более независимо. Рекламодатели — крупные фабриканты, которым случалось знакомиться с ним, проявляли к нему большой интерес. Они, конечно, еще не знали ему истинную цену, но угадывали в его таланте большую силу. Один из них, видный финансист (бывший сенатор Кенион С. Уинфилд из Бруклина), занимавшийся операциями с недвижимым имуществом, встретил как-то Юджина в кабинете у Саммерфилда и позже, когда они отправились вдвоем завтракать, спросил:

— У вас тут служит один очень интересный человек, — Витла, кажется. Откуда он?

— Откуда-то с Запада, — уклончиво ответил Саммерфилд. — Право, толком не знаю. У меня перебивало столько заведующих художественным отделом, что я всех не упомяну.

Уинфилд уловил в тоне собеседника нотку враждебности и пренебрежения к своему подчиненному.

— Он показался мне очень способным человеком, — заметил он, намереваясь кончить на этом разговор.

— Да, да, он способный, — отозвался Саммерфилд. — Но, как и у всех художников, у него ветер в голове. Это самый ненадежный народ на свете. На них нельзя ни в чем положиться. Сегодня он клад, а завтра — глядишь, ничего не стоит. С ними прямо, как с детьми, приходится возиться. Такой, случается, встанет с левой ноги и уже ни на что не способен.

Уинфилд подумал, что в этом есть доля правды. Художники, как правило, никуда не годятся в деловом отношении.

Все же он сохранил о Юджине приятное воспоминание.

В том же духе Саммерфилд отзывался о Юджине и в конторе и в других местах. В беседах с подчиненными он начал поговаривать, что Юджин, в сущности, не справляется со своим делом и что придется, видно,

с ним расстаться. Это, конечно, очень печально, но все художники, даже лучшие из них, хороши лишь до поры до времени и скоро выдыхаются. Он и сам мол, не может понять, чем это объяснить, но это факт. Ни один из них еще не оправдал его надежд. Таким путем Саммерфилд хотел подчеркнуть собственные неисчерпаемые способности и доказать, что Юджин не такая уж крупная фигура. Все, кто хоть сколько-нибудь знал Юджина, не верили этому. Однако сотрудникам конторы стало ясно, что Юджина ждет отставка. Он был слишком талантлив, слишком любил повелевать, и все понимали, что такому сотруднику не ужиться в предприятии, где существует полное единовластие. Это брожение умов сильно мешало работе. Кое-кто из сотрудников Юджина склонен был перейти на сторону неприятеля.

Время шло. Резко изменившееся отношение Саммерфилда не мешало Юджину все больше вырастать в собственных глазах. Он еще не потерял головы, однако день ото дня становился все увереннее в себе. Работа с художниками помогла ему возобновить прежние связи с такими людьми, как Луи Дизá, мосье Шарль, Люк Севирас и многие другие. Все они знали теперь, что он делает, и удивлялись, почему он не возвращается к настоящей живописи. Мосье Шарль негодовал. «Это большая ошибка с его стороны», — говорил он. Он всегда утверждал, что дезертирство Витлы — незаменимая потеря для американского искусства. Как ни странно, но одна из картин Юджина была продана весной, уже после его поступления к Саммерфилду, и еще одна — зимой того же года. За каждую он получил по двести пятьдесят долларов, причем одна была продана братьями Потль, а другая Джейкобом Бергманом. Эти сделки и полученные от обеих фирм предложения выставить взамен проданных другие его полотна сильно подбодрили Юджина, по крайней мере, он знал, что в случае чего прокормится живописью и как-нибудь не пропадет.

И вот настал день, когда Юджин получил приглашение для переговоров от мистера Альфреда Кукмэна, владельца издательства, в котором работал когда-то Саммерфилд. Переговоры ни к чему не привели, так как Кукмэн не намеревался платить больше шести тысяч, а Саммерфилд обещал Юджину, что со временем доведет его оклад до десяти тысяч, если он останется у него

работать. К тому же Юджин считал неудобным уйти сейчас; останавливало его и то, что Кукмэн не имел в деловом мире ни того веса, ни того престижа, каких достиг в то время Саммерфилд. Действительно заманчивое предложение пришло полгода спустя, когда одно из филадельфийских издательств, стремясь поднять тираж своего еженедельника, начало подыскивать заведующего отделом рекламы.

Это издательство имело обыкновение привлекать молодые силы, причем преимуществом пользовался тот кандидат, который уже как-то зарекомендовал себя и сумел к тому же произвести выгодное впечатление на владельца фирмы. Следует заметить, что Юджин имел так же мало опыта в заведовании отделом рекламы, как и в заведовании художественным отделом. Но, проработав у Саммерфилда почти два года, он стал неплохо разбираться в вопросах рекламы, а люди, с которыми он соприкасался, приписывали ему даже больше того, что он знал. Юджин до некоторой степени постиг организацию дела у Саммерфилда, понял, как тот расставляет силы, поручая одному одну часть работы, другому — другую. Участвуя в совещаниях и консультациях, он имел возможность изучить, чего хотят клиенты, как они представляют себе рекламирование своего товара и какие требования предъявляют к тексту. Он понял, что решающими факторами являются новизна, убедительность и красота оформления, и ему так часто приходилось переделывать работу сообразно с этими требованиями, что теперь он хорошо знал, как это делается. В вопросах о комиссионных, скидках, долгосрочных договорах и тому подобном он чувствовал себя как дома. Ему не раз приходило в голову, что он мог бы с успехом открыть свое собственное маленькое агентство, попадись ему честный и способный заведующий коммерческой частью или компаньон. Но такой человек все не попадался, и Юджин спокойно выжидал.

В филадельфийском издательстве Кэлвина слышали о Юджине. В поисках нужного человека основатель фирмы Обадиа Кэлвин внимательно знакомился с кандидатами, которых рекомендовали ему всевозможные агентства в Чикаго, Сент-Луисе, Балтиморе, Бостоне и Нью-Йорке, но еще ни на ком не остановился. Он никогда не спешил принимать решение и с гордостью го-

ворил, что, сделав однажды выбор, может быть уверен в хороших результатах. О Юджине он узнал уже после долгих поисков. Как-то он встретил в филадельфийском «Юнион-клаубе» одного агента, с которым у него были крупные дела, и тот между прочим спросил:

— Говорят, вы ищете заведующего рекламным отделом для вашего еженедельника?

— Совершенно верно,— сказал Кэлвин.

— Мне на днях рассказывали про человека, который, кажется, подошел бы вам. Он работает в Нью-Йорке, у Саммерфилда. Это агентство, как вы, может быть, заметили, выпустило в последнее время много превосходных реклам.

— Да, кажется, я видел некоторые из них,— сказал Кэлвин.

— Не помню точно, как его зовут,— не то Витла, не то Гитла, что-то в этом роде. Так вот, он там работает и, по слухам, очень дельный человек. Не скажу вам, какую должность он занимает. Вы можете справиться.

— Благодарю вас, я так и сделаю,— сказал Кэлвин.

Он действительно был благодарен своему собеседнику, так как ни один кандидат, о которых ему говорили до сих пор, полностью его не удовлетворял. Кэлвин, человек уже старый, обладал исключительной способностью угадывать в людях дарование и наряду с энергией ценил в них образование и вкус. Он был ревностный христианин и возглавлял целый ряд печатных изданий так называемого «христианского»,— иначе говоря, заведомо консервативного направления. Вернувшись к себе в контору, он посоветовался со своим компаньоном мистером Фредериксом, имевшим в предприятии небольшую долю, и попросил его навести справки о рекомендованном ему лице. Фредерикс так и сделал. Он позвонил в Нью-Йорк Кукмэну, и тот, обрадовавшись случаю насолить своему бывшему служащему Саммерфилду, лишив его лучшего сотрудника, ответил Фредериксу, что, по его мнению, Юджин очень талантливый человек, быть может, самый талантливый из всей работающей в этой области молодежи. Пожалуй, он именно тот, кто нужен издательству «Кэлвин»,— человек деловой и с инициативой.

— Я и сам хотел взять его к себе,— сказал Кукмэн.— Он с выдумкой, сразу видно.

Результатом этого разговора и было неофициальное письмо, адресованное мистеру Витле, в котором мистер Фредерикс спрашивал, не найдет ли он возможным побывать в Филадельфии в ближайшую субботу к концу дня, чтобы обсудить важное деловое предложение, которое издательство «Кэлвин» намерено ему сделать.

Уже по самому бланку, на котором было написано письмо, Юджин заключил, что речь идет о чем-то очень серьезном, и рассказал Анджеле. У той заблестели глаза.

— По-моему, непременно поезжай,— сказала она.— Они, по-видимому, предложат тебе место коммерческого директора, заведующего художественным отделом или что-нибудь в этом роде. Ты получишь не меньше, чем здесь, а ведь мистер Саммерфилд возмутительно с тобой обращается. Ты работаешь на него, как каторжник, а он так и не повысил тебе оклада, хотя обещал. Вероятно, нам придется расстаться с Нью-Йорком, ну что ж, не беда — ведь это только на время. Ведь ты не собираешься посвятить рекламе всю жизнь. Ты бросишь ее, как только мы обеспечим себя приличным и твердым доходом.

Надо сказать, что в последнее время, когда у Анджелы завелись деньги, а впереди вставал соблазн еще большего богатства, она уже не мечтала так горячо, как прежде, о возвращении Юджина к карьере художника. Приятно было заезжать в лучшие магазины и заказывать себе платья и шляпки по сезону или же летом, в субботу, по окончании занятий, совершать с Юджином поездки в Атлантик-Сити, на Спринг-Лейк или Шелтер-Айленд.

— Да, я тоже думаю, что надо поехать,— сказал Юджин и в соответствующем духе ответил мистеру Фредериксу.

Последний встретил его в собственном автомобиле на Центральном филадельфийском вокзале и отвез в свой загородный дом в районе Хаверфорда. По дороге он занимал его разговором о чем угодно — о погоде, о местности, по которой они проезжали, о текущих событиях, о работе Юджина и о том, насколько она интересна,— но только не о деле. Они приехали как раз к обе-

ду, и пока ожидали приглашения к столу, мистер Обадия Кэлвин случайно заглянул к своему компаньону, якобы с целью поговорить с ним по делу, а в действительности, чтобы, не выдавая своих намерений, посмотреть на Юджина. Их познакомили, и они обменялись сердечным рукопожатием. За столом он перекинулся с Юджином несколькими словами, хотя ни разу не заикнулся о деле, и Юджин стал недоумевать, зачем его пригласили. Он догадывался, что Кэлвин, который, как ему было известно, являлся президентом компании, пришел поглядеть на него. После обеда мистер Кэлвин распрощался, и только тогда Юджин увидел, что мистер Фредерикс готов, наконец, приступить к переговорам.

— Дело, по которому я пригласил вас сюда, касается нашего еженедельника, а также отдела рекламы в нашем издательстве. Видите ли, мы издаем популярный журнал и рассчитываем в будущем значительно увеличить его тираж. Мистеру Кэлвину необходим человек, который взял бы на себя руководство отделом рекламы. Мы уже давно подыскиваем подходящего кандидата. Несколько лиц называли нам ваше имя, и у меня есть основание предполагать, что мистер Кэлвин был бы доволен, если бы вы согласились взяться за это дело. Он очень кстати заглянул сегодня ко мне. Теперь он видел вас, так что, если я назову ему вашу кандидатуру, он будет знать, о ком идет речь. Мне думается, что наша фирма, как вы и сами убедитесь, будет для вас прекрасным полем деятельности. Мы не преследуем грошовой экономии. Нам известно, что всякое дело обязано своим успехом людям, на которых оно держится, и мы не прочь платить хорошим работникам хорошие деньги. Я не знаю, сколько вы получаете сейчас, и, признаться, мне до этого мало дела. Если наше предложение вас интересует, я поговорю с мистером Кэлвином, и если, опять-таки, мне удастся заинтересовать его, я сведу вас с ним для окончательных переговоров. Что касается оклада, вам беспокоиться нечего, мы вас не обидим. Мистер Кэлвин не мелочной человек. Коль скоро ему кто-нибудь понравится, а вы, насколько я могу судить, произвели на него благоприятное впечатление,— он никогда не станет скупиться. А там уж ваше дело дать согласие или нет. Но я еще ни разу не слыхал, чтобы кто-

нибудь остался недоволен предложенным у нас жалованьем.

Юджин слушал с величайшим удовольствием. Радостная дрожь пронизывала его. Вот оно — предложение, которое он давно жаждал услышать! Сейчас он получает пять тысяч. Ему предлагали шесть, а мистер Кэлвин едва ли предложит меньше семи или восьми, если не все десять. А уж семь с половиной можно просить не стесняясь.

— Признаюсь, — сказал он простодушно, — ваше предложение звучит заманчиво. Правда, работа несколько отличается от той, какую я выполняю сейчас, но думаю, что я с ней справлюсь. Конечно, все дело в том, какие условия вы мне предложите. У меня нет оснований жаловаться на мою теперешнюю службу. Я только недавно устроился в Нью-Йорке и вовсе не горю желанием его покинуть. Но я не возражаю и против того, чтобы перейти к вам. Договором я с мистером Саммерфилдом не связан. Он не пожелал заключить его со мной.

— Мы тоже не склонны связывать себя договором с нашими сотрудниками, — сказал мистер Фредерикс. — Тем более что, как вам известно, это не является надежной гарантией. Но если вы настаиваете, мы не постоим за этим. Как вы смотрите на то, чтобы сегодня же переговорить с мистером Кэлвином? Он живет недалеко отсюда.

Юджин предполагал, что свидание с мистером Кэлвином произойдет значительно позднее; но мистер Фредерикс тут же позвонил своему патрону и обстоятельным образом (как будто это и в самом деле было необходимо) стал объяснять, что, как мистеру Кэлвину известно, он давно уже подыскивает человека для заведования отделом рекламы, но найти подходящего кандидата довольно трудно.

— Я сейчас беседовал с мистером Витлой, с которым вы сегодня познакомились у меня, и рассказал ему про наш еженедельник. Из разговора с ним я вынес впечатление, что он, пожалуй, как раз тот человек, который нам нужен. И я подумал, не пожелаете ли вы с ним переговорить.

По-видимому, мистер Кэлвин ответил согласием, так как немедленно была подана машина, и они отправились

к президенту издательства, жившему на расстоянии приблизительно мили. По дороге Юджин размышлял об открывавшихся перед ним перспективах. Правда, разговоры о работе в знаменитом издательстве «Кэлвин» были пока довольно туманны, но вместе с тем все это было так грандиозно, так много обещало! Неужели он действительно расстанется с Саммерфилдом, да еще при таких благоприятных обстоятельствах? Это казалось сном.

В доме, стоявшем на обширной лужайке, было темно, светились только окна библиотеки, в которой мистер Кэлвин и принял их. Переговоры возобновились. Мистер Кэлвин был седой, как лунь, небольшого роста, с необыкновенно маленькими руками и ногами, очень тихий, но с живым, проницательным взглядом. Его спокойствие вызывало представление о гладкой поверхности озера в безветренную погоду. Он очень рад, сказал мистер Кэлвин, произнося слова медленно и негромко, что мистер Витла и мистер Фредерикс уже имели возможность побеседовать. Ему кое-что говорили о Юджине,— правда, немного. Он желал бы узнать поподробнее мнение мистера Витлы насчет современных тенденций в рекламном деле, как он смотрит на некоторые новшества в этой области, и так далее.

— Так вы не прочь поработать у нас? — сухо заметил он к концу разговора, словно Юджин приехал в Филадельфию по своей инициативе.

— Я, пожалуй, ничего не имел бы против — при известных условиях.

— А каковы эти условия?

— Я предпочел бы, мистер Кэлвин, услышать, что вы мне предложите. Право же, я не стремлюсь менять службу. Мне и там совсем не плохо.

— Что ж, вы кажетесь мне вполне подходящим кандидатом,— ответил мистер Кэлвин.— Вы обладаете теми качествами, которые нужны в нашем деле. Скажем так: восемь тысяч первый год, а если результаты вашей работы будут удовлетворительны, я через год повышу вам оклад до десяти тысяч. А дальше видно будет.

«Восемь тысяч! Через год десять! — пронеслось в голове Юджина.— Должность заведующего отделом рекламы в таком крупном издательстве. Да, это большой скачок».

— Что ж, это не так плохо,— сказал он после минутного раздумья.— Я, пожалуй, готов принять ваши условия.

— Я был уверен, что вы согласитесь,— со скупой усмешкой сказал мистер Кэлвин.— Что касается деталей, то договоритесь с мистером Фредериксом. Ну, желаю успехов.— И он дружески пожал ему руку.

Сидя в машине, уносившей их к дому мистера Фредерикса, который пригласил его переночевать у себя, Юджин с трудом верил, что все это происходит наяву. Восемь тысяч в год! Неужели из него в конце концов выйдет не художник, а крупный делец? Конечно, может быть, дело еще и сорвется, но все же как странно все изменилось! Восемь тысяч уже в этом году! Десять тысяч, если он справится! А там двенадцать, пятнадцать, восемнадцать тысяч... Он слышал о таких окладах в рекламном деле. А кроме того, он может получать изрядный доход со сбережений, если вложит их в выгодное предприятие. Он уже мысленно рисовал себе квартиру в Нью-Йорке на Риверсайд-Драйв и даже загородный дом, так как едва ли приятно будет все время оставаться в городе. Может быть, и собственный автомобиль, рояль для Анджелы, мебель в стиле шератон или чиппендейл, друзья, слава — что значит по сравнению со всем этим карьера художника! Разве зарабатывает кто-нибудь из знакомых живописцев столько, сколько зарабатывает он уже сейчас? За чем же непременно быть живописцем?.. Разве художники достигают чего-нибудь? Разве признание грядущих поколений даст ему возможность разъезжать сейчас в автомобиле? Правда, Дьюла говорит, что художник, будь он даже беден, на голову выше толпы. Юджин усмехнулся, вспомнив эти слова. Ко всем чертям бедность! Ко всем дьяволам грядущие поколения! Он хочет жить сейчас, в этой жизни, а не в памяти потомства!

ГЛАВА XXXVII

Даже самый блестящий пост не всегда избавляет от известных трудностей, так как большие преимущества обычно связаны с большой ответственностью. Юджин, однако, с легким сердцем готовился занять новую долж-

ность, зная, что она едва ли будет труднее той, которую он оставляет. Да, работать у Саммерфилда было дьявольски тяжело. Этот человек делал все возможное, чтобы мелкими придирками, требованиями все новых вариантов, пристрастными и грубыми замечаниями сломить добродушие Юджина и заставить его почувствовать, что без его, Саммерфилда, советов и помощи ему нечего и думать справиться со своим делом. Но, поступая таким образом, Саммерфилд только содействовал выявлению и развитию способностей Юджина. Его вера в собственные силы, хладнокровие «под огнем», умение трудиться не покладая рук, даже когда душа не лежит к работе, только развились и окрепли.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Витла,— сказал мистер Саммерфилд, когда Юджин по возвращении сообщил ему, что уходит и считает своим долгом заблаговременно предупредить об этом.— Вам незачем считаться со мной. Я не хочу вас задерживать, раз вы собрались уходить. И чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Продолжительные расставания не в моем вкусе. Толку от них никакого. Если угодно, можете сегодня же бросать работу. Я найду кого-нибудь на ваше место.

Юджин почувствовал себя задетым. Но он улыбнулся и сказал сердечным тоном:

— Если нужно, я могу остаться еще некоторое время. Я вовсе не хочу, чтоб это как-то отразилось на ваших делах.

— Нет, нет! Это нисколько не отразится на моих делах. Скатертью дорога и желаю удачи!

«Вот сатана!» — подумал Юджин, но пожал ему руку и выразил свои сожаления. Саммерфилд только усмехнулся в ответ. Юджин быстро закончил дела и ушел. «Слава богу,— говорил он себе, выходя из конторы,— наконец-то я выбрался из этого ада!» Но позднее он понял, что Саммерфилд оказал ему огромную услугу, заставляя давать максимум того, на что он способен,— этого до сих пор еще никто от него не добивался. Служба у Саммерфилда повлияла на характер Юджина и на его отношение к жизни, она отразилась даже на его внешности. От его робости и нервозности не осталось и следа. Теперь он производил впечатление скорее даже смелого и решительного человека. Он перестал бояться мелких жизненных трудностей — его ладью так долго

трепали штормы, что небольшие бури как в настоящем, так и в будущем уже не пугали его. Этим он был обязан Саммерфилду.

В издательстве «Кэлвин» были совсем другие порядки. Здесь царили относительный мир и тишина. Кэлвину не пришлось добиваться успеха в жизни, попирая маленьких людей, изводя их булавочными уколами. Это был крупный делец, чьи начинания благодаря своим масштабам и новизне сами прокладывали себе дорогу, а заодно несли вперед и его. Он считал, что к работе нужно привлекать честных и значительных людей, самых значительных и честных, каких только можно найти. Он и в Юджине видел это значительное — очевидно, в его стремлении к совершенству.

Формальности, связанные с переходом на новую работу, были быстро закончены, и Юджин вступил в свои владения, предшествуемый слухами о том, что новый босс в высшей степени приятный человек. Главный редактор, Таунсенд Миллер, дружески приветствовал его, и так же сердечно он был встречен своими подчиненными. У Юджина дыхание захватывало при мысли, что отныне он, новичок в области рекламы, берет на себя ответственность за работу пятнадцати способных и опытейших людей. И это в одной только Филадельфии, не считая еще восьми человек в чикагском филиале да многочисленных агентов в различных частях Америки — на Дальнем Западе, на Юге, а также на северо-западе Канады. Сфера его деятельности на новой службе была куда более обширна, чем у Саммерфилда. Сущность его работы заключалась в том, чтобы, зорко следя за работой промышленности, делать интересные предложения преуспевающим дельцам и фабрикантам, еще не пробовавшим рекламировать свою продукцию на страницах «Норс-Америкен», и заключать с ними одинаково выгодные для обеих сторон договоры, с тем чтобы завоевать расположение клиентов и не утратить его. Все это не представляло особенных трудностей, поскольку «Норс-Америкен» благодаря оригинальности и новизне самого типа издания очень нравился публике — журнал выходил уже полумиллионным тиражом, и тираж этот все возрастал. В большинстве случаев, как вскоре обнаружил Юджин, агентам мистера Кэлвина не представляло труда убедить рекламодателя, что предложение,

которое ему делается, заслуживает внимания. Если прибавить к этому изобретательность Юджина по части новых методов рекламирования, его способность очаровывать людей и умение соблазнять своими планами самых упрямых дельцов, а также увлекать и вдохновлять своих сотрудников, то можно было не сомневаться в его успехе на новом посту и даже не просто в успехе, а в триумфе.

Юджину и Анджеле, казалось, предстояла жизнь, исполненная довольства и комфорта. Без особых затруднений и не вызывая почти никакого недовольства, Юджину удалось перестроить свой штат так, что люди, работавшие под его началом, полностью удовлетворяли его. К нему перешли и некоторые сотрудники Саммерфилда. Он выписал их из Нью-Йорка, так как считал, что может привить им тот дух содружества и взаимопонимания, которого добивался Кэлвин. Правда, нельзя сказать, что Юджин достигал на своем новом поприще таких результатов, как Саммерфилд, который к тому же имел в своем распоряжении куда более ограниченные ресурсы. Но издательство «Кэлвин» было богатой фирмой, не требовавшей и не ожидавшей от своих служащих таких отчаянных усилий, какие приходилось с самого начала и по сей день требовать компании «Саммерфилд». Деловая этика в издательстве стояла высоко. Здесь все строилось на доверии и честности, на справедливой оплате труда и добросовестном выполнении обязанностей. Юджин нравился Кэлвину, и приблизительно через год после его поступления у Кэлвина был с ним знаменательный разговор. Слова старого издателя крепко запали в душу его молодого подчиненного и принесли ему немалую пользу. Этот человек ясно видел, в чем сила и слабость Юджина. Однажды он заметил Фредериксу:

— Мне особенно нравится в этом человеке его изобретательный ум. Всегда у него наготове какая-нибудь идея,— я не знаю никого, в ком было бы так развито чувство нового. Его воображение неистощимо. Надо только сдерживать его, чтобы он не зарывался и не брался за невыполнимое. В остальном я им доволен.

Фредерикс был согласен с ним. И ему их новый служащий внушал симпатию. Он всячески старался помочь Юджину, но перед тем стояли задачи, которые требова-

ли самостоятельного решения. И когда пришло время повысить ему жалованье, Кэлвин сказал:

— Я имел возможность наблюдать вашу работу в течение года, и я сдержу свое обещание увеличить вам оклад. Вы прекрасный работник. У вас много прекрасных качеств, которые я могу только приветствовать в человеке, занимающем ваше место,— но есть также и недостатки. Мне не хотелось бы обижать вас, но в роли хозяина своего предприятия я подобен отцу, возглавляющему большую семью, а мои помощники — это мои сыновья. Я обязан интересоваться ими, раз они заинтересованы во мне. Так вот я хочу сказать, что вы хорошо справляетесь с работой, и даже очень хорошо. Но у вас есть один недостаток, который может причинить вам большие неприятности. Вы чересчур увлекаетесь, вы, я бы сказал, не даете себе достаточно труда подумать. Идей у вас — хоть отбавляй! Они роятся у вас в голове, словно пчелы в улье, но вы порою выпускаете их на волю все сразу, и они приводят в смятение и вас самих и всех, кто с вами соприкасается. Вы были бы еще более ценным работником, если бы... я не скажу, если бы у вас было меньше идей,— но если бы вы держали их в узде. Вы слишком много хотите сделать зараз. Умерьте свой пыл. Не торопитесь. Времени у вас достаточно. Вы еще молоды. Думайте! Если у вас бывают сомнения, приходите посоветоваться со мной,— я опытнее вас и постараюсь вам помочь.

Юджин улыбнулся и сказал:

— Вероятно, вы правы.

— Да, я прав,— сказал Кэлвин.— А теперь мне хочется коснуться вопроса более интимного свойства и повторяю, прошу на меня не обижаться, мною руководят только самые добрые побуждения. Если я хоть сколько-нибудь разбираюсь в людях,— а я позволю себе думать, что это так,— ваша главная слабость (заметьте, у меня нет никаких фактических доказательств, ни единого) заключается, мне кажется, не столько даже в любви к женщинам, сколько вообще в любви к роскоши, а женщины всегда составляют одну из главных статей роскоши.

Юджин слегка покраснел от смущения и досады; он считал, что за время пребывания у Кэлвина, да и вообще после ривервудского эпизода, вел себя безупречно.

— Признайтесь, вас удивляет, почему я это говорю. Но я, видите ли, вырастил двух сыновей. Оба они умерли, один из них был немного похож на вас. В вас так много кипучей энергии, что ее с избытком хватает не только на деловые замыслы, но и на то, чтобы со вкусом одеваться, наслаждаться жизненными благами, придумывать развлечения и заводить знакомства. Будьте осторожны в выборе друзей. Старайтесь иметь дело с людьми положительными, консервативными. Возможно, вам это меньше улыбается, но, с точки зрения практической, это в ваших интересах. Если только мои наблюдения и моя интуиция не обманывают меня, вы принадлежите к людям, способным до самозабвения увлечься призраками — красотой, женщинами, театрами. Я отнюдь не придерживаюсь аскетических взглядов, но для вас женщины представляют большую опасность — пока, во всяком случае. По правде сказать, я не вижу в вас задатков настоящего, трезвого дельца, но вы прекрасный помощник. Не скрою, у меня, кажется, еще не было на этой должности никого, кто мог бы сравниться с вами, и едва ли будет. Вы человек недюжинный, но именно талант делает вас в некотором роде гадательной величиной. Вы стоите сейчас на пороге вашей карьеры. Эти дополнительные две тысячи в год откроют перед вами новые возможности. Смотрите же, не увлекайтесь. Не поддавайтесь на посулы ловких людей. Держитесь подальше от легкомысленных женщин. Вы женаты и, я хочу надеяться ради вашего же блага, любите свою жену. Но если даже и нет, делайте вид, что любите, и оставайтесь в границах общепринятого. Остерегайтесь скандала — поскольку это касается вашей службы у меня, скандал будет иметь для вас роковые последствия. Мне не раз приходилось расставаться с прекрасными работниками, потому что деньги вскружили им голову и они наделали глупостей — из-за какой-нибудь женщины или просто из-за женщин вообще. Пусть этого не случится с вами. Вы мне симпатичны. Я бы хотел, чтобы вы преуспели в жизни. Держите же себя в руках, если можете. Будьте благоразумны. Не действуйте сгоряча. Это лучший совет, какой я могу вам дать. А засим желаю успехов!

Мистер Кэлвин жестом показал, что разговор окончен, и Юджин поднялся. Он недоумевал, как этот чело-

век мог так глубоко заглянуть в его душу. Все, что он сказал, была правда, и Юджин знал это. Каким-то образом мистер Кэлвин сумел прочесть его самые затаенные чувства и мысли. Недаром он стоял во главе такого большого предприятия. Люди были для него открытой книгой.

Юджин вернулся к себе в кабинет, решив принять к сведению преподанный урок. Он всегда должен сохранять трезвую голову. «Я, кажется, сам давно мог прийти к такому выводу — мало ли была меня жизнь», — пронеслось у него в голове, и больше он об этом не думал.

Весь тот год, как и следующий, когда оклад его повысился до двенадцати тысяч, Юджин процветал. Он очень сдружился с Миллером. У Миллера бывали хорошие мысли по части рекламы, а у Юджина оформительские и издательские идеи. Они охотно появлялись повсюду вместе и получили прозвище «сынки Кэлвина» и «блистательные близнецы». У Миллера Юджин научился играть в гольф (хотя ему плохо давалась эта наука, и он так и не стал хорошим игроком), а также в теннис. Он играл вместе с миссис Миллер, Анджелой и Таунсендом на своем теннисном корте или у них. Вместе они совершали частые прогулки верхом и в автомобиле. Во время танцев, которые он очень полюбил, на званых обедах и вечерах Юджин знакомился с интересными молодыми женщинами. Обе супружеские пары получали частые приглашения, но Юджин вскоре убедился — так же, как и Миллер и его жена, — что светские женщины определенного типа больше интересуются им, чем Анджелой.

«О, Витла — умница!» — восторгались дамы. На Анджелу эти восторги не распространялись, а нередко добавлялось даже, что ее нельзя и сравнить с мужем. Она, конечно, очень милая и достойная женщина и все такое, но «Знаете, что я вам скажу, дорогая, с ней так трудно; она какая-то вялая — ни рыба ни мясо».

В этот период Анджела впервые серьезно задумалась над тем, что на Юджина может отрезвляюще подействовать рождение ребенка. Хотя они давно уже могли бы позволить себе иметь детей и хотя Юджину, при его увлекающейся натуре, полезно было бы взвалить на плечи какой-то дополнительный груз, до сих

пор Андже́ла не решалась подвергнуть себя этому испытанию. Надо сказать, что она не только страшилась забот и тревог, с которыми (благодаря опыту с племянниками) связывалось у нее представление о детях, но еще и очень опасалась за исход родов. От своей матери она слыхала, будто уже в раннем детстве можно сказать, будет ли девочка хорошей и здоровой матерью или нет и будут ли у нее вообще дети. У Анджелы, как говорила ее мать, детей не будет. Андже́ла склонна была верить этому предсказанию (хотя никогда не сообщала о нем Юджину) и в то же время принимала все меры, чтобы не иметь детей.

Теперь, однако, прожив с Юджином столько лет, она видела, в какую сторону направлены его мысли и какое влияние оказывает на него материальное благополучие, и это наводило ее на мысль о ребенке (конечно, если это не будет связано с большими жертвами и опасностью для жизни), как о средстве держать мужа в руках и влиять на него. Может быть, он полюбит ребенка. Во всяком случае, у него появится чувство ответственности. Поскольку все окружающие будут ждать от него благоразумного поведения, он постарается соответственно и вести себя,— ведь он сейчас так на виду! Андже́ла долго и со всех сторон обдумывала этот вопрос, но из страха перед всякими трудностями не принимала никакого решения. Она внимательно прислушивалась к разговорам знакомых женщин и приходила к выводу, что с ее стороны, пожалуй, было ошибкой не иметь детей, по крайней мере, одного или двух, и что она, вероятно, могла бы быть матерью, если бы захотела. Некая миссис Санифор, довольно часто бывавшая у нее в Филадельфии (они познакомились у Миллеров), уверяла Анджелу, что ей рано отказываться от надежды стать матерью, хотя она и пропустила лучшее время для первых родов. Миссис Санифор знала много таких случаев.

— На вашем месте, миссис Витла, я поговорила бы с врачом,— посоветовала она ей однажды.— Он вам скажет. Я убеждена, что вы можете родить. Медицина теперь знает много способов, облегчающих роды,— диета, гимнастика. Хорошо бы вам побывать у моего врача.

Андже́ла решила, что последует этому совету,— из любопытства, да и вообще на всякий случай когда-ни-

будь в будущем. И эскулап, осмотревший ее, сказал, что, по его мнению, она может родить. Придется, конечно, подчиниться строгому режиму и с помощью гимнастики и массажа хотя бы отчасти восстановить эластичность мышц. Во всем остальном она здоровая и нормальная женщина, и ей нечего опасаться каких-то сверхъестественных страданий. Это очень обрадовало и успокоило Анджелу. У нее в руках появилось оружие против ее господина, цепь, которой она могла привязать его. Она не хотела решаться на это немедленно. Вопрос был слишком серьезный. Нужно было подумать. Но ей приятно было сознание, что это в ее власти. Разве только Юджин образумится...

Работая в агентстве Саммерфилда, а потом в Филадельфии, в издательстве «Кэлвин», Юджин, несмотря на высокий, с каждым годом возрастающий оклад, не сделал в сущности больших сбережений. Анджела позаботилась о том, чтобы вложить часть их капитала в акции Пенсильванской железной дороги, казавшиеся ей достаточно надежными, а также в участок земли (в Верхнем Монтклере, штат Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка) размером двести на двести футов, где они при желании могли когда-нибудь поселиться. Деловые связи Юджина влекли за собой неизбежные траты; кроме того, приходилось ежегодно платить членские взносы (расход, им дотоле неизвестный) в целый ряд клубов, куда он был принят, — «Болтусрол гольф-клуб», «Ййр теннис-клуб», «Филадельфийский загородный клуб» и другие. Необходимость иметь скромный автомобиль — конечно, не пятиместный — была совершенно очевидна. Однако кратковременный опыт с собственной машиной послужил Юджину хорошим уроком. Выяснилось, что содержание автомобиля обходится непомерно дорого. Бесконечные починки, жалованье шоферу и, наконец, авария, во время которой сильно пострадал внешний вид автомобиля, быстро заставили Юджина отказаться от этого вида собственности. В случае надобности можно пользоваться и такси. Таким образом, с этим символом роскоши было покончено.

Любопытно отметить, что в тот период они заметно отделились от своих родственников на Западе. Юджин уже почти два года не бывал на родине, а что касается Анджелы, то она после переезда в Филадельфию виде-

ла из всей своей семьи только брата Дэвида. Осенью, на третьем году их пребывания в Филадельфии, скончалась ее мать, и Анджела ненадолго съездила в Блэквуд. Весной следующего года умер отец Юджина Миртл переехала в Нью-Йорк, ее муж служил теперь представителем одной провинциальной мебельной фирмы, содержащей здесь постоянную выставку. Она захворала сильным нервным расстройством и, как слышал Юджин, увлеклась «христианской наукой». Генри Берджес, муж Сильвии, стал директором банка, в котором работал уже много лет, а когда старик Берджес внезапно умер, он продал кому-то его газету. Мариетта писала, что приедет в будущем году, пусть Юджин найдет ей богатого жениха. Но Анджела по секрету сообщила мужу, что ее сестра помолвлена на сей раз окончательно и выходит замуж за крупного лесопромышленника из Висконсина. Все старые знакомые были в восторге от удачи Юджина, хотя очень жалели, что он отказался от карьеры художника. Его успех в области рекламного дела привлекал внимание; говорили, что он влиятельное лицо в редакции «Норс-Америкен». Итак, он процветал.

ГЛАВА XXXVIII

Однако самое лестное предложение было сделано Юджину осенью, на третьем году его работы в Филадельфии, и случилось это совершенно для него неожиданно, когда он совсем уже свыкся с мыслью, что обрел прочное пристанище, и прекрасно чувствовал себя среди своих сослуживцев. В то время не только в издательском деле, но и в других отраслях промышленности часто случалось, что люди, занимавшие сколько-нибудь видные административные должности, выдвигались на посты еще гораздо более видные и ответственные. Большинство крупных предприятий, которые ранее управлялись своими основателями, теперь переходили в руки наследников, пайщиков или акционеров, причем лишь очень немногие из этих новых владельцев имели хоть какое-то понятие о деле, которым призваны были управлять.

Хайрем С. Колфакс не был издателем по призванию. Контрольный пакет акций компании «Суинтон-Скадер-

Дэйвис» достался ему в результате одной из тех финансовых комбинаций, которые нередко отдают овец отнюдь не самым опытным и внимательным пастырям. Колфакс был достаточно энергичным человеком, и любое его предприятие оказывалось доходным, так как в крайнем случае он умел выгодно сбыть его с рук. Иными словами, это был финансист. Отец его, разбогатевший мыловар из Новой Англии, набравшийся радикальных идей, решил заняться пропагандой таких популярных в то время доктрин, как теория единого земельного налога Генри Джорджа, социализм, и тому подобное. Эти идеи он всеми способами пытался пропагандировать, но, не будучи ни опытным оратором, ни опытным публицистом, а всего лишь опытным дельцом и мыслящим человеком, успеха не имел. Неудачи эти очень огорчали его. Было время, когда он подумывал купить или даже основать газету в Бостоне, но, познакомившись с делом поближе, убедился, что коммерческая газета — весьма рискованное предприятие. Тогда он принялся субсидировать небольшие еженедельники, которые должны были распространять его взгляды, однако это давало ничтожные результаты. Его интерес к журнальному миру привлек к нему внимание Мартина У. Дэйвиса, одного из компаньонов фирмы «Суинтон-Скадер-Дэйвис», чья торговая марка на книгах, журналах и еженедельниках была известна в стране не менее, чем марка Оксфорда на английской Библии.

Компания «Суинтон-Скадер-Дэйвис» находилась в тяжелом финансовом положении. Издательство по разным причинам пришло в полный упадок. Джона Джейкоба Суинтона и Оуэна Б. Скадера, людей, по-настоящему преданных книжному и журнальному делу, давным-давно не было в живых. Мистер Дэйвис пытался вести дело разумно и честно, в интересах многочисленных наследников, но разум и честность приносили мало пользы, так как не могли заменить знаний и опыта, которых у него не было. В издательстве было достаточно редакторов, рецензентов, критиков, заведующих производством и редакциями, коммерческих директоров, агентов по распространению книг и так далее, из которых каждый в отдельности мог бы отлично справиться со своей частью работы, но в целом они с ней не справлялись и только переводили много денег.

Большой ежемесячник, пользовавшийся широкой популярностью, находился в ведении старика, просидевшего в редакторском кресле чуть ли не сорок лет. Еженедельником руководил неопытный юнец, молодой человек двадцати девяти лет. Еще один журнал — приключенческий — был в ведении другого молодого человека, двадцати шести лет, а критический ежемесячник выпускало несколько авторитетных критиков, работавших на постоянном жалованье. Книгоиздательство делилось на отделы: юношеский, прозы, научный, учебный и так далее, и каждый из них имел самостоятельного заведующего. Обязанностью мистера Дэйвиса было следить за тем, чтобы редакции возглавлялись компетентными лицами и чтобы все эти люди работали согласованно под его руководством. Но он не обладал ни достаточным умом, ни достаточной энергией для этой роли. Он был стар и бросался от одного метода руководства к другому. В издательстве тем временем создавались различные клики и группировки. Самой влиятельной была группировка, возглавляемая Флоренсом Дж. Уайтом, ирландцем по происхождению, который в качестве коммерческого директора (хотя фактически он занимал пост директора-распорядителя, подчиненного только Дэйвису) заведовал производственным отделом и типографиями и распоряжался огромными суммами, выделенными на бумагу, краски, печатание и распространение.

Это Уайт, с одобрения Дэйвиса, устанавливал ассигнования на бумагу, краски, набор, печатание и жалованье служащим. Это Уайт через посредство своего подручного — заведующего типографией — утверждал график сдачи в производство журналов и книг, и от него зависело, будут ли работы выполнены в срок или нет. Это Уайт через другого преданного ему заведующего держал под наблюдением экспедицию и склады и благодаря исключительным административным способностям угрожал захватить в свои руки также отделы рекламы и распространения.

Большой недостаток Уайта (впрочем, характерный для всякого ставленника Дэйвиса) заключался в том, что он не только ничего не понимал в искусстве, литературе и науке, но и не интересовался этим, — его занимало исключительно производство. Он так быстро поднялся по административной лестнице, что его жалованье

сильно отставало от очутившейся в его руках власти. Дэйвис, его патрон, тоже не имел никаких других средств, кроме пая в издательстве, весьма, надо сказать, обесцененного. Некомпетентное руководство редакциями привело к тому, что качество книг и журналов становилось все хуже, и дело шло к полному краху. Надо было что-то предпринять, так как за последние три года не удавалось добиться положительного баланса.

Тогда-то и был призван на помощь Маршал П. Колфакс — отец Хайрема Колфакса. Колфакс-старший был известен как человек, интересовавшийся всякими левыми идеями, а значит, также и литературой, и обладавший к тому же крупным состоянием. По слухам, у него было от шести до восьми миллионов долларов. Предложение, которое сделал ему Дэйвис, сводилось к следующему: Колфакс приобретает у наследников все акции, за исключением части, принадлежащей лично Дэйвису, то есть приблизительно шестьдесят пять процентов всего акционерного капитала, вступает в дело на правах директора-распорядителя и реорганизует его по своему усмотрению. Дэйвис был стар. Он мечтал сложить с себя ответственность за издательство и к тому же не хотел рисковать собственным капиталом. Он, как и все, понимал, что в дело необходимо влить новые соки. Нельзя было доводить фирму до провала — ее репутация была бы утрачена навсегда. У Уайта не было денег, а кроме того, он был для Дэйвиса новым и чуждым явлением, Дэйвис не умел оценить ни честолюбивых стремлений своего помощника, ни его незаурядных способностей. Это был для него человек из другого мира. Ему претила напористость Уайта — вот почему, размышляя о том, как быть с издательством, он меньше всего принимал в расчет Уайта.

Состоялся ряд совещаний. Старик Колфакс был очень польщен сделанным ему предложением. У него было три сына, из которых мыловарением интересовался только один. Двое младших, Эдвард и Хайрем, знать ничего не хотели о мыле. Старик думал, что предложение Дэйвиса может открыть поле деятельности для одного из них, а то и для обоих, но скорее всего, очевидно, для Хайрема, обладавшего более разносторонними интересами, хотя больше всего его занимали финансы. Кроме того, издаваемые фирмой книги и журналы могли

явиться проводниками его излюбленных идей, а это сильно подняло бы его личный престиж. Он занялся тщательным изучением положения фирмы, используя для этого в качестве ревизора и уполномоченного своего сына Хайрема, в финансовые способности которого очень верил. Убедившись, что акции компании можно приобрести в рассрочку и по очень сходной цене (за полтора миллиона долларов, при реальной стоимости в три миллиона), он поставил условием, что Хайрем получит пост директора-распорядителя и президента компании, и стал думать о том, что можно сделать с этим предприятием.

В предстоявшей реорганизации Флоренс Дж. Уайт увидел выгодный для себя случай выдвинуться и не преминул воспользоваться им. С первого же взгляда ему стало ясно, что Хайрему понадобятся некоторые сведения и большая помощь и что он, вероятно, по достоинству вознаградит того, кто окажет ему содействие. Уайт прекрасно видел, в чем состоят главные недостатки дела — отсутствие сведущего руководства в редакциях, склока и грызня между сотрудниками и неумелое финансовое управление. Он отлично знал, в чьих руках находятся акции и как можно запугать акционеров, чтобы заставить их продать свои пай по дешевке. Уайт с большим рвением работал для Хайрема, потому что тот ему нравился, и Хайрем платил ему тем же.

— Вы просто гениально провели эту операцию, Уайт,— сказал ему однажды Хайрем.— Вы, можно сказать, передали мне дело прямо в руки. Я этого не забуду.

— Ладно,— сказал Уайт.— Я заинтересован в том, чтобы во главе фирмы стал наконец настоящий хозяин.

— Когда я сделаюсь президентом, вы будете вице-президентом, а это значит двадцать пять тысяч в год. (Сейчас Уайт получал двенадцать тысяч.)

— Когда я сделаюсь вице-президентом, ваши интересы будут надежно охраняться,— угрюмо ответил Уайт.

Уайт, детина шести футов ростом, худой, долговязый, был дикарь, с трудом выражавший свои мысли. Колфакс был маленький, живой, стремительный, о таком человеке говорят, что он может горы сдвинуть. Предприимчивый, честолюбивый и во многих отношениях блестящий человек, он мечтал занять руководящее

положение в обществе, но не знал еще, как этого достичь.

Они крепко пожали друг другу руки.

Через три месяца Колфакс был избран директором-распорядителем и президентом компании, а Флоренс Дж. Уайт — ее вице-президентом. Уайт стоял за то, чтобы сразу освободиться от всех старых сотрудников и влить в дело свежие силы. Колфакс же предпочитал действовать не спеша, с оглядкой, пока ему самому не станет ясно, чего он хочет. На первых порах были уволены лишь двое стариков — заведующие отделами распространения и рекламы. Шесть месяцев спустя, когда Хайрем и Уайт еще были заняты реорганизацией дела и подысканием новых людей, Колфакс-старший скончался, и издательство «Суинтон-Скадер-Дэйвис» — вернее, принадлежащий умершему контрольный пакет акций — перешло по наследству к Хайрему. Заняв президентское кресло, доставшееся ему чисто случайно, Колфакс-младший оказался полным хозяином издательства и стал думать, как бы превратить его в золотое дно, а Флоренс Дж. Уайт сделался его правой рукой и верным союзником.

Колфакс уже три года стоял во главе компании «Суинтон-Скадер-Дэйвис», которую намеревался превратить в корпорацию под названием «Юнайтед мэгэзинс», когда он впервые услышал про Юджина. К этому времени он успел провести ряд реформ, частью радикальных, частью половинчатых и осторожных. Он пригласил нового заведующего отделом рекламы, которым был уже недоволен, и произвел некоторые изменения в художественном отделе и в редакциях — главным образом, впрочем, по совету других и преимущественно Уайта, а не по собственной инициативе. Мартин У. Дэйвис ушел на покой. Он был стар и немощен, и ему вовсе не улыбалось оставаться в издательстве на положении мебели. Только такие люди, как редакторы «Нейшнл ревью», «Суинтон мэгэзин» и «Скадер уикли», и пользовались еще некоторым влиянием, но их голос, конечно, имел ничтожное значение по сравнению с авторитетом Хайрема Колфакса и его ближайшего помощника.

С приходом Флоренса Уайта в издательстве установилась атмосфера взаимной вражды и недоверия. Уайт провел тяжелое детство в бруклинской трущобе, и ему

были ненавистны высокомерие и самомнение многочисленных редакторов и литературных работников издательства. Как истый ирландец, он был недурной организатор и ловкий дипломат, но особенно сильна была в нем жажда власти. Удачный ход, с помощью которого он добился расположения Хайрема Колфакса в ту пору, когда колоссальное предприятие переходило из одних рук в другие, пробудил в нем беспредельное честолюбие. Он хотел не только официально, но и на деле управлять издательством от имени Колфакса, подбирая по своему усмотрению редакторов, заведующих отделами и их помощников. Однако, на его беду, у Колфакса, при полном отсутствии интереса к деталям дела, был свой конек — люди. Как и Обадия Кэлвин, глава издательства «Кэлвин» (теперь, между прочим, его единственный крупный конкурент), Колфакс гордился умением подбирать людей. Его главная забота заключалась в том, чтобы найти еще одного крупного работника вроде Флоренса Уайта, который возглавил бы художественный и книжный отделы, — не с точки зрения производственной и коммерческой, а человека всесторонне развитого, с большой инициативой, который сумел бы заручиться содействием писателей, редакторов, ученых и окружить себя способными помощниками. Тогда успех был бы обеспечен. Он считал, — и не без оснований, — что в издательском деле вполне возможно разделить эти функции: Уайт должен обеспечить производство, сбыт и снабжение, а тот, другой, кто бы он ни был, — поднять литературный и художественный престиж издательства. Вскоре вся Америка убедится, что под его руководством старая фирма снова достигла прежней популярности и процветания. Колфаксу хотелось заслужить имя лучшего издателя своего времени, а потом уже с достоинством удалиться от дел или посвятить себя другим финансовым операциям, более отвечающим его вкусам.

Надо сказать, что он очень мало знал Флоренса Дж. Уайта, который был мастер лицемерить и притворяться. Уайта не увлекал тот план, которому Колфакс придавал такое значение. Он не был в состоянии справиться с делами, требовавшими определенных знаний и широкого кругозора, и тем не менее хотел быть королем, подчиненным только императору, силой, руководящей треном, и не намерен был добровольно делить с кем-либо

власть. Держа в своем ведении типографию, он имел возможность доставлять большие неприятности всякому, кто был ему не по нутру. Гранки задерживались, пропадали рукописи, к редакциям предъявлялись постоянные претензии из-за невыполнения графика и так далее, до бесконечности. Помимо всего прочего, Уайт был большой охотник копаться в интимной жизни своих сослуживцев, и стоило ему обнаружить в прошлом своего противника малейшее пятно, как факт этот таинственным образом всплывал на поверхность, причем в самый неблагоприятный для жертвы момент. От всех своих подчиненных он требовал абсолютной преданности. Если человек не догадывался действовать в интересах Уайта, его вскоре под тем или иным предлогом увольняли, хотя бы он был безукоризненным работником. Заведующие редакциями, не уверенные в своих силах и чуявшие, откуда дует ветер, заискивали перед ним. Те, кто нравился Уайту и был его послушным орудием, процветали. Зато те, кто был у него в немилости, вечно должны были оправдываться перед Колфаксом либо бегать к нему с жалобами. А тот понятия не имел о коварстве своего помощника и готов был считать этих людей плохими работниками.

Колфакс все еще надеялся найти такую фигуру из кругов, близких к искусству, которая могла бы разделить руководство с Уайтом, когда он впервые услышал про Юджина. До сих пор он еще не набрел на такого человека, так как все, кто внушал ему уважение и кого он считал достойным занять этот пост, имели свои собственные предприятия. Он вел переговоры то с одним, то с другим, но безуспешно. А тут как раз потребовалось найти человека на освободившееся место заведующего отделом рекламы, и притом такого, который мог бы поставить дело по-настоящему. Колфакс начал спрашивать сведущих в этой области людей. Кроме того, он стал присматриваться к специалистам рекламного дела, работающим в других предприятиях, и вскоре услышал о Юджине Витле. Рассказывали, что Витла достиг блестящих результатов и пользуется большой популярностью среди своих сотрудников. Два дельца, не сговариваясь друг с другом, хвалили Колфаксу Юджина как исключительно способного человека. Третий рассказал ему про успехи Юджина у Саммерфилда, а с

помощью четвертого, знакомого Юджина, пригласившего однажды их обоих позавтракать в «Харвард-клуб», Колфакс получил возможность встретиться с ним, не выдавая своих намерений.

Не зная, кто такой Колфакс, вернее, зная о нем лишь то, что этот человек занимает пост президента в конкурирующем предприятии, Юджин держался свободно и просто. Он никогда не ломался, всегда готов был учиться у всякого, кто мог его чему-нибудь научить, и приветливо относился к людям.

— Так вы, значит, «Суинтон-Скадер-Дэйвис»? — сказал он, знакомясь с Колфаксом. — Не иначе как эта троица основательно усохла, чтобы уместиться в вас одном; но сила, надо полагать, осталась все та же!

— Вот уж не знаю, не знаю! — сказал Колфакс, охотно откликаясь на шутливый тон Юджина: он никогда не отказывался принять вызов. — Суинтон и Скадер, говорят, оба были могучего сложения. Но вам-то уж, наверно, не на что жаловаться, если только ваши силы соответствуют вашему росту.

— Да я и не жалуюсь, только бы меня оставили в покое, — сказал Юджин. — Но меня беспокоят мелкие людишки, очень уж они все хитрющие.

Колфакс радостно закудахтал. Ему понравилась внешность Юджина, его приятные манеры — непринужденные, спокойные — и умные глаза. Да и вся повадка этого Витлы отвечала его собственной неукротимой энергии, в нем не было излишней мягкости и уступчивости.

— Так это вы, значит, заведующий отделом рекламы в «Норс-Америкен»? Как же им удалось так привязать вас к себе?

— Они меня не привязывали, — ответил Юджин. — Я сам дался им в руки. А чтоб я не ворочался, они придавили меня хорошим, жирным жалованьем. Ничто другое не заставило бы меня сидеть смирно.

Он самодовольно усмехнулся.

— Ну что ж, дорогой мой юноша, ребра они вам не сбломали, и что-то не видно, чтоб у вас впали бока. Ха-ха-ха-ха! Не впали ведь? Ха-ха-ха!

Юджин с интересом смотрел на этого маленького человека. Он был поражен его острым, пытливым взглядом. Какая разница между ним и Кэлвином, — тот, по-

жалуй, не больше его ростом, но такой степенный, тихий и так полон достоинства. Крикливый, неугомонный Колфакс, казалось, был насыщен электрической энергией. Он весь был как на шарнирах. «Точно у него под тонким слоем кожи голые электрические провода,— подумал Юджин.— Стремительный, как молния».

— Дела у вас там, как видно, идут недурно,— продолжал Колфакс.— Мне приходится иногда о вас слышать. Не много, правда, не много! Самую малость! Но ничего плохого, нет, ничего плохого.

— Надеюсь,— небрежно отозвался Юджин. Он еще не понимал, почему Колфакс так интересуется им. Этот человек разглядывал его, словно скаковую лошадь. Глаза их время от времени встречались, и Юджин замечал во взгляде Колфакса лукавый, но приветливый огонек.

— Ну, так в чем дело? — спросил его, наконец Юджин.

— Дайте подумать, дорогой мой юноша! Дайте подумать,— ответил тот, и больше Юджин ничего от него не добился.

Но вскоре после этой странной встречи, хорошо запомнившейся Юджину, Колфакс письмом пригласил его к себе в Нью-Йорк. «Очень прошу Вас уведомить меня,— писал он,— когда Вы намерены побывать в Нью-Йорке. Я буду рад Вас видеть у себя к обеду. Нам с Вами стоило бы познакомиться поближе и поговорить по душам».

Письмо было написано на бланке корпорации «Юнайтед мэгэзинс», недавно организованной вместо компании «Суинтон-Скадер-Дэйвис», и на штампе значилось: «Секретариат президента».

Юджин решил, что за этим кроется что-то серьезное. Уж не собирается ли Колфакс сделать ему какое-то предложение? Что ж, тем лучше. Правда, ему и сейчас неплохо и он привязан к мистеру Кэлвину, да и вообще ему нравится окружающая обстановка. Но так как всякое деловое предложение является очевидным признанием ваших заслуг, Юджин готов был его выслушать. На крайний случай это поможет ему еще больше укрепиться у Кэлвина. Он придумал повод для поездки в Нью-Йорк, но сначала ознакомил с содержанием письма Анджелу, которая отнеслась к нему с холодным любопытством. Он рассказал ей, какое внимание проявил к

нему Колфакс при встрече, и высказал предположение, что его, очевидно, пригласят на службу в «Юнайтед мэгэзинс».

— Особенно меня туда не тянет,— сказал Юджин,— но любопытно узнать, в чем дело.

Анджела посоветовала ему оставить письмо без внимания.

— Это, конечно, крупная фирма,— сказала она,— но несколько не крупнее, чем издательство мистера Кэлвина, который относится к тебе очень хорошо. Я бы на твоём месте не стала делать ничего такого, что может ему не понравиться.

Юджин задумался над ее словами. Совет казался благоразумным, но его разбирало любопытство.

— Ни в какие переговоры я вступать не стану,— сказал он.— Но интересно, что он мне скажет.

Он в тот же вечер написал Колфаксу, что будет в Нью-Йорке двадцатого числа и с большим удовольствием принимает его приглашение к обеду.

Первое же свидание Юджина с Колфаксом заложило основу для их последующей дружбы. Так же, как и Саммерфилд, Колфакс обладал темпераментом, родственным Юджину, но в смысле способности управлять людьми он стоял несравненно выше Саммерфилда.

В доме Колфакса Юджину был оказан исключительно сердечный прием. Колфакс пригласил его зайти в контору и оттуда повез к себе домой. Его новый, только что отстроенный особняк с облицованным белым мрамором фасадом, с огромными чугунными воротами и внушительным подъездом, украшенным небольшими пальмами и карликовыми кедрами, был расположен в верхней части Пятой авеню. Юджин сразу убедился, что этот человек живет в той напряженной атмосфере коммерческого и финансового соперничества, которое придает жизни в Нью-Йорке такую остроту. Во всем доме чувствовался суровый, холодный порядок и погоня за блеском, сдерживаемая лишь тем чувством меры, которое диктуется знанием господствующих вкусов и моды. Автомобиль у Колфакса был тоже новый и очень большой, самой последней марки — темно-синяя громада с бесшумным, как у швейной машины, ходом. Им открыл дверь лакей шести футов ростом, в панталонах до колен и во фраке. В комнатах прислуживал безмолвный, поч-

тительный и внимательный японец. Юджин был представлен миссис Колфакс, грациозной женщине с несколько наигранными манерами. Немного позднее горничная-француженка привела двух детей — мальчика и девочку.

Юджин успел уже привыкнуть к роскоши во всех ее видах, и этот дом не слишком поразил его по сравнению с многими другими, где ему приходилось бывать. Но, во всяком случае, он принадлежал к числу наилучших. Колфакс держал себя дома очень просто. Он небрежно кинул пальто лакею, подбросил поочередно в воздух обоих детей, а жену, которая была чуть выше его, звонко чмокнул в щеку, воскликнув:

— Ну как, понравилось, Сита? (Как узнал впоследствии Юджин, это было уменьшительное от Сесилия.) Познакомься с мистером Витлой. Он художник, заведующий художественным отделом, специалист по рекламному делу и...

— ...в высшей степени скромный человек,— с улыбкой закончил Юджин,— далеко не такой ужасный, каким он может вам показаться. Характеристика, данная мне вашим супругом, сильно раздута.

Миссис Колфакс ласково улыбнулась.

— Я готова сейчас же скинуть добрую половину,— отозвалась она.— А позднее, вероятно, и остальное. Может быть, мы пройдем в библиотеку?

Обмениваясь шутками, они поднялись наверх. Все, что Юджин видел, было ему по душе. Миссис Колфакс вскоре извинилась и вышла, и Колфакс завел разговор на общие темы.

— Теперь я покажу вам свой дом,— сказал он,— а после обеда побеседуем о деле. Вы очень интересуете меня, не стану скрывать от вас.

— И вы интересуете меня, Колфакс,— весело отозвался Юджин.— Вы мне нравитесь.

— Убежден, что правлюсь вам не больше, чем вы мне,— ответил тот.

ГЛАВА XXXIX

Вечер, проведенный в этом доме, доставил Юджину большое удовольствие, но его немало смутило то, что Колфакс хочет уговорить его бросить работу у Кэлена и перейти к нему.

— Дело у вас там прекрасное,— говорил он,— но разве может оно сравниться с тем предприятием, которое мы сейчас создаем? Какое значение имеют ваши два журнала по сравнению с нашими семью? У вас только один действительно ходкий журнал — тот, где вы работаете,— но вы совсем не издаете книг! А у нас семь журналов, которые прекрасно расходятся, плюс книгоиздательство, не уступающее никакому другому в Америке. Вы это знаете. Если бы прежнее руководство не развалилось окончательно, дело вообще никогда не попало бы в мои руки. Я приведу вам, Витла, один маленький факт, касающийся нашего предприятия, и он покажет вам, что там творилось до моего появления. На одну только краску эти чудаки расходовали лишних двадцать тысяч долларов в год. Они выпускали сотни никому не нужных книг, которые не окупали даже стоимости печатания, не говоря уже о расходах на бумагу, клише, набор и распространение. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что таким образом ежегодно вылетало в трубу свыше ста тысяч долларов. Тиражи журналов падали. Там и до сих пор народ еле-еле раскачивается. Вот мне и нужны люди. В сущности, мне нужен один человек, который со временем взял бы на себя обязанности главного редактора и добился бы настоящих результатов. Это должен быть человек, умеющий управлять другими. Если мне удастся найти такое лицо, я отдам в его ведение и отдел рекламы,— так как он, по существу, составляет одно целое с литературным и художественным отделами. Все зависит от того, найду ли я нужного человека.

Он многозначительно посмотрел на Юджина, который внимательно слушал, рассеянно водя пальцем по верхней губе.

— Да,— задумчиво произнес Юджин.— Прекрасная должность. А кого вы на нее прочите?

— Пока никого,— во всяком случае, никого, в ком я был бы совершенно уверен. У меня есть на примете один человек, который, пожалуй, мог бы занять этот пост, ознакомившись сначала с нашим предприятием и изучив его нужды. Это нелегкий пост. Он требует воображения, такта и умения критически разбираться в материале. Человек этот должен быть вице-Колфаксом, так сказать, поскольку сам я не могу всю жизнь зани-

маться этим издательством. Не могу и не хочу. Меня интересуют более важные вещи И мне нужен работник, который со временем стал бы в этих отделах моим вторым «я», который сумел бы спеться с Флоренсом Уайтом и всем издательским персоналом и упорно проводил бы свою линию в порученной ему области Я хочу создать, так сказать, комитет из двух человек, причем каждый должен править безраздельно в своей области

— Это звучит очень интересно,— задумчиво сказал Юджин.— Кто же ваш кандидат?

— Как я вам говорил, он, по-моему, еще не совсем доспел, но уже близок к этому, и он — самый подходящий человек. Кстати, он здесь, налицо. Я имею в виду вас, Витла.

— Нет,— спокойно произнес Юджин.

— Да, вас! — повторил Колфакс.

— Вы мне льстите,— сказал Юджин и сделал движение рукой, словно отводя от себя непрошенный комплимент.— Я далеко не уверен, что я тот, кто вам нужен.

— Да, да, именно тот, надо только, чтоб и сами вы так думали! — горячо сказал Колфакс — Счастье не станет попусту стучаться в дверь своего избранника. И я не могу поверить, чтобы вы его не впустили, раз оно постучалось в вашу дверь. Поймите, что для начала мы будем платить восемнадцать тысяч в год за одно только заведение рекламой.

Юджин выпрямился в кресле. Сейчас он получает двенадцать тысяч. Может ли он позволить себе пренебречь таким предложением? В состоянии ли компания «Кэлвин» дать ему такое жалованье? Правда, ему платят неплохо. Но сможет ли компания «Кэлвин» обещать ему что-либо подобное?

— Я вам больше скажу,— продолжал Колфакс — Общий контроль над всем предприятием, пост директора издательства, который я намереваюсь создать и который вы займете, как только почувствуете себя в силах, повлечет за собой оклад в двадцать пять тысяч долларов в год И этого, между прочим, вам пришлось бы ждать недолго.

Юджин молчал и думал. Предложение, сделанное так горячо и решительно, взволновало и испугало его. Это было нечто грандиозное — полный контроль над лите-

ратурным, художественным и рекламным отделами такого крупного предприятия, как «Юнайтед мэгэзинс»! Кто такой этот Уайт? Что он собой представляет? Можно ли будет с ним ужиться? А этот человек, что сидит напротив,— такой настойчивый, живой, целеустремленный! Требования его будут огромны.

И опять же он, Юджин, так сработался с Таунсендом Миллером, так привык к руководству Кэлвина. Как много нового узнал он из одних только бесед с этими более опытными людьми, в совместной с ними работе над издательскими планами. Сейчас он хорошо представляет себе, что такое хроника, обзорная статья, дающая анализ и прогноз событий общегосударственного значения, и что такое «смесь», сенсационный рассказ, биографический очерк. Кэлвин научил его, как определяются мастера своего дела. Конечно, о многом он и сам догадывался, но лишь там, в Филадельфии, на совещаниях с Миллером и Кэлвином, он всем этим овладел. Вместе с Миллером он фактически руководил небольшим художественным отделом издательства, что не требовало от него особой затраты энергии. Так неужели он не справится с этой, пусть и более обширной задачей? Если он откажется, на это место найдется, конечно, кто-нибудь другой. Неужели же тот, другой, много талантливее его?

— Я вовсе не требую, чтобы вы действовали сгоряча,— успокаивающим тоном сказал Колфакс после короткой паузы, заметив, что Юджин серьезно взвешивает в уме все «за» и «против» и что дилемма перед ним встала нелегкая.— Я понимаю ваши сомнения. Вы работаете прекрасно. К вам хорошо относятся, что, впрочем, вполне естественно. Вам не хочется уходить. Ну что ж, подумайте хорошенько. Вам представляется единственный в своем роде случай. Так или иначе, вы мне нравитесь, и я считаю вас именно тем человеком, который справился бы с этой задачей. Заходите ко мне завтра в контору, и я ознакомлю вас с нашим предприятием. Я хочу, чтобы вы увидели, каковы наши возможности. Едва ли вы представляете себе масштаб дела.

— Нет, почему же. вполне представляю,— улыбнувшись, ответил Юджин.— Ваше предложение, конечно, очень заманчиво. Но сейчас я не могу ничего сказать.

Нужно подумать. Дайте мне время. Если разрешите, я сообщу вам ответ немного погодя.

— Думайте, сколько хотите! Думайте, сколько хотите, мой дорогой! — воскликнул Колфакс. — Я подожду. Это не так уж к спеху. Такие дела не делаются в одну минуту. Когда вы решите, дайте мне знать, а теперь не поехать ли нам в театр — что вы скажете?

Была подана машина, и к ним присоединилась миссис Колфакс со своей гостьей, мисс Джинир. Они прекрасно провели время. В антрактах Юджин умело поддерживал веселую и занимательную беседу, а после театра вся компания отправилась к «Шерри» ужинать. Переночевав у Колфакса, Юджин на другое утро побывал вместе с ним в издательстве и в полдень уехал в Филадельфию.

У него буквально голова шла кругом от всего, что он увидел и услышал. Колфакс — большой человек, думал он, это в некоторых отношениях значительно более крупная величина, чем Кэлвин. Он более энергичен, более предприимчив, и он моложе. Ему нечего бояться краха. Он слишком богат для этого. Колфакс добьется успеха со своей корпорацией, большого успеха, и, приняв его предложение, он, Юджин, разделит с ним этот успех. Это было бы замечательно! Это не то, что работать в предприятии, которое своим расцветом обязано кому-то другому. Неужели же отклонить такое предложение? Жизнь в Нью-Йорке, работа, неразрывно связанная с искусством и литературой, крупный административный пост, видное положение в обществе, известность, деньги — все это манило его к себе. Ведь при окладе в восемнадцать или двадцать пять тысяч долларов он сможет поселиться в прекрасной квартире-студии, хотя бы даже на Риверсайд-Драйв, устраивать блестящие приемы, иметь собственную машину, не беспокоясь о связанных с нею расходах. Анджела перестанет наконец думать об экономии. Это предел того, чего можно достигнуть, оставаясь служащим. А дальше можно будет подумать и о доле в предприятии или же о собственном деле. Какими далекими казались ему сейчас дни, когда он юношей бродил по улицам того же Нью-Йорка в поисках угла за три доллара в неделю, или когда он, нищий художник, обивал пороги магазинов, чтобы сбыть свои картины по десять — пятнадцать долларов за шту-

ку. Боже мой, какие забавные штуки выкидывает иногда судьба!

Разговор с женой только усилил его колебания: хоть Анджела и была приятно удивлена предложением Колфакса, все же она опасалась, как бы Юджин не промахнулся, покинув нынешнего своего хозяина. Ведь Кэлвин так хорошо относится к нему. Правда, он не поддерживал с ним близкого знакомства, но Юджин и Анджела бывали у него на торжественных приемах, и Юджин рассказывал, что Кэлвин не раз давал ему отеческие советы. Он не придирался к служащим и всегда был справедлив и снисходителен.

— Он прекрасно ко мне относится,— говорил Юджин Анджеле за завтраком,— да и все они там любят меня. Просто не знаю, как от них уйти. Но все же чем больше я думаю, тем для меня яснее, что у Кэлвина дело никогда не приобретет такого размаха, как в «Юнайтед мэгэзинс». Они издают и журналы и книги. А у Кэлвина ничего этого нет и не будет. Кэлвин слишком стар. Кроме того, корпорация Колфакса — в Нью-Йорке, и это для меня один из главных плюсов. Мне бы хотелось снова поселиться в Нью-Йорке. А тебе?

— Это было бы прекрасно,— сказала Анджела: она с первых же дней невлюбила Филадельфию, считая, что это глухая провинция по сравнению с Нью-Йорком и Парижем. Только хороший оклад Юджина и жизненные блага, которыми они пользовались, заставляли ее мириться с пребыванием здесь.

— Почему бы тебе не переговорить с мистером Кэлвином и не рассказать ему об этом предложении? — придумала она.— Когда он узнает, он, возможно, предложит тебе такое жалованье, что ты предпочтешь остаться.

— Ну нет,— ответил Юджин.— Может, он немного и повысит мне оклад, но платить двадцать пять тысяч в год ему не по силам. Да и не за что платить мне такие деньги. Это может позволить себе только такое предприятие, как «Юнайтед мэгэзинс». В нашем издательстве нет ни одного человека, который получал бы столько,— разве что Фредерикс. Да я и не могу здесь рассчитывать ни на что другое. В редакторском кресле крепко сидит Миллер. И так в сущности и должно быть. Он прекрасно знает свое дело. Предложение Колфакса открывает мне новое поле деятельности. Я вовсе не же-

лаю оставаться всю жизнь заведующим отделом рекламы.

— И я тоже не хотела бы этого, Юджин,— вздохнула Анджела.— Прямо стыдно, что ты не можешь бросить все эти дела и посвятить себя искусству. Я ни минуты не сомневаюсь, что ты многого достиг бы, если бы занялся живописью. Нервы твои теперь в порядке. Вопрос лишь в том, чтобы некоторое время жить скромнее и дать тебе возможность работать. Я убеждена, что ты далеко бы пошел.

— Искусство уже не так влечет меня, как когда-то,— ответил Юджин.— Слишком хорошо нам жилось последнее время, и я узнал, что такое настоящая жизнь. Разве я мог бы иметь двенадцать тысяч долларов в год, если бы оставался художником? Будь у меня тысяч сто или двести сбережений, тогда другое дело. Но у нас их нет. У нас только и есть что акции Пенсильванской железной дороги да несколько стальных акций и два земельных участка в Монтклере, и то налоги по ним съедают уйму денег. Как только вернемся в Нью-Йорк, надо будет что-нибудь на них построить, и если мы сами не захотим там жить, сдадим их в аренду. Брось я сейчас службу, у нас не будет ничего, кроме двух тысяч дохода и того, что я в состоянии заработать, а как жить на это?

Анджела подумала, что им действительно пришлось бы распрощаться с привольной, беспечной жизнью, которую они теперь вели. Быть женой выдающегося художника, конечно, очень приятно, но даст ли это ей возможность заказывать такие завтраки, как тот, за которым они сидели? Будет ли у них такая квартира и так много друзей? Искусство — великая вещь, но смогут ли они позволить себе такие прогулки на машине, как теперь? Сможет ли она так хорошо одеваться? Чтобы иметь разнообразные туалеты — для дома, для улицы, утренние и вечерние, — нужны большие деньги. Расходы в тридцать пять — сорок долларов на шляпку, как правило, не входят в бюджет жены художника. Согласна ли она вернуться к скромной жизни во имя его искусства? Не лучше ли, чтобы Юджин поступил к мистеру Колфаксу и проработал у него какое-то время, получая двадцать пять тысяч долларов в год, а потом уже бросил службу?

— Поговори все-таки с мистером Кэлвином,— снова посоветовала она.— Так или иначе, тебе придется это сделать. Послушай, что он скажет. А потом сам реши, как поступить.

Юджин сначала колебался, но, поразмыслив, пришел к заключению, что именно так и нужно сделать.

Вскоре после этого, встретив мистера Кэлвина на этаже, где помещались редакции, он обратился к нему:

— Не могли бы вы, мистер Кэлвин, уделить мне несколько минут по личному делу? Я был бы вам очень признателен.

— Пожалуйста. Хоть сейчас,— ответил тот.— Зайдемте ко мне.

— Мистер Кэлвин,— начал Юджин, когда они вошли в кабинет президента компании и он закрыл за собой дверь.— Я получил предложение, о котором должен поговорить с вами. Предложение чрезвычайно заманчивое, оно совсем выбило меня из колеи. Мне очень хотелось бы посоветоваться с вами,— я считаю это своим долгом.

— В чем же дело? — с участливым вниманием спросил Кэлвин.

— Мистер Колфакс, президент «Юнайтед мэгэзинс», недавно предложил мне перейти к нему на службу. Он обещает мне для начала восемнадцать тысяч в год как заведующему отделом рекламы, с тем что позднее я возьму на себя руководство и художественным отделом и редакциями, а тогда он увеличит мне жалованье до двадцати пяти тысяч долларов. Это будет, как он говорит, пост директора издательства. Я серьезно обдумал это предложение, так как я ведал рекламой и художественным отделом у вас и у Саммерфилда и кое-что понимаю в книжно-журнальном деле. Я знаю, что работа ответственная, но полагаю, что мог бы справиться.

Мистер Кэлвин внимательно выслушал его. Он понимал, в чем заключается план Колфакса, и одобрял его. Мысль была хорошая, но для этого требовался исключительный работник. Был ли Юджин таким работником? В этом Кэлвин сомневался, хотя и допускал такую возможность. Колфакс, думал он, человек с огромными способностями — пусть он новичок в издательском мире, но, во всяком случае, это крупный делец. Если он

найдет нужного ему человека, он, пожалуй, добьется больших результатов. Возможно, что Юджин с первого взгляда ему понравился: у него многообещающая внешность, он подтянутый, энергичный, с живым умом и свежими взглядами. К тому же его успех здесь, в этом издательстве, придает этому молодому человеку бóльшую цену в глазах Колфакса, чем он того заслуживает. Витла — хороший, даже прекрасный работник, но только под чьим-нибудь руководством. Хватит ли у Колфакса терпения, интереса и внимания, чтобы работать с ним и понимать его?

— Так, так, давайте хорошенько подумаем, Витла, — тихо произнес он. — Предложение лестное. Было бы, конечно, глупо не отнестись к нему со всей серьезностью. Знаете ли вы что-нибудь о том, как поставлено там дело?

— Нет, не знаю, — ответил Юджин, — если не считать того, что я мельком уловил из короткой беседы с мистером Колфаксом.

— А вы хорошо знаете мистера Колфакса как человека?

— Очень мало. Я только дважды встречался с ним. Он энергичный, живой, с большой инициативой, насколько я понимаю, он очень богат, — кто-то говорил мне, что у него три или четыре миллиона.

Кэлвин пренебрежительно махнул рукой.

— Он вам нравится?

— Я затрудняюсь вам на это ответить. Он меня очень интересует. Жизнь так и кипит в нем. Могу только сказать, что первое впечатление было хорошее.

— И он хочет со временем поручить вам руководство всеми журналами и книгоиздательством?

— Так по крайней мере он говорил, — сказал Юджин.

— Я бы на вашем месте не торопился взвалить на себя такую ответственность. Я бы сначала постарался убедиться, что хорошо знаю дело. Не забывайте, Витла, что заведовать одним отделом под чьим-либо руководством, да еще при сочувственном отношении и внимании руководящего вами лица — совсем не то, что брать на себя ответственность за четыре или пять отделов, не имея над собой никого, кроме человека, который сам ждет от вас разумных указаний. Колфакс, насколько я

знаю, не издатель ни по склонности, ни по образованию, ни по опыту. Он финансист. Если вы примете его предложение, он захочет, чтобы вы говорили ему, как и что нужно делать. Вы окажетесь перед очень трудной задачей, разве только вы обладаете большими познаниями в издательском деле. Мне вовсе не хочется, чтобы вы думали, будто я рад окатить вас холодной водой. В вас говорит естественное стремление продвинуться в жизни. Растите, если можете. Уверяю вас, что, вздумай вы уходить, никто из ваших знакомых не пожелает вам счастья более искренне, чем я. Я только просил бы вас тщательно все взвесить. Здесь вы себя чувствуете прочно, насколько может себя прочно чувствовать человек, если он должным образом ведет себя, если он отдает работе все свои способности и энергию. Вполне естественно, что после сделанного вам предложения вы вправе ожидать повышения оклада, и я охотно пойду на это. Вы, верно, и сами догадываетесь, что я намеревался несколько повысить ваш оклад в январе. Так вот, я вам заявляю, что если вы пожелаете остаться у нас, вы будете получать четырнадцать тысяч долларов, и, возможно, шестнадцать тысяч через год-полтора. Я не хочу перегружать ваш отдел накладными расходами, в которых не вижу необходимости. Я бы сказал, что шестнадцать тысяч долларов будет, пожалуй, слишком высокой платой, но вы прекрасный работник, и я охотно буду вам столько платить.

Вам остается решить, какое предложение надежнее и больше вам по вкусу — мое или Колфакса. У него вы сейчас же начнете получать восемнадцать тысяч, у меня — шестнадцать, и то не раньше чем через год. У него перед вами откроются блестящие перспективы, на какие вы никогда не сможете рассчитывать здесь. Но, с другой стороны, вы должны помнить, что и трудности вам предстоят там несравненно бóльшие. Меня вы теперь немного знаете. Что же касается мистера Колфакса (не подумайте, что я хочу сказать про него что-либо дурное, у меня и в мыслях этого нет), то вам еще нужно его узнать. Мой вам совет — хорошенько подумайте, прежде чем действовать. Разузнайте получше, как там обстоят дела, до того как принять предложение. «Юнайтед мэгэзинс» — крупное предприятие. Я несколько не сомневаюсь, что под руководством мистера Колфакса его

ждет блестящее будущее. Он способный человек. Если надумаете уйти, зайдите ко мне и сообщите, и могу вас уверить, что мы расстанемся друзьями. Если же вы решите остаться, мое предложение насчет вашего нового оклада немедленно вступит в силу. Собственно говоря, я согласен даже дать указание мистеру Фредериксу перевести вас на новый оклад задним числом, и вы сможете тогда сказать, что получали здесь столько-то. Вам это не повредит. И все у нас останется, как было. Я знаю, что неразумно пытаться удержать человека, которому обещают более выгодные условия,— именно поэтому я и предлагаю вам на этот год только четырнадцать тысяч. Мне нужна уверенность в том, что вы и сами тверды в своем желании остаться. Понятно?

Он улыбнулся Юджину.

Юджин встал.

— Понятно,— сказал он,— и вы, мистер Кэлвин, лучший человек, какого я когда-либо встречал. На такое отношение, как ваше, я нигде не могу рассчитывать. Для меня было огромным удовольствием и большой честью работать у вас. Если я решу остаться, то лишь потому, что действительно захочу остаться, и потому, что я дорожу вашей дружбой.

— Ну что ж, это приятно слышать,— спокойно сказал Кэлвин,— и я очень ценю ваши слова. Но пусть ваши дружеские чувства или благодарность не удерживают вас от шага, который вы, по вашему мнению, должны сделать. Примите предложение мистера Колфакса, если оно вам по душе. Я несколько не буду на вас в претензии. Мне будет очень жаль, но это к делу не относится. Жизнь требует, чтобы мы постоянно приспосабливались к новым обстоятельствам, каждый опытный делец это знает.

Он пожал протянутую ему Юджином руку.

— Желаю вам успехов,— сказал он.

Это было его любимое выражение.

ГЛАВА XL

После длительных колебаний Юджин принял предложение «Юнайтед мэгэзинс» и расстался с мистером Кэлвином. Произошло это так: однажды он получил от

Колфакса письмо, в котором тот спрашивал, к какому решению он пришел. Чем больше Юджин обдумывал сделанное ему предложение, тем более соблазнительным оно ему представлялось. Колфакс строил в самом сердце делового района Нью-Йорка, близ Юнион-сквер, огромное здание в восемнадцать этажей, в котором должны были разместиться все отделы. Когда Юджин обедал у Колфакса, тот сказал ему, что шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый этажи будут отведены целиком под книгоиздательство, редакции журналов, отдел распространения, а также художественный и рекламный. Он попросил Юджина посоветовать, как лучше расположить отделы, и тот с обычной легкостью набросал на клочке бумаги примерный план. Редакции и художественный отдел он поместил на самом верху, предназначив для директора издательства, кто бы он ни был, одну из центральных комнат, с окнами на запад, откуда открывался великолепный вид на Нью-Йорк от Юнион-сквер до Гудзона. Для отдела рекламы и части редакционных помещений он отвел семнадцатый этаж, а отдел распространения с примыкающей к нему регистратурой, экспедицией и картотеками поместил на шестнадцатом. Кабинеты президента и его заместителя он предложил отделать в старофламандской гамме цветов, которая давно его привлекала, — ее зеленые, темно-синие, густо-красные и матово-черные тона должны были резко контрастировать с белым снопом дневного света.

— Делать, так уж делать как следует, — сказал он Колфаксу. — Почти все издательские кабинеты, какие мне приходилось видеть, напоминают бараки. Роскошь в помещениях редакций, а также художественного и рекламного отделов будет способствовать успеху вашей компании. Это в сущности та же реклама.

Рассуждая таким образом, Юджин вспомнил теорию Саммерфилда, что чуть ли не самое важное для предприятия — это его внешний вид, говорящий о процветании.

Колфакс согласился и сказал, что Юджин окажет ему большую любезность, если заедст взглянуть на строительство, когда придет время.

— У меня работают два хороших архитектора, — пояснил он, — но в вопросе убранства кабинетов я больше доверяю вашему вкусу.

И когда Юджин наедине с собою обсуждал этот последний категорический запрос о его решении, он не переставал думать о том, как будут выглядеть эти этажи, как богато они будут отделаны. Со временем, если все пойдет хорошо, он сделает свой кабинет самым роскошным во всем здании. И он, Юджин Витла, будет, не считая Колфакса, самой видной фигурой в этом колоссальном предприятии.

Мотивы подобного рода должны занимать последнее место в расчетах делового человека, но для Юджина они имели первостепенное значение. Это объяснялось тем, что он был не дельцом, а художником и оставался художником в душе, хотя и долго вращался в коммерческом мире. Мысли об ожидающей его должности и высоком общественном положении заставляли его забывать о связанной с этим огромной ответственности. Он понимал, что Колфакс — жесткий человек, более жесткий, чем даже Саммерфилд, так как он меньше говорил и больше делал. Но это не очень его тревожило. Он слишком верил в свои силы, в то, что сумеет постоять за себя при любых условиях.

Анджела, собственно говоря, не противилась этой перемене, хотя по свойственной ей нерешительности все чего-то опасалась и не торопилась одобрить решение Юджина. Если он добьется успеха, это будет огромная победа, но что если он просчитается!

— Колфакс безгранично верит в меня, — сказал ей Юджин. — Он убежден, что я справлюсь, а такая вера сама по себе — большая поддержка. Так или иначе, мне хочется попробовать. Попытка не пытка. Если я увижу, что руководить издательством мне не по силам, ограничусь рекламой.

— Ну что ж, — отвечала Анджела. — Я, право, не знаю, что тебе посоветовать. Здесь, у Кэлвина, к тебе так хорошо относились...

— Попробую, — решительно сказал Юджин. — Риск — благородное дело. — И он в тот же день сообщил о своем решении Кэлвину.

Тот серьезно посмотрел на него, и взгляд его пронизательных серых глаз говорил, что он всесторонне взвешивает этот вопрос.

— Ну что ж, Юджин, вы берете на себя большую ответственность. Дело это трудное. Тщательно обдумы-

вайте каждый свой шаг. Мне жаль, что вы покидаете нас. Прощайте.

Он чувствовал, что Юджин делает ошибку, что в его интересах было бы остаться еще некоторое время на старом месте, но убеждать его было бесполезно. Это только заставило бы молодого человека возомнить о себе и осложнило бы их дальнейшие отношения.

Кэлвин довольно много слышал в последнее время о Колфаксе и полагал, что Юджину будет трудно сработаться с ним. Говорили, что его симпатии и антипатии носят случайный характер и не выдерживают испытания временем. По общему мнению, Колфаксу для успешного руководства таким крупным предприятием не хватало человечности.

И надо сказать, что это мнение было правильным. Колфакс был тверд, как камень, но те, к кому он благоволил, видели перед собою улыбающегося, любезного человека. Его главной чертой было честолюбие, а его тщеславие не знало границ. Он надеялся добиться огромного успеха в жизни, желал, чтобы на него смотрели как на выдающегося финансиста, и старался окружить себя сильными людьми. Именно таким сильным человеком и показался Колфаксу Юджин, и, когда от последнего пришло письмо, в котором он сообщал, что согласен, но хотел бы предварительно кое о чем переговорить, Колфакс подбросил в воздух котелок, хлопнул по плечу своего подручного Уайта и воскликнул:

— Ура, Флорри! Вот когда я залучил работничка для нашей корпорации! Или я ничего не понимаю в людях, или этот человек для нас находка. Он еще молод, но это ничего не значит. Красотой он нас с вами, конечно, забьет, но мы это как-нибудь стерпим. Верно?

Уайт изобразил на лице радость, которой отнюдь не испытывал. Он видел на своем веку много редакторов и специалистов по рекламе и считал, что это легковесные люди: их тщеславие удовлетворяется пустой игрушкой, которой их забавляют или которой они сами себя тешат. Витла, по-видимому, принадлежит именно к такой категории людей. Однако если бы в корпорации появился настоящий знаток издательского дела, это невыгодно отразилось бы на нем, Уайте. Такой человек попытался бы, пожалуй, ущемить его авторитет или по меньшей мере разделить его с ним. Это ни в коем случае не устра-

ивало честолюбивого Уайта, ибо значило бы, что кто-то захочет стать ему поперек дороги, а ведь он надеялся когда-нибудь править здесь единолично. Почему Колфакс так настаивает, чтобы власть в корпорации была поделена? Уж не потому ли, что немного его боится? Очевидно, так, решил Уайт. И надо признать, что он был недалек от истины.

«Флорри — прекрасный помощник, — рассуждал Колфакс, — но ему необходимо противопоставить человека большой культуры и умственного превосходства, человека с теми качествами, перед которыми преклоняется мир»

Он хотел, чтобы эта культура и это умственное превосходство привлекли читателей к его журналам и книгам и, следовательно, способствовали увеличению их тиражей. Эти два человека будут дополнять друг друга и сдерживать. Таким образом, одна сторона дела не будет перевешивать другую. А управлять этой упряжкой должен он, Колфакс, тот, кто их обоих выбрал, чьи идеи они проводят в жизнь, с чьим мнением обязаны считаться. Весь торговый и финансовый мир должен знать, что без него они ничто. Что же касается Юджина и Уайта, то каждый из них считал, что другой будет играть второстепенную роль, а сам он, подчиненный одному только Колфаксу, станет столпом и украшением фирмы. Юджин был убежден, что в предприятие Колфакса только тогда можно будет вдохнуть новую жизнь, когда на первое место в нем будут поставлены художественно-интеллектуальные задачи. Уайт же был убежден, что без здорового коммерческого руководства предприятию грозит крах и что на это и должен быть сделан упор. За деньги можно купить лучшие умы.

Колфакс представил Уайту своего нового помощника в то утро, когда последний явился, чтобы приступить к работе, так как во время предыдущих его посещений Уайт отсутствовал. Они внимательно посмотрели друг на друга, но ни тот, ни другой не торопились с окончательными выводами, так как оба были люди не глупые. Уайт показался Юджину занятым типом — долговязый, жилистый, держится вызывающе; в нем угадывался бывший уличный заправила, приобретший с годами внешнее подобие джентльмена. Юджин же произвел на Уайта впечатление нервного, утонченного человека, ти-

пичного представителя литературной и художественной богемы, обладающего, однако, необычайно гибким умом и энергией, редко встречающейся у людей этой категории. В нем чувствовалась немалая сила, но и некоторая неуравновешенность. Уайт не сомневался, что сможет на крайний случай выжить его из концерна,— если не удастся сделать из него послушное орудие своей воли. Однако это будет нелегко — Витла пользуется поддержкой Колфакса, у него установившаяся репутация. Присутствие этого человека беспокоило Уайта. Он смотрел на него и думал: действительно ли Колфакс передаст в его руки управление литературным, художественным и рекламным отделами, или же он останется попросту заведующим отделом рекламы, в качестве какового явился сюда? Колфакс пригласил его пока только на эту должность.

— Вот рекомендую, Флорри,— сказал Колфакс, представляя Юджина.— Тот самый, о ком я вам говорил. Витла — мистер Уайт. Уайт — мистер Витла. Вам предстоит теперь работать вместе на благо нашего издательства. Ну, что вы скажете друг о друге?

Юджин уже раньше отметил грубоватую фамильярность, которой Колфакс явно бравировал. Этот человек, казалось, не имел ни малейшего понятия о необходимости придерживаться известных рамок в житейском обиходе.

— Нет, черт меня побери! — продолжал Колфакс, ударяя кулаком правой руки по ладони левой.— Если только я не ошибаюсь, наше дело теперь на мази. Давайте, Уайт, пройдемся по этажам и представим его.

Уайт важной поступью направился к двери.

— С удовольствием,— сказал он.

«С этим трудно будет иметь дело»,— решил он про себя.

Колфакс чувствовал себя на седьмом небе,— ему были свойственны такие порывы; ведь, ухаживая за Юджином, он только упивался собственным величием. Он шел впереди, крупными шагами (несмотря на свой маленький рост), и это тоже свидетельствовало о хорошем расположении духа. Говорил он громко, давая всем понять, что он, Хайрем Колфакс, здесь и преисполнен сил, как и подобает хозяину такого огромного предприятия. В припадке раздражения или когда кто-нибудь

ему перечил, он способен был впасть в безудержную ярость и визжать, как женщина, но Юджин еще не знал этого.

— Это только один из этажей, занятых типографией,— сказал Колфакс, распахивая дверь в помещение, наполненное оглушительным грохотом гигантских печатных машин.— Мальчик, где Додсон? Позови-ка Додсона! Скажи, чтоб шел сюда! Додсон — старший мастер нашей типографии,— добавил он, поворачиваясь к Юджину, когда работавший у машины ученик помчался искать своего начальника.— Я вам говорил, кажется, что у нас тридцать таких машин. Типография занимает еще четыре этажа.

— Да, говорили,— отозвался Юджин.— Действительно огромное предприятие. Я только теперь начинаю понимать, как безграничны возможности такого дела.

— Вот именно — безграничны! Все зависит от того, как у вас работает вот это,— и Колфакс постучал пальцем по лбу Юджина.— Если вы как следует справитесь со своим делом, а он со своим,— он повернулся к Уайту,— тогда возможностям этого издательства и в самом деле не будет границ. Поживем — увидим!

К ним торопливым шагом подошел Додсон, хитрый и проницательный приспешник Уайта, и с любопытством оглядел Юджина.

— Додсон, это — мистер Витла, новый заведующий отделом рекламы. Он должен помочь нам покрывать те непроизводительные расходы, в которые вы меня тут вводите. Витла, это — мистер Додсон, заведующий типографией.

Юджин и Додсон пожали друг другу руки. Юджин решил, что разговаривает с какой-то мелкой сошкой, и не уделил этому человечку никакого внимания. Додсон обиделся в душе, но не подал и виду. Он был всецело предан Уайту и чувствовал себя под его крылышком в полной безопасности.

Затем они прошли в наборный цех, где целая армия наборщиков возилась у касс и линотипов. Здесь их подобострастно приветствовал маленький толстенький мастер в зеленом полосатом фартуке, сшитом точно из матрацного тика. Присутствие начальства явно нервировало его, и когда Юджин протянул ему руку, он спрятал свою за спину.

— Она у меня слишком грязная,— сказал он.— Решите считать, что вы ее пожалели.

Снова объяснения и снова восторженные восклицания по поводу колоссальных масштабов дела.

Затем последовал отдел распространения, начальник которого, высокий смуглый мужчина, исподлобья оглядел Юджина, гадая про себя, какое место этот человек займет в деле и какую позицию надо будет занять по отношению к нему. Дома он говорил жене, что Уайт «повсюду тычет нос», и неизвестно, чем это кончится. До него доходили слухи, будто скоро явится новый человек, который возглавит сразу несколько отделов. Так уж не этот ли?

Наконец начался обход редакторов, с презрением наблюдавших за триумфальным шествием администрации, так как Колфакс и Уайт в их глазах были грубыми, неотесанными выскочками, всячески афишировавшими свое превосходство. Колфакс любил покричать и разговаривал со всеми свысока. Уайт был черств, злобен и не доступен никаким доводам. Редакторы в душе ненавидели их обоих, но из повиновения не выходили. Страх потерять место держал их в рабской покорности.

— Это мистер Марчвуд,— заметил Колфакс пренебрежительно,— редактор «Интернейшнл ревью». Он считает, что издает замечательный журнал, но мы в этом далеко не уверены.

Юджину стало неприятно за Марчвуда. Тот производил впечатление спокойного, серьезного человека, знающего свое дело.

— Очевидно, качество журнала определяется у вас только числом подписчиков,— просто отозвался тот, угадывая в улыбке Юджина сочувствие.

— И только, и только!

— Возможно, что и так,— вставил Юджин.— Но было бы неплохо приучить публику читать хорошие вещи так же охотно, как она читает всякую дрянь. Попытаться, во всяком случае, стоило бы.

Мистер Марчвуд улыбнулся. В этой атмосфере злобной придирчивости слова Юджина прозвучали дружеским участием.

— Да, предприятие у вас большое,— сказал Юджин, когда они наконец вернулись в кабинет президента.—

Так разрешите мне приступить к работе, и посмотрим, что удастся сделать.

— Желаю удачи, дорогой! Всяческих успехов! — провозгласил Колфакс. — Я возлагаю на вас большие надежды, вы это знаете.

— Только не слишком большие, — возразил Юджин. — Не забывайте, что я один, а дело огромное.

— Знаю, знаю! Но именно этот один мне и нужен — один, поняли?

— Понял, понял, — рассмеялся Юджин. — Не унывайте! Я уверен, что мы кое-чего добьемся.

— Замечательный парень! — сказал Колфакс Уайту, когда Юджин ушел. — Он сделан из настоящего теста — запомните мои слова, на него можно положиться. У него голова на месте. Ну, Флорри, если только я не ошибаюсь, теперь у нас пойдет работа.

Уайт улыбнулся угрюмо, чуть цинично. Он далеко не был в этом уверен. Новичок, возможно, и дельный малый, но что-то уж чересчур независим, в нем слишком сильно сказывается художник. Такой не может быть надежным, преданным работником. Он, конечно, не побежит к нему, Уайту, за советом и, надо ожидать, надевает ошибок. Зарвется. Что же ему пока предпринять, чтобы отразить это покушение на его власть? Развенчать молодца? Разумеется! Впрочем, нечего беспокоиться. Он непременно наделает ошибок. Уайт был уверен в этом.

ГЛАВА XLI

Первые дни после их вторичного возвращения в Нью-Йорк были для Анджелы исполнены радостных надежд. Как это непохоже на ее возвращение сюда к больному мужу, к жизни без всяких перспектив, после семи месяцев тоскливого одиночества! Забыв о прежних сомнениях, она рисовала себе блестящее будущее, видное положение в обществе, достаток. Юджин стал теперь важной персоной. Карьера его совершенно ясно определилась и почти не вызывала опасений. У них были изрядные сбережения в банке. Общая сумма их ценных бумаг, дававших в среднем около семи процентов дохода, составляла капитал в тридцать тысяч долларов. Были

у них и два земельных участка в Монтклере размером двести футов на двести, стоимость которых, по слухам, все возрастала. Юджин оценивал их приблизительно в шесть тысяч долларов. Он поговаривал о том, чтобы в дальнейшем вкладывать сбережения в бумаги, приносящие более высокий процент, или поместить их в какое-нибудь надежное коммерческое предприятие. А когда — немного погодя — наступит подходящий момент, он, вероятно, бросит издательское дело и вернется к своему искусству. Возможность эта с каждым днем становилась все реальнее.

Квартира-студия, которую они выбрали себе в Нью-Йорке, находилась в новом, роскошно отделанном доме на Риверсайд-Драйв, близ Семьдесят девятой улицы, где Юджин давно мечтал поселиться, — дом этот был специально приспособлен под студии. Риверсайд-Драйв — район всевозможных выставок (и вместе с тем одна из главных артерий города), с его атмосферой аристократического парка, с великолепной панорамой величавого Гудзона и изумительными закатами — всегда манил к себе Юджина. Когда он впервые приехал в Нью-Йорк, для него было наслаждением бродить здесь, наблюдая поток элегантных экипажей, кативших по направлению к могиле Гранта. Сколько раз, бывало, сидел он днем на этой самой скамье — или чуть подальше — и смотрел, как беззаботные всадники и амазонки веселыми кавалькадами проносились мимо, раскланивались со знакомыми, снисходительно и свысока разговаривали со сторожами и метельщиками парка и лениво любовались рекой. Каким недоступным представлялся ему этот мир! Только миллионеры могут жить в нем, думал Юджин, — так мало понимал он тогда, к каким неожиданностям приводят финансовые махинации. Эти элегантные мужчины в рединготах и бриджах, эти грациозные женщины в черных шляпках, в длинных черных амазонках и желтых перчатках, с изящными короткими хлыстиками, больше похожими на тросточки, — восхищали его. В те времена ему представлялось, что прогулки в парке верхом — привилегия высшей знати.

Много воды утекло с тех пор, и многое успел Юджин узнать, но эта улица по-прежнему казалась ему средоточием элегантности и роскоши столичной жизни, и именно здесь ему хотелось жить. После долгих обсуждений

Анджела была уполномочена приступить к поискам квартиры в девять — одиннадцать комнат, с двумя или более ванными, стоимостью от трех до трех с половиной тысяч в год. И действительно ей попалась превосходная квартира из девяти комнат с двумя ванными, с прекрасной студией — сорок футов на двадцать два и восемнадцать футов в высоту — за три тысячи двести долларов, — плата не слишком высокая при тех средствах, которыми они теперь располагали. Комнаты были прекрасно отделаны старым английским дубом с резьбой в стиле XV века. Что же касается обивки стен, то это оставлялось на усмотрение съемщика, к его услугам было все, что он пожелает, — гобелены, шелк и прочее.

Юджин выбрал для своей студии зеленовато-коричневые гобелены, на которых были изображены старинные рейнские замки, а для остальных комнат — голубые или коричневые шелка. Он осуществил также свою давнишнюю мечту, приобретя большое распятие темного дуба с фигурой истекающего кровью Христа, которое поставил в углу, между двух гигантских восковых свечей в высоких массивных канделябрах. Когда зажигали свечи, погасив все другие огни, их колеблющийся свет придавал веселому сборищу гостей своеобразное очарование. Один угол занимал огромный рояль старого английского дуба, а рядом с ним стоял великолепный нотный шкафчик французской работы. В студии были стулья с высокими резными спинками, резной мольберт, на котором стояла одна из лучших картин Юджина, а на черном мраморном пьедестале красовался желтый бюст Нерона, похотливое лицо которого с явными признаками вырождения, злобно улыбалось миру. Комнату освещали два золоченых канделябра на северной стене в одиннадцать рожков каждый.

Из широких двойных окон во всю вышину стен открывался вид на запад — на Гудзон. Одно из них выходило на каменный балкончик, где помещались четыре стула и откуда, с высоты девяти этажей, можно было любоваться набережной. Летом над балкончиком натягивался тент. По ту сторону спокойных вод реки торчали трубы и высилась громада какого-то завода, на рейде всегда стояли суда — военные корабли, грузовые пароходы и парусники, а вверх и вниз по течению сновали взад и вперед бесчисленные мелкие суденышки, за кото-

рыми так приятно было следить взглядом и в ясную и в пасмурную погоду.

Это была прелестная, хорошо отделанная квартира, и мебель, которую они привезли с собой из Филадельфии, почти вся отлично с ней гармонировала. В эту тихую гавань и причалили они, чтобы насладиться плодами долгой борьбы и относительной победы, приближавшей их наконец к желанной цели — к прочному и нерушимому достатку, которого не могли бы поколебать самые тяжелые удары судьбы.

Юджин был счастлив, что добился для себя и для Анджелы той роскоши, комфорта и видного положения, о которых он так долго мечтал. Многие из нас отчетливо представляют себе в мечтах убранство замка, который они когда-нибудь построят, но редко кому выпадает счастье увидеть эти мечты осуществленными. Мы с большим вкусом и знанием дела выбираем картины, и занавеси, и слуг. И вот для Юджина это стало реальностью.

ГЛАВА XLII

Дела издательства во всем, что касалось рекламы, производства и сбыта, вовсе не находились в таком печальном положении, чтобы с помощью такта, деловой сметки и усердной работы нельзя было надеяться их поправить. С приходом Флоренса Уайта в коммерческой и финансовой стороне дела наметился поворот к лучшему. Правда, Уайт не имел представления о том, что такое злободневная статья, интересная книга или ходкое художественное издание, но он обнаруживал исключительную сметливость, когда речь шла о производстве, снабжении, сбыте и умелом руководстве рабочей силой с точки зрения ее стоимости и эффективности; это и сделало его влиятельным человеком и заставляло с ним считаться. Нанимая людей, он с первого взгляда видел, насколько работник сведущ в своем деле. Он знал, где какие книги могут найти сбыт, закупал бумагу огромными партиями и по самой выгодной цене и умел свести к минимуму типографские и прочие накладные расходы. Ни один цент не тратился нерационально. Он умел использовать машины до их предельной мощно-

сти — с помощью графиков, в значительной мере снижавших непроизводительную трату энергии, и при минимальном количестве обслуживающего персонала. У него были вечные конфликты с профессиональными союзами, так как последние протестовали против его жестких методов, исключавших всякий параллелизм в работе и тем самым сокращавших число занятых рабочих. Он правил железной рукой и был несдержан, непристойно груб и циничен в обращении с представителями профсоюзов, — там его боялись, но и считались с ним.

Хуже обстояло дело с рекламой, и это объяснялось тем, что журналы, которым отдел рекламы должен был поставлять клиентов, находились на крайне низком уровне. Они были оторваны от жизни, они не умели опережать мысли и настроения своего времени, и читающая публика в поисках духовной пищи должна была обращаться к другим источникам. Когда-то эти журналы выходили большим тиражом и пользовались популярностью. Это было в ранние дни их существования, когда первые их издатели и редакторы были в расцвете сил. А потом наступила усталость, безразличие, начался разброд. Лишь с приходом к власти Колфакса появилась надежда на оживление. Как уже говорилось, он стремился подобрать для каждого участка работы энергичных людей, но прежде всего искал такого человека, который указал бы ему, как управлять этими энергичными людьми, коль скоро он их заполучит. От кого будут исходить идеи, которые могли бы приковать внимание читающей публики к тому или другому журналу? Кто привлечет к его книжному издательству крупных, признанных писателей. Кто вызовет в людях, руководящих отделами, то воодушевление, которое обеспечит издательству всеобщее признание и материальный успех? Возможно, что Юджин и окажется тем человеком, которого он надеялся найти, — но когда это еще будет? Теперь, имея Юджина в своем распоряжении, Колфаксу хотелось подтолкнуть его и поторопить.

Юджину не понадобилось много времени, чтобы оценить истинное положение вещей в издательстве. Его сотрудники, которых он созвал на совещание, все в один голос жаловались на падение тиражей.

— Говорите что угодно, мистер Витла, — мрачно заявил один из них, — но все дело в тиражах. Нужно под-

нять престиж наших журналов. Промышленники прекрасно знают, когда реклама дает результаты. Мы все время гонимся за новыми клиентами, но не можем их удержать. Нет, не можем. Нас подводят журналы. Что прикажете делать?

— Я вам скажу, что мы сделаем,— спокойно ответил Юджин.— Мы прежде всего постараемся подтянуть журналы. Насколько мне известно, кое-какие шаги в этом направлении уже предприняты. Журналы постепенно улучшаются. Производственный отдел, кстати, находится в прекрасном состоянии. В скором времени хорошо заработают и редакции. Но я хочу, чтобы вы, друзья мои, и при существующих условиях проявили всю энергию, на какую только способны. Я приложу все усилия к тому, чтобы не производить никаких перемен в штатах этого отдела. Я научу вас, каждого в отдельности, как добиваться цели. Мне бы хотелось, чтобы вы прониклись сознанием, что наше предприятие — самое крупное в мире и что мы в силах преодолеть все препятствия на нашем пути. Посмотрите на мистера Колфакса! Неужели вы думаете, что этот человек способен потерпеть поражение? Мы — может быть, но он — никогда!

Сотрудникам нравилось и обращение Юджина и его решительный тон. Его вера в их способности льстила им, и не понадобилось и десяти дней, как он полностью завоевал их уважение. Он брал с собой домой, вернее в гостиницу, где они с Анджелой временно поселились, все новые номера журналов и внимательно знакомился с ними. Он приносил с собой только что вышедшие книги и просил Анджелу прочитать их. Он старался представить себе, каким должно быть лицо каждого журнала, кто тот человек, который вдохнет в них силу и жизнь, и где его найти. Вдруг ему пришел на ум подходящий кандидат в редакторы журнала приключений. Этот человек, с которым Юджин был знаком уже много лет, добился значительных успехов, работая в воскресном приложении одной газеты. Его звали Джек Безина. Он начал свою деятельность писателем левого направления, но потом уgomонился и стал ловким журналистом. За последние годы Юджин несколько раз встречался с ним, и каждый раз тот удивлял его своими смелыми и разумными суждениями о жизни. Однажды в разговоре Юджин сказал:

— А знаете, Джек, вам следовало бы издавать свой собственный журнал.

— И буду издавать, и буду! — последовал ответ.

И вот теперь, занявшись подбором людей, Юджин подумал о Безине, как о человеке, которого стоило привлечь в журнал, так как нынешнего редактора он находил уж слишком вялым.

Для еженедельника нужен был человек вроде Таунсенда Миллера, но где найти такого! У нынешнего редактора бывали интересные идеи, однако он недостаточно принимал во внимание требования широкого читателя. Юджин заходил к редакторам различных журналов, якобы для того, чтобы познакомиться с ними, а на самом деле, чтобы приглядеться к их работе, но ни один из них не удовлетворял его.

Убедившись в том, что его собственный отдел не нуждается в его неотступном внимании, он однажды сказал Колфаксу:

— Хуже всего у нас работают редакции. Я как следует познакомился с моим отделом, и он, как я убедился, не настолько надежен, чтобы нельзя было наладить работу. О журналах этого не скажешь. Я бы хотел, чтобы вы мне разрешили произвести кое-какие перемены, — безотносительно к вопросу о моем окладе. У вас там совсем не те люди, какие вам нужны. Я постараюсь действовать не слишком круто, но считаю, что замена кое-кого из редакторов делу не повредит.

— Все это мне известно! — сказал Колфакс. — Давно известно! Но что же вы предлагаете?

— Да просто привлечь лучших работников, — ответил Юджин. — Новых сотрудников с новыми идеями. Это, возможно, приведет на первых порах к некоторым лишним расходам, но в конечном итоге они окупятся, и с избытком.

— Вы правы! Вы правы! — с воодушевлением воскликнул Колфакс. — Я давно жду, чтобы кто-нибудь, с чьим мнением можно и стоит считаться, пришел и сказал мне то, что я услышал от вас. Можете хоть сейчас взять руководство в свои руки. с моей стороны возражений не будет. И одновременно вы начнете получать обещанный оклад. Но позвольте вам сказать кое-что. Вы приступаете к делу, облеченный всеми полномочиями. Так не вздумайте же оступиться, расшибить себе

нос, выдохнуться или наделать ошибок. Если что-нибудь подобное случится,—помоги вам бог! Я вас живьем проглочу! Я хороший хозяин, Витла, я готов сколько угодно платить хорошему работнику — в пределах благоразумия, конечно,—но если я вижу, что человек морочит меня или делает не то, что следует, тогда я не знаю пощады!.. Я человек простой, и того, кто так поступит со мною, я пошлю к... (он непечатно выругался). Вот все, что я могу сказать о себе. Теперь мы понимаем друг друга.

Юджин в изумлении смотрел на своего собеседника. Уже не в первый раз ловил он в глазах Колфакса этот жесткий, холодный блеск. От него, казалось, исходил электрический ток, в его взгляде было что-то сатанинское.

— Нечто в этом роде мне однажды уже было сказано,—ответил Юджин, вспомнив Саммерфилда и его слова насчет мусорного ящика. Он никак не ожидал, что чуть ли не на другой же день после его вступления в должность с ним будут говорить таким холодным, таким безапелляционным тоном. Но факт остается фактом — он здесь, и отступления быть не может. В эту минуту он пожалел, что ушел от Кэлвина.

— Я несколько не боюсь ответственности,—сухо продолжал он.— Я не собираюсь ни оступаться, ни расшибать себе нос, ни делать ошибок,—если это будет в моих силах. А если это все-таки случится, я не приду к вам жаловаться.

— Ну что ж, мое дело было предупредить вас,—ответил Колфакс, снова добродушно улыбаясь. Холодный блеск в его глазах погас.— И то, что я вам сказал, вызвано самыми благими побуждениями. Я окажу вам поддержку всем своим авторитетом и властью, но если вы сорветесь, один лишь бог поможет вам,—я не помогу.

Он вернулся к своим занятиям, а Юджин отправился наверх. У него было такое ощущение, словно его облачили в красную мантию кардинала и в то же время занесли над ним топор. Придется обдумывать каждый шаг. Придется действовать с оглядкой, но тем не менее — действовать. Вся власть отдана в его руки, все полномочия. Он может сию минуту отправиться наверх и уволить любого служащего, и Колфакс поддержит

его,— но уволенного надо заменить другим. И нужно сделать это быстро и с пользой для дела. Да, должность серьезная — почетная, но нелегкая.

Прежде всего Юджин вызвал Безину. Они уже давно не виделись, но бланк корпорации, в углу которого значилось «Секретариат директора издательства», возымел действие. Довести таким образом до всеобщего сведения — а ведь здесь работало немало опытейших литераторов,— что он — директор издательства, было довольно смело, но это нисколько не смущало Юджина. Надо же когда-нибудь начать, а эти бланки уже в процессе их изготовления лучше всякого приказа оповестят сотрудников, что он взял бразды правления в свои руки. Весть эта, точно степной пожар, распространилась по всему зданию, так как в секретариате Юджина было достаточно народа (начиная с его стенографисток), чтобы разнести ее. Редакторы и их помощники недоумевали, что бы это могло значить, но не задавали вопросов, разве только в разговорах между собой. Никакого приказа не последовало. На таком же бланке Юджин написал письмо Адольфу Моргенбау, который прекрасно зарекомендовал себя, когда был его помощником у Саммерфилда, а теперь занимал пост заведующего художественным отделом журнала «Сфир», с каждым днем приобретающего все большую популярность. Юджин решил, что Моргенбау вполне может взять на себя заведование всей художественной частью под его, Юджина, руководством, и он не ошибся. Моргенбау успел приобрести значительный опыт; он показал себя человеком большой инициативы и ума. Ему было чрезвычайно приятно снова работать вместе со своим старым шефом. Юджин расспросил также различных специалистов рекламного дела, художников и писателей, кого они считают наиболее энергичными людьми в издательском деле, и пригласил этих лиц для переговоров. Они стали приходить к нему один за другим, так как по городу разнеслась весть, что Витла вернулся в Нью-Йорк и взял на себя руководство в «Юнайтед мэгэзинс» не только отделом рекламы, но и редакциями. Вскоре это стало известно всем, кто имел какое-либо касательство к искусству, литературе, рекламе и редакторской работе. Люди, знавшие Юджина в прошлом, не верили своим ушам. Откуда у него такие таланты?

Вскоре Юджин сказал Колфаксу, что настало время сообщить всем сотрудникам о его новом назначении.

— Я достаточно присмотрелся к делу,— сказал он,— и составил мнение о том, как нужно действовать.

В кабинет президента были вызваны редакторы журналов, заведующие отделами и крупные работники книгоиздательства, и Колфакс заявил, что желает сделать сообщение, касающееся всех собравшихся.

— Делами издательства будет руководить теперь мистер Витла, которого вы здесь видите. Я предоставляю ему самые широкие полномочия, так как убедился, что он разбирается в деле лучше, чем я, и хочу, чтобы впредь вы обращались к нему за советом и руководством, как до сих пор обращались ко мне. Мистер Уайт будет по-прежнему заниматься вопросами производства и сбыта. Мистер Уайт и мистер Витла будут работать рука об руку. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Сотрудники разошлись, и Юджин вернулся в свой кабинет. Он решил прежде всего найти специалиста по рекламе, который мог бы выполнять его указания и вести дело не хуже его. Потратив довольно много времени на подыскание такого человека, он наконец нашел его в лице одного из служащих компании Рикерт, о котором слышал в прошлом как об исключительно дельном работнике. Картер Хейз, энергичный мужчина тридцати двух лет, горевший желанием выдвинуться, охотно принял это предложение, так как увидел в нем большие возможности. Лично к Юджину он не чувствовал особой симпатии, считая, что этого человека переоценили, но все же решил поработать у него. Юджин положил ему десять тысяч долларов в год и, наладив таким образом работу рекламного отдела, все внимание сосредоточил на своих новых обязанностях.

И редакторская работа и издательское дело были для Юджина с точки зрения организаторской совершенно новой областью. Он разбирался в них много хуже, чем в вопросах искусства и рекламы, и с самого начала допустил ряд ошибок. Первая заключалась в предвзятом мнении, будто все сотрудники издательства так или иначе требуют замены, просто потому, что неудовлетворительны самые журналы, тогда как на самом деле в издательстве был целый ряд превосходных работников.

Задавленные неблагоприятными условиями работы, они ожидали только малейшего признания своих заслуг, чтобы развернуться. Вторая его ошибка заключалась в том, что, не зная, какой линии придерживаться в отношении того или другого издания, он не желал прислушиваться к голосу тех, кто мог бы дать ему разумный совет. Ему следовало бы действовать исподволь, изучать своих ближайших помощников, знакомиться с их методами работы и помогать им тактичным советом. Вместо этого он решил произвести коренную ломку и приступил к ней, даже не успев как следует оглядеться. Марчвуд, редактор «Интернейшнл ревью», был уволен, так же как и Гейлер, редактор еженедельника. К редактированию журнала приключений был привлечен Безина.

Надо сказать, что ни в одном предприятии такого рода нельзя добиться больших успехов сразу — нужны недели и даже месяцы, чтобы стали заметны какие-то сдвиги. И вот вместо того, чтобы всю ответственность за тот или иной отдел возложить на своих помощников и предоставить им полную самостоятельность, лишь время от времени делая свои указания, Юджин старался вникать во все сам. Это было нелегко, и временами он запутывался. Ему нужно было еще многому учиться. Зато у него возникало много интересных предложений по самым разнообразным вопросам, и это не замедлило дать свои результаты. Журналы заметно изменились к лучшему. Как только вышли первые номера, на которых сказалось влияние Юджина и его нового штата, они тотчас же подверглись самому тщательному изучению со стороны Колфакса и Уайта. Особенно Уайту не терпелось знать, в чем заключаются эти новшества, и, если он не в состоянии был судить сам, то к его услугам было мнение других. Почти все отзывы были положительные — к великому его разочарованию, так как он надеялся, что именно журналы дадут материал для критики нового директора.

На Колфакса большое впечатление произвела решительность Юджина и легкость, с какою тот принимал на себя огромную ответственность, и он все больше восхищался им. К тому же общество Юджина доставляло ему удовольствие, и по окончании работы он частенько приглашал его к себе обедать. В отличие от Кэлвина он

в таких случаях обычно не упоминал об Анджеле, так как, познакомившись с нею, не почувствовал к ней интереса. «Очень милая женщина,— решил он,— но без блеска, не то что муж». К тому же миссис Колфакс отозвалась о ней пренебрежительно. Колфакс от души жалел, что Юджин не холост.

Время шло. По мере того как Юджин ближе знакомился с делом, он становился все увереннее и спокойнее. Всякий, кто когда-либо занимал сколько-нибудь важный административный пост, знает, как легко, при наличии необходимых знаний и таланта, привлекать к себе на службу энергичных и способных людей. Родственные души тянутся друг к другу, и тот, кто хочет добиться в этом мире признания своих способностей, естественно рад видеть в человеке, занимающем высокий пост, своего соратника и собрата. Работники рекламного дела, художники, редакторы, критики, писатели и все те, кто понимал и ценил Юджина, видя в нем своего человека, лавиной устремились к нему,— их было столько, что вскоре он стал направлять просителей к заведующим отделами. Постепенно обстоятельства приучили его в известной степени полагаться на своих помощников, а раз начав, он уже склонен был впасть в противоположную крайность и стал слишком полагаться на них. Особенное доверие внушал ему своей деловитостью Картер Хейз, заведующий отделом рекламы, и Юджин полностью поручил ему всю практическую часть работы, знакомясь только с его планами и приходя на помощь советом в затруднительных случаях. Тот ценил это, так как был чрезвычайно самолюбив, но подобное отношение отнюдь не зародило в нем чувства преданности. Он видел в Юджине человека, случайно попавшего на такой крупный пост, и считал, что он чужд рекламному делу. Хейз надеялся, что в недалеком будущем в издательстве произойдут перемены, и тогда он станет полноправным заведующим отделом рекламы и будет иметь дело непосредственно с Колфаксом и Уайтом, на которых он и решил делать ставку как на лиц, имеющих финансовый интерес в предприятии. Были у Хейза единомышленники и в других отделах.

Существенным недостатком Юджина было то, что он не умел добиться преданности своих помощников. Он воодушевлял их, подсказывал им полезные мысли,

но они, как правило, использовали его замыслы в своих собственных интересах, стараясь поскорее выдвинуться и стать независимыми. Оттого, что Юджин не был ни горд, ни высокомерен, ни придиричив, с ним вскоре переставали считаться. Люди, которых он выбирал (а он обладал даром отыскивать исключительно способных работников, порою значительно превосходивших его в своей области), скоро начинали видеть в нем не столько начальника, сколько удачливого соперника, который стал им поперек дороги. Он производил впечатление на редкость добродушного, на редкость мягкого человека. Иногда он, правда, давал себе труд поставить кого-нибудь из них на место, но в общем отношение сотрудников мало его трогало. Дело шло хорошо, журналы завоевывали популярность, отделы рекламы и распространения достигли заметных успехов, и жизнь Юджина, казалось, стала приближаться к полному расцвету. Случались бури, бывали затруднения, но все это не носило серьезного характера. В трудные минуты Колфакс всегда готов был дать ему совет, да и Уайт неизменно выражал ему дружеские чувства, которых отнюдь не испытывал.

ГЛАВА XLIII

Опасность положения заключалась в том, что жизнь слишком баловала теперь Юджина, доставляя ему больше власти, довольства и роскоши, чем он когда-либо имел, и это превращало его в восточного властелина не только среди его многочисленных подчиненных, но и в собственном доме. Анджела, с величайшим интересом следившая за всеми перипетиями его карьеры, уверовала, наконец, в его гениальность и в то, что ему суждено достигнуть вершин в искусстве, или литературе, или в финансовом мире, если не во всех трех сферах сразу. Она по-прежнему строго наблюдала за его нравственностью, будучи больше чем когда-либо убеждена, что достигнуть тех головокружительных высот, к которым Юджин поднимался так быстро, можно, только соблюдая величайшую осмотрительность. Ведь люди следят за каждым его шагом. Пусть они раболепствуют, от этого они не менее опасны. В его положении надо быть

в высшей степени осторожным, все тщательно обдумывать — и как одеться, и что сказать, и как вести себя. — Да не шуми ты из-за всяких пустяков, — отвечал ей обычно Юджин. — Оставь меня, ради бога, в покое!

И они начинали ссориться, так как Анджела твердо решила направлять его жизнь по надлежащему руслу, даже вопреки его желаниям.

Солидные люди из различных кругов общества — художники, литераторы, филантропы, коммерсанты — стали искать знакомства с Юджином, во-первых, потому, что он был человек широких и разносторонних интересов, во-вторых (и это было много важнее) — потому, что он стоял у источника земных благ. Всегда и во всех слоях общества находятся люди, которые стараются чего-то добиться с помощью счастливцев; есть и другие, которые стремятся стать спутниками восходящего светила, чтобы сверкать его отраженным светом, — эти две категории и составляют обычно свиту баловня судьбы. У Юджина была своя свита из мужчин и женщин, стоявших на одном с ним уровне или ниже, которые горячо жали ему руку и льстиво восклицали: «Директор «Юнайтед мэгэзинс»? Очень, очень приятно!» Особенно ласково улыбались женщины, обнажая ровные белые зубки и с грустью отмечая, что все красивые и преуспевающие мужчины женаты.

В июле того же года, когда супруги переехали из Филадельфии в Нью-Йорк, издательство перебралось в новое здание, и Юджин водворился в кабинете, превосходившем по роскоши все помещения, в каких ему когда-либо приходилось работать. Некий ловкий сотрудник, желая снискать расположение нового директора, предложил устроить сбор и купить цветы. Кабинет, отделанный в светлых голубых и золотистых тонах и обставленный мебелью розового дерева (чтобы комната выделялась из общей декоративной системы и производила большее впечатление), был весь уставлен букетами роз, душистого горошка и гвоздики в прелестных вазах всевозможных форм, расцветок и стилей. Цветы стояли на огромном письменном столе, покрытом толстым зеркальным стеклом, сквозь которое блестело полированное дерево. В первое же утро Юджин устроил импровизированный прием, и по этому случаю его навестили

Колфакс и Уайт, ознакомившиеся предварительно со своими собственными кабинетами. Недели три спустя состоялся грандиозный вечер с участием виднейших представителей столичного общества, и приглашенные — художники, писатели, редакторы, издатели, публицисты и специалисты рекламного дела — увидели Юджина во всем блеске. Вместе с Колфаксом и Уайтом он играл роль хозяина. Неискушенные юнцы издали восхищались новым директором и недоумевали, как он сумел взлететь так высоко. Карьера его была поистине молниеносна. Казалось невероятным, чтобы человек, начавший жизнь художником, был так высоко вознесен фортуной и теперь в качестве главы одного из крупнейших издательств вершил судьбы литературы и искусства.

Но не меньшим ореолом был окружен Юджин и у себя дома; здесь он чувствовал себя таким же властелином, как в своем служебном кабинете. Даже когда они оставались с Анджелой вдвоем (что случалось не слишком часто, так как они отдавали много времени приемам), он казался ей теперь другим человеком. Правда, она давно привыкла думать о нем как о человеке, который со временем займет выдающееся место в мире искусства. Но Юджин — одна из виднейших фигур коммерческой жизни столицы, Юджин — представитель крупнейшего нью-йоркского издательства, Юджин — с собственным автомобилем и лакеем, Юджин, завтракающий в самых фешенебельных ресторанах и клубах и всегда находящийся в обществе значительных людей, — это совсем другое дело.

Она уже далеко не была так уверена в себе и в душе начинала сомневаться в своей власти над ним. И теперь еще, случалось, они ссорились из-за пустяков, но Анджела не обнаруживала былой готовности затевать такие ссоры. Ей казалось, что Юджин уже совсем не тот, что он стал еще более непроницаем. Ее по-прежнему беспокоила мысль, что он может сделать какой-нибудь промах и все потерять, что злой рок, недоброжелательство, зависть, без которых не обходится, очевидно, жизнь и которые налетают внезапно, как разрушительный ураган, могут повредить ему. Юджин, по-видимому, был совершенно спокоен, хотя порою, задумываясь о своем будущем, он испытывал тревогу; ведь он не состоял в издательстве пайщиком и так же зависел от Колфакса,

как любой мальчишка-рассыльный, разве что без него не так легко было обойтись.

Но пока что он работал хорошо, и Колфакс был им доволен. Правда, его удивляло, что производственные графики систематически нарушаются и что срываются все сроки выпуска журналов, но у Уайта всегда находилось этому оправдание. Колфакс приглашал Юджина к себе на дачу или в свой охотничий домик в горах, они катались вместе на его яхте или удили рыбу. Беседы с молодым художником, видимо, доставляли ему удовольствие, но Анджелу он приглашал редко — почти никогда. Он, очевидно, не считал это нужным. А Юджин не решался дать ему понять, что его поведение оскорбительно, хоть и ежилась внутренне при мысли о том, как смотрит на это Анджела. Колфакс не отпускал Юджина ни на шаг. Только и слышно было: «Где вы пропадаете, дорогой?» — он, казалось, минуты не мог без него обойтись.

— Что ж, мой милый,— говорил он, оглядывая его с ног до головы, точно перед ним была чистокровная лошадь или породистая собака,— вид у вас прекрасный. Работа, очевидно, идет вам на пользу. Не таким вы были, когда в первый раз приезжали ко мне,— и он щупал материю, из которой был сшит последний костюм Юджина, высказывал свое мнение о его галстукке или булавке, или замечал, что обувь у него несколько не дотягивает до совершенства. Колфакс ухаживал за своей «находкой», как ухаживают за чистокровным рысаком. Он постоянно рассказывал Юджину всякие подробности из жизни избранного общества, наставлял его насчет того, где бывать и что смотреть, словно Юджин был совершенным невеждой.

— Кстати, когда мы в пятницу поедem к миссис Сэвидж, захватите с собой тракстонский чемодан — вы видели их? Они сейчас в большой моде. А есть у вас лондонское пальто? Обязательно заведите. В этих домах слуги все ваши вещи пересмотрят и сделают соответствующее заключение. И не забудьте: каждому по два доллара чаевых, а дворецкому — пять.

Этот тон был чрезвычайно неприятен Юджину, как неприятно было, что Колфакс игнорирует Анджелу, но он не осмеливался возражать. Он видел, что Колфакс изменчив в своих симпатиях, что он может так же воз-

ненавидеть, как и полюбить, и что середины для него не существует. Сейчас Юджин был любимцем.

Собираясь куда-нибудь на воскресенье, Колфакс говорил Юджину:

— Я пришлю за вами машину ровно в два (как будто у того не было своего автомобиля). Смотрите же, будьте готовы.

В назначенный день ровно в два огромный синий лимузин Колфакса подкатывал к дому, лакей Юджина выносил чемоданы, принадлежности для гольфа и тенниса и всякие мелочи, которые могли понадобиться его хозяину, и машина уезжала. Иногда Анджела оставалась дома, порою же, когда Юджину удавалось это устроить, он брал ее с собой; но он убедился, что лучше соблюдать такт и мириться с пренебрежением, выказываемым его жене. Он всячески старался успокоить ее. Отчасти ему было жаль Анджелу, но, с другой стороны, он чувствовал, что Колфакс в известной мере прав, делая между ними различие. Анджела не совсем подходила к тому обществу, где стал вращаться Юджин. Люди там были суше, дипломатичнее, чем Анджела, они лучше владели собой. Не по ней были эти искусственные манеры и интонации, эта наигранность чувств, и вряд ли она когда-нибудь их усвоит. На самом деле Анджела была не менее — если не более — изящна и мила, чем многие представительницы «четырехсот семейств», но она не обладала ни бойкостью ума, ни плоским и пошлым самодовольством или развязной самоуверенностью тех, кто блистает в высшем свете. А Юджин легко подражал их манерам, независимо от своих истинных чувств.

— О, это не важно, — говорила в таких случаях Анджела. — Ведь ты так поступаешь из деловых соображений.

Но все же это обижало ее, и даже очень. Анджела чувствовала себя в таких случаях оплеванной. Но делать было нечего. Колфакс подбирал угодное ему общество, ничем не стесняясь. Он считал, что Юджин годится для светской жизни, а Анджела — нет, и, не задумываясь, подчеркивал это различие.

Таким образом, Юджин познакомился с интересным явлением в жизни привилегированных кругов: он узнал,

что здесь нередко принимают одного из супругов, но не принимают другого, и это считается в порядке вещей.

— Это, кажется, Берквуд,— сказал однажды при нем некий молодой щеголь, отзываясь об одном филадельфийце.— И зачем только его приглашают? Жена у него очаровательная. Но сам он совершенно невозможен.

— В другой раз в Нью-Йорке он был свидетелем того, как дочь хозяйки, узнав о приходе дамы, муж которой сидел тут же за столом, спросила мать:

— Кто ее пригласил?

— Я, право, не знаю,— отвечала та.— Только не я. Вероятно, явилась по собственному желанию.

— Надо же быть такой бесцеремонной! — пробормотала дочь.

Когда эта женщина вошла, Юджин понял, в чем дело. Она была некрасива и неумело и безвкусно одета. Юджина поразило такое отношение, однако отчасти он его понимал. Но ведь этого нельзя сказать об Анджеле. Она хороша собой, стройна, изящна. Единственное, чего ей не хватает, это томно-пресыщенного выражения. Ну что ж, очень жаль.

У себя дома и в своем кругу он старался вознаградить ее за это приемами, которые раз от разу становились все более блестящими. Вначале, когда они только приехали из Филадельфии, Юджин просто приглашал к обеду несколько человек — обычно старых друзей,— так как еще не слишком был уверен в себе и не знал, кто пожелает прийти и поздравить его с новыми успехами. Он и сейчас не возгордился, сохранив теплое чувство к тем, кого знал в молодости. Правда, теперь как-то само собой получалось, что он сходилась главным образом с богатыми, видными людьми. Но он по-прежнему любил своих скромных друзей, которые были дороги ему и в память о минувших днях, и просто сами по себе. Многие приходили занять денег — в прежние времена Юджин часто завязывал дружбу с такими людьми, из которых выходят вечные неудачники. Но главным образом их привлекала его слава.

Юджин был близко знаком с большинством своих выдающихся современников, видных деятелей искусства и литературы, и в их обществе проводил много приятных часов. За его столом можно было встретить художников, издателей, оперных певиц, актеров и драматур-

гов. Его видный пост, его квартира, расположенная в таком прекрасном месте, и радушное гостеприимство — все это завербовывало ему друзей. Он любил подчеркнуть, что нисколько не изменился, что ценит людей простых, милых, безыскусных, что именно это и есть великие люди, и сам не признавал при этом, каким разборчивым стал в знакомствах. Его тянуло к людям богатым, с именем, к людям красивым, сильным и одаренным, — другие его уже не интересовали. Он их почти не замечал. Разве только, чтобы пожалеть или подать милостыню.

Тому, кто никогда не знал перехода от бедности к роскоши, от неприглядного серенького существования к изысканной светской жизни, трудно и представить себе, до какой степени эти новые впечатления покоряют и очаровывают неопытную душу, заново перекрашивая весь мир. Жизнь, кажется, только и делает, что создает новые обольщения и совершенствует иллюзии. Собственно говоря, все в жизни — иллюзия и обольщение, кроме разве той первичной субстанции или принципа, который лежит в основе мироздания. Таким обольщением является жизненная гармония для тех, кто знал в жизни одну лишь борьбу, а людям, которые всегда жили в бедности, роскошь представляется прекрасной мечтой. Юджин, благоговевший перед красотой и ценивший все то изощренное и совершенное, что способен создать изобретательный ум человека, всецело подпал под обаяние более утонченного мира, который теперь его окружал и влиянию которого он незаметно для себя все больше поддавался. Он необычайно быстро усваивал все новое, на чем останавливался его глаз или что давало особенное удовлетворение его эмоциональной натуре. Ему уже казалось, что он всегда жил этой жизнью избранных, неотъемлемыми атрибутами которой были загородные дома, роскошные особняки, городские и загородные клубы, дорогие отели, туристские гостиницы, автомобили, курорты, красивые женщины, изысканные манеры, требовательный и тонкий вкус и общая слаженность и гармония. Вот где был тот истинный рай, то воплощение материального и духовного совершенства, о котором мечтал мир и к которому он постоянно стремился, изнывая от тяжелого труда, беспорядка, убожества мысли, душевного разлада, взаимного непонимания

и всяческих неустройств, представляющих удел человека на земле.

Здесь, казалось, не знали болезней, усталости, расшатанного здоровья, превратностей судьбы. Все, что вызывает беспокойство, что вносит разлад, все, что есть неприглядного в человеческом существовании, тщательно скрывалось, и глаз видел только красоту, здоровье и силу. По мере того как Юджин достигал новых ступеней благосостояния, его все больше поражало, с какой готовностью и рвением сама жизнь как будто поощряет здесь пристрастие к роскоши. Он увидел столько незнакомого и увлекательного для него как для художника — великолепные загородные виллы, содержащиеся в образцовом порядке, загородные клубы, отели и приморские курорты на лоне неподражаемо живописной природы. Он узнал, как безупречно организованы все виды спорта, развлечений и путешествий для избранных, узнал, что есть тысячи людей, которые этому посвящают всю жизнь. Правда, такая беззаботная жизнь была ему не по карману, но он получил возможность проводить в этих удовольствиях хотя бы свой досуг и мечтал о том, что когда-нибудь ему можно будет совсем не работать. Он знал, что прогулки на яхте и в автомобиле, игра в гольф, рыбная ловля, охота, теннис или поло являются единственным занятием многих богачей и что среди них числятся даже рекордсмены. Карты, танцы, банкеты, просто безделье — вот все, что, казалось, наполняло целые дни множества его знакомых. Юджин мог только восхищаться такой жизнью, как мимолетным зрелищем, но и это было неплохо, — раньше ему даже одним глазом нельзя было на это взглянуть. Он начинал понимать, как организован мир, каких высот достигает богатство, в каких пучинах тонет бедность. От унижительной бедности до вершин благополучия — какое расстояние!

Анджела не поспевала за Юджином в этих его внутренних блужданиях. Правда, она одевалась теперь только у лучших портних, покупала прелестные шляпки и самую дорогую обувь, разъезжала в наемных экипажах и в автомобиле своего мужа, но воспринимала она все иначе, нежели он. Эта жизнь представлялась ей сном наяву, счастьем, нахлынувшим так внезапно и в таком изобилии, что в долговечность его не верилось. Она не могла отрешиться от мысли, что Юджин, в сущности, и не из-

датель, и не редактор, и не финансист, а только художник и художником останется. Возможно, что его случайная профессия даст ему богатство, и славу, и деньги, но когда-нибудь он все это бросит и вернется к искусству. Свои сбережения он вкладывал в верные предприятия,— по крайней мере ей они казались верными,— и эти ценные бумаги, преимущественно такие, которые всегда можно было превратить в наличность, представлялись ей надежным обеспечением на будущее, гарантией душевного покоя. Но откладывали они немного. У них уходило на жизнь около восьми тысяч в год, и расходы не только не уменьшались, а постоянно росли. Юджин становился все более расточительным.

— Не слишком ли часто мы устраиваем приемы? — пыталась однажды запротестовать Анджела.

Но он только беспечно отмахнулся, сказав:

— Мне нельзя иначе, раз я занимаю такой пост. Наши приемы создают мне престиж. Люди в моем положении вынуждены это делать.

В конце концов у Юджина стали бывать действительно выдающиеся люди, самые блестящие представители различных кругов и профессий. Они ели за его столом, пили его вина, завидовали его богатству и мечтали занять его место.

Между тем Анджела и Юджин не только не сближались духовно, а, наоборот, отдалялись друг от друга. Анджела ничего не забыла, она так и не простила Юджину его ужасной измены и не верила, что он окончательно излечился от своих гедонистических наклонностей. В их доме бывало много красивых женщин, для которых Анджела устраивала то чай, то завтрак или вечерний прием. С помощью Юджина затевались интересные вечера, так как ему не стоило никакого труда собрать у себя талантливых музыкантов, актеров, литераторов и художников. Среди его знакомых было много мужчин и женщин, которые умели делать с присутствующих моментальные наброски карандашом или углем, показывать фокусы, выступать с имитациями, петь, танцевать, играть, декламировать, рассказывать смешные анекдоты. Он настаивал на том, чтобы приглашения рассылались только признанным красавицам, так как ему не доставляло никакого удовольствия смотреть на уродин, и, как ни странно, находились десятки женщин,

которые не только были необычайно красивы, но к тому же и пели, танцевали, играли на сцене, сочиняли романсы, рассказы и драмы. Почти все они были прекрасными собеседницами, их нетрудно было развлекать,— вернее, они сами себя развлекали. Излюбленным номером Юджина, по его собственному выражению, было втиснуть человек пятнадцать — двадцать в три-четыре машины и в три утра, после званого вечера, отправиться в загородный ресторан завтракать и любоваться восходом солнца. Такой пустяк, как семьдесят пять долларов за автомобиль или тридцать пять долларов за завтрак, несколько его не смущал. Какое это ни с чем не сравнимое удовольствие — достать кошелек и вынуть четыре, пять или шесть десятидолларовых бумажек, зная, что такой расход тебе нипочем: ведь будут еще деньги, и из того же источника. Юджин мог в любое время послать к кассиру за пятьюстами или тысячей долларов. Он всегда имел при себе от ста пятидесяти до двухсот долларов наличными, не говоря уже о чековой книжке, и чаще всего расплачивался чеками. Ему было приятно доказывать себе, что его имя всем известно, и его действительно все знали.

«Юджин Витла! Юджин Витла! Еще бы! Замечательно милый человек!»

Или: «Это просто изумительно, как ему удалось так высоко взлететь!»

Или: «Я был вчера у Витлы. Смею вас уверить, что вы в жизни не видали такой очаровательной квартиры! Просто чудо! Какой у них там замечательный вид!»

Люди делились друг с другом впечатлениями о значительных лицах, которых приглашал Юджин, о знаменитостях, которых можно встретить в его доме, о красивых женщинах и о чудесной панораме, открывавшейся из его окон. «А миссис Витла — какая милая женщина!»

Но во всех этих разговорах было немало пренебрежения и зависти, а отзываю о миссис Витла обычно не доставало тепла. Она не считалась такой обаятельной личностью, как ее супруг, хотя мнения на этот счет расходились. Те, кто искал в людях ум, лоск, остроумие, непринужденность обхождения, превозносили Юджина и далеко не так симпатизировали Анджеле. Те же, кто ценил в человеке положительность, искренность, постоянство и такие безыскусственные добродетели, как пре-

данность и трудолюбие, восхищались Анджелой. Всем было ясно, что она — верная слуга своего мужа, что она перед ним преклоняется.

«Очаровательная маленькая женщина, совсем в домашнем вкусе. Непонятно, как он мог на ней жениться. Они так не похожи друг на друга. И все-таки между ними, кажется, много общего. Странно, не правда ли?»

ГЛАВА XLIV

В те дни, когда Юджин приближался к вершине своего успеха, на его пути снова появился Кенион С. Уинфилд, — Уинфилд, бывший сенатор штата Нью-Йорк, президент Лонгайлендской компании недвижимых имуществ, основатель новых поселков, скупщик земельных участков, финансист, художник, человек, близкий Юджину по типу и темпераменту. В обществе много говорили о его необыкновенных операциях с земельными участками. Высокого роста, худощавый, с черными волосами и в меру крючковатым носом, Уинфилд был любезен, умен, преисполнен чувства собственного достоинства и неиссякаемого оптимизма. В свои сорок восемь лет он мог служить прекрасным примером светского человека, обладающего инициативой, пылким воображением и организаторскими способностями — вместе с изрядной долей хладнокровия и здравого смысла, необходимых для того, чтобы удержаться на ногах в мире, где идет борьба не на жизнь, а на смерть. Он не был великим человеком, но так близко подходил под это определение, что многие обманывались на его счет. Его черные глаза, глубоко сидевшие в орбитах, сверкали каким-то странным блеском, в них даже чудился красноватый огонек. Бледный, с чуть впалыми щеками, он смахивал на салонного Мефистофеля, но в нем не было ничего дьявольского в обычном смысле этого слова, — в нем жила душа артиста, гибкая, изворотливая, проницательная. Его система заключалась в том, чтобы, снискав расположение людей с деньгами, вытягивать у них те огромные суммы, которые нужны были ему для осуществления проектов, вернее, фантазий, рождавшихся у него беспрестанно. Эти фантазии всегда значительно превосходили емкость его бумажника: но в них было

столько прелести, что люди увлекались и вместе с Уинфилдом строили воздушные замки.

Уинфилд был прежде всего спекулянтом недвижимым имуществом, а затем — мечтателем и прожектором. Прожекты его заключались в том, чтобы строить близ города уютные поселки, где хорошенькие коттеджи, гладко вымощенные, обсаженные тенистыми деревьями улицы, канализация, газ, электричество, удобное железнодорожное сообщение, трамвай и прочие атрибуты цивилизации создавали бы идеальные условия жизни для преуспевающих горожан. Такой поселок должен был стать прибежищем для избранных, местом приятным и спокойным, достаточно уединенным и в то же время неразрывно связанным с сердцем Нью-Йорка — города, которым Уинфилд горячо восхищался. Он родился и вырос в Бруклине и был политиком, оратором, страховым агентом, подрядчиком и так далее. Ему удалось создать целый ряд пригородных поселков — Уинфилд, Санисайд, Руритания, Вязы — на площади в сорок, пятьдесят, сто и двести акров, которые с помощью «Ч. Д.» (как он сокращенно именовал чужие деньги) он разбил на кварталы, засадил деревьями, кое-где распланировал скверы и проложил бетонные тротуары, закрепив единство своего архитектурного замысла множеством ограничительных правил. Всякий, кто приезжал присмотреть себе участок в одном из усовершенствованных поселков Уинфилда, неизменно обнаруживал, что самый лучший участок, расположенный в центре всяческих благоустройств по последнему слову науки и техники, отведен под великолепный особняк, который мистер Кенион, С. Уинфилд собирается строить лично для себя. Надо ли говорить, что эти особняки так никогда и не были построены. Покупателям рассказывали, что мистер Уинфилд объездил весь мир, видел на своем веку много красивых мест, но выбрал Уинфилд, или Санисайд, или Руританию, или Вязы, как единственный уголок на земном шаре, где он желал бы провести остаток своих дней.

Когда Юджин встретился с Уинфилдом, тот строил планы создания нового курорта Минета-Уотер на берегу залива Грейвсенд. Это был самый грандиозный из всех его честолюбивых замыслов. Уинфилд пользовался поддержкой целого ряда бруклинских политиков и финансистов, на глазах у которых он успешно провел не-

сколько мелких операций с участками в десять, двадцать и тридцать акров, получив от трехсот до четырехсот процентов прибыли. Но, несмотря на все эти удачи, дело подвигалось медленно. Сейчас у Уинфилда было триста или четыреста тысяч долларов собственных денег, и это давало ему новое, доселе неизвестное в финансовых делах чувство свободы, внушая мысль, что он может достичь чего угодно. У него было множество всяких знакомых — адвокатов, банковских служащих, врачей и коммерсантов, — представителей «беспечных классов», как он их называл. Каждый имел немного свободных денег, которые он мог вложить в какое-нибудь дело, и Уинфилду удавалось вовлечь в свои спекуляции сотни состоятельных людей. Самые обширные его прожекты, однако, не были еще осуществлены. Так, его воображению рисовалась целая система товарных складов и транспортных контор на берегу Джамэйка-Бей, — эта идея должна была принести ему миллионы. Он мечтал также создать великолепный курорт, но проект этот был, собственно говоря, еще не вполне ему ясен. Газеты пестрели его объявлениями, его плакаты с названиями новых поселков были расклеены по всему Лонг-Айленду.

Юджин впервые познакомился с Уинфилдом, когда работал у Саммерфилда, а на этот раз они встретились в доме некоего В. В. Уилибрэнда на северном побережье Лонг-Айленда, близ Хемпстеда. Юджин отправился туда однажды в субботу вечером по приглашению миссис Уилибрэнд, с которой познакомился где-то на балу. Ей понравилась его веселая, оживленная манера держаться, и она позвала его к себе. Уинфилд также заехал туда на своей машине.

— Да, да, я вас хорошо помню, — любезно сказал Уинфилд. — Мне рассказывали, что вы работаете в «Юнайтед мэгэзинс», — одном из наиболее процветающих наших издательств. Я хорошо знаю мистера Колфакса. У нас как-то вышел о вас разговор с Саммерфилдом. Занятный человек и, между прочим, необыкновенно способный. Вы тогда изготовили ему серию реклам для сахарозаводчиков, или их готовили под вашим руководством. Признаюсь, я позаимствовал идею ваших рисунков, когда рекламировал Руританию. Может быть, заметили? Вы, однако, преуспели с тех пор. Я пытался

тогда разъяснить Саммерфилду, что в вашем лице он приобрел исключительного работника, но он и слушать не хотел. Этот человек живет только для себя, он не понимает, что значит работать с кем-нибудь на равных.

Юджин улыбнулся при воспоминании о Саммерфилде.

— Да, способный человек,— просто сказал он.— Я многим обязан ему.

Это понравилось Уинфилду. Он ждал, что его собеседник будет ругать Саммерфилда. Его приятно поразило добродушие Юджина и его умное, выразительное лицо. Он подумал, что если ему понадобится рекламировать какой-нибудь из своих крупных проектов, он обратится к Витле или к тому, кто делал эскизы для сахарозаводчиков,— вот кто даст ему правильную идею.

Родство душ — странное явление. Оно легко соединяет людей помимо их сознания и воли. Несколько минут спустя Юджин и Уинфилд уже сидели рядом на веранде, смотрели на простиравшийся перед ними зеленый лес, на широкую лагуну, испещренную белыми парусами, на видневшийся вдали берег Коннектикута и беседовали — в самых общих чертах — о сделках с недвижимостью, о ценах на землю и о том, какие результаты дают финансовые операции в этой области. Юджин нравился Уинфилду, а тот с интересом разглядывал бледное лицо собеседника, его тонкие, очень белые руки и серый костюм из мягкой шерсти. Вид этого человека вполне соответствовал его репутации, вернее даже превосходил ее. Юджин видел и Руританию и Вязы. Не бог весть что, конечно, но все-таки, пожалуй, недурны. Как раз то, что требуется для людей среднего достатка,— подумал он тогда.

— Вам, вероятно, доставляет удовольствие работать над планом нового поселка? — заметил Юджин во время беседы.— Взять девственный кусок земли и превратить его в улицы и дома, должно быть, страшно увлекательная штука. Планировать улицы и делать наброски домов применительно к той или другой категории застройщиков — это как раз по мне. Я иногда жалею, что не родился архитектором.

— Да, это большое удовольствие,— ответил Уинфилд.— Если бы работа состояла только в этом! Но, к

сожалению, главное — финансовая сторона. Нужно добывать деньги для приобретения земли и на благоустройство. Если благоустройство не ограничивается самым необходимым, оно стоит очень дорого. И, в сущности говоря, вы не можете ожидать больших прибылей с помещенного капитала, пока строительство не доведено до конца. А когда вы все закончили, опять нужно ждать. Если вы застроили участки, остерегайтесь сдавать дома внаем; как только вы это сделаете, вам уже не удастся продать их, как новые. Кроме того, благоустройство на уровне современных требований вызывает увеличение налогов. Опять же, если вы продали участок и покупателю почему-либо не нравится ваш план, он может построить дом, который уничтожит эффект всего целого. Ведь никто вам не позволит обусловить в контракте все архитектурные особенности; вы можете только предусмотреть минимальную сумму, которая должна быть израсходована на дом и материалы, из которых он будет строиться. Понятия о красоте у всех разные, тем более что вкусы со временем меняются. А иногда целый город, вроде, скажем, Нью-Йорка, может вдруг прийти к заключению, что он хочет расти на запад, тогда как вы все расчеты построили на том, что он будет расти на восток. Тут приходится, как видите, многое принимать в соображение.

— Все это звучит убедительно,— сказал Юджин.— Но не кажется ли вам, что если правильный замысел правильно преподнести, то это привлечет как раз тех людей, какие вам нужны? Разве в самом замысле не содержатся все условия?

— Да, да, это так,— не задумываясь, ответил Уинфилд.— Если посвятить делу достаточно внимания, то можно добиться своего. Беда лишь в том, что тут легко перемудрить. Мне случалось видеть, что попытки достигнуть совершенства ровно ни к чему не приводили. Люди со вкусом, традициями и деньгами не селятся, как правило, в новых пригородах. Обычно приходится иметь дело с теми, кто разбогател недавно. Немало также людей среднего достатка готовы до крайности напрячься, лишь бы жить в лучших условиях, но они далеко не всегда знают, что им нужно. Итак, если у человека есть деньги, это еще вовсе не значит, что у него

достаточно вкуса и что он в состоянии схватить вашу мысль; а если у него есть вкус, то у него нет денег. Он и рад бы следовать вашим советам, но не имеет возможности. Человек в моем положении — это художник, учитель, духовник и финансист в одном лице. Когда пускаешься в серьезные операции с недвижимостью, приходится быть и тем, и другим, и третьим. Мне часто везло, но бывали и неудачи. Поселок Уинфилд — одна из крупнейших неудач. Мне сейчас и думать о нем противно.

— Моя давнишняя мечта — разработать проект приморского курорта или дачного поселка, — задумчиво сказал Юджин. — Мне пришлось за свою жизнь побывать на двух-трех заграничных курортах. И я убедился, что у нас ни один не удовлетворяет современным требованиям — во всяком случае, из ближайших к Нью-Йорку. А возможности изумительные. То, что создано до сих пор, ужасно. Никакого плана, ни одной красивой детали!

— Это и мое мнение, — сказал Уинфилд. — Я уже много лет об этом думаю. Такой курорт вполне можно построить, и, при правильной постановке дела, успех был бы грандиозный. Хотя тем, кто взялся бы за эту затею, пришлось бы долго ждать своих денег.

— Зато именно тут можно создать нечто подлинно значительное! — подхватил Юджин. — Никто, по-видимому, не отдает себе отчета в том, какой красоты можно достигнуть.

Уинфилд ничего больше не сказал, но мысль эта крепко засела у него в голове. Он мечтал о таком приморском курорте, который был бы в своем роде совершенством и прославил бы имя своего основателя. Если у Юджина есть это представление об истинно прекрасном, его советы могут пригодиться. Во всяком случае, когда придет время, с ним можно будет посоветоваться. Вероятно, он даже захочет вложить в дело немного денег. Подобный проект потребует миллионов, но и каждый доллар пригодится. К тому же у Юджина могут возникнуть и другие идеи, которые принесут прибыль и ему самому и Уинфилду. Об этом стоило подумать. Так они расстались, и, хотя до новой встречи прошли недели и месяцы, они не забыли друг друга.

КНИГА ТРЕТЬЯ

БУНТ

ГЛАВА I

С миссис Эмили Дэйл Юджин познакомился в то время, когда успех его достиг наивысшей точки.

Миссис Дэйл — необычайно умная и красивая женщина, на редкость сохранившаяся для своих тридцати восьми лет, родом из богатой и довольно известной нью-йоркской семьи голландского происхождения — была вдовой крупного банкира, погибшего во время автомобильной катастрофы в окрестностях Парижа задолго до описываемых событий. У нее было четверо детей — Сюзанна, восемнадцать лет, Кинрой — пятнадцати, Адель — двенадцати и Нинет — девяти. Такая большая семья нисколько не мешала ей играть видную роль в обществе, — она сохранила все свое женское обаяние и утонченную светскость. Высокая, изящная, с гибкой фигурой и копной темных волос, причесанных так, чтобы возможно лучше подчеркнуть красоту ее лица, она казалась безмятежно спокойной, хотя и не утратила способности к глубоким переживаниям. В ее обращении чувствовалась изысканная любезность и хорошее воспитание, а в тоне — снисходительное превосходство, которое так свойственно людям, выросшим в обеспеченной, привилегированной среде.

Миссис Дэйл отнюдь не считала себя страстной натурой, хотя и не отрицала, что хочет нравиться и блистать. Живая и наблюдательная, она искренне любила искусство и литературу и сама немного писала, но на первое место ставила свое положение в обществе. Юджина познакомил с нею Колфакс. От Колфакса же он узнал, что она была несчастлива в замужестве, — если не считать материальной стороны этого брака, — и что смерть мужа не была для нее непоправимой утратой.

Тот же Колфакс рассказал ему, что она прекрасная мать и прилагает все усилия к тому, чтобы воспитать своих детей в полном соответствии с их положением и возможностями. Муж ее не мог похвалиться происхождением, зато она происходит из самого избранного круга. Она блистает в обществе, ее повсюду приглашают, и она часто принимает у себя, отдавая предпочтение молодым людям не только перед стариками, но и перед людьми своего возраста. Вокруг нее всегда увиваются искатели богатых невест, видящие в ее красоте, богатстве и связях ключ к успеху в обществе.

У миссис Дэйл было несколько домов в разных местах — один в Морристауне, штат Нью-Джерси, другой — на Стейтен-Айленде, в самом его фешенебельном районе Граймс-Хилл, третий — в Нью-Йорке, на Шестидесят седьмой улице близ Пятой авеню (ко времени ее знакомства с Юджином он был сдан в долгосрочную аренду), и, наконец, дача в Леноксе в штате Массачусетс, которая обычно тоже сдавалась в аренду. Вскоре после того, как состоялось их знакомство, дом в Морристауне был закрыт, и лето семья проводила в Леноксе.

Зимой миссис Дэйл предпочитала жить на Стейтен-Айленде, в своем фамильном особняке на холмах Граймс-Хилл, откуда открывался великолепный вид на залив и нью-йоркскую гавань. На севере туманной грядой тянулись менее высокие здания Манхэттена. На востоке зыбилось море, то голубое, то серое, то свинцовое. На западе виднелся Килл-ван-Кал с многочисленными судами и склоны Орендж-Хиллс. В яхт-клубе Томкинсвилла у миссис Дэйл была своя моторная лодка, которой пользовался Кинрой, а в ее городском гараже стояло несколько автомобилей. Она держала верховых лошадей, в доме у нее было четверо постоянных слуг — словом, в ее распоряжении были все те преимущества и удобства, из которых состоит жизнь беспечных богачей.

Две ее младшие дочери учились в фешенебельном пансионе в Территауне, а сын Кинрой готовился в Гарвардский университет. Старшая дочь Сюзанна жила теперь дома с матерью; она только что вышла из пансиона и уже начала выезжать.

Было что-то свое, особенное, в этой цветущей девушке, то порывистой, то мечтательно безразличной, с улыбкой, подобной дыханию ветерка, оживляющего поверх-

ность вод. Большие голубовато-серые глаза Сюзанны, румяные, красиво очерченные губы и еще по-детски округлое розовое личико в ореоле пышных русых волос были полны неизъяснимого очарования, а ее девичий стан дышал и невинностью и сладострастием. Смех ее напоминал журчанье ручья, — а она часто и заразительно смеялась, потому что радовалась каждой шутке. Это была одна из тех от природы мудрых, но еще не вполне сложившихся поэтических натур, которые в невинности своей сердцем угадывают глубочайшие тайны жизни; они вырываются на простор жизни, такие же прекрасные и — увы! — такие же хрупкие, как легкокрылая бабочка, выпорхнувшая из куколки на утренней заре. Юджин впервые увидел Сюзанну много времени спустя после знакомства с ее матерью, но, увидев, был поражен ее красотой.

Жизнь подчас лепит свои загадки из грубой глины, одним взглядом двенадцатилетней девочки вдохновляя великого Данте. Она может быка сделать богом, и обожествить ибиса или жука, и воздвигнуть алтарь золотому идолу, которому толпа будет поклоняться. Парадокс? Да, парадокс. В Сюзанне за незрелой, но уже близкой к совершенству красотой скрывалось детски поэтическое, туманное представление о мире. Это было существо столь юное, с душою столь ищущей, что невольно возникал вопрос — неужели в такой оболочке таится трагедия?

Вы скажете — безрассудное дитя?

Нет, не совсем так, но такая мечтательность, такая аморфность представлений при первом опрометчивом шаге грозили серьезной бедой.

Ведь щедро одаренная природой и судьбой, она неслала в себе опасность, соблазн, хотя и совершенно бессознательный. Если бы настоящий художник задумал написать портрет Сюзанны, воплотив в нем гармонию ее души и тела, он изобразил бы ее стоящей на вершине горы в развевающихся по ветру прозрачных, облепивших ее одеждах, со взглядом, устремленным к далеким холмам или на падающую звезду. Жизнь была полна для Сюзанны неразгаданных тайн. Ее сознание было подобно облачной дымке, сквозь которую пробивается утреннее солнце, окрашивая все вокруг в розовые и золотистые тона, подобно раковинам-жемчужницам тропи-

ческих морей, чуждым творческого замысла, но таящим в себе совершенство и красоту. Мечты! Мечты об облаках, о вечерней заре, о ярких красках, о звуках,— мечты, которые прозаический мир постарается потом осквернить. То, что Данте видел в Беатриче, Абеляр — в Элоизе, Ромео — в Джульетте, то же мечтательный юноша мог увидеть и в ней и, подобно им, пасть жертвой рока.

Юджин познакомился с миссис Дэйл в субботу вечером в одном доме на Лонг-Айленде, и они сразу подружились. Их представил друг другу Колфакс; его резкая прямолинейная шутка с первых же слов рассеяла все иллюзии, какие могли возникнуть у миссис Дэйл насчет семейного положения Юджина.

— Не советую вам на него заглядываться! — смеясь, сказал он.— Мистер Витла женат.

— Что ж, тем приятнее,— с легким смехом ответила она, протягивая Юджину руку.

— Я рад, что и бедного женатого человека еще где-то ценят,— подхватил шутку Юджин.

— Вы должны радоваться,— ответила миссис Дэйл.— Ведь в этом ваша свобода и защита. Подумайте, в какой вы безопасности!

— Понимаю, понимаю,— сказал Юджин.— Иными словами, все стрелы госпожи судьбы минуют меня?

— Да, и вам ничто не угрожает!

Он предложил ей руку, и они вместе вышли на террасу.

В этот день миссис Дэйл немного скучала. Гости надолго засели за карты — и пожилые дамы, и молодые девушки играли с одинаковым увлечением. Юджин не был особенно силен в бридже да и вообще мало соображал в картах, а миссис Дэйл и вовсе была к ним равнодушна.

— Я пыталась подбить публику на автомобильную прогулку, но ничего не вышло,— пожаловалась она.— Сегодня все одержимы лихорадкой стяжательства. Может быть, и вы такой алчный?

— Такой же, смею вас уверить, но я плохой игрок. Моя алчность в том и выражается, что я держусь подалеже от ломберного стола. Это у меня своего рода способ копить деньги. На днях, представьте, этот негодяй Фарадэй обчистил меня и еще двоих партнеров на четыреста долларов! Удивительно, право, как некоторым

людям везет! Стоит им только взглянуть на колоду или осенить ее какими-то таинственными знаками, и эти проклятые карты сами складываются в выгодные для них комбинации. Право же, это преступление, которое следовало бы карать по всей строгости уголовного кодекса — особенно, когда обыгрывают меня. Меня, безобиднейшего представителя семейства двуногих, не играющих в бридж!

— Бедненький, как вас напугали. Ну, и не надо вам играть. Давайте сядем. Здесь никто не станет на вас покушаться.

Они уселись в зеленые камышовые кресла, и слуга предложил им кофе. Миссис Дэйл взяла чашку. Разговор после бриджа перешел на светских знакомых — был обсужден некто Бристоу, преуспевающий фабрикант чемоданов, с него перескочили на путешествия, а с путешествий — на искателей богатых невест, с которыми миссис Дэйл случалось иметь дело. Автомобильная прогулка все же состоялась по требованию других гостей. Но Юджина вполне удовлетворяло общество этой женщины, и он остался с ней. Они говорили о книгах, об искусстве, о журналах, о том, как делаются состояния и создаются репутации. Миссис Дэйл была особенно любезна с Юджином, потому что он мог оказать ей некоторые услуги на литературном поприще. Прощаясь, она спросила его:

— Где вы живете в Нью-Йорке?

— В данное время на Риверсайд-Драйв,— ответил он.

— Приезжайте как-нибудь ко мне вместе с миссис Витла на воскресенье. У нас обычно собирается несколько человек,— места в доме достаточно. Если хотите, я назначу вам день.

— Благодарю вас. Мы будем очень рады. Я уверен, что моей жене это доставит большое удовольствие.

Дней десять спустя миссис Дэйл послала Анджеле приглашение, и таким образом завязалось светское знакомство.

Миссис Дэйл нашла Анджелу безусловно приятной женщиной, какую бы роль она ни играла в свете. Во время своего первого посещения Юджин и Анджела не видели ни Сюзанны, ни кого другого из детей миссис Дэйл, так как их не было дома. Юджин восхищался от-

крывавшимся из окон видом, и было ясно, что он рассчитывает на вторичное приглашение. Миссис Дэйл ничего лучшего и не желала. Юджин нравился ей и сам по себе, хотя прежде всего ее привлекало то, что он занимает крупный издательский пост. Ей очень хотелось печататься, а она слышала от многих, что Юджин — восходящее светило в этом мире. Дружеские отношения с ним могли оказаться ей на руку, если бы пришлось иметь дело с кем-нибудь из его редакторов, и она всячески подчеркивала свое расположение к нему. Он был приглашен еще и еще раз — вместе с Анджлой, — и между ними, казалось, стало завязываться, или во всяком случае могло завязаться, нечто более содержательное, чем простое знакомство встречающихся в обществе людей.

Спустя полгода после первой встречи Юджина с миссис Дэйл Анджела устраивала прием, и Юджин, помогая ей составить список приглашенных, предложил, чтобы конфеты и печенье разносили две очень хорошенькие девушки, часто бывавшие у них, — Флоренс Рил, дочь известного писателя, и Марджори Мак-Теннен, дочь видного издателя. Обе барышни были и красивы и талантливы — одна пела, другая рисовала. Анджела кстати вспомнила, что видела на городской квартире у миссис Дэйл фотографию Сюзанны, — красота девушки и очарование ее юности произвели на нее большое впечатление.

— Как ты думаешь, — сказала она Юджину, — не разрешит ли нам миссис Дэйл пригласить на помощь Сюзанну? Мы, правда, ни разу не видели ее, но это не важно, — так она легче со всеми познакомится. Я уверена, что это доставит ей удовольствие, — ведь у нас будет много интересных людей.

— Что ж, мысль неплохая, — одобрительно отозвался Юджин.

Он видел портрет Сюзанны, и девушка понравилась ему, но не более. Он всегда считал фотографии самым бездарным жульничеством и всегда принимал их с поправкой. Анджела написала миссис Дэйл, и та дала согласие, она и сама выразила готовность приехать. Она и раньше бывала у Витла и находила, что это очень приятный дом. В день приема Анджела попросила Юджина вернуться пораньше.

— Я знаю, тебе не слишком улыбается роль гостеприимного хозяина, но будут мистер Гудрич и Фредерик Эллан (один из немногих друзей, питавших искреннее расположение к Юджину). Артуро Скальчero споеет нам, а Бонавита сыграет.

Скальчero, иначе Артур Скалджер, был уроженец Порт-Джервиса в штате Нью-Джерси; после кратковременного пребывания в Италии он изменил свою фамилию на итальянский лад, считая, что это повысит его шансы на успех. Бонавита же был настоящий испанец, пианист, пользовавшийся некоторой известностью. Он всегда охотно отзывался на приглашения Юджина.

— По правде говоря, меня это не очень прельщает, но я приеду,— сказал Юджин.

Эти званые чай и приемы в сущности тяготили его, и он предпочел бы провести вечер на службе, где у него было достаточно дела. Тем не менее он рано ушел из издательства и в половине шестого уже входил в гостиную. Здесь царило большое оживление: Флоренс Рил только что кончила петь. Как многие молодые девушки, честолюбивые мечтательницы, наделенные темпераментом и воображением, она чувствовала интерес к Юджину, угадывая в его улыбке что-то близкое и родственное.

— О мистер Витла! — воскликнула она. — Вы пришли, когда я уже спела! А мне так хотелось, чтобы вы меня послушали!

— Не огорчайтесь, Флори,— фамильярным тоном отозвался Юджин, не выпуская ее руки и ласково глядя ей в глаза. — Вы еще раз повторите — специально для меня. Кое-что я все-таки успел услышать, поднимаясь в лифте. А! Миссис Дэйл! — Он выпустил руку девушки. — Как я рад вас видеть! Вот мило! Артуро Скальчero! Здорово, Скалджер, старый морж! Где это вы раздобыли свое итальянское имя? Бонавита! Вот чудесно! Надеюсь, вы нам сыграете? Я опоздал? Как жаль! Марджори Мак-Теннен! Вы сегодня очаровательны! Если бы миссис Витла не видела нас, я бы вас расцеловал! И какая восхитительная шляпка! А, Фредерик Эллан! Вы тут на кого заглядываетесь? Ладно, ладно, я все вижу! И миссис Шенк у нас? Очень рад! Анджела, почему ты мне не сказала, что будет миссис Шенк? Я бы примчался домой в три часа.

Здороваясь с гостями, он прошел в глубину про-

сторной студии. Здесь у сверкающего серебром чайного стола стояла молодая цветущая девушка, с прелестным овалом лица и свежими, полураскрытыми в улыбке губами. Ее русые волосы были стянуты вокруг лба серебряной лентой, из-под которой выбивались легкие завитки. Юджин обратил внимание на ее полные красивые руки. Она держалась очень прямо и вместе с тем непринужденно, в глазах ее светился чуть насмешливый огонек. Белое с розовой каймой платье красиво облегало девичью фигуру.

— Я, конечно, вас не знаю,— начал Юджин,— но сейчас попробую угадать. Это... это... Сюзанна Дэйл! Правда?

— Да, вы угадали,— отвечала она смеясь.— Можно предложить вам чашку чаю, мистер Витла? Я догадалась, что вы мистер Витла, по описанию мамá и по тому, как вы со всеми разговариваете.

— А как же я со всеми разговариваю, разрешите узнать?

— Это не так просто объяснить. Я знаю, но не нахожу нужного слова. Фамильярно — вот, по-моему, как. Сколько вам сахара — один кусок или два?

— Лучше три. Помнится, ваша матушка говорила, что вы поете или играете?

— Не верьте всему, что говорит про меня мамá. Она вам много чего расскажет,— ха-ха! Даже смешно — это я-то играю! Мой учитель говорит, что ему хочется бить меня по пальцам. О боже! (Она залилась смехом.) И это я пою! Вот потеха!

Юджин внимательно изучал хорошенькое личико девушки. Ее губы, нос и глаза были очаровательны. Как она прелестна! Он любовался линиями ее рта, округлостью щек и подбородка. Изящный нос правильной формы, чуть широкий и не нервный, уши маленькие, глаза большие, широко расставленные, высокий, наполовину закрытый завитками лоб. На лице у нее было несколько веснушек, а на подбородке — чуть заметная ямочка.

— Кто это разрешил вам так смеяться? — сказал Юджин с притворным негодованием.— Смотрите, как бы вам не пришлось отвечать за свой смех. Во-первых, он противоречит уставу этой обители. Здесь никому никогда не разрешается смеяться, а тем более девицам, разливающим чай. Чай, как правильно выразился Эпик-

тет, требует самого внимательного отношения. Разливательницы чая пользуются некоторой привилегией — им дозволено изредка улыбаться, — но никогда ни за что и ни при каких обстоятельствах...

Губы Сюзанны уже начали складываться в восхитительную улыбку, предвещавшую новый взрыв смеха.

— Что тут происходит, Витла? — спросил подошедший к ним Скалджер. — Почему вы здесь застряли?

— Чай, сын мой, — ответил Юджин. — Не выпьете ли со мной чашку?

— С удовольствием.

— Представьте, мистер Скалджер, мистер Витла хочет убедить меня, что мне нельзя смеяться, — пожаловалась Сюзанна, протягивая Скалджеру чашку чаю. — Можно только улыбаться. — Губы ее раскрылись, и она весело расхохоталась. Юджин невольно рассмеялся вместе с ней. — Мама́ (она каждый раз произносила «мама́») уверяет, что я вечно хихикаю! Меня, наверно, прогонят отсюда, правда?

Она снова повернулась к Юджину и посмотрела на него своими большими смеющимися глазами.

— Допускаются, конечно, исключения, — сказал он, — и я готов, пожалуй, сделать одно, но ни в коем случае не больше!

— А зачем одно? — лукаво улыбаясь, спросила она.

— Ах, только ради того, чтобы услышать естественный смех, — протянул он чуть жалобно. — Чтобы услышать настоящий беззаботный смех. Вы умеете смеяться беззаботно?

Она снова расхохоталась, и он уже собирался сказать, что у нее смех действительно беззаботный, но тут Анджела позвала его слушать Флоренс Рил, которая опять собиралась петь, специально для него. Юджин нехотя отошел от мисс Дэйл, мысленно сравнивая ее с яркой мейсенской статуэткой. Она казалась ему изменчивой в своем совершенстве, как весенний вечер, нежной, трепетной и пленительной, как отдаленная музыка, звучащая в ночи над водой. Он подошел к роялю и, отдавшись чувству легкой грусти, стал слушать романс «Летний ветер веет, веет» в прекрасном исполнении Флоренс Рил.

Юджин слушал и думал о Сюзанне. Его взгляд невольно обращался в ее сторону. Он разговаривал с миссис Дэйл, с Генриеттой Тенмон, с Люком Севирасом.

с мистером и миссис Дьюла, с Паялеем Стояном (который был теперь специальным корреспондентом какой-то газеты) и с другими, а сам ни на минуту не забывал о ней. Как она прелестна! Как очаровательна! Если бы еще хоть раз в жизни насладиться любовью такой девушки!

Гости начали разъезжаться, Анджела и Юджин провожали их. Поскольку Сюзанна все еще была занята исполнением своих обязанностей, миссис Дэйл тоже задержалась, продолжая беседовать с Артуром Скалджем. Юджин ходил из студии в переднюю и обратно, поглядывая украдкой на Сюзанну, скромно стоявшую у самовара и чашек. Давно не видел он такого молодого и свежего существа. Она напоминала ему только что распустившуюся белую водяную лилию. Она была свежа, как ветка цветущей яблони, как первая сочная весенняя травка. Глаза ее были ясны, как прозрачный ключ, а кожа — белее слоновой кости. Ее не коснулись еще ни усталость, ни забота, ни черные мысли, — все в ней говорило о здоровье и счастье. «Какое лицо!» — восторгался он, издали наблюдая за ней. — Трудно себе представить более прелестное создание. Она сверкает, как солнечный луч.

Перед его глазами встал образ Фриды Рот, а из далекого-далекого прошлого вынырнуло воспоминание о Стелле Эплтон.

Молодость, молодость! Что в этом мире может быть прекраснее и желаннее? Что может сравниться с нею? После пыльных грязных улиц, после печального зрелища старости и увядания (морщинки у глаз, складки кожи на шее, массаж, румяна, пудра) вдруг — настоящая молодость, не только тела, но и души, — глаза, улыбка, голос, движения — все молодое. Такое чудо невозможно изобразить на полотне! Кто мог бы на это отважиться? Кому это удавалось?

Юджин пожимал гостям руки, кланялся, деланно улыбался, смеялся, шутил, но думал неотступно об одном — о чуде, каким была молодость и красота Сюзанны Дэйл.

— О чем это ты замечтался? — спросила Анджела, подходя к мужу, который уселся в качалку у окна и при свете догорающей зари следил за игрой серебристо-серых и фиолетовых бликов на поверхности воды. В воз-

духе носились запоздалые чайки. Огромная фабрика на противоположном берегу выбрасывала из высоких труб спирали черного дыма. В ее стоглазой стене мерцали огоньки. Едва на соседней башне пробило шесть, раздался пронзительный рев сирены. Стоял конец февраля, и день был холодный.

— Да так, смотрю в окно. Красиво,— устало ответил он.

Анджела не поверила ему. Какая-то смутная тревога закралась ей в душу, но прошло то время, когда они могли ссориться из-за того, о чем Юджин думал. Слишком уж богато и беспечно им жилось. И все же ее мучило беспокойство.

Для Сюзанны Дэйл эта встреча прошла в сущности незаметно. Мистер Витла очень милый, приятный и красивый мужчина, а миссис Витла очень мила и моложава.

— Мама, ты смотрела из окна квартиры мистера Витлы?

— Да, детка, смотрела.

— Правда, чудный вид?

— Прекрасный!

— А тебе, мама, не хотелось бы жить на Риверсайд-Драйв?

— Возможно, мы когда-нибудь там и поселимся.

Миссис Дэйл задумалась. Да, Юджин интересный мужчина — молодой, блестящий, талантливый. Какую ошибку совершают молодые люди, когда так рано женятся. Вот вам преуспевающий человек, он принят в высшем обществе, у него привлекательная внешность, весь мир, можно сказать, открыт перед ним, а он женат на женщине, которая хоть и очень мила, но все же никак ему не пара.

«Ну что ж? — подумала она. — Такова жизнь. Стоит ли над этим задумываться? Каждый живет как может».

Она решила, что недурно было бы написать на эту тему рассказ и попросить Юджина напечатать его в одном из своих журналов.

ГЛАВА II

Пока происходили эти события, дела «Юнайтед мэгазинс» неуклонно улучшались. Уже к концу первого года Юджин справился со многими трудностями как в

рекламе, так и в издательском деле, и теперь они больше не беспокоили его, а к концу второго года предприятие было, можно сказать, на верном пути к расцвету. Юджин приобрел в издательстве такое большое влияние, что в огромном доме, где работало свыше тысячи человек, все знали его в лицо. Перед ним лебезили и расстилались почти так же, как перед Колфаксом и Уайтом, хотя последний, по мере того как улучшалось общее положение дел, становился все более властной и внушительной фигурой. Этот человек, получавший двадцать пять тысяч в год и имевший звание вице-президента, боялся, как бы новый директор не забрал себе всю власть. Его крайне раздражала самоуверенность Юджина, так как тому действительно недоставало такта и, вместо того чтобы держаться скромно, он склонен был подчеркивать свои заслуги. Он то и дело сообщал Колфаксу о своих новых успехах, не смущаясь присутствием Уайта, которого попросту не замечал. То он заполучил видного автора, то раздобыл новую рукопись для того или иного журнала, то придумал остроумный способ улучшения работы отделов или же заключил новый прибыльный контракт на изготовление реклам. Стоило ему появиться в кабинете президента, как он становился предметом всеобщего внимания — его хвалили, поздравляли, так как он вел дело энергично, и Колфакс это понимал. Уайт едва переносил его.

— Ну, какой еще подвиг удалось вам совершить? — весело спросил его однажды Колфакс в присутствии Уайта; он знал, что Юджин, как ребенок, любит похвалу и что над ним можно слегка подшутить. Уайт скрыл свое бешенство за притворной улыбкой.

— Подвигов особенных нет, но Хейз добился договора с консервной компанией Хамонд. Это значит, что в будущем году издательство получит лишних восемнадцать тысяч долларов. Пригодится, не правда ли?

— Молодчина Хейз! Черт возьми, Витла, я начинаю думать, что он, пожалуй, больше вашего смыслит в рекламе. Конечно, откопали его вы, никто не отрицает, но этот малый знает свое дело. Если бы с вами что-нибудь случилось, я непременно удержал бы его у себя.

Уайт сделал вид, будто ничего не слышит, но обрадовался и про себя решил оказывать Хейзу покровительство.

У Юджина вытянулось лицо; неожиданный интерес к успехам его помощника — в пику ему — подействовал на него как ушат холодной воды. Не очень это приятно, когда вам противопоставляют ваших помощников и умаляют вашу собственную роль. Разве не он разыскал всех этих людей и вдохнул жизнь в предприятие? Уж не собирается ли Колфакс отвернуться от него?

— Ну что ж, — невозмутимо ответил он.

— Что это вы надулись? — как ни в чем не бывало спросил Колфакс. — А-а, понимаю! Но я вовсе не в упрек вам говорю. Разумеется, вы нашли этого человека. Я только довожу до вашего сведения, что, случись с вами что-нибудь, я никуда не отпущу Хейза.

Юджин почувствовал в этих словах скрытый намек. Это было равносильно предупреждению, что он не имеет права увольнять Хейза. Колфакс не сказал этого, но такой напрашивался вывод. И Юджин вышел из кабинета, думая о том, какой неблагоприятный оборот принимает дело. Ведь если он будет подбирать толковых работников без права их увольнять, в какое положение попадет он сам, вздумай они повести себя вызывающе? Стоит им только пронюхать о таком настроении высшего начальства — что вполне возможно благодаря Уайту, — и они набросятся на него, как львы на укротителя! Да, все это было весьма неожиданно и неприятно.

Надо сказать, что раньше подобная мысль не пришла бы Колфаксу в голову, так как Юджин был его любимцем. Но постоянные злонамеренные предупреждения и намеки Уайта принесли свои плоды. Успехи, достигнутые Юджином в реорганизации издательства, бесили Уайта. Он считал, что Юджина вознесли не по заслугам, а главное — в ущерб другим работникам. Необходимо положить этому конец. Колфакс одно время был так увлечен Юджином, что не уделял должного внимания Уайту, и тот отнюдь не согласен был с этим мириться. Несомненно, человек, который умеет подбирать хороших работников и способен вдохнуть в дело новую жизнь, — ценная находка, но как же насчет него самого, Уайта? Он знал, что Колфакс подозрителен и ревнив по натуре. Вряд ли он допустит, чтобы кто-нибудь из служащих затмил его своим авторитетом. До сих пор у Колфакса и не возникало таких опасений. Но Уайт решил заронить в него это подозрение и пробудить рев-

ность. Он видел, что хозяин его в общем не питает большого интереса к издательскому делу, хотя, познакомившись с ним ближе и убедившись, что оно обещает быть доходным, он уже не жалел, что связался с этим делом. Его жене тоже нравилось, что знакомые постоянно спрашивают о делах издательства, о новых журналах, книгах, художественных альбомах. Правда, издание книг было далеко не таким прибыльным делом, как производство мыла, или теплого белья, или, скажем, железнодорожные акции, с которыми имя Колфакса было особенно тесно связано, но зато оно было более почетным, и миссис Колфакс хотелось, чтобы издательство находилось в непосредственном ведении ее мужа и делало ему честь.

В поисках оружия, которым можно было бы сразить Юджина, Уайт учитывал все это. Он несколько раз осторожно заговаривал с Колфаксом на эту тему и заметил, как у того сразу начинают раздуваться ноздри. Если бы ему удалось заручиться доверием редакционных работников так, чтобы они при всякой надобности обращались к нему, а не к Юджину, он потом с помощью Колфакса забрал бы в руки и самого главного директора. Он унизил бы его, сломил, доказал ему, что он, Уайт, является той силой, которая стоит за троном.

— Что вы скажете насчет Витлы? — спрашивал его иногда Колфакс, и Уайт пользовался всяким удобным случаем, чтобы разжечь в хозяине ревность.

— Что ж, он способный малый, — говорил он, по-видимому, вполне искренне, — каждому ясно, что он недурно управляется со своими отделами. Но вам, по-моему, не следовало бы упускать из виду его честолюбие. Он из тех людей, у которых голова кружится от власти. Не забывайте, что для своего поста он еще очень молод. (Уайт был на восемь лет старше Юджина.) Эти художники и литераторы все на один лад. У них нет настоящей практической жилки. Если ими руководить как следует, они могут быть прекрасными помощниками, и вы с ними чего угодно добьетесь. Но, повторяю, нужно знать, как с ними обращаться, и крепко держать их в руках. Этот парень, насколько я мог его раскусить, как раз такой человек, какой нам нужен. Он нашел дельных работников и добился, не спорю, кое-каких результатов, но с

него нельзя спускать глаз, а то он способен в один прекрасный день разогнать всех своих людей или же взять да и уйти вместе с ними. На вашем месте я бы этого не допустил. Пускай подбирает служащих, какие, по вашему мнению, годятся для дела, а уж потом я постарался бы удержать их. Конечно, начальник должен пользоваться авторитетом, но есть же какие-то границы. Помоему, вы даете ему слишком много воли.

Колфаксу это мнение казалось искренним и убедительным, и он мысленно отдавал должное проницательности Уайта, так как при всем своем расположении к Юджину, в обществе которого он много бывал, Колфакс не вполне доверял ему. Он часто думал, что в Юджине слишком много внешнего блеска, и подозревал его в некоторой беспечности и легкомыслии.

Под видом помощи Юджину Уайт старался, не вмешиваясь фактически, давать Колфаксу советы, касавшиеся то отдела рекламы, то отдела распространения. Он пытался даже высказывать свои соображения (одному богу известно, откуда он их брал!) насчет руководства журналами и выпуска книг и, передавая их неизменно через Колфакса, принимал все меры к тому, чтобы начальники отделов знали, от кого они исходят. Его тактика заключалась в том, чтобы сперва обсудить какую-нибудь пришедшую ему в голову мысль с Хейзом или Гилмором (заведующим отделом распространения), или с кем-либо из редакторов, а потом устроить так, чтобы эта идея попала в отдел уже как распоряжение, исходящее от Юджина. Последний так стремился добиться хороших результатов, что простодушно принимал к сведению все разумные советы, и ему долго и в голову не приходило, что его разыгрывают. Подчиненные Юджина стали, однако, понимать, что тут что-то неладно, так как все знали, что Уайт — подголосок Колфакса и между ним и Юджином нет полного единодушия. Они решили, что Юджин вынужден считаться с Уайтом, и вскоре в отделах укрепилось мнение, что Юджин и Уайт не могут ужиться друг с другом, но что Уайт сильнее и Юджину несдобровать.

Было бы утомительно рассказывать о бесчисленных интригах и происках, представляющих изнанку жизни всякого предприятия,—каждый, кто когда-либо работал в небольшом или большом учреждении, достаточно зна-

ком с этим. Юджин не был дипломатом. Он понятия не имел о коварстве, с каким Уайт и прочие родственные ему по духу и наклонностям люди представляли в неверном свете все, что касалось его работы. Уайт невзлюбил Юджина и поставил себе целью сломить его влияние. Прошло немного времени, и некоторые редакторы стали обнаруживать, что любая их попытка добиться чего-либо от типографии наталкивается на затруднения, а когда они жаловались, всегда выходило, будто всему виной их собственная беспорядочность или скверный характер. Случалось, что в отделе рекламы сотрудники допускали ошибки в передаче фактов или в оформлении, и, как ни странно, эти ошибки непременно выходили наружу. Юджин заметил, что его работники быстро преодолевают всякие трудности, если обращаются к Уайту, а когда они прибегают к нему, ничего не получается. Вместо того чтобы закрывать глаза на эти мелкие неприятности и заниматься своим делом, Юджин тратил время на стычки и жалобы, и это лишь выставляло его в невыгодном свете как руководителя, не способного сохранять мир и порядок в своем ведомстве. Уайт был неизменно любезен, невозмутим, всегда готов дать убедительные объяснения.

— Возможно, он просто не умеет ладить с этой публикой,— говорил он Колфаксу, и если кого-нибудь увольняли, это принималось как доказательство слабости руководства.

Иногда Колфакс, по совету Уайта, просил Юджина быть осторожнее, но тот уже ясно понимал, что происходит, и не сомневался в том, кто стоит за спиной патрона. Он даже собирался раскрыть игру Уайта и привлечь его к ответу в присутствии Колфакса, но потом махнул рукой на эту затею, поскольку у него не было явных улик. Уайт же умел внушить Колфаксу, что он все делает в интересах Юджина. Решительное сражение откладывалось.

Тем временем Юджин, по этой ли причине, или, вернее, потому, что он не рассчитывал долго удержаться на своем посту, так как не имел пая в предприятии Колфакса и не мог приобрести его, стал сильно задумываться над предложением, которое сделал ему Кенион Уинфилд, не забывший о молодом издателе после их памятной беседы в доме Уилибрэндов на Лонг-Айленде.

Уинфилд часто вспоминал о Юджине в связи со своим новым планом, который заключался в том, чтобы на южном побережье Лонг-Айленда, километрах в тридцати пяти от Нью-Йорка, создать первоклассный курорт. Этот курорт по своим санаториям и отелям должен был превзойти Палм-Бич и Атлантик-Сити и явить, в непосредственной близости от Нью-Йорка, такое воплощение красоты и роскоши, чтобы толпы праздных богачей и преуспевающих спекулянтов устремились туда со всех других курортов. Уинфилд много размышлял об этом, но не разработал еще проекта, который удовлетворял бы его полностью, и ему пришла мысль, что Юджин мог бы заинтересоваться этим как художник.

К сожалению, план этот словно был создан для того, чтобы увлечь Юджина, хотя он и так был занят по горло. Ничто не вдохновляло его так, как художественное сочетание роскоши и красоты. Подобный курорт, построенный действительно на широкую ногу, с отелями, клубами, павильонами, с участками для застройки, с деревянной или каменной набережной вдоль пляжа, а возможно, и с игорным домом, превосходящим Монте-Карло, должен был, как представлялось Юджину, рано или поздно возникнуть в окрестностях Нью-Йорка. Они с Анджелой не раз бывали в таких местах, как Палм-Бич, Олд-Пойнт-Комфорт, Вирджиния-Хот-Спрингс, Нью-порт, Шелтер-Айленд, Атлантик-Сити и Таксидо, и эти поездки чрезвычайно расширили его представление о том, что такое красота и роскошь. Ему нравилась внутренняя отделка отеля «Чемберлен» в Олд-Пойнт-Комфорт и «Ройял-Понсиана» в Палм-Бич. Он с интересом присматривался к отелям в Атлантик-Сити и в других местах, изучая черты новой архитектуры, и мысленно представлял себе участок на побережье Атлантического океана, скажем, близ залива Грейвсенд, где наряду с обширным пляжем имелись бы живописные островки, каналы или речки. Здесь можно было бы построить два-три больших отеля и проложить прекрасную аллею — по новому образцу, параллельно берегу. Вокруг постепенно вырос бы великолепный приморский город, в котором земельные участки продавались бы по такой цене, что они были бы доступны только избранным. Он рисовал себе нечто необычайно эффектное, что привлекло бы внимание представителей веселящегося общества, с ко-

торыми он недавно познакомился. Надо только оповестить их, что такое место существует, что оно очень живописно, что стоимость пребывания в нем исключает приток простых смертных, и они тысячами хлынут туда.

«Самое прибыльное дело — это роскошь, надо только знать, кому и как преподнести ее», — сказал ему однажды Колфакс, и Юджин был с ним согласен. Все, что он видел за последнее время, подтверждало это. Люди не жалели миллионов для удовлетворения своих прихотей. Ему случалось видеть сады, лужайки, павильоны и беседки, стоившие тысячи, сотни тысяч долларов, и притом в таких местах, где некому было ими любоваться. В Сент-Луисе он видел мавзолей, построенный по образцу индийской гробницы Тадж-Махал и окруженный лужайкой, под которой на известной глубине были проложены трубы парового отопления, чтобы там круглый год могли произрастать тропические растения. Ему никогда и не снилось, что наступит день, когда он будет причастен к подобной затее, но по своему характеру он, как никто другой, способен был ею увлечься.

Проект, который Уинфилд дружески изложил ему, был довольно прост. Уинфилд слышал, что Юджин недурно зарабатывает, что он получает в год двадцать пять тысяч долларов, если не больше, что у него есть недвижимость и надежные ценные бумаги, и ему пришло в голову, что он, пожалуй, не прочь будет вложить некоторую сумму в какую-нибудь сделку с землей, обещающую со временем большую прибыль. Мысль Уинфилда сводилась к следующему: он организует компанию под названием «Строительная компания Синее море» с капиталом в десять миллионов долларов, из которых тысяч двести или триста как основной капитал должны быть депонированы в банке. Исходя из этой наличности, компания выпускает акции на сумму в миллион долларов. Это значит, что всякий, кто вносит сто долларов, получает три акции основных и две привилегированных, по сто долларов каждая, из восьми процентов годовых. Но таким положение останется лишь до тех пор, пока не будет покрыт основной капитал в двести тысяч долларов. После этого за каждые сто долларов акционер получит только две акции основных и одну привилегированную, пока компания не будет располагать наличным капита-

лом в миллион долларов. А затем уж акции начнут котироваться по своей номинальной стоимости или же выше, в зависимости от обстоятельств.

На первоначальную сумму в двести тысяч долларов предполагалось купить пустующий участок — наполовину болото, наполовину остров — на побережье Атлантического океана, у залива Грейвсенд (участок принадлежал самому Уинфилду), где на протяжении трех миль тянулся прекрасный песчаный пляж. Это позволяло Уинфилду развязаться с имуществом, стоившим тысяч шестьдесят и не находившим покупателя, а в то же время давало ему в новой корпорации прекрасный пай. Чтобы полностью обеспечить свои интересы, он намеревался заложить в банке как самый участок, так и все то, что компания позднее на нем построит. В западном конце участка была красивая бухта, не глубокая, но открывавшая доступ к целому ряду рукавов и лагун, окружавших девять островков. Если эти каналы хорошенько расчистить, по ним могут ходить яхты и другие мелкие суда. Попутно Уинфилду пришло в голову, что ил и песок, вычерпанные из водоемов, можно будет использовать для осушения болот между островками и сушей и получить таким образом ценный участок сухой земли. Оставалось выработать схему застройки, и об этом-то Уинфилд и хотел поговорить с Юджином.

ГЛАВА III

Они быстро столковались. Не успел Уинфилд произнести и десяти слов, как Юджин начал угадывать его мысли.

— Мне этот участок немного знаком,— сказал он, рассматривая маленькую контурную карту, заготовленную Уинфилдом.— Я ездил туда с Колфаксом и еще с кем-то — охотиться на уток. Прекрасное место, что и говорить. Сколько за него просят?

— Видите ли, участок, собственно говоря, принадлежит мне,— сказал Уинфилд.— Пять лет тому назад, когда он представлял собою сплошное непролазное болото, я уплатил за него шестьдесят тысяч долларов. Никаких работ там с тех пор не производилось. Теперь он стоит

двести тысяч, и за эту сумму я и передам его новой компании, а чтобы обеспечить себя, заложу в банке. После этого компания может делать с ним что угодно, хотя я в качестве ее президента буду, конечно, руководить этим делом. Если вы хотите составить себе состояние и если у вас есть свободные пятьдесят тысяч,— пользуйтесь случаем. За пять лет участок вырос в цене с шестидесяти тысяч до двухсот. Сколько же, по-вашему, он будет стоить лет через десять, при тех темпах, какими растет Нью-Йорк? В Нью-Йорке чуть ли не четыре миллиона жителей, и можно смело сказать, что через двадцать пять лет в нем будет четырнадцать — пятнадцать миллионов населения на территории диаметром в двадцать пять миль. Конечно, до моего участка по прямой — тридцать две мили, но какое это имеет значение? Лонгайлендская железнодорожная компания с радостью проведет туда ветку, и таким образом участок окажется на расстоянии какого-нибудь часа езды от города. Вы только представьте — один из лучших пляжей на побережье Атлантического океана в часе езды от Нью-Йорка! Я думаю, что мне удастся заинтересовать моим проектом мистера Уилтси, президента Лонгайлендской железной дороги, и он вложит в дело значительный капитал. Аналогичное предложение я делаю и вам, так как очень ценю ваше мнение в вопросах художественной планировки и рекламы. Вы можете согласиться или отказаться, но, прежде чем принять решение, поедemте посмотреть участок.

В общей сложности — в ценных бумагах, в недвижимом имуществе и банковских вкладах — у Юджина было около пятидесяти тысяч твердого, надежного капитала, которым он мог при желании распорядиться. Он был убежден, что предложение Уинфилда — одна из тех редчайших удач, которая, сумеет он ею воспользоваться, сделает его богатым человеком. Но вместе с тем пятьдесят тысяч — это пятьдесят тысяч, и сейчас они у него в руках. А с другой стороны, как только дело пойдет на лад, ему не придется больше беспокоиться, удержится ли он у Колфакса, и думать о том, как сохранить свое теперешнее положение. Нельзя, конечно, сказать заранее, что может принести подобное помещение капитала. Сам Уинфилд, по его словам, рассчитывал нажить на этой спекуляции от шести до восьми миллионов долларов.

Он собирался заручиться акциями отелей, казино и других предприятий нового курорта. Ясно, что через некоторое время, когда вся территория у Грейвсендского залива будет осушена и приведена в порядок, участки в сто на сто футов (а меньшие продавать не предполагалось) будут стоить от трех до пятнадцати тысяч. Кроме того, там есть островки, которые можно будет сдавать под клубы или дачи,— это тоже принесет немалый доход. А арендная плата с яхт-клубов! Ведь вся земля будет принадлежать компании.

— Будь у меня достаточно собственных денег, я сам взялся бы за эксплуатацию участка,— сказал Уинфилд.— Но я хочу, чтобы работы велись в гигантских масштабах, а для этого у меня нет средств. Я хочу создать нечто такое, что будет памятником и мне и всем, кто будет связан с этим предприятием. Я готов идти на одинаковый риск с другими и, чтобы доказать это, намерен приобрести возможно больше акций, из того расчета, о котором я вам говорил,— пять акций за одну. И вы и всякий другой можете сделать то же самое. Ну, каково ваше мнение?

— Проект грандиозный,— сказал Юджин.— У меня такое чувство, словно вдруг сбылась мечта, которую я незаметно для себя вынашивал годами. Мне просто не верится, что это правда, но вместе с тем я понимаю, что это так и что вы добьетесь всего, о чем говорите. Нужно, однако, быть чрезвычайно осторожными при планировке участка. Вам достался счастливый жребий, который выпадает на долю человека лишь раз в жизни. Ради бога, не надейтесь ошибиться. Пусть у нас будет хоть один по-настоящему красивый курорт.

— Как раз моя мысль,— ответил Уинфилд,— потому-то я и обратился к вам. Я хочу, чтобы вы вошли в это предприятие, так как очень рассчитываю на ваш вкус и фантазию. Вы поможете мне разработать план и организовать рекламу.

Они еще долго обсуждали проект во всех подробностях, и в конце концов Юджину, несмотря на все его опасения, начало казаться, что его заветные мечты близки к осуществлению. Пятьдесят тысяч долларов, вложенные в это дело, дадут ему две с половиной тысячи акций — полторы тысячи основных и тысячу привилегированных,— номинальная стоимость которых, гаранти-

рованная этим прекрасным участком, равна двумстам пятидесяти тысячам. Подумать только! Двести пятьдесят тысяч! Четверть миллиона. И эта сумма будет все расти. Да так он без труда выйдет в миллионеры! Его способности тоже найдут себе применение,— Уинфилду очень хотелось привлечь его к разработке проекта, и тогда Юджин не только завяжет отношения с крупнейшими агентами по продаже недвижимого имущества, но и придет в соприкосновение с многими финансистами — людьми, которые несомненно заинтересуются этим делом. Уинфилд называл архитекторов, подрядчиков, железнодорожных магнатов и президентов строительных компаний, которые с радостью войдут пайщиками в его предприятие, зная, какие выгоды оно сулит. Он также говорил, что надо будет пустить в ход все знакомства и связи, чтобы избавить компанию от лишних расходов, исчисляющихся миллионами. Взять хотя бы предполагаемую ветку Лонгайлендской железной дороги,— она обойдется дороге в двести тысяч, а компании ничего не будет стоить и в то же время даст возможность тысячам туристов посетить курорт, как только он будет готов принять их. То же относится и к отелям, которые в свою очередь внесут оживление в деловую жизнь курорта. «Компании Синее море» придется лишь сдавать в аренду земельные участки. Крупные концерны будут сами строить отели, сообразуясь, однако, с правилами и планами, выработанными компанией. Больших расходов потребует лишь прокладка улиц, канализация, освещение, водопровод, зеленые насаждения и набережная в сто футов шириною, с гранитным парапетом — лучшая набережная в мире. Но все эти виды благоустройства можно будет вводить не сразу, а постепенно.

Юджин слушал как зачарованный. Он видел перед собой грандиозные перспективы.

— Я сейчас ничего не могу сказать,— осторожно ответил он.— Вы рисуете увлекательную картину, но у меня, пожалуй, не хватит средств. Мне нужно хорошенько подумать. А пока я с удовольствием поеду с вами и посмотрю участок.

Уинфилд видел, что Юджин пленился его идеей. Когда проект будет разработан до конца, его нетрудно будет завербовать. Юджин, вероятно, захочет построить себе дачу в новом курорте и выезжать туда на лето. Он

заинтересует проектом своих многочисленных знакомых. Уинфилд расстался с ним, уверенный, что положил хорошее начало, и он не ошибался.

Юджин обсудил вопрос с Анджелой — единственным человеком, с которым он в таких случаях советовался, — но она, как и всегда, не сказала ни да, ни нет и только выразила ему свои сомнения, не высказываясь ни за, ни против. Анджела была очень осторожна, но в делах разбиралась плохо. Она ничего не могла ему посоветовать. До сих пор все начинания Юджина приводили к хорошим результатам. Он, по-видимому, делал блестящую карьеру, но лишь как ценный помощник, а не как прирожденный руководитель.

— Решай сам, Юджин, — сказала она наконец. — Я не знаю. Все это звучит соблазнительно. Конечно, ты не вечно же будешь работать у мистера Колфакса. И если, как ты говоришь, там начинают под тебя подкапываться, то лучше заранее создать себе возможность для отступления. Ведь у нас и сейчас хватило бы на жизнь, если бы ты захотел опять заняться живописью.

— Живопись! — с улыбкой произнес Юджин. — Бедная моя живопись! Много я сделал, чтобы развить свой талант!

— Куда тебе еще развивать его? Он у тебя и так есть. Я не могу себе простить, что позволила тебе бросить искусство. Конечно, мы живем лучше, но разве можно сравнить твою работу с тем, что ты делал раньше. Что толку — если не говорить о материальной стороне дела, — что ты стал преуспевающим издателем? Ты пользовался не меньшим, если не большим уважением, когда впервые вступил в коммерческий мир. Да и теперь ты больше известен как Юджин Витла — художник, чем как Юджин Витла — издатель.

Юджин чувствовал, что она права. Его картины и сейчас служили ему верой и правдой. Слава его росла. Полотна, которые он продавал когда-то по двести и четыреста долларов, стоили теперь от трех до четырех тысяч, и цены на них все повышались. Владельцы художественных салонов нередко спрашивали его, неужели он окончательно забросил живопись. Да и в обществе к нему то и дело обращались с вопросом: «Почему вы не пишете?»; «Не стыдно вам отказываться от искус-

ства?»; «О, ваши картины — я их никогда не забуду!»

— Сударыня, — с торжественным видом отвечал на это Юджин, — никогда мои картины не дадут мне того, что дает руководство журналами. Искусство — прекрасная вещь, и я готов допустить, что я — талантливый художник. Но мой талант оказался для меня плохой опорой, и только забросив его, я узнал, что значит жить хорошо. Печально, но факт. Если бы я мог надеяться, что труд художника даст мне хотя бы половину тех земных благ, какими я пользуюсь сейчас, если бы я не боялся, что мне скоро придется слоняться по улицам с картиной под мышкой, в надежде продать ее за бесценок, — я с удовольствием вернулся бы к живописи. Но вся беда в том, что общество у нас с удовольствием взирает на чудаков, приносящих себя в жертву на алтарь искусства и литературы, считая, что так им и надо. Хватит! Не желаю. Вот и все.

— Как это обидно, как обидно, — сокрушалась его собеседница, но Юджин был не слишком огорчен.

Миссис Дэйл тоже пожурела его, — она видела его картины, еще больше слышала о них.

— Погодите, погодите, — снисходительно отвечал ей Юджин. — Еще придет время!

Теперь проект создания курорта, казалось, расчищал дорогу для всего. Если он войдет в это дело, ему, по всей вероятности, со временем поручат и какую-нибудь официальную роль. Да и все возрастающая прибыль с двухсот пятидесяти тысяч тоже что-нибудь да значит. Впереди была независимость, свобода! Вот когда он сможет и писать и путешествовать — словом, делать все, что ему заблагорассудится.

После двух поездок в автомобиле к ближайшему доступному месту на участке Уинфилда и после тщательного изучения островков и пляжа Юджин разработал проект строительства, включавший четыре отеля разных размеров, ресторан и казино с залом для танцев, игровой дом по образцу Монте-Карло, летний театр, павильон для оркестра, три очаровательные пристани, яхт-клубы со стоянками для моторных лодок, а также разбивку парка, где аллеи расходились бы радиусами от центра и пересекались другими, расположенными по кольцу. План предусматривал и создание великолепной

эспланады, на которой должны были расположиться четыре отеля, набережной (в три мили длиной для начала), постройку железнодорожной станции и разбивку участков под пять тысяч дач — ценою от пяти до пятнадцати тысяч долларов каждый. Острова отводились под частные резиденции, под клубы и под парки. Один из отелей должен был стоять у самой бухты, над которой предполагалось построить открытый ресторан. Отсюда ступеньки должны были вести к самой воде, так что останется лишь поставить ногу в гондолу или катер, и вас увезут на один из островов слушать музыку. Здесь должно было найти себе место все, что только могли пожелать люди с деньгами. План должен был осуществляться постепенно, но так, чтобы каждый шаг обеспечивал успех следующего.

Юджин медлил с вступлением в это грандиозное дело до тех пор, пока вместе с ним не набралось десяти человек, обязавшихся взять на пятьдесят тысяч долларов акций каждый. В числе их был мистер Уилтси, президент Лонгайлендской железной дороги, мистер Кенион Уинфилд и Милтон Уилибрэнд, богатый человек, видный представитель избранного общества, в доме которого Юджин познакомился с Уинфилдом. «Компания Синее море» была превращена в акционерное предприятие, и акции были распределены между пайщиками пакетами по десять тысяч долларов, реализуемыми в несколько сроков (причем каждый срок устанавливался по общему соглашению и в зависимости от произведенных работ), а деньги были депонированы в банке. Уже спустя два года после первого разговора с Уинфилдом на руках у Юджина оказалась внушительная пачка тисненых золотом акций «Компании недвижимых имуществ Синее море», строившей приморский курорт, который широко рекламировался и, по словам заинтересованных лиц, обещал стать лучшим курортом в мире. Судя по тому, что на них значилось, эти акции представляли двести пятьдесят тысяч долларов, и потенциально они этого стоили. Разглядывая их и отдавая должное предприимчивости и дальновидности мистера Уинфилда и его компаньонов, Юджин и Анджела с уверенностью думали о том дне, когда эти ценные бумаги действительно поднимутся до своей номинальной стоимости, а может быть, и значительно выше.

ГЛАВА IV

Все это время, пока Юджин был занят планами Уинфилда и своими взаимоотношениями с «Компанией Синее море», он чаще и с возрастающим интересом думал о Сюзанне Дэйл, которая крепко запомнилась ему с первой же встречи. Только через полтора месяца довелось ему снова увидеть Сюзанну на балу, который миссис Дэйл давала для дочери. Вместе с Юджином была приглашена и Анджела. В противоположность многим миссис Дэйл не делала оскорбительного различия между супругами. Анджела не блистала в свете, но она была достойной, порядочной женщиной, самоотверженной и преданной женой. На самом деле Юджин больше интересовал миссис Дэйл — прежде всего потому, что у них было много общего в характере, а кроме того, он был блестящий человек и пользовался большим успехом. Ей нравилось, что он так просто смотрит на жизнь, нравилась его уверенность в том, что талант должен открыть перед ним все двери. Он, очевидно, считал себя не хуже других, а пожалуй, даже и лучше. Она слышала отовсюду, что он быстро выдвигается на издательском поприще и участвует еще во многих предприятиях, к числу которых принадлежит и проект создания первоклассного курорта. Уинфилд был личным другом миссис Дэйл, но он никогда не пытался втянуть ее в свои спекуляции. Правда, как-то раз он посулил ей, что когда-нибудь купит у нее земельные владения на Стейтен-Айленде и разобьет их на участки для застройки. Это была одна из причин ее расположения к нему.

В день бала Юджин с Анджелой отправились в Дэйлвью в своем автомобиле. Юджин всегда восхищался этой местностью, она вызывала в нем ощущение величия и простора, какие редко можно испытать в окрестностях Нью-Йорка. Стояла зима, вечер выдался морозный и ясный. Большой дом с застекленными террасами был ярко освещен. Там собралось уже многочисленное общество мужчин и женщин, которых Юджин встречал и раньше, а также много незнакомой молодежи. Ему пришлось представлять Анджеле своих друзей, и при этом он снова ощутил всю бессмысленность, нелепость своего брака. Анджела была очень мила, но совсем не похожа на этих женщин, державшихся с таким аплом-

бом. В них было что-то величественное, не говоря уже об ослепительной красоте и жизненной умудренности, и когда контраст оказывался слишком уж разительным, Юджин с отчаянием думал, что его брак с Анджелой был роковой ошибкой. Зачем он сделал эту глупость? Он мог в свое время напрямик сказать Анджеле, что не женится на ней, и тем дело и кончилось бы. Он забывал при этом, что сам не мог разобраться в обуревавших его противоречивых чувствах. Но как бы там ни было, он ощущал себя глубоко несчастным. Ведь будь он сейчас холостым человеком, его жизнь только еще начиналась бы!

В этот вечер, расхаживая по залу, он радовался свободе, хотя и кратковременной. К счастью для него, то один, то другой из гостей брал на себя труд занимать Анджелу. Это избавляло Юджина от необходимости неотлучно быть при ней, так как, если он не уделял ей достаточно внимания или же другие мало интересовались ею, она осыпала его дома упреками. Она жаловалась, что его невнимание к ней всем бросается в глаза. Раз никто не хочет занимать ее, его долг не оставлять ее одну. Юджин всем своим существом восставал против такой обязанности, но не знал, как от нее избавиться. Анджела часто говорила, что если он и сделал ошибку, женившись на ней, то теперь поздно жалеть. Это ясно всякому порядочному человеку.

Сейчас, на балу, Юджин с интересом приглядывался к молодым женщинам и поражался — сколько среди них красавиц. Он думал о том, какого полного расцвета — физического и душевного — достигают девушки в восемнадцать лет. По своим вкусам, проницательности и зрелости они годятся в подруги любому мужчине, даже сорокалетнему. Некоторые из них казались Юджину особенно привлекательными — они были такие свежие, такие цветущие, в их жилах струился огонь честолюбия и желания. Прекрасные девушки, настоящие цветы, розы — бледные и яркие. И подумать только, что для него время любви прошло, прошло безвозвратно! Откуда-то с верхнего этажа спустилась в залу Сюзанна с подругами, и его, как и в первый раз, поразила ее простота и непосредственность, искренность и сердечность ее обращения. Русые волосы, стянутые широкой голубой лентой в тон глаз, хорошо оттеняли свежесть ее лица. На

ней было воздушное нежно-розовое платье, перехваченное в талии лентой и украшенное цветами, а ножки были обуты в мягкие белые сандалии.

— А, мистер Витла! — весело сказала она и, протягивая ему свою белую гибкую руку, сперва грациозным движением подняла ее на уровень глаз. Ее румяные губы расцвели в радостной улыбке, обнажив ровные белые зубы. В широко открытых глазах — какими Юджин и запомнил их — светилось безотчетное наивное удивление. «Посмотрел бы я, — думал Юджин, — какие розы, обрызганные утренней росой, могли бы выдержать сравнение с девушкой в полном цвету. Нет ничего прекраснее женщины в семнадцать — восемнадцать лет».

— Да, вы не ошиблись — мистер Витла, — ответил он, весь сияя от радости. — А я уж думал, вы меня забыли. Бог ты мой, как мы сегодня обворожительны! Когда я гляжу на вас, мне вспоминаются розы, свежесрезанные цветы, витражи старинного собора, ларчики с драгоценностями и... и... и...

Он сделал вид, будто подыскивает слова, и комически поднял глаза к потолку.

Сюзанна рассмеялась: как и Юджин, она умела ценить шутку. Сравнение с розами, драгоценностями и цветными стеклами показалось ей необыкновенно смешным.

— Боже мой, какой ассортимент! — расхохоталась она. — Я бы с удовольствием стала всем, что вы сейчас назвали, а тем более драгоценностями. Мама не разрешает мне их носить. Она не дает мне даже брошки!

— Мама у вас просто злючка, — сказал Юджин убежденным тоном. — Придется нам поговорить с ней. Но она, должно быть, знает, что вы не нуждаетесь в них. В вашем распоряжении кое-что не хуже и даже лучше любых драгоценностей. Но оставим эту тему, хорошо?

Сюзанна испугалась было, что Юджин начнет расточать ей комплименты, и ей очень понравилось, что он так просто оборвал разговор. Ее немного смущала мысль, что он такой важный и одаренный человек, но неудержимо влекла к себе его веселость и простота.

— А знаете, мистер Витла, я начинаю думать, что вам доставляет удовольствие дразнить людей, — сказала она.

— О, что вы! — возразил Юджин. — Нет, нет! Это на меня не похоже. Да разве я посмею! Дразнить людей! Боже упаси! Я всегда подхожу к людям с трагическим и серьезным видом и выкладываю им самую горькую, самую ужасную правду. С ними нельзя иначе. Им это нужно. Чем больше правды я им говорю, тем лучше себя чувствую и тем больше они меня ценят.

Первую половину этой комической тирады Сюзанна выслушала с любопытством, удивленно раскрыв глаза. Потом на лице ее мелькнула улыбка, и наконец она расхохоталась.

— Ха-ха-ха! О боже, как вы смешно говорите!

Ее смех звучал, словно переливчатое журчание ручейка, но Юджин грозно нахмурился.

— Это еще что такое? — сказал он. — Прошу вас не шутить со мной. Помните, смеяться не дозволено. Маленьким девочкам не полагается такая вольность. Красота требует серьезности. Никогда не улыбайтесь. Ведите себя чинно. Сделайте умное лицо. А потому... и посему... и так далее и тому подобное.

Он строго поднял палец, и Сюзанна застыла на месте. Он не сводил с нее взгляда, тайно любуясь ее точеным подбородком, носом и изящными очертаниями рта, а она смотрела на него и не знала, что думать. Он был такой странный, похожий и на мальчика и на придиричивого, грозного наставника.

— Вы меня даже испугали, — сказала она.

— Полноте, полноте, что вы! Я пошутил! Сеанс окончен. Можете смеяться и дышать. Будете сегодня танцевать со мной?

— Конечно, буду, если вы меня пригласите. Кстати, я вспомнила — у нас есть карточки для танцев. Вы взяли себе?

— Нет.

— Тогда пойдемте, они, кажется, вон там.

Она повела его в первую гостиную, и Юджин взял у лакея, стоявшего в дверях, две карточки.

— Можно мне пожадничать? — спросил он, приготовившись писать.

Сюзанна промолчала.

— Если я запишу за собой третий, шестой и десятый танцы, это не будет слишком много?

— Н-нет, — нерешительно ответила Сюзанна.

Он записал танцы и на своей и на ее карточках, после чего они вернулись в большой зал, где толпились многочисленные гости.

— Вы не забудете, что обещали мне эти танцы?

— Нет, конечно,— ответила она,— ни в коем случае.

— Вы прелесть. А вот и ваша мама. Так помните, вы никогда, никогда не должны смеяться. Это не полагается.

Сюзанна отошла от него в недоумении. Шутки этого человека, такого жизнерадостного и самоуверенного, нравились ей. Он, казалось, относился к ней, как к маленькой девочке, не то что молодые люди, которые в ее присутствии напускали на себя томный вид и притворялись безнадежно влюбленными. С этим человеком можно было весело провести время, не рискуя произвести дурное впечатление и навлечь на себя гнев мамá. Кстати, и мамá он тоже нравился.

Вскоре, однако, она забыла про него в оживленной болтовне с другими гостями.

А Юджин думал о том, что за непонятная сила влечет его к этой девушке. Что же это в самом деле? Он встречал за последние годы сотни очаровательных созданий, но почему-то только она... Невзирая на молодость и наивность, в ней угадывалась большая сила, какое-то уверенное спокойствие, позволявшее ей бесстрашно смотреть на жизнь и не видеть вокруг ничего дурного. Да, несомненно, все дело в этом,— отчасти, во всяком случае,— потому что немалую роль играла, конечно, и ее необычайная красота. Но главное — в глазах ее светилась отважная вера в жизнь. Она чувствовалась в ее смехе, в ее настроении. Казалось, ничто не могло испугать эту девушку.

Бал начался после десяти, Юджин танцевал и с Анджелой, и с миссис Дэйл, и с миссис Стивенс, и с миссис Уилли. Когда начался третий танец, он отправился искать Сюзанну и нашел ее в обществе подруги и двух светских щеголей.

— Мой танец, разрешите напомнить,— улыбаясь, сказал он.

Она засмеялась и мягким движением протянула ему руки, даже не подозревая, как она очаровательна в этот миг. У нее была манера слегка откидывать голову назад, и это придавало особую прелесть красивой линии ее

шей. Она прямо и открыто смотрела в глаза Юджину, отвечая улыбкой на его улыбку. И когда они начали танцевать, у него было такое чувство, точно он танцует первый раз в жизни.

Ему вспомнились слова какого-то поэта, воспевавшего поэзию танца. Как это верно! Как верно! Эта девушка танцевала чудесно, восхитительно, ее танец был как песня, свободно льющаяся из горла. Легко, как ветерок, двигалась она под звуки музыки, доносившейся откуда-то из-за цветочных кадок. И Юджин, точно под каким-то гипнозом, всецело отдался этим чарам. Он забыл обо всем на свете, кроме чудесного видения, которое держал в своих объятиях, кроме его прелести. Ничто не могло сравниться с этим ощущением. Ничего подобного он еще не испытывал. В этом была радость, неземной восторг, ни с чем не сравнимое ощущение гармонии. Он был весь во власти этих чувств, когда музыка внезапно, как ему показалось, смолкла. Сюзанна с любопытством заглянула ему в глаза.

— Вы любите танцевать, правда? — спросила она.

— Да, люблю, но танцую неважно.

— О, нет, нет! Вы танцуете необыкновенно легко.

— Это благодаря вам,— просто сказал он.— В вас живет душа танца. А я танцую не лучше других.

— Нет, нет! — повторила она и, взяв его под руку, направилась к стулу.— А вот и Кинрой! Следующий танец я обещала ему.

Юджин чуть не со злобой посмотрел на ее брата. И зачем только ее отнимают у него! Кинрой был красивый мальчик, очень похожий на Сюзанну.

— Ну что ж, придется уступить. Ничего не поделаешь.

Он отошел от нее и стал нетерпеливо дожидаться шестого и десятого танцев. Он говорил себе, что это бессмысленное, безнадежное увлечение. Она очень молода и к тому же тщательно ограждена всякими условностями и барьерами,— ведь к этому в сущности и сводится воспитание молодой девушки из общества. Что же до него, то он не в том возрасте, когда мог бы представлять для нее интерес, тем более что и его держат в плену тысячи условностей и тысячи интересов. Между ними не может быть ничего общего, и все-таки его тянуло к ней, тянуло к маленькому глотку того божественного напитка,

каким является иллюзия. Пусть он женат, пусть между ними большая разница в возрасте, но несколько минут в ее обществе, возможность подразнить ее были для него счастьем. А ощущение, которое вызвал в нем танец, это ощущение идеальной гармонии и красоты,— разве испытал он в жизни что-либо подобное?

Бал близился к концу. В час ночи Юджин и Анджела уехали домой. Анджела развлекалась в обществе молодого офицера из форта Уодсворт, знавшего ее брата Дэвида, и осталась очень довольна вечером. По дороге она расхваливала миссис Дэйл, восхищалась ее приветливостью и гостеприимством, а о Сюзанне сказала, что та была на редкость хороша сегодня и весела. Но Юджин выслушал ее довольно безучастно, не желая показывать, что Сюзанна интересует его больше, чем кто-либо другой.

— Да, она очень милая девушка,— сказал он.— Довольно хорошенькая. Впрочем, в ее возрасте все девушки хороши. Мне нравится подтрунивать над ними.

«Неужели он окончательно остепенился?» — подумала Анджела. Он стал гораздо спокойнее и разумнее говорить о женщинах. Возможно, его излечила работа и связанная с нею ответственность. И все-таки Анджела была уверена, что красота некоторых женщин не оставляет его равнодушным.

Прошло пять недель, и Юджин случайно встретил мать и дочь на Пятой авеню, когда они выходили из антикварной лавки. Миссис Дэйл объяснила, что они заходили справиться, не возьмутся ли там починить старинное кресло. Юджину и Сюзанне удалось обменяться лишь несколькими шутками. Спустя месяц он снова встретил их в доме Брентвуда Хэдли в Вестчестере. Наступила весна, и Сюзанна и ее мать увлекались верховой ездой. Юджин приехал в субботу с тем, чтобы остаться на воскресенье. Он встретил Сюзанну в тот момент, когда она возвращалась с прогулки,— в амазонке, раздумывая и очень оживленная. Ветер растрепал на висках ее волосы.

— А, здравствуйте,— воскликнула она, как всегда, с какой-то милой непринужденностью протягивая ему высоко поднятую руку.— В последний раз мы виделись с вами на Пятой авеню, не правда ли? Мама, помнится, хлопотала насчет починки кресла. Ха-ха-ха! Она где-то

еще далеко. Я обогнала ее на несколько миль. Вы надолго?

— Только на сегодня и завтра.

Он смотрел на нее, стараясь казаться веселым и беспечным.

— Миссис Витла с вами?

— Нет, она не могла приехать, у нас гостит ее родственник.

— О, я должна немедленно принять ванну! — сказала его очаровательница и побежала дальше, бросив на ходу: — Мы еще, вероятно, увидимся до обеда.

Юджин вздохнул.

Час спустя она появилась в легком, открытом кисейном платье с черной шелковой ленточкой вокруг шеи. Проходя мимо столика, на котором лежали журналы, она захватила один и вышла на террасу, где, кроме Юджина, никого не было. Ему приятно было, что она так непринужденно и по-дружески с ним держится. Юджин нравился Сюзанне ровно настолько, чтобы она могла чувствовать себя в его обществе легко и свободно, и сейчас, увидев его, она не убежала, а подошла.

— Вот вы где! — сказала она, усаживаясь в кресло, стоявшее неподалеку от него.

— Да, вот я где, — ответил он и по обыкновению принялся подшучивать над нею, не зная, как вести себя с нею иначе. Она весело отвечала ему, тон Юджина забавлял ее. Его юмор ей очень нравился.

— Знаете, мистер Витла, — сказала она вскоре, — я больше не буду смеяться вашим шуткам. Ведь, в сущности, все они по моему адресу.

— Вот это-то и хорошо, — возразил он. — Неужели вы хотите, чтобы они были по моему адресу? Это были бы невеселые шутки!

Она рассмеялась, а он улыбнулся. Они смотрели на золотые лучи вечернего солнца, пронизывавшие молодую кленовую рощицу. Весна только еще начиналась, на деревьях распускались почки.

— Какой прекрасный вечер! — сказал он.

— Да, — воскликнула она, и голос ее прозвучал мелодично и задумчиво. Впервые Юджин расслышал в нем нотки глубокой искренности.

— Вы любите природу? — спросил он.

— Я? Я эти дни прямо не наглажусь на деревья!

У меня бывает иногда странное ощущение, мистер Витла. Будто я не живое существо, а только звук или солнечный зайчик на листве.

Юджин внимательно посмотрел на нее. Это сравнение поразило его, как поразила бы всякая интересная черта в любом человеке. Ему хотелось постичь душу этой девушки. Неужели она так глубоко мыслит, так тонко чувствует? И столько в ней первозданной поэтичности, что природа имеет для нее такое значение? Неужели красота этой девушки есть только отблеск, отражение еще более чудесной души?

— Ах, вот как? — удивился он.

— Да, — тихо сказала она.

Он снова посмотрел на нее, и она ответила ему серьезным взглядом.

— Почему вы так смотрите на меня? — спросила она.

— А почему вы говорите такие странные вещи?

— Что же особенного я сказала?

— Вы, пожалуй, сами себя не понимаете, Сюзанна. Впрочем, не будем говорить об этом. Хотите пройтись? До обеда еще целый час. Мне хочется посмотреть, что там, за этой рощей.

Они пошли по узенькой тропинке, терявшейся в густой траве, под ветками, на которых наливались зеленые почки. Тропинка привела их к ограде, а за ней открывался зеленый, усеянный камнями луг, где паслись коровы.

— Ах, весна, весна! — воскликнул Юджин.

И Сюзанна тотчас же отозвалась:

— Знаете, мистер Витла, мне кажется, у нас с вами много общего. Я чувствую сейчас то же, что и вы.

— Как вы можете знать, что я чувствую?

— А по звуку вашего голоса.

— В самом деле?

— Конечно. Почему же нет?

— Сюзанна, вы необыкновенная девушка, — задумчиво произнес он. — Мне просто трудно вас понять.

— Что вы! Разве я не такая, как все?

— Нет, вы совсем, совсем особенная, — сказал он. — По крайней мере мне так кажется. Такой, как вы, я еще не встречал.

ГЛАВА V

После этого разговора у Сюзанны зародилось подозрение, что мистер Витла (как она всегда мысленно называла его) относится к ней не только «очень мило». Он был так ласков, так задумчив и вместе с тем так весел в ее присутствии. Казалось, жизнь бьет в нем ключом. У него, по-видимому, никогда не было причин чувствовать себя угнетенным, как это случалось временами с нею, когда она оставалась одна. Одевался он безукоризненно, и мать рассказывала ей, что он занят очень важными делами. Однажды, когда они сидели за столом в Дэйлвью, разговор зашел о Юджине, и миссис Дэйл отозвалась о нем очень сердечно.

— Он самый симпатичный из всех, кто у нас бывает,— вставил Кинрой.— Никакого сравнения с этим дубиной Вудвордом.

Он имел в виду преданного поклонника миссис Дэйл, приблизительно одних лет с Юджином.

— А миссис Витла — престранное маленькое существо,— подхватила Сюзанна.— Как мало общего между нею и мистером Витла! Он такой веселый, душа нараспашку, а она всегда прячется в свою раковину. Как ты думаешь, мама, она одних с ним лет?

— Едва ли,— сказала миссис Дэйл, которую ввела в заблуждение моложавость Анджелы.— А почему ты спрашиваешь?

— Просто так,— ответила Сюзанна, испытывавшая какой-то смутный интерес ко всему, что касалось Юджина.

Они виделись после этого еще несколько раз, причем одну из встреч устроил Юджин, уговоривший Анджелу пригласить Сюзанну с матерью на весенний бал, который они давали у себя в студии. Другая встреча произошла в доме у Уилибрэндов, куда были приглашены супруги Витла и миссис Дэйл с дочерью.

Юджин бывал всюду с Анджелой, а Сюзанна выезжала в сопровождении матери. И если им удавалось поговорить, то это были лишь шутливые, мимолетные беседы — «для вида», во время которых Юджин неизменно притворялся веселым. Сюзанна не угадывала под этой веселостью глубокого раздумья и затаенной тоски.

Так продолжалось до июля, когда Анджела, которую

Юджин повез на несколько дней на взморье, внезапно слегла. Она легко простужалась, у нее постоянно болело горло, и эти симптомы, которые врачи приписывают скрытой форме ревматизма, в конце концов действительно вылились в эту болезнь. Врачи утверждали также, что у нее сердце не в порядке, и это в сочетании с серьезным приступом ревматизма надолго уложило ее в постель. Юджин пригласил сиделку и вызвал Мариетту. Он попросил Миртл, жившую теперь в Нью-Йорке, взять в свои руки уход за Анджелой и временно, до приезда Мариетты, присмотреть за его домом. Под ее наблюдением все в доме шло довольно гладко. Между прочим, Миртл, будучи поклонницей «христианской науки» и ее методов лечения, которое она проверила на себе (она недавно излечилась от продолжительного нервного расстройства), настаивала на том, чтобы Юджин пригласил к больной какого-нибудь практикующего лекаря из этой секты, но Юджин и слышать об этом не хотел. Он несколько не сочувствовал увлечению Миртл и считал, что Анджела больше всего нуждается в помощи обыкновенного врача. Позвали опытного специалиста, и тот заявил, что Анджела должна полтора-два месяца провести в постели.

— Весь ее организм расшатан ревматизмом, — сказал он. — Положение очень серьезное. Но полный покой и постоянный уход и наблюдение поставят ее на ноги.

Юджин был очень огорчен. Ему тяжело было видеть страдания Анджелы. Но вместе с тем болезнь несколько не изменила его отношения к ней. Да он и не видел причин к этому. Ведь болезнь не внесла никакой перемены в ее взгляды. Их отношения опекунши и беспокойного питомца оставались все теми же.

Балы и приемы прекратились, и Юджин стал проводить все вечера дома. Он присматривал за сиделкой и хотел всякий раз слышать мнение врача. Работы у него было по горло: ему приходилось много читать, давать консультации, и люди, нуждавшиеся в его совете, часто приходили вечерами к нему домой. Друзья и знакомые заезжали выразить соболезнование или присылали сочувственные письма — и среди них миссис Дэйл и Сюзанна. Миссис Дэйл проявляла к семейству Витла особенно много внимания, так как Юджин собирался в скором времени напечатать ее первый роман. Она присы-

лала цветы, часто заезжала сама и предлагала помощь Сюзанны на тот случай, если не явится сиделка или же Миртл не сможет прийти. Она спрашивала, не хочет ли Анджела, чтобы Сюзанна приходила почитать ей. Это были любезные предложения, и делались они без всякой задней мысли.

Вначале Сюзанна посещала их только вместе с матерью, но болезнь Анджелы затянулась, и она стала приезжать одна. Юджин целый месяц стойко переносил удушливую жару городской квартиры, лишь бы повидаться с девушкой. Но как-то миссис Дэйл предложила ему провести у них за городом субботу и воскресенье. Это недалеко. Можно все время сноситься с Нью-Йорком по телефону. Он немного отдохнет.

Несмотря на то, что Анджела не раз предлагала ему съездить куда-нибудь на взморье, хотя бы дня на два, Юджин отказывался под предлогом, что ему не хочется ехать одному. В действительности же он все больше и больше увлекался Сюзанной и хотел быть только там, где мог увидеться с нею.

Приглашение миссис Дэйл обрадовало его; однако раз он до сих пор притворялся, надо было притворяться и дальше. Но миссис Дэйл настаивала. Анджела поддерживала ее. Миртл тоже считала, что он должен поехать. И однажды в пятницу после обеда Юджин отправился в Дэйлвью на своей машине, которую затем отослал обратно в город. Сюзанна куда-то ушла, и он вышел на террасу полюбоваться великолепной панорамой залива. Кинрой с товарищем и двумя девушками играли в теннис. Юджин пошел посмотреть на их игру, и в это время вернулась раздумавшаяся после прогулки Сюзанна. Она заходила к кому-то из соседей. При виде ее Юджин почувствовал, как напряглись все его нервы, его охватил восторг, и девушка, казалось, испытывала ответное волнение. Она была очень весела, и смех ее звучал заразительно.

— У них уже составила́сь партия,— сказала она Юджину.— Давайте возьмем ракетки и сыграем друг против друга.

— Я должен вас предупредить, что играю скверно.

— Но уж, наверно, не хуже меня! Я такой плохой игрок, что Кинрой отказывается играть со мной в паре. Ха-ха-ха!

— Ну, если так...— беззаботным тоном произнес Юджин, и они отправились за ракетками.

Они прошли на второй корт и здесь оказались совершенно одни. Каждый удачный удар служил поводом для взаимных комплиментов, каждый промах вызывал взрыв смеха или шутку. Юджин пожирал девушку глазами, и она, сама того не сознавая, тоже не сводила с него больших сияющих глаз. Она не понимала, почему ей так хорошо. словно в нее вселился неукротимый дух веселья. Впоследствии она признавалась ему, что чувствовала в тот день огромную радость, какой-то необъяснимый восторг, и всей душой отдавалась игре,— и в то же время ее томил безотчетный страх. Юджину она казалась обворожительной. Играла она действительно плохо, но это было ему совершенно безразлично. Движения ее были прелестны.

Миссис Дэйл давно уже восхищалась душевной молодостью Юджина. И сейчас, наблюдая за ним из окна, она говорила себе, что он еще совсем мальчик. Юджин и Сюзанна представляли очаровательную пару. У нее мелькнула мысль, что, будь он холост, он был бы неплохой партией для ее дочери. Хорошо, что он такой благоразумный, трезвый в своих взглядах и милый человек,— он держится с Сюзанной совсем как опекун. И расположение, которое Сюзанна чувствует к нему, можно считать признаком здоровой натуры.

После обеда Кинрой предложил своим друзьям и Сюзанне пойти потанцевать в клуб, расположенный неподалеку от форта на берегу залива. При мысли, что Сюзанна уйдет и оставит его одного, Юджин приуныл, и миссис Дэйл, заметив это, предложила ехать всем вместе. Сама она не была большой любительницей танцев, но у Сюзанны не было кавалера,— Кинрой с товарищем все свое внимание уделяли гостившим у них девушкам. Вся компания села в машину и поехала в клуб; увешанный китайскими фонариками, он утопал в полумраке. Из зала доносилась тихая музыка.

— Ну, вы идите танцевать,— сказала миссис Дэйл Сюзанне,— а я посижу здесь и полюбуюсь заливом. Дверь открыта, и мне будет видно, как вы танцуете.

Юджин подал Сюзанне руку, и в следующую минуту они уже кружились в танце. Какое-то безумие сразу охватило их. Не произнося ни слова и даже не обме-

нявшись взглядом, они прижались друг к другу и танцевали в каком-то упоении.

— Боже, как красиво! — воскликнула Сюзанна, когда, проносясь мимо открытой настежь двери, они увидели далеко в заливе ярко освещенную шхуну, беззвучно плывущую мимо. Ее единственный огромный парус утопал в глубокой тени; она приближалась неслышно, словно призрак.

— Вам нравятся такие картины? — спросил Юджин.

— Ну еще бы! — Она дрожала в его объятиях, как натянутая струна. — У меня от них дух захватывает. Смотрите, какая прелесть!

Юджин подавил вздох. Теперь он понял. Никогда еще его душа художника не встречала такой родственной души, до такой степени исполненной чувства прекрасного. Жажда красоты, которая томила его, жила и в ней и влекла ее к нему. Разница была лишь в том, что ее душе драгоценной оправой служили юность, красота и обаяние чистоты, и это вызывало в нем благоговейный трепет. Казалось немыслимым, чтобы она полюбила его. Ее глаза, ее лицо — как они его пленяли! Его толкала к ней неодолимая сила, и такое же неодолимое влечение было у нее к нему. Юджин весь день находился во власти этого чувства, и теперь оно окончательно завладело им. Он прижал девушку к груди, и она, послушная каждому его движению, вся трепеща, отдалась его объятию. Ему хотелось воскликнуть: «О Сюзанна, Сюзанна!» — но он боялся. Стоит ему произнести слово, и он спугнет ее. Она не догадывалась, что все это означает.

— Знаете, — сказал он, когда музыка смолкла, — я не пойму, что со мной. Меня словно опоили каким-то дурманом, я чувствую себя мальчишкой.

— О, если бы они играли, не переставая! — только и ответила Сюзанна, и они вместе вышли на темную террасу, над которой мерцали бесчисленные звезды.

— Ну, как? — спросила миссис Дэйл.

— По-видимому, вы не разделяете моего увлечения танцами? — спокойным голосом спросил Юджин, опускаясь рядом с ней на стул.

— Думаю, что нет, судя по тому, какое удовольствие они вам доставляют. Я смотрела, как вы сейчас танце-

вали. Вы прекрасная пара. Кинрой, попроси, пожалуйста, чтобы нам принесли мороженого.

Сюзанна незаметно ускользнула и присоединилась к друзьям брата. Она стала весело болтать с ними, чувствуя, что Юджин не спускает с нее глаз, вся во власти его присутствия и обаяния. Она пыталась разобраться в том, что с ней происходит, но почему-то ей это не удавалось. Опять заиграла музыка, из приличия Юджин дал ей потанцевать с товарищем брата. Следующий танец принадлежал ему, а потом они опять танцевали вместе, так как и Кинрой и его приятели заявили, что хотят отдохнуть. Юджин и Сюзанна продолжали танцевать, охваченные все возрастающим восторгом, не находившим выхода в словах, если не считать особенной интонации, сквозившей в тех редких, ничего не значащих фразах, которыми они обменивались. Зато говорили их руки, когда соприкасались, говорили взгляды. Сюзанной владели робость и страх. Ее пугало сознание того, что она делает, ей было страшно, как бы у Юджина не вырвалось неосторожное слово, но хотелось, чтобы эта радость длилась вечно. В перерыве между двумя танцами, когда она стояла у перил террасы, глядя вниз, на темную воду, он подошел к ней и, наклонившись, сказал

— Какая изумительная ночь!

— Да, чудесная! — отозвалась она, отводя от него взгляд.

— Вы когда-нибудь задумывались над тайной жизни?

— Конечно. Очень часто.

— Но ведь вы так еще молоды! — вырвалось у Юджина с затаенной страстностью.

— А иногда мне совсем не хочется думать, — вздохнула она.

— Почему?

— Не знаю, право. Не могу вам объяснить. У меня нет для этого слов. Не знаю.

В трогательной простоте ее ответа таился для него глубокий и важный смысл. Ведь это так понятно, что истинно богатая душа не находит нужных слов, особенно когда она еще молода и не располагает достаточным земным лексиконом. Он вспомнил слова Вордсворта о том, что мы «славою венчанные приходим сюда». Но от-

куда? В ее душе, должно быть, много мудрости, почему бы иначе его так влекло к ней? О, сколько трогательно-прекрасного в ее немоте!

Они вернулись из клуба в автомобиле, и поздно ночью, когда Юджин вышел на террасу и сел покурить, чтобы успокоить свой воспаленный мозг, между ними произошла еще одна встреча. Ночь была удушливо-жаркая, и только здесь, на холме, дул прохладный ветерок. В заливе и дальше, в открытом море, виднелось много судов — крохотные мерцающие огоньки, — а в небе горели мириады звезд. «Смотри, как свод небесный весь выложен миллионами кружков из золота блестящего...»¹ — вспомнилось ему. Отворилась дверь, и на террасу из библиотеки вышла Сюзанна. Юджин не ожидал еще раз увидеть ее; она тоже удивилась. Красота ночи выманила ее на террасу.

— Сюзанна, — сказал он, едва дверь открылась.

Она посмотрела на него, застыв в нерешительности, ее прелестное белое личико светилось во мраке.

— Здесь так красиво! Идите сюда, садитесь.

— Нет, — сказала она — Мне нельзя. Но действительно, как чудесно! — Она растерянно оглянулась по сторонам, потом посмотрела на него. — Ах, какой ветерок! — Она откинула голову назад, жадно вдыхая воздух.

— У меня в ушах все еще звучит музыка, — сказал Юджин, подходя к ней. — Я не могу забыть сегодняшний вечер.

Он говорил тихо, почти шепотом. Сигару он кинул прочь. Голос Сюзанны звучал глухо. Она посмотрела на него, глубоко вздохнула и снова откинула голову так, что видна была ее прелестная шея.

— Ах! — со вздохом вырвалось у нее.

— Давайте потанцуем еще, — сказал он и, взяв ее правую руку, обнял девушку за талию.

Она не отшатнулась, а только смотрела на него не то рассеянным, не то замороженным взглядом.

— Без музыки? — спросила она. Ее охватила дрожь.

— Вы сами музыка! — ответил он, задыхаясь от волнения.

Они отошли влево, к той части террасы, где не было окон и где никто не мог их видеть. Юджин крепко при-

¹ Шекспир, «Венецианский купец».

жал к себе девушку, глядя ей в глаза, но не смея сказать того, что было у него на душе. Они сперва двигались бесшумно, а потом из груди Сюзанны вырвался тот переливчатый нежный смех, который так очаровал Юджина при первом их знакомстве.

— Что о нас подумали бы! — сказала она.

Они подошли к балюстраде. Он все еще держал руку Сюзанны, но теперь она ее высвободила. Юджин отдавал себе отчет в страшной опасности. Он чувствовал, что рискует испортить свои блаженно-легкие отношения с ней. Наконец он сказал:

— Может, нам лучше разойтись?

— Да, — ответила она. — Мама очень огорчится, если узнает.

Она первая направилась к двери.

— Спокойной ночи! — шепнула она.

— Спокойной ночи! — ответил он, вздохнув.

Юджин вернулся к своему креслу и стал думать о том, что он делает. Риск был колоссальный. Продолжать ли? Перед ним встал образ Сюзанны — ее прелестное, как цветок, лицо, ее гибкое тело, ее непередаваемая грация и красота. Нет, пожалуй, не следует. Но какая это утрата! Как обидно дать бесследно промелькнуть подобному очарованию. Возможно ли, чтобы в этой юной головке обитали такие сложные мысли и чувства? Никогда, никогда в жизни не встречал он такой девушки. Ни в ком не видел он столько прелести. Она вызывала представление о весеннем лесе, о полевых цветах. О, если бы жизнь вняла его мольбам и подарила ему это создание.

— О Сюзанна, Сюзанна! — шептал он про себя, наслаждаясь звуками ее имени.

В четвертый или пятый раз в жизни Юджину казалось, что он страстно, отчаянно, безумно влюблен.

ГЛАВА VI

Вспышка чувства в Юджине и эта неожиданная душевная близость полностью изменили его отношение к жизни. К нему вернулась молодость. Несмотря на свои успехи в деловом мире, он все эти годы не переставал грустить о том, что время проходит, что с каждым

днем, с каждым часом надвигается старость,— а чего, в сущности, он достиг? Чем больше он всматривался в жизнь сквозь призму своего опыта, тем больше убеждался в бессмысленности всяких усилий. Что, в сущности, дает человеку успех? Неужели он стремится только к тому, чтобы приобретать дома, землю, красивые вещи и друзей? Существует ли в жизни истинная дружба и что приносит она с собой? Глубокое удовлетворение? Да, но только в единичных случаях, а в общем — какая горькая насмешка скрыта в этом слове, как часто дружба связана с тонким расчетом, с эгоистическими целями, со всякими происками! Ведь большей частью заводишь дружбу с теми, кто равен тебе по положению. Близкий друг — да есть ли такой? Долго ли считал бы он своим другом человека, которому не повезло в жизни? Общество делится на группы, и каждая живет по известным законам, придерживается в своем поведении известных правил, пользуется известной степенью влияния и уважения. Колфакс — его друг до поры до времени. То же самое можно сказать про Уинфилда. Сотни людей вокруг него, по-видимому, почитают за счастье пожать ему руку,— но чем это вызвано? Его славой? Разумеется. Его талантом? Не иначе. Отношение к нему друзей измеряется его собственной силой и влиянием и больше ничем.

Что касается любви... В сущности, что дала ему любовь до сих пор? Оглядываясь на свое прошлое, Юджин приходил к заключению, что во всех его романах преобладающую роль играла грубая чувственность. Разве мог он сказать, что когда-нибудь любил по-настоящему? Уж, конечно, не Маргарет Даф, и не Руби Кенни, и не Анджелу,— хотя его чувство к ней было ближе всего к истинной любви,— и не Кристину Чэннинг. Все эти женщины ему очень нравились, нравилась и Карлотта Уилсон, но любил ли он которую-нибудь из них? Ни в коем случае. Анджела, говорил он себе, воспользовалась его жалостью. Он женился на ней из чувства долга и прошел весь жизненный путь, так и не познав любви. Но вот в его жизнь вошла Сюзанна Дэйл, совершенная душой и телом, и он без ума от нее. Это действительно любовь, а не грубая чувственность. Ему хотелось быть с нею, держать ее руки, целовать ее губы, ловить ее улыбку — и больше ничего. Конечно, и тело ее прекрас-

но. Рано или поздно страсть заявит о себе, но сейчас он был очарован ее внешним обаянием и красотой ее души. Сердце Юджина разрывалось при мысли, что он лишен возможности быть постоянно с нею, хотя ничто не давало ему надежды, что ему удастся когда-нибудь ее добиться.

Размышляя о своей жизни, он испытывал ужас и отвращение. Подумать только, что, познав этот единственный час неземного блаженства, он вынужден снова возвратиться в будничный мир! На службе его дела тоже шли неважно. Вместо того чтобы улучшаться, они день ото дня становились все хуже. Занятый другим,— главным образом планами «Компании Синее море»,— Юджин все больше охладевал к своим обязанностям в издательстве. Правда, он посадил, где только можно было, надежных людей, но те, укрепившись на своем посту, очень мало считались с ним в работе, тем более что и Юджин не уделял им особого внимания. Уайт и Колфакс с многими из них сносились непосредственно. Некоторые работники, как, например, заведующий отделом рекламы Хейз, заведующий отделом распространения, редакторы «Интернейшнл ревью» и книжного отдела, оказались очень способными людьми, и как-то сама собой установилась молчаливая договоренность, что, хотя Юджин и нанял их, уволить их он не может. Колфакс и Уайт начинали понимать, что Юджин, умевший блестяще подбирать людей, сам не способен заниматься повседневной работой. Он не мог заставить себя сосредоточиться на практических вопросах. Будь он хозяином, как Колфакс, или ловким, практичным исполнителем вроде Уайта, он мог бы почитать себя в безопасности; но он был прирожденный вожак, вернее организатор, и, не сумев с самого начала взять руководство в свои руки, стал беспомощным и бесполезным теперь, когда начальный период работы кончился. Находились люди, которые лучше его умели разрешать отдельные вопросы. Колфакс успел изучить своих сотрудников и доверял им. В отсутствие Юджина — а он отсутствовал все чаще и чаще, по мере того как крепло его положение и возрастал его интерес к предприятию Уинфилда,— работники редакций стали обращаться за советом к Колфаксу, а если его не было, то и к Уайту. Тот принимал их с распростертыми объятиями. Помощники Юджина, рассуж-

дая о своем начальнике, выражали мнение, что, проведя организацию — или, вернее, реорганизацию — дела, он тем исчерпал свою задачу. В свое время ему, может быть, и стоило платить двадцать пять тысяч долларов, но такой оклад уже не оправдывает себя, когда человек, выполнив свою миссию, только и делает, что сидит в кресле и смотрит в потолок. Уайт не переставал внушать Колфаксу, что в делах коммерческих Юджин совершеннейший ноль. «Он пытается взять на себя то, что вы могли бы делать гораздо лучше. Не забудьте, что вы многому научились с тех пор, как стали издателем, — так же, как и он. Но вы вошли в суть дела, а он — нет. Его помощники больше считаются с вами, чем с ним».

Колфаксу доставляло удовольствие это слушать. Юджин был ему приятен, но еще приятнее было сознавать, что дело его на верном пути. Мысль о том, что кто-нибудь из его сотрудников может настолько упрочиться в издательстве, что станет в нем незаменимым, крайне беспокоила Колфакса, а он предвидел такую опасность в те дни, когда Юджин только что приступил к работе и быстро шел в гору. Уж очень авторитетно он держался. Юджин считал, что должен импонировать Колфаксу и что добиться этого можно именно таким путем, наряду, конечно, с безупречной работой. Но Колфакса это вскоре стало раздражать, так как он и сам был воплощенным тщеславием и рядом с собой не терпел других богов. Уайт, напротив, раболепствовал перед своим патроном и всегда ограничивался смиренными советами. Разница была огромная.

Положение Юджина с каждым днем становилось все более шатким. Пока это еще ни в чем не проявлялось, но чувствовалось всеми. Если бы он не увлекался посторонними делами, давал себе труд вникать во все мелочи и не терял тесного контакта с Колфаксом и своими подчиненными, многое можно было бы еще спасти. Но Юджин все больше и больше пренебрегал делом, и это не могло не отразиться плачевно на его служебном положении.

Сначала его отвлекали дела «Компании Синее море», перед которой открывались самые блестящие перспективы. Это был один из тех проектов, осуществление которых требует многих лет, но поначалу судить об этом

было еще трудно. Напротив, казалось, что успехи налицо. В первый же год, после того как в дело был вложен значительный капитал, на участке произвели большие осушительные работы, благодаря чему во многих местах вода исчезла и позади главного пляжа появилась длинная полоса суши, где можно было строить отели и клубы. Началось сооружение деревянной набережной по плану, выработанному Юджином и одобренному, с небольшими изменениями, специально приглашенным архитектором. Было частично закончено строительство прекрасного здания под обширное казино с рестораном и дансингом, сочетавшее в себе три стиля — мавританский, испанский и старомиссионерский. По инициативе Юджина в проект строительства была внесена одна эффектная деталь: все здания курорта должны были быть выдержаны в красных, белых, голубых, желтых и зеленых тонах и в смелых, но простых линиях. Стены зданий предполагалось выкрасить в белый и желтый цвета, переплеты окон — в зеленый, крыши, портики, карнизы, фундамент и ступеньки — в красный, желтый, зеленый и голубой. И внутри зданий и на прилегавших к ним дворах намечалось соорудить круглые итальянские бассейны. Все отели — разных размеров — должны были представлять собой по стилю американские варианты испанской «Джиральды». Для насаждений были выбраны ели и высокие пирамидальные тополя. Что касается железной дороги, то она уже прокладывалась, как и обещал мистер Уинфилд; кроме того, строился вокзал в испанском стиле — поистине прекрасное сооружение. По всем признакам курорт «Синее море» должен был стать тем, чем надеялся видеть его Уинфилд, — лучшим морским курортом Америки.

Быстрое продвижение работ так увлекло Юджина — до появления Сюзанны, — что он уделял им больше внимания, чем мог себе позволить. Как и в первое время у Саммерфилда, он просиживал ночи над эскизами внутреннего и внешнего оформления зданий, над фасадами и лужайками, над всякого рода сооружениями на островках и так далее. Он часто ездил с Уинфилдом и его архитектором смотреть, как подвигается работа, а также посещал денежных тузов, которых надеялся заинтересовать будущим курортом. Он набрасывал эскизы реклам

и планы брошюр, делая зарисовки, и придумывал к ним тексты.

Но потом появилась Сюзанна, и Юджин забыл все на свете. Ее образ неотступно стоял перед ним и днем и ночью. Она занимала его мысли и в издательстве и дома, и во сне и наяву. Им овладела лихорадка, ни на минуту не отпускаявшая его. Когда он снова ее увидит? Когда? Когда? Она рисовалась ему такой, какой запомнилась во время танцев в яхт-клубе и на качелях в Дэйлвью. Его терзала неистовая мучительная тоска; как безумец, одержимый одним желанием, одной мыслью, он нигде не находил покоя.

Однажды, вскоре после танцев в яхт-клубе, Сюзанна вместе с матерью приехала навестить Анджелу. Юджин улучил минутку, чтобы обменяться с девушкой несколькими словами,— это было в шестом часу, и он уже вернулся домой. Сюзанна смотрела на него, как зачарованная, не зная, что и думать. Он стал жадно расспрашивать ее, где она была, куда собирается ехать.

— Мы завтра едем к Бентвуду Хэдли,— сказала она.— Пробудем там неделю, а может быть, и больше.

— Вы обо мне часто вспоминали, Сюзанна?

— Да, да! Только не нужно говорить об этом, мистер Витла. Нет, нет, не надо! Я не знаю, что и думать.

— А если бы я приехал к Хэдли, вы были бы рады?

— Ну, конечно,— нерешительно ответила она.— Но вы не приезжайте.

К концу недели Юджин был уже там. Устроить это было легче легкого.

«Я безумно устал,— написал он миссис Хэдли.— Почему Вы не пригласите меня к себе?»

«Приезжайте»,— гласил телеграфный ответ, и он поехал.

На этот раз его ждала бóльшая удача, чем когда-либо. В момент его приезда Сюзанна каталась верхом, но, как сообщила Юджину хозяйка дома, в близлежащем загородном клубе устраивался в этот вечер бал, и Сюзанна собиралась туда вместе с другими гостями. Миссис Дэйл тоже решила поехать и пригласила Юджина. Он ухватился за это предложение, так как знал, что сможет танцевать в владычицей своих дум. Когда все направлялись к столу, он встретился с Сюзанной в вестибюле.

— Я тоже еду на бал,— сказал он возбужденно.— Приберегите для меня несколько танцев.

— Хорошо,— ответила она, замирая от волнения.

Они отправились на бал, и он записал за собою на ее карточке пять танцев.

— Только будем осторожны,— умоляющим голосом сказала она.— Мама́ это не понравится.

Из этих слов он понял, что ей все ясно и что отныне она — его сообщница. Но зачем он искушает ее? И зачем она поддается искушению?

— Наконец-то! — прошептал он, обхватив рукой ее талию, когда они закружились в первом танце.— Я так ждал этой минуты.

Она не ответила.

— Посмотрите на меня, Сюзанна,— попросил он.

— Не могу,— сказала она.

— Прошу вас, посмотрите на меня,— продолжал он умолять.— Один раз! Посмотрите мне в глаза.

— Нет, нет,— шептала она.— Я не могу!

— Сюзанна, я без ума от вас! Я, кажется, совсем потерял рассудок. Я не знаю, что со мной. Ваше лицо, как цветок. Ваши глаза — что мне сказать о ваших глазах? Взгляните на меня!

— Нет,— противилась она.

— Эти дни, что я не видел вас, показались мне вечностью! Я считал минуты. Сюзанна, я кажусь вам глупцом?

— Нет.

— Все считают меня умным и способным человеком, даже блестящим. Но вы, вы — самое совершенное существо, какое я когда-либо встречал. Я думаю о вас и днем и ночью. Я мог бы без конца писать вас. Благодаря вам я вновь обрел свое искусство. Если я буду жив, я напишу с вас сто портретов. Вы когда-нибудь видели портрет возлюбленной Россетти?

— Нет.

— Он написал с нее сто портретов. А я напишу с вас тысячу!

Она подняла глаза и посмотрела на него робко, с изумлением, замороженная его страстью, и встретила его обжигающий взгляд.

— О, посмотрите на меня еще раз! — прошептал он, когда она опустила глаза под этим пылающим взором.

— Не могу,— умоляла она.

— Нет, можете. Один только раз.

Она снова подняла глаза, и обоим показалось, будто их души слились воедино. У Юджина закружилась голова. Сюзанна пошатнулась.

— Вы любите меня, Сюзанна? — спросил он.

— Не знаю,— ответила она, вся дрожа.

— Вы меня любите?

— Не спрашивайте меня сейчас.

Музыка смолкла. Сюзанна исчезла.

Он увидел ее лишь много времени спустя; она спряталась от него, чтобы прийти в себя. Словно буря пронеслась над ней, всколыхнув все ее существо. Она испытывала страх, тревогу, растерянность и радостное волнение. Она вернулась в зал и опять танцевала с Юджином, но была уже значительно спокойнее. А затем они вышли на балкон, и там ему удалось шепнуть ей несколько слов.

— Пожалуйста, не надо,— остановила она его.— Мне кажется, на нас смотрят.

Он оставил ее одну, но в автомобиле, по дороге домой, шепнул ей:

— Я буду на западной террасе. Вы придете?

— Не знаю. Постараюсь.

Когда все в доме стихло, Юджин медленно направился к назначенному месту и стал ждать Сюзанну. Постепенно в огромном доме замерли последние звуки. Пробило час, потом половина второго, и было уже около двух часов, когда дверь отворилась и на террасу выскользнула прелестная фигурка Сюзанны. Она еще не сняла бального платья, на голове у нее был кружевной шарф.

— Я так боюсь,— прошептала она.— Я сама не понимаю, что делаю. Вы уверены, что нас никто не увидит?

— Пойдемте по тропинке на луг.

Они пошли по дорожке, по которой уже шли однажды, когда встретились здесь ранней весной. Низко в небе висел желтый серп месяца, казавшийся в этот поздний час особенно большим.

— Помните, как мы были здесь весной?

— Помню.

— Я тогда любил вас. А вы?

— Нет.

Они шли под деревьями, он держал ее руку в своей.
— Какая ночь! Какая ночь! — воскликнул он, не в силах сдержать томившее его чувство.

Они вышли на поляну. В воздухе чувствовалась августовская сухость. Теплая ночь дышала страстью. Где-то гудел жук, что-то похрустывало, неясные шорохи наполняли тьму. Квакнула лягушка, а может быть, это был хриплый голос сонной птицы.

— Сюзанна, — сказал наконец Юджин, когда тропинка кончилась и они остановились на опушке, залитой ярким лунным светом. — Сюзанна, — повторил он, обнимая ее.

— Нет, — сказала она, — не надо.

— Посмотрите на меня, Сюзанна, — молил он. — Я хочу вам сказать, как я люблю вас. Я не нахожу слов. Смешно пытаться передать мои чувства словами. Скажите, что вы любите меня, Сюзанна. Скажите скорей. Я люблю вас безумно. Скажите, Сюзанна!

— Нет, нет, я не могу! — ответила она.

— Поцелуйте меня.

— Нет.

Он привлек ее к себе и насильно поднял ее голову за подбородок.

— Откройте глаза, Сюзанна. О, боже! Какое счастье! Теперь я мог бы умереть! Большого блаженства в жизни не может быть! Мой цветок! Моя фея! Мое божество! Вы само совершенство! И подумать только, что вы любите меня!

Он стал жадно целовать ее.

— Поцелуйте меня, Сюзанна! Скажите, что вы любите меня. Скажите, Сюзанна! Как я люблю ваше имя! Шепните, что вы любите меня.

— Нет.

— Но ведь вы любите меня?

— Нет.

— Посмотрите на меня, Сюзанна. Умоляю вас, взгляните на меня.

— Да, да, да! Люблю! — с рыданием вырвалось у нее вдруг, и она обвила руками его шею. — Люблю, люблю!

— Не плачьте, Сюзанна, не плачьте, родная! Я совсем потерял голову, я люблю вас! Теперь поцелуйте

меня, один только раз. За вашу любовь я готов отдать душу. Поцелуйте меня!

Он прижался губами к ее губам, но она в ужасе вырвалась из его объятий.

— Мне страшно! — воскликнула она. — Боже, что мне делать? Я боюсь! Ради бога, не надо! У меня такой ужас в душе! Что мне делать! Отпустите меня!

Она побелела и, вся дрожа, ломала пальцы.

Юджин ласково притронулся к ее руке.

— Успокойтесь, Сюзанна, — сказал он. — Я больше не скажу ни слова. Вы ничего дурного не сделали. Я напугал вас. Мы сейчас пойдем домой. Успокойтесь. Вам нечего бояться.

Видя ее явный испуг, он сделал над собой усилие, и они направились к роще. Чтобы еще больше успокоить ее, он достал из кармана портсигар, как будто намереваясь закурить, но, убедившись, что она успокоилась, положил сигару обратно.

— Ну, прошло, дорогая? — спросил он нежно.

— Да, но вернемтесь домой.

— Слушайте, Сюзанна. Я пойду с вами только до конца рощи. А дальше идите одна. Я буду стоять на опушке, пока вы не подойдете к дому.

— Хорошо, — сказала она успокоенная.

— И вы правда любите меня, Сюзанна?

— Да, да, люблю, но не говорите об этом. Только не сейчас. Не то вы снова меня напугаете. Идемте домой.

Они медленно двинулись дальше. Потом Юджин сказал:

— Только один поцелуй, дорогая, на прощанье. Только один. Жизнь снова открылась передо мной. Вы мой добрый гений. Вы сделали из меня другого человека. У меня такое чувство, будто я никогда раньше не жил. О, какое это дивное ощущение! Какое счастье узнать это, перемениться, как переменился я! Вы заново создали меня, вы вернули мне мое искусство! Теперь я опять могу работать. Я напишу ваш портрет.

Он вряд ли понимал, что говорит. Ему казалось, что, охваченный каким-то пророческим порывом, он внезапно открыл самого себя.

Сюзанна приняла его поцелуй, но была так испугана, так возбуждена, что у нее прерывалось дыхание. Ка-

кие-то новые, незнакомые чувства теснили ей грудь. В сущности, она не понимала, о чем он говорит.

— Завтра на опушке рощи,— сказал он.— Завтра. Пусть вам снятся золотые сны. А я никогда уже не буду знать покоя без вашей любви.

Со страстью, тоскою, мукой и восторгом следил он за ее удалявшейся фигуркой, пока она, словно призрак, не растаяла за черной, безмолвной дверью.

ГЛАВА VII

Невозможно, даже в таком подробном описании, как наше, передать всю необычайную сложность, всю красоту и весь ужас тех чувств, которые овладели Юджином, а потом передались и Сюзанне, когда любовь захватила его целиком. Миссис Дэйл принадлежала к числу самых близких светских друзей Юджина. С первого же дня их знакомства она стала его убежденной поклонницей, всюду отзываясь о нем как о блестящем издателе и редакторе, художнике с большим дарованием, интересном собеседнике, порядочнейшем и приятнейшем человеке. Из неоднократных бесед с нею Юджин знал, что миссис Дэйл души не чает в старшей дочери. Она говорила ему о том, как трудно в наши дни воспитать светскую молодую девушку, сохранив в ней чистоту души и безыскусственность, и он даже обсуждал с нею этот вопрос. Она призналась ему, что считает нужным предоставить Сюзанне полную свободу в той мере, в какой это совместимо с хорошим воспитанием и здравыми понятиями. Она не стремилась развивать в дочери излишнюю смелость и самоуверенность, но вместе с тем хотела видеть ее естественной и правдивой. Сюзанна, как миссис Дэйл убедилась на основании долгих наблюдений и частых откровенных бесед с нею, была честной и искренней натурой. Миссис Дэйл не совсем понимала свою дочь — ни одна мать не понимает до конца своего ребенка,— но считала, что достаточно разбирается в ее душе, и видела в ней задатки сильной воли и больших способностей,— как у ее покойного отца,— а также естественное тяготение ко всему, что есть в жизни хорошего и достойного.

Были ли у нее какие-нибудь таланты? На этот воп-

рос миссис Дэйл не могла дать определенного ответа. В Сюзанне чувствовалось смутное стремление к чему-то, имевшему очень мало общего с развлечениями так называемого высшего общества. Ее нисколько не интересовали молодые люди и девушки, с которыми она встречалась. Она любила ездить в гости, но и тут ее больше всего прельщали прогулки верхом или в автомобиле. К азартным играм ее не тянуло. Салонные разговоры забавляли ее, но не больше. Ее влекло к интересным людям, она любила хорошие книги и картины. Она видела полотна Юджина, и они произвели на нее большое впечатление. Она зачитывалась стихами — но все это не мешало ей любить и понимать шутку. Чья-нибудь неожиданная неловкость могла вызвать у нее приступ безудержного смеха, и она всегда с удовольствием читала юмористические приложения к газете. Она внимательно присматривалась к людям, не исключая и собственной матери, и ей постепенно становилось ясно, — пожалуй, яснее, чем даже самой миссис Дэйл, — какими мотивами та руководствуется в своем отношении к ней. Если строго разобраться, то Сюзанна была одареннее матери, но ее способности были иного свойства. Ей не хватало еще уравновешенности и широкого умственного кругозора, но зато ее поэтическая натура сильнее откликалась на все окружающее, а суждения говорили о богатой фантазии и тонком своеобразии вкуса. Своей собственной волнующей красоты Сюзанна не замечала или не хотела замечать. Она знала, что хороша собой, что мужчины теряют голову из-за нее, но это ее почти не трогало. «Охота им так глупо себя вести», — думала она. Сама она ничего не делала, чтобы привлечь к себе поклонников, наоборот, избегала всего, что было похоже на флирт. Мать со всею откровенностью предупредила ее, как легко увлекаются мужчины, как мало им можно верить и как нужно следить за каждым своим взглядом, каждым жестом. И Сюзанна жила весело и беспечно, никому не причиняя зла, стараясь не вызывать ни в ком безнадежной любви и порой задумываясь над тем, что принесет ей будущее. А потом появился Юджин.

С его появлением, хотя она едва ли сознавала это, в жизни Сюзанны наступила новая полоса. Она встречала немало мужчин в обществе, но все те, кто принадлежал

к особо избранному кругу, казались ей невыносимо скучными. Мать не раз говорила Сюзанне, как для нее важно найти себе богатого жениха с положением, но каков он будет как человек, это оставалось для Сюзанны загадкой. В типичных представителях «высшего» круга она не видела ничего «высокого». Ей приходилось встречать знаменитых богачей и отпрысков влиятельных фамилий, но в них было так мало человеческого, что для нее они просто не существовали. Почти все они представлялись ее поэтической натуре холодными, самовлюбленными и насквозь фальшивыми. Существовали, разумеется, люди действительно выдающиеся, о которых писали газеты,— финансисты, политические деятели, писатели, ученые, издатели, но, насколько понимала Сюзанна, мало кто из них был принят в высшем обществе, огромному большинству из них доступ туда был закрыт. Кое-кого из них она знала, но в большинстве случаев это были старики или же люди, настолько ушедшие в себя, что они не обращали на нее ни малейшего внимания. А Юджин появился на ее пути, окруженный славой талантливое, выдающегося человека, и к тому же он был молод. Он обладал красивой внешностью, был непринужденно весел и умел смеяться от души. Вначале Сюзанне даже не верилось, чтобы человек, столь молодой на вид, у которого не сходила с лица улыбка, мог занимать такое положение, как рассказывала ее мамá. Впоследствии, узнав Юджина ближе, она решила, что его мало назвать одаренным. Казалось, он способен справиться с любой задачей, за какую бы ни взялся. Однажды она вместе с матерью зашла к нему в издательство, и ее поразило огромное, отделанное с большим вкусом здание и роскошно обставленный кабинет Юджина. Для нее он был самым замечательным из всех знакомых молодых мужчин. А потом началось пылкое ухаживание, когда каждая встреча приносила столько света и радости... А потом...

Юджина мучил вопрос, как быть дальше. После того памятного вечера перед ним встала во весь рост проблема всей его жизни. Он был женат и занимал значительное положение в обществе — более значительное, чем когда-либо. Он был тесно связан с Колфаксом, так тесно, что боялся его, ибо Колфакс, хотя и позволял себе шалости на стороне (как это было известно Юджину),

тем не менее строго придерживался условностей. Он не допускал даже мысли, что подобные интрижки могут хоть в какой-то степени отразиться на его семейной жизни. Уинфилд тоже никогда не нарушал законов приличия. У него была любовница, но он, очевидно, раз и навсегда указал ей ее место. Юджин видел эту женщину на открытии нового казино и был поражен ее красотой. Она была эффектна, смела, элегантна. Глядя на нее, Юджин подумал о том, наступит ли время, когда и для него возможна будет подобная связь. Столько женатых людей поступали так. Отважится ли он когда-нибудь на такую попытку?

Теперь, однако, взгляды его резко переменились. Если до сих пор он мечтал о любовной связи, которая напоминала бы отношения Уинфилда с мисс де Кальб (так звали любовницу предприимчивого финансиста) и удовлетворила бы томившую его тоску по чему-то новому, прекрасному,— по женщине, в которой сочетались бы друг и возлюбленная,— то после встречи с Сюзанной он утратил всякий интерес к подобным вещам. Ему хотелось так изменить, переделать свою жизнь, чтобы иметь подле себя Сюзанну, одну лишь Сюзанну. Сюзанна! Сюзанна! Прекрасный сон! Но как добиться ее? Как убрать из своей жизни все, кроме ее близости? С ней он готов был прожить целый век. Да, да, целый век! О, какое видение, какая мечта!

В воскресенье, последовавшее за танцами в загородном клубе, Юджину удалось провести с Сюзанной весь день. Это произошло наполовину случайно, наполовину по безмолвному соглашению, так как если повод для их свидания и возник случайно, то оба постарались воспользоваться случаем и сделали это молча, не договариваясь, почти бессознательно. Если б их так сильно не тянуло друг к другу, ничего бы не было. Но так или иначе, новое свидание доставило им огромное наслаждение. Дело в том, что у миссис Дэйл на другой день после бала разыгралась мигрень. Кинрой предложил своим друзьям отправиться для разнообразия на Саут-Бич — самый жалкий, самый голый и неказистый пляж на всем побережье Стэйтен-Айленд,— и миссис Дэйл позволила Сюзанне поехать с ними, при условии, что Юджин согласится сопровождать ее. Она вполне доверяла ему как спутнику и наставнику.

Юджин ответил, что поедет с удовольствием. Он только и мечтал оказаться где-нибудь наедине с Сюзанной и надеялся, очутившись на пляже, улучшить для этого удобную минуту, но старался не выдать себя. Была вызвана машина, которая доставила их к месту, откуда открывалась невзрачная панорама взморья. Шофера отпустили домой, условились, собираясь обратно, вызвать его по телефону. Вся компания двинулась по деревянным мосткам, тянувшимся вдоль пляжа, но почти тотчас же разбилась на группы.

Юджин с Сюзанной сперва остановились пострелять в тире. Затем они забавлялись бросанием колец. Юджин радовался каждой возможности посмотреть на свою возлюбленную, видеть ее прелестное личико, ловить ее улыбку, слышать ее сладостный голос. Одно ее кольцо попало в цель. Каждое ее движение было совершенно, каждый взгляд вызывал в нем трепет наслаждения. Юджин чувствовал себя в раю, ничего общего не имевшем с той жалкой действительностью, которая их окружала.

Покатавшись на «чертовом колесе», они пошли по мосткам дальше. Волнение Юджина передалось Сюзанне, и в ней умолк голос благоразумия, который несомненно посоветовал бы ей бежать. Нужна была какая-то встряска, какой-то внезапный толчок, чтобы она увидела, куда ее несет течение, но этого не случилось. Они очутились у нового дансинга, где танцевали несколько официанток со своими кавалерами, и Юджин предложил смеясь ради зайти туда. Снова они танцевали вместе, и, хотя окружающая обстановка была самая жалкая, а музыка отвратительная, Юджин чувствовал себя на седьмом небе.

— Давайте убежим от остальных, поедem в Терра-Марин,— предложил Юджин, вспомнив, что немного южнее на побережье есть отель.— Там очень хорошо. А здесь такое убожество...

— Где это? — спросила Сюзанна

— Милях в трех отсюда, к югу. Мы можем даже пройти пешком.

Но, окинув взглядом раскаленный пляж, он тут же бросил эту мысль.

— А по-моему, останемся,— сказала Сюзанна.— Здесь все такое жалкое, что в этом есть своя прелесть. Мне интересно видеть, как эти люди веселятся.

— Нет, уж очень здесь скверно,— повторил Юджин.— Как бы мне хотелось иметь ваш здоровый взгляд на вещи. Впрочем, если не хотите, не поедем.

Сюзанна в задумчивости молчала. Убежать с ним? Но их будут искать. Остальные, наверно, и так удивляются, куда они запропастились. А впрочем, это не важно. Ее мать вполне спокойна, когда она с Юджином. Можно пойти.

— Хорошо,— сказала она наконец,— мне все равно, пойдемте.

— А что подумают остальные? — нерешительно заметил он.

— Им это совершенно безразлично,— сказала девушка.— Когда они захотят вернуться домой, они вызовут машину. Ведь они знают, что я с вами. И они знают, что я тоже могу вызвать машину, когда захочу. Мама не рассердится.

Они пошли на вокзал, чтобы поездом доехать до следующей станции. Юджин был счастлив, что проведет целый день вдвоем с Сюзанной. Он не думал ни об Анджеле, оставшейся дома, ни о том, как отнесется к этому миссис Дэйл. Ничего не случится. В их приключении не было ничего предосудительного.

Они сели в поезд и немного спустя очутились в другом мире — на террасе гостиницы, выходящей на набережную. Во дворе гостиницы стояло множество машин, в которых приехали такие же, как Юджин с Сюзанной, любители поразвлечься. Перед гостиницей раскинулась огромная лужайка, на которой виселись качели под полосатыми красно-зелено-голубыми тентами, а вдали виднелась пристань, где стояли на якоре маленькие белые катера. Море было гладкое, как зеркало; в отдалении проходили гигантские пароходы, за которыми тянулись пушистые султаны дыма. Солнце ярко пылало, но на террасе, где официанты разносили напитки и всевозможные блюда, было прохладно. На эстраде пел негритянский квартет. Сюзанна и Юджин сперва посидели в креслах, любясь прекрасным видом, а потом спустились вниз к качелям. Не задумываясь, без слов тянулись они друг к другу, точно под действием какого-то колдовства, уносившего их далеко от реальной жизни. Сидя напротив Юджина на качелях, Сюзанна смотрела на него,— они улыбались или обменивались ничего не зна-

чащими шутками, ни словом не выдавая волновавших их чувств.

— Такого дня еще не было в моей жизни,— произнес наконец Юджин с тоской и страстью.— Посмотрите на этот пароход там, вдали. Он кажется совсем игрушечным.

— Да,— ответила Сюзанна. Она дышала неровно, голос ее дрожал.— Чудесно.

— Ваши волосы — вы не можете себе представить, как вы хороши сейчас на фоне моря.

— Прошу вас, не говорите обо мне,— взмолилась она.— Воображаю, какая я лохматая! Мне еще в поезде ветром растрепало волосы. Надо бы разыскать горничную и пойти в дамскую комнату.

— Не уходите,— сказал Юджин.— Не покидайте меня. Здесь так хорошо.

— Я не уйду. Я могла бы сидеть так целую вечность. Вот как сейчас — вы тут, а я тут.

— Вы читали «Оду греческой вазе»¹?

— Да.

— Помните эти строки: «Прекрасный юноша, зачем бежишь...»

— Да, да! — с чувством откликнулась она.

— Любовник пламенный, вотще твои порывы —
Она недостижима, хоть близка.
Но тем утешься, что пребудет на века
Твоя любовь и эта красота.

— Не надо,— попросила она.

Он понял. Слишком много волнующего было для нее в высоком пафосе этой мысли. Ей стало больно, как было больно ему. Какая глубокая душа!

Они тихо покачивались; время от времени Юджин отталкивался ногой, и Сюзанна помогала ему. А потом они прошли по пляжу и уселись на крошечной лужайке, у самой воды. Мимо них проходили другие гуляющие. Юджин обнял Сюзанну за талию, взял ее руку в свою, но что-то в молодой девушке мешало ему заговорить. Они молчали и в гостинице во время обеда и на обратном пути к станции — Сюзанна не захотела вызывать машину, и они шли пешком в темноте. Когда луна

¹ Стихотворение английского поэта Джона Китса (1795—1821).

засеребрилась в небе, они остановились под высокими деревьями, и он взял ее руку.

— Сюзанна! — произнес он.

— Не надо, — прошептала она, отодвигаясь от него.

— О Сюзанна! — повторил он. — Разрешите мне сказать...

— Нет, нет, — прервала она его. — Не говорите ничего. Прошу вас, не надо. Лучше пойдете дальше. Только вы да я...

Он умолк, так как ее голос, печальный, испуганный, все же звучал повелительно. Он не мог не повиноваться ей.

Они направились к маленькому домику, стоявшему у железнодорожного полотна и заменявшему вокзал, напевая какую-то забавную песенку из старинной оперетты.

— Помните, Сюзанна, как мы с вами в первый раз играли в теннис? — спросил он.

— Помню.

— А знаете, я еще до вашего прихода и потом, во время игры, испытывал какое-то странное волнение. А вы?

— Я тоже.

— Что же это такое, Сюзанна?

— Не знаю.

— И не хотите знать?

— Нет, нет, мистер Витла. Сейчас не надо.

— «Мистер Витла»?

— А как же иначе?

— Сюзанна!

— Давайте думать каждый про себя, — умоляющим голосом сказала она. — Здесь так прекрасно.

Они вышли на какой-то станции, ближайшей к Дэйлвью, и оттуда пошли пешком. По дороге он осторожно обнял ее.

— Сюзанна, вы не сердитесь на меня? — с щемящей болью в сердце спросил он. — Правда?

— Не спрашивайте меня. Только не сейчас. Нет, нет!

Он хотел было крепче прижать ее к себе.

— Только не сейчас, — повторила она. — Я не сержусь на вас.

Юджин умолк, так как они уже подходили к дому; в гостиную он вошел веселый и много смеялся и шутил.

Рассказ о том, как они в толпе потеряли спутников, не вызвал ни у кого сомнений. Миссис Дэйл добродушно улыбалась. Сюзанна ушла к себе в комнату.

ГЛАВА VIII

Зайдя так далеко и завладев этим чудеснейшим цветком, Юджин думал только о том, как бы сохранить его для себя. Казалось, с плеч у него свалилась вся тяжесть прожитых лет. Снова любить! Завоевать любовь этого чудного, совершенного создания! Просто не верилось, что судьба могла оказаться такой благосклонной и подарить ему такое счастье. Чем в сущности объяснить, что за последние годы он поднимался все выше и выше? После тяжелых дней в Ривервуде он одерживал одну победу за другой. Работа в газете «Уорлд», у Саммерфилда, у Кэлвина, в журнальном издательстве, встреча с Уинфилдом, прекрасная квартира в парке,— неужели боги стали милостивы к нему! Что все это значило? Почему судьба вдруг послала ему славу, богатство и Сюзанну в придачу? Бывают ли на свете такие чудеса? И к чему это все приведет? Может быть, судьба будет благоприятствовать ему и в том, чтобы освободиться от Анджелы,— или же...

Мысль об Анджеле все эти дни была для него мучительна. Он в сущности не питал к ней неприязни — ни теперь, ни раньше. За долгие годы совместной жизни они научились понимать друг друга, и их внутренняя связь настолько окрепла, что во многих отношениях лучшего нельзя было бы желать. После истории в Ривервуде Анджела решила, что уже не любит Юджина, как раньше, что она не в силах его любить, так как он слишком эгоистичен. Но это был самообман. Она любила его, и даже больше, чем себя, в том смысле, что готова была всем ради него жертвовать. Но, с другой стороны, ее любовь была эгоистичной, она требовала, чтобы и он в свою очередь всем жертвовал ради нее. А Юджин несколько не был к этому расположен,— опять-таки ни теперь, ни раньше. Он считал, что его жизнь не может уложиться в тесные рамки брака. Ему нужна была свобода, которая позволила бы ему делать все что угодно, сближаться с кем угодно, но он боялся

Анджелы, боялся общественного мнения и отчасти боялся самого себя, то есть того, к чему могла его привести неограниченная свобода. Он жалел Анджелу, зная, что если он так или иначе расстанется с ней, она будет страдать,— но в то же время жалел и себя. За все эти годы непрерывного карабкания вверх красота ни на миг не утрачивала для него своей притягательной силы.

Не странно ли, как иногда все в жизни складывается таким образом, чтобы скорее привести к развязке! Словно трагедии, подобно растениям и цветам, таятся в крошечном семени, и какие-то силы, помогая их внезапному росту, доводят их до роковой зрелости. Жизнь иных людей — это розы, расцветшие в преисподней и горящие всеми огнями ада.

Начать с того, что Юджин стал очень рассеян; он не мог сосредоточиться ни на делах издательства, ни на планах строительной компании, ни на положении в своем собственном доме, где лежала больная Анджела. На следующее утро после поездки в Саут-Бич, во время которой Сюзанна проявила такую странную молчаливость, ему удалось побыть с ней несколько минут наедине на террасе в Дэйлвью. Она не казалась удрученной — во всяком случае, это не бросалось в глаза,— но в ней чувствовалась непривычная серьезность, свидетельствовавшая о том, что в душе ее происходит какая-то сложная работа. Когда она вышла к нему, чтобы сообщить, что уезжает в Территаун вместе с матерью и несколькими друзьями, ее большие глаза смотрели на него открыто и честно.

— Я должна ехать,— сказала она.— Мама́ договори́лась по телефону.

— Значит, я вас больше не увижу здесь?

— Нет.

— Вы меня любите, Сюзанна?

-- Да, да,— ответила она и как-то понуро отошла в дальний угол террасы, где никто не мог их видеть.

Он бесшумно последовал за нею.

— Поцелуйте меня,— сказал он.

Она испуганно и растерянно ответила на его поцелуй, тотчас же отвернулась и быстро пошла прочь. А он смотрел ей вслед, любуясь ее твердой, пружинистой походкой. Она была много ниже его ростом, хотя не такая маленькая, как Анджела,— крепкого сложения, с

хорошо развитой фигурой. И душа у нее, должно быть, смелая, способная на подвиги, исполненная мужества и решимости, подумал Юджин. Когда она станет постарше, это будет сильная женщина, умеющая бесстрашно и последовательно мыслить.

Юджин не видел ее после этого дней десять и дошел до полного отчаяния. Его больше не удовлетворяли редкие, случайные встречи с Сюзанной. А вдруг она осенью уедет из Нью-Йорка, что будет тогда с ним? Если ее мать что-нибудь узнает, она увезет ее в Европу, и Сюзанна, вероятно, забудет его. Ужасно! Нет, пока этого не случилось, они должны бежать. Он превратит все свое состояние в наличность и увезет ее куда-нибудь. Жизнь без Сюзанны для него невыносима. Он должен добиться ее — любой ценой. Какое ему дело до Колфакса и его журналов! Работа опостылела ему. Пусть Анджела забирает себе все акции строительной компании, если ему не удастся выгодно продать их. А если удастся, он постарается обеспечить ее из вырученной суммы. У него есть немного денег наличными — несколько тысяч долларов. Эта сумма да то, что он зарабатывает кистью, — ведь он еще может работать! — даст им возможность прожить. Они уедут в Англию или во Францию. Если Сюзанна любит его, — а он был уверен, что это так, — они будут счастливы. Пропав дом, его старая жизнь! Какая тоска — жить без любви!

Так размышлял Юджин вначале. Впоследствии его взгляды несколько изменились, но это произошло после того, как он снова поговорил с Сюзанной. Добиться свидания с ней оказалось нелегко. В конце концов в порыве отчаяния он позвонил по телефону в Дэйлвью и спросил, дома ли мисс Дэйл. К аппарату подошел слуга, и на его вопрос, о ком доложить, Юджин назвал имя одного молодого человека, знакомого Сюзанны. Когда она взяла трубку, он сказал:

— Вы меня хорошо слышите, Сюзанна?

— Да.

— Вы узнали мой голос?

— Да.

— Не называйте меня по имени, хорошо?

— Хорошо.

— Сюзанна, я схожу с ума. Вот уже десять дней, как я вас не вижу! Вы еще долго пробудете в городе?

— Не знаю. Вероятно.

— Если кто-нибудь войдет, Сюзанна, просто повесьте трубку, и я буду знать, в чем дело.

— Хорошо.

— А вы не могли бы выйти ко мне, если бы я подъехал на машине к какому-нибудь месту близ вашего дома?

— Не знаю.

— О Сюзанна!

— Я не уверена, но постараюсь. В котором часу?

— Вы знаете дорогу к старому форту у Хрустального озера, неподалеку от вас?

— Да.

— Помните, по этой дороге есть холодильник?

— Да.

— Вы могли бы прийти туда?

— В котором часу?

— Завтра в одиннадцать утра или сегодня в два или в три.

— Лучше сегодня в два.

— Как я вам благодарен, Сюзанна! Так или иначе, я буду ждать вас.

— Хорошо. До свидания.

И она повесила трубку.

Юджин был счастлив, что его попытка окончилась так удачно, и в первый момент не задумался над тем, как искусно Сюзанна вела разговор. Позднее он понял, сколько в ней смелости, если она способна так быстро принимать решения,— ведь вся эта история давалась ей нелегко. Любовь Юджина была для нее чем-то совершенно новым, а ее положение — очень рискованным. И тем не менее, когда он назвал ее и она так неожиданно услышала его голос, она не обнаружила ни малейшего признака растерянности. Голос ее звучал ровно и твердо, тверже, чем голос Юджина, который был возбужден и нервничал. Она с первых же слов, не колеблясь, поняла его и охотно пошла на хитрость. Так ли она наивна, как кажется? И да, и нет. Просто она умная девушка, решил он, и при всей ее бесхитростности и честности ум сразу подсказал ей, что делать.

В тот же день, в два часа, Юджин был в условленном месте. Своему секретарю он сказал, что едет для деловых переговоров с одним известным писателем, у ко-

того хочет получить рукопись, а сам, взяв закрытую машину, отправился на свидание. Попросив шофера ездить взад и вперед по дороге, он вышел из машины и присел под деревом, откуда ему хорошо видна была вся дорога. Вскоре показалась Сюзанна, свежая, как весеннее утро, в элегантном светло-сиреневом костюме. Большая мягкая шляпа с длинными перьями, в тон платью, необычайно шла ей. Она приближалась спокойной, грациозной походкой, но, когда Юджин взглянул ей в глаза, он прочел в них затаенную тревогу.

— Наконец-то! — радостно воскликнул он вставая. — Идемте сюда! Моя машина недалеко — не лучше ли нам сесть в нее, как вы думаете? Она закрытая. А то нас могут увидеть. Сколько времени в вашем распоряжении?

Он обнял ее и стал жадно целовать, пока она объясняла, что им надо торопиться. Она сказала дома, что идет за книгой в библиотеку, в которой ее мать состояла попечительницей, и должна вернуться в половине четвертого, самое позднее — в четыре.

— О, мы успеем поговорить! — весело сказал он. — А вот и машина. Давайте сядем.

Он осторожно огляделся кругом, окликнул шофера, и, когда машина подъехала, они быстро сели в нее.

— Перт-Амбой, — сказал Юджин, и шофер дал полный ход.

Теперь им нечего было беспокоиться. Юджин припустил шторы и обнял Сюзанну.

— Сюзанна, — сказал он, — я не видел вас целую вечность! Как бесконечно тянулось время! Вы меня любите?

— Да, люблю, вы это знаете.

— Но как же нам быть дальше, Сюзанна? Вы скоро уезжаете? Я должен видеть вас чаще.

— Не знаю, — ответила она. — Мама не говорила мне о своих планах. Известно только, что она осенью собирается в Ленокс.

— Ну вот! — устало вырвалось у Юджина.

— Послушайте, мистер Витла, — задумчиво сказала Сюзанна. — Ведь вы понимаете, что мы подвергаем себя страшному риску. Вдруг об этом узнают миссис Витла или мама? Это будет ужасно!

— Да, да, — сказал Юджин. — Конечно, мне не сле-

довало бы так поступать. Но я безумно люблю вас, Сюзанна. Я не знаю, что со мной. Я знаю только, что люблю вас, люблю, люблю!

Он прижал ее к себе и осыпал страстными поцелуями.

— Как вы хороши! Как вы прекрасны! Цветок мой, ангел, божество! — И он прильнул к ее губам долгим безмолвным поцелуем, между тем как автомобиль мчался вперед.

— Но как же нам быть? — спросила она, широко раскрывая глаза. — Ведь это так неосторожно! Я как раз думала об этом утром, когда вы позвонили.

— Вы уже начинаете жалеть, Сюзанна?

— Нет.

— Вы любите меня?

— Вы знаете, что люблю.

— Тогда помогите мне найти выход.

— Я бы рада была... Но послушайте, мистер Витла... Выслушайте меня. Вот что я хочу вам сказать...

Она говорила серьезным тоном, который казался ему милым и забавным.

— Я готов выслушать все, что вы мне скажете, моя детка. Но только не называйте меня «мистер Витла». Зовите меня по имени, хорошо?

— Ну, хорошо. А теперь послушайте меня, мистер... мистер... Юджин.

— Нет, просто Юджин. Ну, скажите Юджин.

— Теперь выслушайте меня, мистер... Слушайте, Юджин, — заставила она себя, наконец, выговорить, и он тотчас же закрыл ей рот поцелуем.

— Вот так, — сказал он.

— Да слушайте же, — продолжала она настойчиво. — Знаете ли вы, что мама страшно рассердится, если узнает?

— Да что вы! — шутливым тоном прервал ее Юджин.

Сюзанна как будто не слышала.

— Нам нужно быть очень осторожными. Мама такого прекрасного мнения о вас — ей и в голову не приходит ничего дурного. Она как раз сегодня утром говорила про вас.

— Что же она говорила?

— Да так... Какой вы симпатичный и способный человек.

— Не может быть,— снова шутливо отозвался Юджин.

— Да. А миссис Витла, мне кажется, хорошо относится ко мне. Мы можем иногда видаться у вас, но нужно держаться осторожно. И сегодня нам нельзя долго быть вместе. Мне о многом надо подумать. У меня столько всяких мыслей...

Юджин улыбнулся. Как непосредственна эта девушка, как наивна!

— Какие же это мысли, Сюзанна? — любопытствовал он.

Его очень интересовало, что происходит в ее юной душе, казавшейся ему такой нетронутой, такой чудесной. Радостно было видеть в этом прекрасном создании столько чуткости и преданной любви и вместе с тем такую вдумчивость и серьезность. Она была для него восхитительной игрушкой и в то же время вызывала в нем благоговейный восторг, какой испытываешь, глядя на бесценную вазу.

— Я хочу разобраться в том, что делаю. Это необходимо. Иногда мне кажется, что все так ужасно, а вместе с тем...

— А вместе с тем? — повторил Юджин нетерпеливо.

— А вместе с тем я не могу понять, что в этом дурного, раз мне этого хочется... раз я люблю вас.

Юджин с возрастающим интересом смотрел на нее. Эта попытка честно разобраться в жизни, особенно в связи с таким трудным, рискованным положением, изумляла его. До сих пор он считал Сюзанну беспечным ребенком, хоть и полным смутных, дремлющих сил. А она, оказывается, пытается разрешить одну из самых трудных задач, какие только бывают, и, по-видимому, с большей смелостью и прямоотой, чем он. Где же страх, что владел ею всего десять дней назад? Какие новые мысли зародились в этой головке?

— Странная вы девушка,— сказал он.

— Но почему же?

— Потому что странная. Я и не подозревал, что вы способны задаваться такими серьезными вопросами.

Я полагал, что все это дело будущего. Но скажите, к какому вы пришли заключению?

— Вы читали «Анну Каренину»? — задумчиво спросила она.

— Да, читал, — ответил он, удивленный тем, что она уже знакома с этим произведением.

— Что вы думаете об этой книге?

— Там показано, что происходит с людьми, которые осмеливаются бросить вызов условностям, — довольно небрежно ответил он, продолжая удивляться ее уму.

— И вы думаете, всегда так бывает?

— Нет, я вовсе этого не думаю. Люди очень часто отказываются считаться с общественными предрассудками и добиваются своего. Впрочем, не знаю. По-видимому, бывает и так и этак. Одним удастся, другим нет. Если человек достаточно настойчив или достаточно умен, он одерживает верх, в противном же случае покоряется обстоятельствам. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Видите ли, — сказала Сюзанна, не поднимая глаз, — я думала, что такой конец вовсе не обязателен, вы не находите? Ведь может быть и совсем наоборот?

— Да, может, — задумчиво ответил он, спрашивая себя, действительно ли это так.

— А иначе плата за счастье была бы слишком высока, — продолжала она. — Оно того не стоит.

— Вы хотите сказать, — произнес Юджин, глядя на нее в упор, — вы хотите сказать, что способны были бы пойти на это?

У него мелькнула мысль, что она готова принести себя в жертву ради него. Что-то в ее задумчивости и глубокой сосредоточенности навело его на эту мысль.

Сюзанна отвернулась к окошку и кивнула головой.

— Да, — серьезно сказала она, — если бы это можно было устроить. Почему бы и нет? Я не вижу причины.

Лицо ее в эту минуту было прекрасно. Юджин не понимал, во сне это или наяву. Сюзанна так рассуждает! Сюзанна читала «Анну Каренину» и философствует! Сюзанна строит теории на основе жизни и книг, да еще невзирая на то, что история Анны Карениной целиком говорит против нее! Что за чудеса!

— Знаете, Юджин, — продолжала она после неболь-

шой паузы.— Я думаю, мама не стала бы возражать. Она вас уважает. Она это не раз говорила. К тому же она часто высказывалась в этом духе про других... Она считает, что замуж надо выходить только по любви. И что не обязательно вступать в брак,— все зависит от взаимного согласия. Ведь мы могли бы, если бы захотели, просто жить вместе...

Юджин и сам слышал критические рассуждения миссис Дэйл о браке, но не придавал большого значения ее философической болтовне. Так же безответственно и бойко рассуждала она и на социальные темы. Он не знал, конечно, о чем она говорила с дочерью, но не допускал, чтобы она стала внушать ей мало-мальски радикальные взгляды.

— Не придавайте большого значения тому, что говорит ваша матушка, Сюзанна,— сказал он, любуясь ее прелестным личиком.— Она сама этому не верит. И уж во всяком случае она не станет применять свои теории к вам. Это слова, не больше. Если бы она думала, что с вами может случиться что-либо подобное, она заговорила бы иначе.

— Нет, едва ли,— задумчиво ответила Сюзанна.— Видите ли, мне кажется, что я знаю мамá лучше, чем она сама. Она считает меня ребенком, но мне часто удастся заставить ее поступить по-моему. Это уже не раз бывало.

Юджин в изумлении смотрел на Сюзанну. Он не верил своим ушам. Эта девушка так рано и так серьезно задумывается над такими вопросами! И неужели у нее более сильный характер, чем у матери?

— Сюзанна,— сказал он,— ради бога, будьте осторожны в том, что вы говорите и делаете. Не затевайте необдуманно никаких опасных разговоров. Это плохо кончится. Я люблю вас, но мы должны действовать осмотрительно. Если миссис Витла что-нибудь узнает, она сойдет с ума. Ваша мама при малейшем подозрении увезет вас в Европу, и только я вас и видел.

— О, нет, мама этого не сделает,— решительно ответила Сюзанна.— Я знаю ее лучше, чем вы думаете. Уверяю вас, я имею на нее влияние. Я убедилась в этом.— Она тряхнула своей очаровательной головкой, и Юджин потерял способность трезво рассуждать. Глядя на нее, он не в состоянии был спокойно думать.

— Сюзанна,— сказал он, привлекая ее к себе,— вы очаровательны, бесподобны, вы сама женственность! И подумать только, что вы способны так судить о жизни, вы, Сюзанна!

— А почему бы и нет? — спросила она, в недоумении поднимая брови.— Почему это вас удивляет?

— Да, разумеется, все мы задумываемся над жизнью, но далеко не так серьезно, моя радость.

— Но ведь теперь мы обязаны думать серьезно,— просто сказала она.

— Да, теперь мы обязаны думать серьезно. И вы действительно согласились бы поселиться со мной, если бы я снял отдельную студию? Сейчас мне ничего другого не приходит в голову...

— Согласилась бы, если бы знала, как это устроить. Мама такая странная. Она все следит за мной. Считает меня ребенком. А ведь вы знаете, что я не ребенок. Я иногда ее не понимаю,— говорит одно, а делает совсем другое. Я лично предпочла бы не говорить, а делать. Как вы находите?

Он молчал.

— Но все же я надеюсь, что мне удастся все уладить. Предоставьте мне действовать, хорошо?

— И если вам удастся, вы придете ко мне?

— О, да, да! — пылко воскликнула она и вдруг повернулась к нему и сжала его лицо в своих ладонях, мечтательно заглядывая ему в глаза.

— Но мы должны быть осторожны,— предостерег он ее.— Никаких необдуманных поступков!

— Обещаю,— сказала Сюзанна.

— И я тоже,— сказал Юджин.

Оба на время умолкли. Он не спускал с нее глаз.

— Я могла бы ближе сойтись с миссис Витла,— сказала она немного погодя.— Она ко мне хорошо относится, не правда ли?

— Да,— ответил Юджин.

— Мама ничего не имеет против того, чтобы я бывала у вас, и я могла бы заранее предупреждать вас.

— Чудесно. Так и сделайте,— сказал Юджин.— Смотрите же, не забудьте. Вы еще помните, за кого я выдал себя сегодня, когда звонил вам?

— Да, помню,— сказала она.— А знаете, мистер Витла, то есть Юджин, я ведь так и думала, что вы позвоните.

— Неужели? — с улыбкой сказал он.

— Да, думала.

— Вы придаете мне мужества, Сюзанна,— сказал он, прижимая ее к груди.— В вас столько веры, столько решительности! Жизнь еще не коснулась вас.

— Когда я не с вами, я далеко не такая храбрая. Мне приходят в голову ужасные мысли. Даже страшно становится.

— Но вы не должны бояться, моя радость, вы так нужны мне! Если б вы знали, как вы мне нужны!

Она посмотрела на него и в первый раз провела рукой по его волосам.

— Знаете, Юджин, в вас еще много мальчишеского.

— Неужели? — сказал он, польщенный.

— Да, а иначе я не могла бы так любить вас.

Он снова привлек ее к себе и стал осыпать поцелуями.

— Нельзя ли нам почаще совершать такие прогулки? — спросил он.

— Да, если мы не уедем.

— Можно мне звонить вам,— я буду называть чужую фамилию.

— Я думаю, что можно.

— Давайте подберем себе псевдонимы, специально для телефонных разговоров. Вы будете Дженни Линд, а я Эллан По.

А потом они снова предались пылким ласкам, пока не пришло время возвращаться. О работе в эту, вторую, половину дня уже не могло быть и речи.

ГЛАВА IX

За этим последовал ряд свиданий, сопряженных с большими трудностями и опасностью; они губительно сказывались на душевном покое Юджина, на появившемся у него столь недавно чувстве ответственности — моральной и деловой, отвлекая его от цели, к которой он так упорно стремился, притупляя его интерес к издательскому и литературному миру, которому он был столь

многим обязан. Но свидания эти были полны для него такого острого блаженства, что они тысячу раз вознаграждали его за все ухищрения, к которым приходилось прибегать, за все его безумие. Иногда он приезжал на машине и ждал Сюзанну у холодильника, иногда она по телефону или запиской сообщала ему в издательство, что приедет в город. Однажды, когда у него была полная уверенность, что они никого не встретят, он повез ее в машине на строящийся курорт, посоветовав на всякий случай надеть густую вуаль, которую можно было в любой момент опустить на лицо. В другой раз — вернее, несколько раз — она приходила на Риверсайд-Драйв, якобы с целью проведать миссис Витла, но в действительности ради свидания с ним. Сюзанна не питала антипатии к Анджеле, но не чувствовала к ней и привязанности. Она находила ее довольно интересной женщиной, но считала, что она не пара Юджину. Юджин никогда не жаловался ей, что несчастлив в браке, и только говорил, что не любит жену. Теперь он любит ее, Сюзанну, одну ее.

Дальнейшие отношения Юджина и Сюзанны должны были осложниться еще одним исключительно важным обстоятельством, о котором он пока еще ничего не знал. Дело в том, что Анджела, с громадным удовлетворением следившая за деловой карьерой Юджина и со страхом и недоверием — за его успехами в обществе, решилась наконец на тот прыжок в неизвестность, каким для нее и для Юджина был ребенок. Она надеялась, что появление ребенка упорядочит жизнь Юджина, пробудит в нем чувство ответственности, научит его находить радость не только в светских развлечениях и в чарах юных красавиц. Она не забыла совета, данного ей еще в Филадельфии миссис Санифор и ее врачом, и не переставала думать о том, как подействовало бы на Юджина появление в их жизни ребенка. Юджин нуждался в какой-то точке опоры. Его положение в обществе было еще слишком неустойчивым, да и на него самого было трудно положиться. Ребенок — она надеялась, что это будет девочка, так как маленькие девочки всегда приводили его в умиление, — заставит его остепениться. Если бы родилась девочка!

Месяца за два до своей болезни, как раз в то время, когда Юджин незаметно для нее начал увлекаться

Сюзанной, она перестала соблюдать предосторожности,— вернее, совершенно отказалась от них, и с некоторых пор у нее возникли подозрения, что ее страхи, или надежды, или то и другое вместе начинают сбываться. Но нагрянувшая вскоре болезнь, отразившаяся вдобавок и на сердце, мешала ей особенно радоваться своему новому состоянию. Ее тревожили мысли об исходе, о том, как примет это известие Юджин. Он никогда не выражал желания иметь ребенка, и она ничего ему не говорила, так как хотела сначала убедиться сама. Если окажется, что она ошиблась, он будет отговаривать ее от дальнейших попыток, а если она права, ему останется лишь примириться. Как все женщины в таком положении, Анджела тосковала по сочувствию и вниманию и особенно остро замечала, насколько все интересы Юджина направлены в сторону того мира, к которому она не была причастна. От нее не ускользнул его интерес к Сюзанне, но она не слишком тревожилась, зная, что миссис Дэйл бдительно следит за дочерью. Времена меняются. За последний год Юджин стал все больше выезжать один. Ребенок ей поможет. Давно пора завести ребенка.

Когда Сюзанна начала бывать у них вместе с матерью, Анджела приняла это спокойно. Но во время ее болезни девушка несколько раз заезжала одна, когда Юджин бывал дома, и Анджела стала бояться, как бы между ними что-нибудь не возникло. Сюзанна была так очаровательна. Однажды, когда Анджела, погруженная в раздумье, лежала в своей комнате,— Сюзанна оставила ее на минутку и вышла в студию,— она услышала, как Юджин шутит с девушкой и громко смеется. Переливчатый смех Сюзанны звучал так заразительно. Конечно, Юджину не стоило никакого труда рассмешить девушку, но Анджеле почудились какие-то необычные нотки в интонациях его голоса и в ее смехе. Когда Сюзанна приезжала, Юджин каждый раз вызывался отвезти ее домой. Все это наводило Анджелу на размышления.

Она начала уже поправляться после болезни, и Юджин пригласил знаменитого тенора, славившегося своим репертуаром, дать концерт в его доме. Он познакомился с ним в Бруклине, на вечере, к которому имел какое-то касательство Уинфилд. Юджин разослал довольно много приглашений, между прочим миссис Дэйл, Сю-

занне и Кинрою. Но миссис Дэйл не могла приехать, а потому Сюзанна, которой нужно было на другое утро, в воскресенье, быть по делу в городе, решила переночевать у них. Юджин был в восторге. Он незадолго до этого завел альбом, в котором делал по памяти зарисовки Сюзанны, и надеялся показать их ей. Кроме того, он хотел, чтобы она послушала прекрасного тенора.

Компания собралась интересная. Кинрой довольно рано привез Сюзанну, а сам вскоре уехал. Поздоровавшись с Анджелой, Сюзанна вышла с Юджином на каменный балкончик, с которого открывался вид на реку. Юджин тихонько шептал ей о своей любви; когда никто не видел, он брал ее руку и украдкой целовал. Скоро начали съезжаться приглашенные, и наконец появился тенор. Сиделка и Юджин помогли Анджеле дойти до студии, где она, заняв место среди гостей, стала с увлечением слушать певца. Сюзанна и Юджин, захваченные красотой музыки, обменивались пылкими взглядами, которые так много говорят влюбленным. Юджину лицо Сюзанны представлялось каким-то магическим цветком. Ему трудно было хотя бы на миг отвести от нее взгляд. Тенор кончил петь, и гости разъехались. Анджела не сразу пришла в себя; она сидела в кресле и плакала, — так взволновала ее красота «Лесного царя». Затем она вернулась к себе в спальню. Сюзанна отправилась в отведенную ей комнату. Вскоре она вышла, чтобы пожелать миссис Витла спокойной ночи, а потом хотела пройти обратно к себе. Но в студии ее поджидал Юджин. Он схватил ее в объятия и молча стал целовать. Они делали вид, будто перебрасываются незначащими замечаниями, и он предложил ей выйти посидеть на балконе, полюбоваться рекой в лунном свете.

— Не надо, — сказала Сюзанна, когда в темноте он прижал ее к себе. — Она может войти.

— Нет, нет, — горячо уверял он.

Они прислушались, но все было тихо. Юджин заговорил о чем-то, не переставая гладить прекрасную обнаженную руку Сюзанны. Красота девушки, очарование ночи, опьянение музыкой — все это сводило его с ума. Невзирая на протесты Сюзанны, он обнял ее, и в это мгновение в противоположном конце студии показалась в дверях Анджела. Прятаться было поздно, — она все видела. Сюзанна едва успела вскочить, как Анджела

быстрыми шагами направилась к балкону. Задыхаясь от ярости и ни на минуту не забывая о своем состоянии, сознавая, что над нею нависла страшная катастрофа, она все же чувствовала себя еще слишком слабой, чтобы устроить скандал или открыть все. Снова, казалось, рушился весь ее мир; увлеченная своими планами, она, несмотря на подозрения, была в сущности далека от мысли, что Юджин опять способен ей изменить. Правда, она пришла сюда с целью захватить его врасплох, но втайне надеялась и даже была уверена, что ничего не увидит. И что же? Вот они стоят друг против друга: эта красивая девушка, жертва вероломного обольстителя, сама она, Анджела, запутавшаяся в сетях своих планов и надежд, и, наконец, он, Юджин, трепещущий и пристыженный, смиренно ожидающий позорного конца своей нелепой связи, которую она пресечет в самом корне. Анджела не собиралась делать Сюзанну свидетельницей супружеской сцены, но страшная обида за себя, стыд за Юджина, невольная жалость к самой девушке и желание соблюсти приличия, теперь уже не столько ради себя, сколько ради ребенка, вызвали в ней былую ярость и вместе с тем заставили ее взять себя в руки. Случись это шесть лет назад, она дала бы волю своему гневу. Но время научило ее сдержанности. Она понимала, что грубость тут не поможет.

— Сюзанна,— сказала она и, выпрямившись, остановилась в полумраке комнаты, слабо озаренной лунной,— Сюзанна, как вы могли так поступить? Я была о вас лучшего мнения.

Лицо Анджелы, исхудавшее от продолжительной болезни и постоянной тревоги в связи с ее положением, все еще было красиво какой-то особенной, духовной красотой. На ней был бледно-желтый кружевной пеньюар в белых цветах, а длинные волосы, которые сиделка заплела в две косы, придавали ей сходство с Гретхен, как называл ее когда-то Юджин. Руки у нее были тонкие, белые, красивые, усталое от страданий лицо напоминало изображение скорбящей богоматери.

— Почему же? Почему? — воскликнула Сюзанна, страшно испуганная и потрясенная и все же готовая грудью встать на защиту того, что целиком владело ею.— Я люблю его, миссис Витла. Потому я так и поступаю.

— О нет, вы его не любите, вы только воображаете, что любите, как воображали многие женщины до вас, Сюзанна! — произнесла Анджела ледяным тоном, не забывая ни на мгновение о будущем ребенке. (О, почему она не сказала ему раньше!) — Какой стыд! И это в моем доме! Вы — молодая, невинная девушка, какой вас все считают! Что сказала бы ваша матушка, если бы я сейчас позвонила ей по телефону и рассказала все? Или ваш брат? Вы ведь знали, что Юджин женатый человек. Я могла бы еще простить вам, если бы вы этого не знали, если бы вы не были знакомы со мной, если бы не пользовались моим гостеприимством. Что же касается его, мне не о чем с ним говорить. Это случается уже не впервые, Сюзанна. У него было много женщин до вас. Много будет и после. Этим я расплачиваюсь за то, что вышла замуж за так называемого талантливого человека. Не думайте, Сюзанна, что вы сообщаете мне что-то новое, когда говорите, что любите его. Для меня это старая песня. Я уже не раз слышала ее от других женщин. Вы у него не первая и не последняя.

Сюзанна посмотрела на Юджина растерянным, беспомощным взглядом, как бы спрашивая, неужели все это правда?

Безжалостные обвинения Анджелы вызвали в Юджине злобу, но вначале он колебался, не зная, как вести себя. В первое мгновение у него даже мелькнула мысль, не лучше ли отказаться от Сюзанны и снова вернуться к старой жизни, как бы тосклива она ни была. Но прелестное личико девушки и резкий обличающий голос Анджелы заставили его принять решение.

— Анджела, — начал он, приходя в себя под пытливым взглядом Сюзанны, — зачем ты это говоришь? Ты великолепно знаешь, что все это неправда. Была одна только женщина, и я расскажу про нее Сюзанне. И было несколько до моей женитьбы, я расскажу ей и про них. Все эти годы, — и ты это знаешь, — моя жизнь была пуста. Эта квартира для меня та же клетка. Любви между нами давно уже нет, — по крайней мере с моей стороны, ты и это знаешь. Ты тоже не раз признавалась, что больше не любишь меня. Я не обманывал Сюзанну. Я рад, что могу ей сказать, какие у нас с тобой отношения.

— Какие отношения! Какие отношения! — гневно

воскликнула Анджела, на мгновение теряя власть над собой.— Ты, может быть, расскажешь ей, каким ты был прекрасным, преданным мужем? Расскажешь, как честно вел себя, как сдержал слово, данное перед алтарем? Расскажешь, как я трудилась и всем для тебя жертвовала все эти годы? И как ты оплачивал мне такими вот историями, как эта? Но больше всего, Сюзанна, мне жаль вас,— продолжала Анджела, мучительно думая о том, сказать ли Юджину о своем положении, и опасаясь, что он не поверит ей, так как слишком уж это отдавало дешевой мелодрамой.— Вы просто глупая девочка, обольщенная опытным мужчиной, который некоторое время будет воображать, что любит вас, обманывая и вас и себя. Но скоро он опомнится. Ну, на что вы рассчитываете, скажите прямо? Выйти за него замуж вы не можете — я ему не дам развода... Я не могу пойти на это,— почему — он узнает после, а у самого у него нет оснований этого требовать. Вы хотите стать его любовницей? Ведь ни на что другое вы надеяться не можете. Какая прекрасная будущность для девушки вашего круга! Для девушки, которую все считают верхом добродетели! О, как мне стыдно! Мне жаль вашу мать. Меня удивляет, что вы споеобны так унизиться!

От Сюзанны не ускользнули слова Анджелы «я не могу пойти на это», но она, конечно, не понимала, что за этим кроется. Ей и в голову не приходило, что дело может осложниться рождением ребенка. Юджин говорил ей, что несчастлив, что между ним и Анджелой ничего нет и быть не может.

— Ведь я люблю его, миссис Витла! — сказала Сюзанна просто, но с глубоким волнением в голосе.

Все ее мускулы были напряжены, бледное лицо сияло красотой. Тяжелое испытание выпало ей на долю!

— Не говорите вздора, Сюзанна! — гневно воскликнула Анджела, доведенная до полного отчаяния.— Не обманывайте себя и не становитесь в глупую позу! Ведь вы сейчас играете. Вы повторяете слова, которые слышали со сцены. Юджин мой муж. Вы в моем доме. Будьте любезны собрать свои вещи! Я позвоню вашей матушке, расскажу ей, в чем дело, и она пришлет за вами машину.

— О нет, вы этого не сделаете! — воскликнула Сюзанна.— Если вы ей скажете, мне нельзя будет вернуть-

ся домой. Я должна сперва самостоятельно устроиться и найти работу, пока все не придет в полную ясность. Я не могу больше вернуться домой. О, что же мне делать?

— Успокойтесь, Сюзанна,— твердо сказал Юджин, взяв ее за руку и вызывающе глядя на Анджелу.— Она не будет звонить вашей матушке и ничего ей не скажет! Вы пробудете здесь до утра, как и было решено, а завтра поедете туда, куда собирались ехать.

— Ну, нет, этого не будет! — в бешенстве закричала Анджела и направилась к телефону.— Она немедленно уедет домой! Я сейчас же позвоню миссис Дэйл!

Сюзанна в волнении бросилась за ней, но Юджин взял ее за руку.

— Ты этого не сделаешь,— заявил он Анджеле.— Сюзанна не поедет домой, и ты не посмеешь подойти к телефону. Если ты это сделаешь, я тоже кое-что предприму, и притом не теряя ни минуты.

И он решительно загородил Анджеле путь к телефону, висевшему в коридоре за дверью.

Угроза в его тоне и в голосе заставила Анджелу одуматься. Ее поразило, что он мог так грубо отстранить ее. Он, ее муж, взял Сюзанну за руку и просит ее успокоиться!

— Юджин! — в отчаянии и ужасе воскликнула она.— Ты не понимаешь, что делаешь, и Сюзанна не понимает. Когда она поймет, она не захочет иметь с тобой ничего общего. Как она ни молода, в ней все же должна будет заговорить женщина.

— Это еще что? — вспыхнул Юджин. Он не подозревал, он даже отдаленно не догадывался, к чему клонит Анджела.— О чем ты говоришь? — сурово повторил он.

— Позволь мне сказать тебе несколько слов наедине, не в присутствии Сюзанны,— всего лишь два слова, и тогда ты, может быть, согласишься сейчас же отпустить ее домой.

Анджела лукавила, в ней говорило злорадство. Нельзя сказать, чтобы она очень благородно пользовалась своим оружием.

— В чем дело? — раздраженно спросил Юджин, подозревая какую-то новую хитрость. Он так долго пытался порвать связывающие его цепи, что мысль о воз-

возможности каких-то новых препятствий вызвала в нем страшное озлобление.— Почему ты не можешь сказать при Сюзанне? Не все ли равно?

— Далеко не все равно, уверяю тебя. Нам нужно поговорить наедине.

Не понимая, в чем дело, Сюзанна отошла в сторону. Что такое ей нужно сказать? — спрашивала она себя. Поведение Анджелы отнюдь не наводило на мысль, что речь идет о какой-то тайне. Едва Сюзанна отошла, Анджела шепнула Юджину несколько слов.

— Это ложь! — воскликнул он, и в голосе его прозвучало возмущение, ужас, отчаяние.— Ты это только сейчас придумала! Как это на тебя похоже! Ха! Я не верю тебе! Это ложь! Ложь! Ты сама знаешь, что ложь!

— Это правда,— гневно возразила Анджела, до глубины души оскорбленная тем, как он отнесся к ее словам, в отчаянии, что ей пришлось сказать Юджину о ребенке при таких обстоятельствах, что ее тайна была исторгнута у нее, как последнее средство спасения, и вызвала только презрение и насмешку.— Это правда! И тебе следовало бы стыдиться своих слов. Впрочем, чего можно ждать от человека, который способен привести в дом своей жены другую женщину!

Как это ужасно, что она подверглась такому унижению, да еще в минуту, когда меньше всего этого ждала! Она не могла сейчас спорить с ним. Ей самой было стыдно, что она об этом заговорила. Все равно, он ей теперь не поверит. Это только взбесит его и ее. Юджин был вне себя. Слова Анджелы вызвали в нем неудержимую ярость; в эту минуту он чувствовал к ней лишь презрение, как к шантажистке, интриганке, как к женщине, прибегающей к самым бесчестным средствам, чтобы удержать его. Он даже отшатнулся от нее, так велико было его отвращение, и она поняла, что нанесла ему страшный удар, поступила с ним — с его точки зрения — нечестно.

— Неужели у тебя после этого не останется порядочности отослать ее домой! — произнесла она вслух обиженно, горько, сердито.

Но Юджин не помнил себя от возмущения. Если он когда-нибудь действительно ненавидел и презирал Анджелу, так именно в эту минуту. Подумать только, что она оказалась способной на подобную подлость!

Подумать только, что она сумела еще туже стянуть ненавистные ему путы! Как это низко! Как пошло! Вот оно, настоящее лицо этой женщины, готовой дать жизнь ребенку, совершенно не считаясь с его будущим, только из желания удержать подле себя его отца. Проклятие! Да будет проклята жизнь со всей ее неразберихой и путаницей! Нет, она лжет. Ей не удастся таким путем привязать его к себе. Это низкая, подлая, отвратительная уловка! Он не желает больше знать ее. Он ее прочит. Он уйдет от нее. Он докажет ей, что такие приемы бесполезны. Мало он от нее натерпелся! Ни за что, ни за что не допустит он, чтобы она ему помешала. О, какие отвратительные, мерзкие плутни!

Их разговор еще не кончился, когда вернулась Сюзанна. Она смутно догадывалась, о чем идет речь, и не знала, что делать, что думать. Слишком многое свалилось на нее в этот вечер, и слишком все было сложно. Юджин так решительно заявил, что это ложь,— о чем бы они ни говорили,— что она наполовину верила ему. Во всяком случае эта сцена доказывала, как мало между ними любви. Анджела не плакала. Ее бледное, исхудавшее лицо казалось каменным.

— Я не могу больше оставаться здесь,— сказала Сюзанна, обращаясь к Юджину.— Я куда-нибудь уеду. Лучше я проведу ночь в гостинице. Вызовите мне, пожалуйста, машину.

— Выслушайте меня, Сюзанна,— с силою сказал Юджин.— Ведь вы меня любите, да?

— Вы знаете, что люблю,— ответила девушка.

Анджела сделала насмешливую гримасу.

— В таком случае вы останетесь здесь. Я прошу вас не обращать на нее ни малейшего внимания, что бы она ни говорила. Сейчас она унизилась до лжи, и я знаю, с какой целью. Не поддавайтесь обману. Идите к себе и ложитесь спать. Завтра мы поговорим. Вам незачем уезжать. В этом доме достаточно места. Это просто глупо. Раз вы здесь, здесь и оставайтесь.

— А может быть, мне лучше уехать? — взволнованно сказала Сюзанна.

Юджин успокаивающе взял ее за руку.

— Послушайте, Сюзанна...— начал он.

— Она и сама не хочет оставаться,— прервала его Анджела.

— Она останется,— возразил Юджин,— или она поедет со мной. Я отвезу Сюзанну.

— Ты этого не сделаешь! — воскликнула Анджела.

— Вот что, Анджела,— со злобой сказал Юджин.— Сейчас не то, что шесть лет назад. Я — хозяин положения. Сюзанна останется здесь. Я сказал: либо она останется здесь, либо поедет со мной. А там — пеняй на себя. Я люблю Сюзанну. Я ни за что не откажусь от нее, а если тебе хочется устроить скандал, сделай одолжение. Пострадаешь ты, а не я.

— Юджин, опомнись, что ты говоришь! — в ужасе воскликнула Анджела.

— Тс, что ты слышишь. А теперь ступай в спальню. Сюзанна пойдет к себе, а я к себе. На сегодня пора прекратить эту сцену. С тобой у меня все счета кончены. Довольно с меня. Если Сюзанна захочет этого, она будет моей.

Анджела, еле держась на ногах, прошла к себе в спальню. Она была ошеломлена случившимся, она была в ужасе от мыслей, теснившихся в голове, от сознания, что ей не удалось убедить Юджина и изгнать Сюзанну. В горле у нее пересохло, голова раскалывалась на части, сердце бешено стучало, казалось, грудь вот-вот разорвется. Она говорила себе, что Юджин сошел с ума, но вместе с тем только сейчас, впервые за всю свою замужнюю жизнь, она поняла, какую страшную делала ошибку, пытаясь оказывать на него давление. Вот и сегодня все это ни к чему не привело — ни ее ярость, ни властный резкий тон. Она потерпела полное поражение. Провалился и ее план — замечательный план, бита карта, на которую она возлагала столько надежд. Упоминание о ребенке, на которое она рассчитывала, как на верный ход, не помогло. Он ей не поверил. Он не допускал и мысли, что это возможно. Он и не подумал прийти в восторг. Наоборот, почувствовал к ней презрение и отнесся к этому, как к хитрости! О, зачем только она сказала ему! Но Сюзанна должна понять, она все узнает, она не может потворствовать этому. Что он теперь предпримет? Он себя не помнит от злобы. Нечего сказать, удачное она выбрала время, чтобы объявить о предстоящем появлении ребенка. Устремив в пространство лихорадочно горящий взгляд, она беспомощно зарыдала.

Когда Анджела ушла, Юджин еще некоторое время задержался в коридоре с Сюзанной. Его лицо осунулось, волосы были взъерошены, взгляд, как никогда раньше, говорил о суровой решимости.

— Сюзанна,— сказал он, взяв ее за руки и глядя ей в глаза,— она солгала мне, солгала подло, жестоко, с наглым расчетом. Она скоро и вам повторит свою ложь. Она говорит, будто ждет от меня ребенка. Этого не может быть! Ей нельзя иметь детей. Это убило бы ее. Она давно уже родила бы, если бы это от нее зависело. Я ее хорошо знаю. Она надеется запугать меня. Она рассчитывает, что вы от меня отшатнетесь. Возможно ли это, Сюзанна? Это ложь, слышите, Сюзанна, ложь, что бы она вам ни говорила! Ах! — Он отпустил ее руку и схватился за горло.— Я больше этого не вынесу. Ведь вы не оставите меня, Сюзанна, правда, не оставите?

Сюзанна смотрела на его измученное лицо, на его красивые выразительные глаза, полные отчаяния. Она читала в них всю его муку, все его горе, и ей стало больно за него. Он так достоин любви, так несчастлив, судьба незаслуженно преследует его. И все-таки ей было страшно. Но ведь она обещала его любить.

— Нет, не оставляю,— ответила она, не сводя с него доверчивого взгляда.

— Вы никуда не уедете сегодня?

— Нет.— Она погладила его по лицу.

— Утром мы уйдем вместе. Мне надо поговорить с вами.

— Хорошо.

— Не бойтесь ничего. Если вам страшно, запирайтесь на ключ. Она не посмеет вас беспокоить. Она ничего не сделает. Она боится меня. Возможно, она захочет говорить с вами, но я буду все время здесь, близко. Вы меня еще любите?

— Да.

— И вы согласитесь стать моей, если мне удастся все уладить?

— Да.

— Несмотря даже на то, что она сказала?

— Да. Я верю не ей, а вам. Впрочем, это и не важно. Ведь вы ее не любите?

— Нет. Не люблю,— сказал он.— Нет, нет и еще

раз нет! И никогда не любил! — Он устало, но с облегчением привлек ее к себе. — О моя радость, не покидайте меня! И не горюйте. Постарайтесь, во всяком случае. Она правду сказала, у меня на совести много грехов, но я люблю вас. Да, люблю и за вашу любовь отдам все на свете. Если мы поплатимся за это, — пусть. Я люблю вас!

Сюзанна продолжала нервно гладить его щеку. Она была бледна, как полотно, но, несмотря на испуг, в ней чувствовалась твердость. Ее поддерживала его любовь.

— Я люблю вас, — сказала она.

— Да? И вы не покинете меня?

— Нет, не покину, — ответила она, не сознавая в сущности глубины обуревавших ее чувств. — Я буду верна вам.

— Завтра все уладится, — сказал Юджин, начиная приходить в себя. — Мы немного успокоимся. Пойдем куда-нибудь и поговорим. Вы не вздумаете уйти без меня?

— Нет.

— Пожалуйста, не делайте этого. Потому что я люблю вас и нам нужно поговорить и о многом подумать.

ГЛАВА X

Ошеломляющее сообщение Анджелы было так неожиданно и так все запутывало, что Юджин, хоть и отказывался ей верить, почти убежденный в лживости ее слов, все же терзался мыслью, что она, возможно, говорит правду. Он чувствовал одно: это страшно нечестно с ее стороны, страшно жестоко. Он ни на минуту не допускал, чтобы ее беременность была делом случая, — и был недалек от истины в своем предположении, — усматривая в этом лишь ловкий маневр, подстроенный в самый критический для него момент, чтобы взорвать его планы на будущее и привязать к старой жизни как раз тогда, когда ему особенно хотелось освободиться. Ведь только сейчас перед ним забрезжил новый день! Впервые он встретил женщину, о которой мечтал всю жизнь, такую юную, прекрасную, умную, чуткую! С ней он мог изведать все радости бытия. Без нее его ждала беспрочно-унылая жизнь. И вот является Анджела со сво-

им сообщением о ребенке,— ребенке, который ей не нужен, который понадобился ей единственно для того, чтобы удержать своего пожизненного пленника против его воли,— и все идет прахом. Сейчас, как никогда, он ненавидел Анджелу за ее хитрость и расчетливый обман. Какое впечатление все это произведет на Сюзанну? Как убедить ее, что это шантаж? Она должна понять, она поймет. Он не допустит, чтобы эта нечестная выходка разлучила их. Юджин лег в постель, но только ворочался с боку на бок, не смыкая глаз. Надо что-то предпринять, надо как-то действовать. Он встал, накинул халат и направился к Анджеле.

Между тем эта несчастная снова переживала все муки ада, от которых не спасли ее ни решительный характер, ни умение бороться. После всех ее стараний, надежд и ее последней попытки внести в свою семейную жизнь покой и счастье, пусть даже ценой собственной жизни, ей пришлось пережить такую сцену. Юджин пытается вернуть себе свободу. Он пришел к твердому решению. Видно, так и будет, это ясно. Когда же началась эта скандальная связь? Неужели ее усилия удержать его ни к чему не приведут? Но Сюзанна сама уйдет от него, как только узнает и поймет все. Иначе быть не может — ведь она женщина.

У Анджелы болела голова, горели руки. Ей казалось, что ее душит кошмар. Она чувствовала страшную слабость, все тело ныло. Но нет, она не бредит. Она лежит одна, у себя в комнате. Какой-нибудь час назад она сидела в студии своего мужа, среди друзей, окруженная всеобщим вниманием,— Юджин тоже казался внимательным и предупредительным,— и слушала прекрасный концерт, устроенный для ее гостей. А теперь она — брошенная жена, навсегда лишенная любви и счастья, жертва какого-то злого рока, который отнял у нее сердце мужа, отдав его другой женщине. Видеть, как Сюзанна, во всем обаянии своей юности и красоты, стоит перед ней, смело смотрит ей в глаза и, держа за руку ее мужа, заявляет с какой-то жестокой, безумной или пошлой театральностью: «Ведь я люблю его, миссис Витла» — ужасно! О боже, боже, неужели никогда не кончатся ее муки? Неужели рушатся навсегда ее заветные мечты? Неужели Юджин бросит ее, как грозил сейчас с каким-то остервенением? Никогда еще она не

видела его таким,— таким решительным, холодным, грубым. Даже голос его звучал как-то гортанно, хрипло.

Дрожь охватила ее при этих мыслях, а потом захлестнула волна ярости, и ярость сменилась страхом. Ее положение ужасно. Эта девушка сейчас с ним, она молодая и красива, она не побоится бросить вызов всему миру. Анджела слышала, как Юджин окликнул ее, как они разговаривали. Ей пришло в голову, что, может быть, сейчас самый подходящий момент для того, чтобы убить его, Сюзанну, себя и новую жизнь, которую она в себе носит,— сразу положить конец всему. Но теперь, когда она только что перенесла такую болезнь, когда она стала старше и ждала ребенка, она совсем растерялась. Анджела пыталась утешить себя мыслью, что Юджин оставит эту затею, когда до его сознания дойдет то, что она ему сказала: просто время для этого еще не наступило. Но что, если он успеет совершить что-нибудь необдуманное и бесповоротное, скомпрометировать себя и Сюзанну? Судя по его словам и по словам девушки, этого еще не произошло. Но как он намерен поступить? Как он намерен поступить?

Лежа в постели, она напряженно думала о том, что Юджин может бросить ее немедленно. Может произойти страшнейший скандал. Всем станут известны сокровенные тайны их жизни. Будущность ребенка под угрозой. Юджин, Сюзанна и она сама будут опозорены, хотя о Сюзанне она меньше всего беспокоилась. И в конце концов Сюзанна, пожалуй, добьется своего. Она может оказаться достаточно черствой и безжалостной. И свет, возможно, оправдает Юджина. А сама она, вероятно, умрет. Какой конец — после всех ее мечтаний о счастье, о лучшей, более спокойной жизни! Как все это страшно, как мучительно! Вот он, ужас и мрак загубленной жизни!

В комнату вошел Юджин, бледный, хмурый, взволнованный, глаза его выражали грозную решимость. Он немного постоял в дверях, прислушиваясь, затем, повернув выключатель, зажег маленький ночник у изголовья Анджелы и сел в качалку, которую сиделка ставила себе у столика с лекарствами. Анджела за последнее время настолько оправилась, что не было уже необходимости дежурить подле нее ночью, и сиделка приходила только на день.

— Ну,— начал он торжественно, но холодно, увидев бледное, измученное лицо, еще хранившее прежнюю юную красоту,— и ты воображаешь, что тебе удался твой замечательный трюк, да? Ты думаешь, что поймала меня в западню? Я пришел сказать тебе, что ты глубоко ошибаешься,— это только начало конца. Ты уверяешь, что у тебя будет ребенок! Я этому не верю. Это ложь, и ты знаешь, что это ложь. Ты видела, что близится конец всей этой муке, и вот твой ответ. Так позволь тебе сказать, что тыхватила через край, ты пердернула в игре и просчиталась. Твоя карта бита. На этот раз выиграл я. И я буду свободным человеком. Запомни это! Я добьюсь свободы, хотя бы мне пришлось все перевернуть вверх дном. Роди хоть двадцать детей, мне это совершенно безразлично,— не говоря уже о том, что это ложь. Но если даже правда,— все равно это низкая хитрость. Довольно я терпел и твою властность, и твои плутни, и твои пошленькие претензии! Теперь с этим покончено. Слышишь? Покончено!

Он нервно провел рукой по лбу. Голова у него трещала, он чувствовал себя совсем больным. В какой ловушке он очутился, какой волчьей ямой оказался этот брак! Он связан цепями супружества с женой-тиранкой, а тут еще ребенок, зачатый по хитрому расчету! Его ребенок! Какой насмешкой звучало это теперь. Как это отвратительно, как пошло!

Анджела лежала с широко раскрытыми глазами, совершенно без сил, с лихорадочным румянцем на щеках. Не поднимая головы, она спросила усталым, равнодушным голосом:

— Чего же ты хочешь, Юджин? Чтобы я ушла от тебя?

— Вот что, Анджела,— угрюмо ответил он,— я сейчас еще и сам не знаю, чего хочу от тебя. Знаю только, что прежней жизни настал конец. Прошрое погребено навеки. Одиннадцать или двенадцать лет я прожил с тобой, каждую минуту сознавая, что эта жизнь — сплошная фальшь. Я никогда, в сущности, не любил тебя с тех пор, как мы поженились. И ты прекрасно это знаешь. Вначале, быть может, и было какое-то чувство, да, было,— и потом в Блэквуде, давно, давно. Мне не следовало жениться на тебе. Это было ошибкой. Но я это сделал и заплатил за свою ошибку. Я изо дня в

день платил за нее. Да и ты, положим, тоже. Ты все время твердила, что я должен любить тебя. Ты донимала меня, изводила, требовала того, чего я не мог дать тебе, как не мог бы летать. И сейчас, в последнюю минуту, ты вдруг решила сыграть на ребенке, чтобы удержать меня. И я знаю почему. Ты вообразила, будто какие-то высшие силы предназначили тебя быть моим стражем и наставником. Так позволь тебе сказать, что этого не будет! Кончено! И будь у нас целая куча детей, все равно было бы кончено. Сюзанна не поддастся такому дешевому обману, но если бы даже она и поверила тебе, она не оставит меня. Она знает, зачем ты это сделала. Кончилась для меня эта мучительная жизнь в вечном страхе. Я не обыкновенный человек и не намерен жить обыкновенной жизнью. Ты всегда стремилась удержать меня в рамках пошлых, мещанских условностей,—довольно! Сыт по горло. Я все брошу! И этот дом, и мою работу, и мой пай в строительной компании, все, все! Меня совершенно не трогает твое положение. Я люблю эту девушку, и она будет моей. Слышишь? Я люблю ее, и она будет моей. Она моя. Она создана для меня. Я люблю ее. И никакие силы в мире меня не удержат. Ты, может быть, думала, что этот фокус с ребенком меня остановит? Ну нет, ты не подденешь меня на удочку. Это хитрость, и я это знаю не хуже тебя. Ты просчиталась! Это могло иметь успех год или два назад. Сейчас из этого ничего не выйдет. Ты проиграла свой последний козырь. Эта девушка принадлежит мне, и я ее добьюсь.

Он снова устало провел рукой по лицу, на минуту умолк и слегка качнулся в качалке. Зубы его были стиснуты, в глазах блестел холодный огонь. Он сознавал, что, в сущности, положение его ужасно и что предстоит трудная борьба.

Анджела смотрела на него и не понимала, явь это или сон. Она знала, что Юджин очень изменился. За годы своего успеха он стал сильнее, настойчивее, увереннее в себе. Между ним и тем Юджином, который цеплялся за нее в свои черные дни в Билокси, было так же мало общего, как между младенцем и взрослым человеком. Он стал черствее, независимее, равнодушнее ко многому, но все же до сегодняшнего вечера в нем еще можно было обнаружить следы прежнего Юджина.

Что же вдруг случилось с ним? Откуда такая ярость, такое озлобление? Всею причиной эта глупая, взбалмошная эгоистка, эта девчонка, которая обольстила его своей красотой, благосклонно приняла его ухаживания, а возможно, и первая бросилась ему на шею. Она укра-ла его у нее, Анджелы, несмотря на то, что она и Юджин казались счастливыми супругами. Сюзанна не могла знать, что это не так. При этом своем настроении он действительно способен бросить ее, даже сейчас, несмотря на ее состояние. Все зависит от этой девушки. Если не удастся подействовать на нее, если не удастся как-нибудь оказать на нее давление, Юджин будет навсегда для нее потерян, и тогда — какая ее ждет трагедия! Нельзя допустить, чтобы он сейчас ушел от нее. Ведь через шесть месяцев... Анджела вздрогнула при мысли о том, к каким ужасным последствиям привел бы разрыв. Его работа в издательстве, их ребенок, положение в обществе, дом — все ставилось на карту. Боже мой! Она с ума сойдет, если он теперь бросит ее!

— Ах, Юджин,— сказала она очень грустно и без малейшего гнева в голосе, так как была слишком потрясена и истерзана и в ее душе не оставалось места для иного чувства, кроме страха.— Ах, Юджин, ты даже не представляешь себе, как ужасно ты ошибаешься! Да, я действительно сделала это с целью. Это верно. Давно, еще в Филадельфии, я вместе с миссис Санифор ходила к врачу, чтобы узнать, могут ли у меня быть дети. Ты помнишь, я всегда думала, что это невозможно. Но доктор сказал, что я могу быть матерью. Я пошла к нему, так как считала, что это будет лучше для тебя, что это заставит тебя остепениться. Я знала, что ты не хочешь ребенка. Я так и думала, что ты рассердишься, когда я тебе расскажу об этом, и долго не решалась. Мне и самой не хотелось иметь ребенка. Но я надеялась, что родится девочка, я знаю, как ты неравнодушен к маленьким девочкам. Теперь, после того, что произошло сегодня, мне все это кажется глупым. Я вижу, как я ошиблась. Да, я вижу, но злого умысла у меня не было, Юджин, правда, не было! Я хотела удержать тебя, привязать к себе, чтобы тебе же помочь. Неужели ты станешь винить меня за это? Ведь я как-никак твоя жена.

Юджин раздраженно пожал плечами, и Анджела умолкла, не зная, как продолжать. Она видела, что он страшно озлоблен, что у него тяжело на душе, и все же была возмущена его отношением. Так трудно было с этим примириться после полнейшей уверенности, что у нее на Юджина все права, и общественные и моральные,— права, которыми он не смеет пренебрегать. А теперь она лежит больная, измученная и молит о том, что естественно принадлежит ей и ее будущему ребенку.

— Да, Юджин,— продолжала она все с той же печалью в голосе и по-прежнему без малейшего признака гнева,— подумай, прошу тебя, подумай хорошенько, пока ты не совершил ничего непоправимого. Ты только воображаешь, будто любишь эту девушку, на самом деле это не так. Тебе кажется, что она прекрасна, и чиста, и мила, и ты готов все вокруг себя растоптать и уйти от меня. Но ты ее не любишь, ты скоро сам убедишься... Ты никого не любишь, Юджин, ты не способен любить. Ты слишком для этого эгоистичен. Если бы ты был способен на какую-то привязанность, частица ее досталась бы и мне,— разве я не старалась изо всех сил быть тебе хорошей женой? Но все оказалось напрасным. Я знала все эти годы, что ты меня не любишь. Я читала это в твоих глазах, Юджин. Ты никогда не был по-настоящему мне близок, как бывает любящий человек,— ты просто терпел меня. В душе ты всегда был холоден и равнодушен, и теперь, оглядываясь назад, я вижу, что и сама сделалась такой. Я тоже стала холодной и черствой. Я старалась закалить себя, чтобы быть такой жестокой, и теперь мне ясно, к чему это привело. Мне очень жаль. Что касается Сюзанны, то ты и ее не любишь и никогда не будешь любить. Она слишком молода для тебя. Ее взгляды не могут сходиться с твоими. Ты воображаешь, что она ласковая и нежная и вместе с тем умная, с большой душой. Но неужели ты думаешь, что, будь она такой, она способна была бы стоять передо мною, как стояла сегодня, смотреть в глаза мне — твоей жене! — и говорить, что она любит тебя — моего мужа? Неужели ты думаешь, что, будь у нее хоть капля стыда, она оставалась бы сейчас в этом доме, зная, как обстоит дело,— ты ведь, конечно, все ей рассказал? Что же это за девушка, хотела бы я знать? И ты называешь ее порядочной! Порядочной?! Но

разве порядочная девушка способна на что-либо подобное?

— Нельзя на таком основании судить о человеке, — возразил Юджин, который то и дело прерывал речь Анджелы возгласами протеста и едкими репликами. — При создавшемся положении все должно казаться некрасивым. У Сюзанны не было намерения объявлять тебе, что она меня любит. Она не за тем сюда приехала, чтобы целоваться со мною в твоём доме. Это я добивался её любви. Во всем виноват только я. Теперь она любит меня. Я не знал ничего о твоей тайне. Но если бы даже и знал, это ровно ничего не изменило бы. Вообще не стоит об этом говорить. Факт остается фактом. Я люблю Сюзанну, а все остальное не имеет никакого значения.

Полулежа на высоко взбитых подушках, Анджела глядела в стену; у нее не было больше ни сил, ни мужества для дальнейшей борьбы.

— Я понимаю, что с тобой происходит, Юджин, — сказала она после некоторой паузы. — Дело не во мне, — тебя тяготит ярмо, ярмо брака. Тебе не следовало жениться. То же самое повторилось бы и со всякой другой женщиной — как бы она тебя ни любила и сколько бы у нее ни было детей, ты все равно захотел бы освободиться и от нее и от них. Да, Юджин, тебя тяготит брак. Тебе нужна свобода, и ты не успокоишься, пока не добьешься ее. Появление ребенка ничего не изменило бы. Теперь я это понимаю.

— Да, мне нужна свобода! — подтвердил он запальчиво и раздраженно. — И я ее добьюсь. Какое мне дело до чего бы то ни было! Мне опротивело лгать и притворяться. Мне опротивели твои пошленькие взгляды на жизнь, твои представления о том, что хорошо и что плохо. Вот уже одиннадцать или двенадцать лет, как я терплю это. Я как арестант сидел с тобой каждое утро за завтраком и каждый вечер за обедом. Я выслушивал твои рассуждения насчет жизни и возмущался каждым твоим словом и презирал твои теории. Я шел на все, чтобы не оскорблять твоих чувств. Но теперь с этим кончено. Что я получил взамен? Ты шпионила за мной, ты мешала мне на каждом шагу. Ты обыскивала мои карманы в поисках каких-то писем. Ты пилила меня, если я осмеливался хотя бы раз вернуться вечером

домой и не отдать тебе отчета в том, где я был. Отчего ты не ушла от меня тогда, после истории в Ривервуде? Почему ты цепляешься за меня, зная, что я не люблю тебя? Точно я арестант, а ты мой тюремщик. Боже мой, мне тошно делается, когда я подумаю об этом. Впрочем, не о чем больше говорить. С этим все кончено. Кончено бесповоротно, я разделался с этой жизнью раз и навсегда. Теперь я заживу так, как мне хочется, и буду заниматься тем, что мне нравится. Я буду жить с человеком, который мне дорог. Вот и все. А ты можешь делать все, что тебе угодно.

Он был похож на молодого коня, закусившего удила и вообразившего, что, если он будет рваться и становиться на дыбы, он навсегда вернет себе свободу,— на коня, которому видятся зеленые поля и просторные пастбища. Он чувствовал себя свободным, несмотря даже на то, что сообщила ему Анджела. Эта ночь вернула ему свободу, и он будет свободным! Сюзанна не откажется от него, он был уверен. Он должен раз навсегда внушить Анджеле, что к прошлому нет возврата, как бы все ни сложилось.

— Да, Юджин,— грустно ответила она, выслушав его горячие речи.— Я тоже думаю, что тебе нужна свобода. Теперь я это вижу. Я начинаю понимать, как много она для тебя значит. Но я совершила ужасную ошибку. Обо мне ты совсем не хочешь подумать. Что же мне делать? Я говорю правду — если я не умру, у меня будет ребенок. Но, вероятно, я умру. Я боюсь этого, вернее, боялась раньше. Теперь мне все равно. Теперь мне незачем жить, может быть, только ради ребенка. Разве я знала, что у меня окажется ревматизм? Разве я знала, что это отразится на моем сердце? Разве я могла думать, что ты так поступишь? Теперь мне все безразлично. О! — с глубокой печалью воскликнула она, и горячие слезы хлынули у нее из глаз.— Какая это была ошибка! Зачем только я это сделала?

Юджин сидел, упорно не поднимая головы. Слезы Анджелы нисколько не тронули его. Он не верил, что она умрет,— и надеяться нечего! Он думал лишь о том, что положение страшно осложнилось,— или что она разыгрывает комедию,— но это ни в коем случае не должно быть для него препятствием. Зачем она пыталась обмануть его? Анджела во всем виновата. Теперь она

плачет, но это все то же лицемерие, к которому она прибегала и раньше. Он вовсе не собирается бросить ее на произвол судьбы. Средств к жизни у нее будет достаточно. Но он не намерен больше жить с нею,— если это удастся устроить, или в крайнем случае — только для виду. Все свое время он будет отдавать Сюзанне.

— Мне дела нет до того, какой ценой тебе придется за это расплачиваться,— заговорил он наконец.— Я больше не хочу с тобой жить. Я не просил тебя производить на свет ребенка. Я тут ни при чем. Материальна ты будешь обеспечена, но жить с тобой я не стану.

Он снова нервно задвигался в качалке. На лице Анджели горел болезненный румянец. Черствость этого человека на минуту вызвала в ней ярость. Она, конечно, не думала, что ей грозит голод, но их дом, общественное положение, комфорт — на всем этом придется поставить крест.

— Да, да, я понимаю,— жалобно сказала она, стараясь взять себя в руки.— Но надо считаться не только со мной. Подумал ли ты о миссис Дэйл, о том, что она скажет и сделает? Напрасно ты надеешься, что она отдаст тебе Сюзанну и не попытается помешать вам. Она умная женщина. Сюзанну она любит, как бы своею нравна та ни была. К тебе она хорошо относится, но неужели ты воображаешь, что она не изменит своего отношения, когда узнает, что ты сделал с ее дочерью? И как ты, кстати, собираешься поступить? Ты не можешь жениться на ней раньше чем через год, даже если бы я и согласилась развестись с тобой. Ты ведь знаешь, что эта процедура длится не меньше года.

— Я буду жить с Сюзанной — вот как я намерен поступить,— твердо заявил Юджин.— Она любит меня и согласна принять меня таким, какой я есть. Она не нуждается в брачных церемониях, в обетах, кольцах и прочем. Она презирает все это. Пока я люблю ее, она будет моей. А если я ее разлюблю, она сама не захочет оставаться со мной. Тебе это дико слышать, не правда ли,— с горькой иронией добавил он.— В Блэквуде так не рассуждают!

Анджела вспыхнула. Его насмешки были невыносимо жестоки.

— Это она только говорит так, Юджин,— тихо про-

изнесла Анджела,— просто она еще не опомнилась. Сейчас она вторит тебе. Ты приворожил ее. Но впоследствии, когда она придет в себя, если в ней есть хоть капля рассудка, хоть капля гордости... А впрочем, к чему я говорю все это? Ты все равно не слушаешь. Ты не хочешь над этим задуматься. Но скажи, пожалуйста,— добавила она,— как ты предполагаешь уладить дело с миссис Дэйл? Неужели ты надеешься, что она сдастся без борьбы, даже если я не стану бороться? Не спеши и подумай хорошенько. То, что ты собираешься сделать, ужасно.

— Подумай! Подумай! — с горечью и бешенством воскликнул Юджин.— Как будто я мало думал все эти годы! Какого черта еще думать! Я только и делал, что думал. Я столько думал, что у меня вся душа изныла. Я столько думал, что рад бы разучиться думать. И насчет миссис Дэйл я тоже думал, можешь не сомневаться. С ней я потом сговорюсь. Сейчас я хочу только, чтобы ты раз навсегда поняла, какие у меня намерения. Сюзанна будет моей, и тебе не остановить меня.

— Ах, Юджин,— вздохнула Анджела,— если бы кто-нибудь мог открыть тебе глаза! Отчасти вина, конечно, моя. Я бывала строга с тобой, подозрительна, ревнива, но разве ты не давал мне поводов? Я вижу теперь, что поступала неправильно. Я была слишком черствой, слишком подозрительной. Но если бы ты дал мне хоть малейшую возможность, я исправилась бы (она уже не думала о смерти), честное слово, я исправилась бы. Ты рискуешь потерять очень многое. Стоит ли идти на это? Тебе известно, как у нас смотрят на такие вещи. Что, по-твоему, скажет общество, если тебе даже удастся получить свободу? Ведь ты не можешь отказаться от своего ребенка. Повремени, посмотрим, чем это кончится. Может быть, я умру. Мало ли бывает таких случаев. Тогда ты будешь свободен и поступишь, как тебе угодно. Ведь ждать осталось недолго.

Это был благовидный предлог, чтобы удержать его. Но он понял ее хитрость.

— Дудки! — крикнул он, в раздражении прибегая к одному из жаргонных словечек, которые недавно стали входить в моду.— Я все прекрасно понимаю и вижу, куда ты гнешь. Во-первых, я не верю, что ты беременна. Во-вторых, ты вовсе не умрешь. И я не намерен ждать,

пока стану свободным... Я тебя знаю и не верю тебе. То, что я собираюсь делать, на тебе не отразится. Нуждаться ты не будешь. И никому не надо этого знать, если только сама ты не поднимешь шума. Мы с Сюзанной сумеем договориться. Я прекрасно понимаю, о чем ты хлопчешь, но тебе не удастся мне помешать. А если ты пойдешь на это, я все брошу — и квартиру, и службу, и тебя...

Он в исступлении сжал кулаки. У Анджелы руки были от нервных спазм. Глаза жгло, сердце бешено колотилось. Этот угрюмый человек, такой властный, упрямый, такой неистовый, казался ей чужим. Неужели это тот самый Юджин, который всегда так считался с нею? Ведь он буквально на цыпочках ходил. Правда, случилось ему и вспылить, но потом он сам, бывало, пожалеет и попросит прощения. Она хвасталась перед некоторыми приятельницами, и особенно перед Мариеттой, — хотя хвастовство это было шутливое, безобидное, — что может обвести Юджина вокруг пальца. Он был такой покладистый и тихий. А сейчас перед нею мятежный демон, одержимый кощунственным желанием, готовый сокрушить и свою, и ее жизнь, и, пожалуй, жизнь Сюзанны. Впрочем, до Сюзанны и до миссис Дэйл ей было мало дела. Ее страшила мысль о собственной загубленной жизни и о жизни Юджина, над которой нависла такая угроза.

— А ты подумал, что сделает мистер Колфакс, когда узнает? — спросила она, в отчаянии хватаясь за этот довод и надеясь запугать его.

— Наплевать мне на то, что сделает мистер Колфакс. Наплевать мне на всех на свете. Я люблю Сюзанну Дэйл! Она любит меня! Я ей нужен! Вот и все! А теперь я пойду к ней. Попробуй только остановить меня!

Сюзанна Дэйл! Сюзанна Дэйл! Какую ярость, какой страх вызывало в Анджеле это имя! Никогда еще не понимала она так ясно, какая сила таится в красоте. Сюзанна Дэйл была молода и красива. Еще сегодня вечером Анджела смотрела на нее и думала, как она очаровательна, какое прелестное у нее личико, — и вот, оказывается, Юджин подпал под ее чары и погубил себя. О, какая страшная вещь красота! И эта так называемая светская жизнь! Зачем только она устраивала приемы?

Зачем подружилась с семейством Дэйл? Но, с другой стороны, мало ли девушек среди их знакомых, ничем не уступающих Сюзанне,— Марджори Мак-Ленан, например, или Флоренс Рил, Генриетта Тэнмен, Аннета Кин. Любая из них могла оказаться на месте Сюзанны. Что же, надо было совсем устранить молодых девушек из жизни Юджина? Нет, все дело в нем самом. Все дело в его отношении к жизни, в той власти, какую имеет над ним красота, особенно женская. Теперь ей все ясно. Он просто слабовольный человек. Красота всегда кружила ему голову, Анджела знала это и по собственному опыту,— как он восхищался когда-то ее телом!

«Боже,— беззвучно шептала она,— научи меня, что делать! Я недостойна твоей помощи, но все же помоги мне. Помоги мне спасти его. Помоги мне самой спастись!»

— Ах, Юджин! — произнесла она вслух, уже ни на что не надеясь.— Не спеши, подумай. Позволь Сюзанне уйти утром домой, а сам успокойся, образумься. Меньше всего я думаю о себе. Я могу простить и забыть. Обещаю тебе никогда об этом не вспоминать. Если будет ребенок, я сделаю все, чтобы он тебе не мешал. И вообще постараюсь, чтобы его не было. Может быть, время еще не упущено. Я буду теперь совсем другая. О! — И она разразилась слезами.

— Нет, черт возьми! — воскликнул он, вставая.— Нет, нет и нет! Хватит! Кончено! Довольно с меня этих притворных слез и истерик! Сейчас слезы, а через минуту ярость, и ненависть, и бесконечные увертки. Нет уж! Хватит тебе быть моим хозяином, тюремщиком! Теперь мой черед! Попробую теперь я быть тюремщиком, попробую я для разнообразия покомандовать! Сейчас я на коне и постараюсь удержаться в этой позиции. Можешь плакать, сколько тебе угодно, можешь делать с ребенком все, что хочешь. Кончено! Я устал и иду спать. Но помни: все остается так, как я сказал. Кончено! И больше нам не о чем говорить!

Он быстрыми шагами вышел из комнаты, озлобленный и взбешенный, но, войдя к себе в спальню, расположенную по другую сторону студии, опустился в кресло, чувствуя, что не в силах уснуть. Его мозг был взбужден мыслями о Сюзанне, сознанием, что вся его прежняя жизнь так быстро, так бесповоротно разлете-

лась вздремнуть. Теперь, если он сумеет поставить на своем — а это безусловно так и будет, — он завладеет Сюзанной. Если иначе нельзя, она согласится жить с ним тайно. У них будет студия, вторая квартира. Анджела, вероятно, не даст ему развода, особенно если то, что она сказала, — правда. Да он и не будет настаивать. Из разговора с ней он вынес впечатление, что она боится его и не станет поднимать скандала. Да и что, в сущности, может она сделать? Он действительно хозяин положения. Сюзанна принадлежит ему. Он обеспечит Анджелу и будет счастлив с Сюзанной.

Сюзанна! Сюзанна! Как она прекрасна! Как благородно, как смело держала она себя сегодня! Как это было восхитительно, когда она взяла его за руку и сказала: «Ведь я люблю его, миссис Витла!» Да, она любит его. Несомненно. Она молода, очаровательна, в ней зреют прекрасные чувства. Со временем она превратится в обаятельную женщину. И она так молода! Как обидно, что он еще не свободен. Ну что ж, подождем! Время все уладит, а пока Сюзанна будет принадлежать ему. Он поговорит с ней, он ей все объяснит. Бедная маленькая Сюзанна! Она там, в своей комнате, думает о том, что ждет ее, а он не может даже пойти ее утешить. Он чувствовал, что это неудобно, а кроме того, Анджела могла поднять шум. Но завтра! Завтра они пойдут вместе гулять, он поговорит с ней, они составят план действий, завтра он сообщит ей свои намерения и услышит, что она ему скажет.

ГЛАВА XI

Ночь прошла без новых тревожений, но уже и то, что произошло, казалось Юджину самым невероятным, самым крупным событием всей его жизни. До той минуты, как Анджела вошла в студию, он, в сущности, не ожидал, что дело примет такой трагический оборот, да, по правде говоря, он и вообще-то мало думал о том, что будет. В последнее время, когда, лежа по ночам, он предавался своим путаным грезам, ему нередко приходило в голову, что в конце концов надо будет расстаться с Сюзанной, хотя как, когда и почему, он сам бы не мог сказать. Он в буквальном смысле слова был

без ума от нее, и разлука с ней казалась ему невыносимой. Бывали и другие минуты, когда ему представлялось, что некие неведомые силы заранее сговорились увенчать его жизненный путь, даровав ему полное счастье. Он всегда считал, что жизнью его управляет таинственный рок. И что его талант — дар природы, что на него возложена миссия произвести переворот в американском искусстве или по меньшей мере двинуть его вперед и что природа обычно посылает для таких целей своих избранников, осыпая их милостями. И тут же ему, наоборот, начинало казаться, что он забава, игрушка каких-то злокозненных сил вроде тех, что толкали Макбета к его роковому концу, и что он обречен на гибель в назидание другим людям. Это, он успел заметить, именно так и бывает. Фортуна — обманщица. Она часто ставит на пути человека пагубные соблазны. Он знал людей, которые погибли ни за что. Неужели и его ждет та же участь?

Да, судя по неожиданному и ошеломляющему сообщению Анджелы, этого можно было ожидать. Но ему не хотелось верить. Судьба не без цели столкнула его с Сюзанной. Избранник неба, он влачил жалкое существование, и Сюзанна была послана ему в награду за его мытарства. Сейчас она вошла в его жизнь, — можно сказать, стремительно брошена ему в объятия, чтобы он возможно скорее насладился ею. Какою глупостью было привести ее к себе домой и тут расточать ей ласки, чтобы быть застигнутым на месте преступления! Но, в сущности, разве и в этом не виден перст судьбы? Несомненно, так было суждено. И стыд, который он испытал, стыд, который испытали Анджела и Сюзанна, мучительные минуты и часы, пережитые каждым из них, — все это были жертвы, неизбежные при всякой большой ломке. Очевидно, этим и должно было все кончиться. Уж лучше так, чем продолжать прежнюю жизнь. Право же, он достоин чего-то иного, — думал он, — большого личного счастья. Надо как-то уладить дело с Анджелой — либо уйти от нее, либо устроить так, чтобы постоянно и без помехи наслаждаться обществом Сюзанны. Никто не может им это запретить. Он ни за что от нее не откажется. Пусть Анджела родит ребенка. Что ж, он обеспечит его материально, вот и все. Ему вспомнились слова Сюзанны, что она гото-

ва уйти из дома по первому его зову. Время для этого пришло. Надо подумать об отдельной студии, но придется держать это в секрете. Анджела им не страшна. Она бессильна что-либо сделать. Только бы события этой ночи не слишком испугали Сюзанну, не заставили ее передумать. Он никогда не говорил ей, как он предполагает освободиться от Анджелы. Сюзанна знает только то, что слышала этой ночью. Она, конечно, решила, что ничто не должно мешать их любви — они поселятся вместе, не считаясь с тем, как отнесется к этому свет, не считаясь с мнением ее матери, пренебрегая ее братом, и сестрами, и Анджелой, и будут счастливы. Он никогда не пытался рассеять ее иллюзии — он и сам весьма смутно представлял себе, что будет. Он стремился вперед без ясной цели, желая только сближения с нею — духовного и физического. Но теперь он должен действовать, не то он ее потеряет. Он должен убедить Сюзанну, невзирая на все, что сказала Анджела, или же расстаться с ней. Конечно, она не захочет расстаться с ним ни при каких условиях. Надо поговорить с ней, объяснить, заставить ее понять, что все это только хитрый маневр.

Анджела тоже не спала; она лежала с открытыми глазами, устремив в пространство взгляд, полный отчаяния. Когда наступило утро, ни один из участников этой драмы так ни до чего и не додумался, но каждый из них понял, как ужасна надвигающаяся трагедия. Сюзанна пыталась в ней разобраться, но она всем своим юным существом тянулась к Юджину, а потому могла рассуждать лишь с этой точки зрения. Она его любит, должна любить, раз он готов ради нее на любые жертвы. Но в то же время она была в крайнем замешательстве, ее мысли были настолько туманны, что Юджин пришел бы в ужас, если бы мог в эту минуту их прочесть. Она была в том состоянии, когда человек, впервые познав красоту жизни и любви, верит, свято верит, что будущее принесет ему радость — много радости и ничего кроме радости. Она не сознавала, как тяжело положение Юджина. Ей были непонятны страдания человека, которому не дано было насладиться высшим блаженством любви и который всегда безрассудно тянулся к тому, что может дать богатство, но все его усилия оставались тщетны. В ужасе от мысли, что бо-

кал с волшебным напитком будет вырван у него из рук после первого же глотка, Юджин лежал во мраке своей комнаты, охваченный нервной дрожью,— в ушах у него звенело, сердце колотилось; он жадно простирали руки к той блестящей жизни, которая так манила его. Сюзанна же, чья жизнь была полной чашей, находилась в состоянии полузабытья, словно в каком-то сонном царстве радости и счастья, где к ее услугам были все наслаждения и оставалось только выбирать. Даже в самые критические минуты ей ничто не грозило. Взять хотя бы сегодняшнюю бурю,— она уже почти отшумела благодаря стараниям Юджина и, вероятно, пронесется, не оставив и следа. Нужно только дать событиям идти своим чередом, и все уладится. Она всегда была уверена, что с ней не может случиться ничего дурного. Вот и сейчас Юджин у себя в доме ухаживает за нею и оберегает ее!

Вот почему Сюзанна не особенно горевала ни о Юджине, ни об Анджеле, ни о себе. Она была не способна на это. Бывают такие натуры. Она считала, что Юджин в состоянии взять на себя материальную заботу и о ней и об Анджеле. Ее мысли уносились далеко вперед — к тому дню, когда этот злополучный брак будет расторгнут и Юджин станет счастлив, да и Анджела тоже. Ей так хотелось, чтобы Юджин был счастлив, и именно благодаря ей, поскольку счастье Юджина зависело, по-видимому, от нее. В отличие от Юджина она, однако, допускала, что могла бы прожить и без него, если бы так пришлось. Она, конечно, не хотела этого, она чувствовала, что для нее было бы величайшим счастьем вознаградить Юджина за все его прошлые муки и страдания. Но если, скажем, они должны будут на время расстаться, то и в этом нет ничего страшного. Ведь потом они опять соединятся. Ну, а если нет?.. Но этого быть не может! Не стоит даже думать об этом. Не странно ли, однако, что ее красота, только ее внешнее обаяние, которому сама она придавала так мало значения, внушили ему такую безумную любовь. Сюзанна, конечно, и не догадывалась о той чисто физической боли, которая терзала Юджина, но одно было для нее очевидно — он без ума от нее. Об этом говорило его лицо и его пылающие черные глаза,

устремленные на нее с выражением безграничного восторга и страдания. Неужели она действительно так красива? Конечно, нет. И все же Юджин так стремится к ней. Как странно!

Едва рассвело, Сюзанна встала и начала тихо одеваться. Она решила выйти погулять, а Юджину оставить записку, где ее найти. В городе ей предстояло в этот день только одно дело. Потом она вернется домой, и все постепенно наладится. Раз Юджин заставил Анджелу отказаться от своего решения открыть их тайну миссис Дэйл, все будет хорошо. Они с Юджином встретятся, а потом она оставит свой дом, а он свой, и они уедут куда-нибудь, куда бы Юджин ни пожелал. Но, разумеется, Сюзанна предпочла бы убедить мать, чтобы та стала на ее точку зрения и помогла им. Она предпочла бы это из тех соображений, чтобы Анджела и Юджин не потеряли своего положения в обществе. Благодаря своей молодости и отвлеченным, поэтическим представлениям о жизни Сюзанна считала, что ей удастся одержать верх над матерью и они с Юджином смогут мирно жить где-нибудь вдвоем. Ее друзьям можно будет и не сообщать об этом — а можно и сказать, во всяком случае, некоторым, — и они, наверно, отнесутся сочувственно, ведь все это так красиво и вполне естественно!

Услышав шаги в комнате Сюзанны, Юджин вскочил, подошел к ее двери и постучал. Когда она открыла ему, одетая для улицы, у него больно сжалось сердце при мысли, что она хотела ускользнуть тайком, даже не повидавшись с ним, — так мало в сущности знают они друг друга. Но едва он увидел ее — чуть холодную, притихшую или отрезвленную непривычными думами и сознанием необычности своего положения, — она показалась ему прекраснее, чем когда-либо.

— Вы собирались уходить? — спросил он, когда она подняла на него вопрошающий взгляд.

— Я хотела пройтись.

— Без меня?

— Я надеялась повидаться с вами перед уходом, в крайнем случае оставила бы вам записку, чтобы сказать, где мы встретимся.

— Вы подождете меня? — спросил Юджин. У него было чувство, что он не должен ни на минуту отпу-

скать ее, иначе всему — конец. — Только одну минуту. Мне надо переодеться.

Он прижал ее к себе.

— Хорошо, — тихо ответила она.

— Вы не уйдете без меня?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— О, как я вас люблю! — воскликнул он вместо ответа и, слегка запрокинув ее голову, жадно посмотрел ей в глаза.

Она нежно сжала ладонями его усталое лицо и ответила ему долгим взглядом. Это была ее первая любовь, и она настолько владела всем ее существом, что Сюзанна ничего не видела, кроме Юджина. Он был так прекрасен, он так изголодался по любви! Теперь ее несколько не смущало, что она находится в доме его жены и что к их любви примешалось так много тяжелого и неприятного. Она любила его. Она всю ночь, не сомкнув глаз, думала о нем. При ее молодости ей было еще трудно все себе уяснить, но она чувствовала, что жизнь его сложилась очень тяжело, что подруга жизни попала к нему крайне неудачная и что он нуждается в ней, Сюзанне. Он так красив, так изыскан, так талантлив! Раз он больше не любит Анджелу, как она может цепляться за него! Конечно, ей будет без него тоскливо. Но неужели же этого достаточно, чтобы удерживать его подле себя? Будь она сама на месте Анджелы, она бы так не поступила. И что меняется от того, что Анджела ждет ребенка? Ведь Юджин не любит ее.

— Обо мне не тревожьтесь, — сказала она, чтобы успокоить Юджина. — Я вас люблю. Как вы можете в этом сомневаться? Мне нужно поговорить с вами. Как миссис Витла?

Она думала о том, что предпримет его жена — станет ли звонить ее матери, начнется ли борьба за Юджина сейчас же.

— Все то же, — устало ответил он. — У меня было с ней крупное объяснение. Я сказал ей о своих дальнейших намерениях, но мы после обо всем поговорим.

Он ушел переодеться, а потом зашел к Анджеле.

— Я иду погулять с Сюзанной, — сказал он тоном, не терпящим возражения.

— Хорошо, — сказала Анджела, от слабости она была близка к обмороку. — Придешь к обеду?

— Не знаю,— ответил он.— Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Только то, что, если ты не придешь, я отпущу кухарку и горничную. Мне самой ничего не нужно.

— Когда придет сиделка?

— В семь часов.

— Ну что ж, вели приготовить обед, если хочешь,— сказал он.— Я постараюсь вернуться к четырем часам.

Он вошел в студию, где его ждала Сюзанна. Несмотря на бледность и тени под глазами, вид у нее был бодрый и уверенный. Он снова залюбовался тем спокойствием и силою, которые чувствовались в каждом движении ее молодого тела и всегда так восхищали его. Какая изумительная девушка! Сколько в ней выдержки и цепкости, несмотря на то, что жизнь так баловала ее. Когда ночью, накануне, она заявила, что намерена поехать в гостиницу и не вернется домой, пока ей не удастся устроить свою судьбу, Юджин был поражен. Не будь Сюзанна исключительным человеком, разве пришло бы ей в голову, что она должна стать независимой, приискать себе работу? Ведь он не раз слышал от миссис Дэйл, что Сюзанну ждет наследство, оставленное отцом. Вот и сейчас она смотрит на него с таким спокойствием и уверенностью.

Он не стал вызывать такси, а повел ее на набережную, и они пошли вдоль парапета по направлению к могиле Гранта. У него мелькнула мысль поехать в Клермонтскую гостиницу и там позавтракать, а потом нанять где-нибудь машину. Но кто-нибудь мог узнать Сюзанну да и его тоже.

— Куда мы с вами пойдем, дорогая? — спросил он, когда свежий ветерок пахнул им в лицо.

Утро было восхитительное.

— Мне все равно,— ответила Сюзанна.— Я обещала зайти сегодня к Элмердингам, но не условилась, когда именно. Это можно сделать и во второй половине дня. Как вы думаете, миссис Витла будет звонить мамá?

— Вряд ли. Я даже уверен, что не будет.— Он вспомнил свой последний разговор с Анджелой, она сказала, что ничего не станет предпринимать.— А не может случиться, что ваша матушка будет вам звонить?

— Едва ли! Мамá обычно не беспокоится, если знает, где я. А если она позвонит Элмердингам, ей

скажут, что я еще не приходила. Вы думаете, что миссис Витла может все рассказать мамá, если та позволит?

— Нет,— сказал он.— Я убежден, что она этого не сделает. Анджеле нужно время, чтобы подумать. Она не станет ничего предпринимать, она так и сказала мне ночью. Она будет выжидать, посмотрит, что я буду делать. Все зависит от того, как мы с вами разыграем свои карты.

Они продолжали путь, взявшись за руки и любуясь рекой. Было всего без четверти семь, и набережная была почти безлюдна.

— Если она расскажет мамá, выйдет очень нехорошо,— задумчиво произнесла Сюзанна.— Вы действительно считаете, что она этого не сделает?

— Убежден. Ни минуты не сомневаюсь. Она не решится ничего предпринять. Это слишком опасно. Она, вероятно, надеется, что я одумаюсь. О, как ужасно я жил до сих пор! Теперь, когда я узнал вас, все это кажется мне дурным сном. Вы так мало похожи на других женщин, вы так великодушны! В вас нет ни капли эгоизма! Подумать только, что я все эти годы подчинялся ей, даже в самых пустяках! А тут еще эта последняя хитрость!

Он грустно покачал головой. Сюзанна смотрела на его усталое лицо. Сама она была свежа, как росистое утро.

— О, если бы мне с самого начала встретилась такая девушка, как вы! — добавил он.

— Послушайте, Юджин,— сказала Сюзанна.— Мне страшно жаль миссис Витла. Нам не следовало вчера так вести себя. Это все вы виноваты. Вы никогда меня не слушаетесь. Вы такой упрямец. Я вовсе не хочу, чтобы вы ради меня покинули миссис Витла,— не делайте этого. Мне это не нужно. Я не хочу выходить за вас замуж. Во всяком случае не сейчас. Я скорей готова так стать вашей. Но нужно время, чтобы все подготовить и действовать с умом. Если мамá сегодня же узнает, разразится ужасный скандал. Просто должно пройти какое-то время, и тогда мы, возможно, с ней договоримся. Мне нет дела до того, что вам сказала вчера миссис Витла. Вам не нужно оставлять ее. Как-нибудь все утрясется. Вся трудность в мамá, вы понимаете?

Сюзанна шла, слегка размахивая рукой, которую он держал в своей, и пожимая его пальцы. Вопрос о матери серьезно тревожил ее, и она высказывала свои опасения вслух.

— Видите ли, Юджин,— продолжала она,— мамá никак нельзя назвать ограниченным человеком. Брак она не считает святыней, разве только идеальный брак. Положение миссис Витла ничего не меняет. Конечно, было бы лучше, если б ребенок уже родился. Я думала об этом. Мама, наверное, разрешила бы нам как-нибудь устроить нашу жизнь, если ее убедить, что я буду счастлива и что это не вызовет скандала. Но мне необходимо время, чтобы поговорить с нею. Сразу ничего не выйдет.

Юджин слушал ее с изумлением, как и всегда, когда Сюзанна делилась с ним своими мыслями. По-видимому, она уже давно задумывалась над всеми этими вопросами. Ей не очень-то легко было излагать свои взгляды. Она то и дело останавливалась в поисках нужных слов, но, найдя их, говорила странные вещи. Вот только права ли она?

— Сюзанна, вы удивляете меня! Как много, оказывается, вы уже передумали! Но понимаете ли вы, что говорите? Хорошо ли вообще вы знаете свою мать?

— Мамá? Да, я думаю, что знаю ее. Видите ли, она совсем не мещанка. Она очень начитанна и даже несколько экзальтирована. Она часто говорит о том, что чувство нельзя неволить, правда, я не всему придаю значение. И все-таки мне кажется, она многим отличается от большинства женщин — это исключительная натура. Во мне она любит не столько свою дочь, сколько человека вообще. И она очень беспокоится за меня, а мне кажется, что я сильнее ее и в иных случаях могу на нее повлиять. Она часто ищет во мне поддержки, а меня не может заставить что-нибудь сделать, если я не хочу. Я думаю, что уговорю ее, это уже не раз бывало и удастся мне и теперь, если я буду действовать не спеша. Понадобится немало времени, чтобы убедить ее стать на мою точку зрения.

— А сколько? — задумчиво спросил Юджин.

— Ну, не знаю. Месяца три, а может быть, и полгода. Сейчас трудно сказать. Но я попытаюсь.

— А если вам не удастся?

— Ну что ж... Тогда я пойду против ее воли, только и всего. Я же говорю, что не уверена, но думаю, что мне удастся переубедить ее.

— А если нет?

— Я убеждена, что удастся.— И Сюзанна весело потрянула головкой.

— И вы будете моей?

— И я буду вашей.

Они проходили под деревьями близ Сотой улицы. Никого вблизи не было, за исключением какого-то одинокого пешехода впереди. Юджин обнял Сюзанну и поцеловал в губы.

— О божество мое! — воскликнул он.— Моя прекрасная Елена! Цирцея!

— Не надо,— ответила она, и глаза ее весело заблестели.— Не надо здесь. Подождите, пока мы сядем в машину.

— Поедем завтракать в Клермонт?

— Мне не хочется есть.

— Ну все равно, мы можем прокатиться.

Они разыскали гараж и скоро уже мчались по направлению к северу. Чудесный утренний ветерок освежал их, умеряя лихорадку их чувств. Они то задумывались, то были неестественно веселы. Юджином владели то радость, то страх, а Сюзанна подбадривала его. Она была спокойнее его, увереннее, смелее. Она говорила с ним как сильная, разумная мать.

— Сюзанна,— сказал он,— временами я не знаю, что и думать. Мою жену я ни в чем обвинить не могу,— я могу только сказать, что не люблю ее. Я был так несчастлив. Как вы смотрите на такие вещи, Сюзанна? Вы слышали, что она говорила про меня?

— Да, слышала.

— Все это объясняется только одним. Я не люблю ее. И никогда в сущности не любил. Как вы смотрите на брак, в котором нет любви? В том, что она говорила, есть доля правды. Я любил других женщин, но потому, что тосковал по родственной натуре. Это случалось и после моей женитьбы. Я не могу сказать, что любил Карлотту Уилсон, но она мне нравилась. У нее было в некоторых отношениях много общего со мной. Была еще одна девушка, похожая на вас, только не такая умница. Но с тех пор прошло много лет. О Сюзанна,

я могу вам сказать, почему это происходит! Я люблю молодость. Я люблю красоту. Я жажду общения с человеком, который был бы мне близок по духу. Такого человека я нашел в вас, Сюзанна, и вот, смотрите, что из этого вышло! Вам не кажется, что это очень дурно с моей стороны? Но я ведь так несчастлив! Скажите мне, что вы думаете?

— Что мне сказать? — ответила Сюзанна. — Я нахожу, что если сделана ошибка, то ее нужно исправить.

— Объясните мне, что это значит?

— Ну вот. Вы говорите, что не любите ее. Вам с ней тяжело. Следовательно, ничего хорошего ни для вас, ни для нее нет в том, что вы останетесь с ней. Она не пропадет. Я, например, не стала бы вас удерживать, если б вы меня не любили. Да и сама не стала бы себя неволить, если б разлюбила вас, ни за что не стала бы. Я считаю, что брак должен быть счастливым. А если нет, то незачем и пытаться жить вместе только потому, что когда-то вам этого хотелось.

— А если б были дети?

— Это, конечно, несколько меняет дело. Но и тогда детей может взять к себе тот или другой, — не правда ли? И, значит, дети не так уж страдают.

Юджин любовался очаровательным личиком Сюзанны. Странными казались ему такие рассуждения в устах молоденькой девушки.

— Но вы слышали, что она говорила, Сюзанна, — насчет своего положения?

— Знаю. Я думала об этом. И не нахожу, что это что-либо меняет. Вы можете взять на себя заботу о ней.

— И вы меня любите по-прежнему?

— Да.

— Даже если то, что она сказала, правда?

— Да.

— Но как же так, Сюзанна?

— Все обвинения относятся к далекому прошлому, а это не то, что сейчас. Сейчас, я знаю, вы любите меня. А до прошлого мне нет дела. Да и до будущего тоже. Любите меня, пока любите, Юджин, и уходите, когда любовь пройдет. Я бы не стала за вас цепляться, если бы вы меня разлюбили. И сама не посчиталась бы с вами, если бы не любила вас.

Юджин смотрел на нее, изумленный и очарованный ее рассуждениями, в которых он черпал бодрость и силу. Как это похоже на Сюзанну! — думал он. Ведь она, в сущности еще ребенок, а какие у нее ясные, твердые взгляды. Ее юный разум справляется с любым жизненным затруднением.

— Вы чудесная девушка, Сюзанна! — сказал он. — Вы разумнее меня, сильнее. Меня тянет к вам, как замерзающего к огню. Вы такая добрая и рассудительная.

Они продолжали путь по направлению к Теритауну и Скарборо, и Юджин поделился с Сюзанной своими соображениями. Он готов не бросать Анджелу, если Сюзанна так хочет. Он готов соблюсти внешние приличия. Вопрос лишь в том, чтобы Сюзанна принадлежала ему.

Юджину непонятно было, как это Сюзанна соглашается его с кем-то делить. Но едва ли он вообще понимал ее, — он весь находился во власти ее чар. Она казалась ему самым умным, самым очаровательным и самым непостижимым существом в мире. Он попытался было расспросить, каким образом она надеется уговорить мать, но Сюзанна, по-видимому, и сама этого не знала, просто она верила в свою способность оказывать на нее влияние и надеялась переубедить ее.

— Знаете, — сказала она между прочим, — у меня скоро будут свои деньги. Папа завещал каждому из нас, детей, по двести тысяч долларов после достижения совершеннолетия, а я уже совершеннолетняя. Деньги должны оставаться под опекой, но я буду получать со своего капитала двенадцать тысяч долларов в год, если не больше. Они нам пригодятся. До сих пор я никогда в эти дела не вмешивалась. Всем ведала мама.

Это еще больше подняло настроение Юджина. Благодаря Сюзанне у них будет дополнительный доход — что бы ни случилось, на эти деньги можно рассчитывать. Если бы ему удалось заставить Анджелу принять его условия, а Сюзанне — одержать победу над матерью, все было бы хорошо. Ему не пришлось бы даже рисковать своим служебным положением. Миссис Дэйл пока незачем что-либо знать. Он и Сюзанна будут некоторое время видаться тайком, а потом все устроится. Это сулило им восхитительный и вполне невинный ро-

ман, который должен был привести к еще более восхитительному браку.

Весь день прошел во взаимных уверениях в любви. Сюзанна рассказала Юджину о книге, которую она читала по-французски, под названием «Синяя птица». Эта аллегория очень заинтересовала Юджина — в ней шла речь о поисках счастья, и он тут же стал называть Сюзанну своей «Синей птицей». Попросив его остановить машину, Сюзанна потребовала, чтобы он сорвал ей бледно-лиловый мак на высоком стебле, — он рос на лугу, мимо которого они только что проехали. Юджин стал было шутливо отказываться, так как цветок рос за проволочной изгородью, среди репейников, но она настаивала.

— Нет, непременно! Извольте слушаться меня. Я займусь вашим воспитанием. Вас слишком баловали, вы скверный мальчик. И мама так говорит. Я вас перевоспитаю.

— Ну и работа же вам предстоит, радость моя! Я действительно скверный человек. Вы уже успели это заметить?

— Немного.

— И все же любите меня?

— Я этого нисколько не боюсь. Моя любовь заставит вас исправиться.

Юджин с радостью побежал исполнять ее приказание. Он сорвал прекрасный цветок и подал ей.

— Вот вам скипетр, — сказал он. — Этот цветок так подходит вам. В нем есть что-то царственное.

Сюзанна не обратила на этот комплимент никакого внимания. Она любила Юджина, и слова не имели для нее значения. Она была счастлива, как ребенок, но во многих вопросах более мудра, чем женщина вдвое старше ее годами. Как и Юджин, она любила природу и приходила в восторг от утренних и вечерних зорь, от шелеста листвы и дуновений ветерка. Ее зоркий глаз то и дело подмечал что-нибудь прекрасное, и она делилась с Юджином своими впечатлениями так естественно и просто, что он слушал ее как зачарованный.

Когда они вышли из машины и стали прогуливаться по лужайке перед какой-то загородной гостиницей, Сюзанна обнаружила дырку на пятке своего шелкового чулка. Она приподняла ногу и задумчиво поглядела на нее.

— Жалко, нет чернил,— смеясь, сказала она.— Это было бы легко поправить.

— А что бы вы сделали? — спросил он.

— Замазала бы,— ответила она, указывая на свою розовую пятку,— или дала бы вам закрасить.

Он рассмеялся, а она беспечно вторила ему. Эти мелочи, эти шаловливые выходки забавляли и еще больше привлекали его к ней.

— Сюзанна,— восторженно воскликнул он,— вы уносите меня в сказочную страну моего детства!

— Я хочу, чтобы вы были счастливы,— ответила она.— Так же счастливы, как я.

— Ах, если бы это сбылось! Если б только это сбылось!

— Потерпите,— сказала она.— Не падайте духом. Не волнуйтесь. Все кончится хорошо. Я убеждена в этом. Мне всегда и все удастся. Я хочу, чтобы вы были моим, и добьюсь своего, я знаю. Я буду принадлежать вам, а вы — мне. О, как все чудесно!..

В порыве восторга она сжала его руку и протянула ему губы для поцелуя.

— А вдруг нас кто-нибудь увидит? — сказал он.

— Мне все равно! — воскликнула Сюзанна.— Мне все равно! Я люблю вас!

ГЛАВА XII

После веселого обеда влюбленные вернулись в город. По мере приближения к Нью-Йорку Сюзанна начала волноваться,— ее беспокоила мысль о том, что могла за это время предпринять Андже́ла. Если она рассказала все ее матери, то Сюзанне хотелось быть на месте, чтобы самой защищаться. Она пришла в конце концов к вполне естественному для нее решению: если мать не пойдет ни на какие уступки, бежать с Юджином. Но ей все-таки хотелось сначала выяснить, как та отнесется к этому известию, а потом уже решить, что делать дальше. Еще утром Сюзанна была убеждена, что может уговорить мать не вмешиваться, даже если та все узнает. Но теперь она начала волноваться, и страхи ее отчасти были навеяны настроением Юджина.

У Юджина, несмотря на его притворную храбрость, было далеко не спокойно на душе. Его пугали не столько опасности, грозившие его материальному положению, сколько возможность потерять Сюзанну. До сих пор мысль о будущем ребенке не слишком беспокоила ни его, ни молодую девушку. Но Юджин ясно видел, что обстоятельства могут сложиться против него, и тогда ему не видать Сюзанны. Реальных оснований для тревоги не было. Возможно даже, что Анджела солгала. Все же у него было беспокойно на душе; в минуты самой сильной радости, самого бездумного счастья перед ним вдруг всплывал образ Анджелы, больной и одинокой, погруженной в горькие думы о своем будущем, о существе, которому ей предстояло дать жизнь. В ушах звучали ее просьбы, ее доводы. Он не мог избавиться от этих воспоминаний. Это была пытка. То, что он собирался делать,— неслыханная жестокость. И общественное мнение и установленный порядок против него. Если все станет известно, как его будут обвинять! Он не мог не думать об этом. Минутами на него находило отчаяние, и все же он твердо решил добиваться своего.

Юджин собирался проводить Сюзанну к ее знакомым, но она раздумала и предпочла ехать прямо домой — Я хочу знать, слышала ли что-нибудь мама,— настаивала она.

Он проводил ее до Стейтен-Айленда, после чего приказал шоферу гнать вволю, чтобы поспеть домой к четырем часам. Его мучила совесть, но он утешал себя мыслью, что при их отношениях с Анджелой не важно, придет ли он вовремя или нет. Поскольку Сюзанна решила выждать и действовать не спеша, положение Анджелы оказывалось не таким уж тяжелым. Он предложит ей на выбор: либо уехать и окончательно расстаться с ним,—сейчас или после рождения ребенка — и тогда он отдаст ей половину своего состояния в ценных бумагах и наличных деньгах, а также всего, что подлежит разделу, и обстановку в придачу,— либо продолжать жить с ним под одной крышей и закрыть глаза на его отношения с Сюзанной. Он не станет скрывать от нее, что он в этом случае сделает: наймет отдельную квартиру для Сюзанны или же будет встречаться с нею где-нибудь тайком. Поскольку Сюзанна была так великодушна, он решил не вступать с Анджелой в пререкания,

а лишь настаивать на своем. Сюзанна должна принадлежать ему, и Анджеле придется уступить. Она может только ставить те или иные условия.

По возвращении домой Юджин обнаружил в Анджеле огромную перемену. Утром, когда он уходил, она казалась ожесточенной и озлобленной. Теперь же, несмотря на все свое горе, она казалась мягче и уступчивей, чем когда-либо прежде. Ее энергия была на время сломлена, она пыталась примириться с неизбежным, отнестись к этому, как к божьей воле. Возможно, она и в самом деле бывала черства и холодна, в чем Юджин не раз обвинял ее. Возможно, она слишком уж крепко держала его в узде. Правда, она делала это ради его же блага. Она пыталась молиться, просила небо просветить ее и указать ей выход, и наконец душу ее осенила какая-то тихая грусть. Не нужно больше бороться, говорила она себе. Нужно уступить. Бог направит ее. И ласковая и бледная улыбка, которой она встретила Юджина, застигла его совершенно врасплох.

Ее рассказ о том, как она молилась, какой перелом произошел в ее душе и как она решила дать ему свободу, если это окажется необходимым, несмотря на то, что ждет ее впереди, взволновал Юджина больше, чем что бы то ни было за всю их совместную жизнь. Сидя за столом напротив нее, он смотрел на ее исхудалые руки и лицо, на ее скорбные глаза и старался быть веселым и внимательным. А потом, когда он зашел к ней в комнату и услышал от нее, что она готова поступить так, как он найдет лучшим, слезы хлынули у него из глаз. Он плакал от избытка чувств, от того, что не мог совладать с собой. Едва ли он знал, о чем плачет, но так печально было все — и жизнь и сложные человеческие отношения, Сюзанна и Анджела, и мысли о смерти и недалекой старости, которая ожидала всех, всех, — что он не выдержал и разрыдался как ребенок. Теперь наступила очередь Анджелы изумляться и жалеть его. Она не верила своим глазам. Уж не раскаивается ли он?

— Иди ко мне, Юджин! — ласково сказала она. — Ах, прости. Значит, ты так сильно любишь? О боже, боже! Если бы я могла помочь тебе! Ну, перестань плакать, Юджин. Раз эта любовь для тебя так много значит, я не стану мешать вам. У меня сердце разрывается от твоих слез. Ну прошу тебя, милый, перестань!

Низко склонив голову, он весь трясся от рыданий, а потом, видя, что она пытается встать, предупредил ее и пересел к ней на постель.

— Ничего, ничего, это пройдет,— говорил он.— Я не мог справиться с собой. Мне жаль и тебя и себя. Мне жаль, что наша жизнь так сложилась. Бог накажет меня за это. Ты хорошая, ты добрая, но я иначе не могу.

Он спрятал лицо в подушку рядом с нею. Тело его сотрясалось от рыданий. Наконец он пришел в себя и сразу же спохватился, что своим поведением пробудил в Анджеле надежду. Как бы она не подумала, что может вернуть его любовь, вытеснить из его сердца Сюзанну. Юджин знал, что это невозможно, и жалел, что дал волю слезам.

Снова начался нескончаемый разговор, перешедший в ссору, посыпались взаимные упреки, потом снова они стали договариваться по-хорошему и опять рассорились. Анджела не могла примириться с мыслью, что вынуждена отказаться от него, а Юджин считал, что единственный его долг по отношению к Анджеле — это поделиться с нею все, что у них вместе нажито. Он хотел только одного — не иметь с нею больше ничего общего. Он может согласиться жить с нею под одной крышей, вот и все. У него будет Сюзанна. Он будет жить только ради нее. Он стал грозить Анджеле самыми пагубными последствиями при малейшей ее попытке вмешаться в его жизнь. Если она сообщит миссис Дэйл, или скажет что-нибудь Сюзанне, или попытается повредить его служебному положению, он уйдет от нее.

— Вот как обстоит дело,— твердо заявил он.— Тебе остается либо примириться с этим, либо идти напролом и все разрушить. Если ты выберешь последнее, ты потеряешь и меня и все, что связано с моим положением. Если согласишься, я останусь жить здесь. Вероятно, останусь. Я вполне готов соблюдать внешние приличия, но мне нужна свобода.

Анджела все думала и думала. Ей приходило в голову пригласить к себе миссис Дэйл, тайком сообщить ей обо всем и настоять, чтобы та без всяких объяснений увезла куда-нибудь Сюзанну. Однако она этого не сделала. В сущности ей именно так и следовало бы поступить, и миссис Дэйл охотно пошла бы ей навстречу. Но

страх и душевное смятение удерживали ее. Оставалось либо написать Сюзанне, либо поговорить с нею. И так как она боялась, что потеряет самообладание в присутствии счастливой соперницы, она решила написать. В понедельник, когда Юджин ушел в издательство, она в постели сочинила длинное послание, в котором описала всю жизнь Юджина, опять напомнила о том, что ей предстоит, и высказала свой взгляд на то, как Юджину следовало бы поступить.

«Как Вы можете надеяться, Сюзанна,— спрашивала она в письме,— что он будет Вам верен, если он способен бросить меня в таком положении? Юджин никогда и никому не был верен. Неужели Вы хотите погубить свою жизнь? Вы занимаете прочное положение в обществе. Что может он Вам дать такого, чего у Вас нет? Если Вы согласитесь жить с ним, об этом, несомненно, узнают. В результате пострадаете Вы, а не он. Мужчины быстро приходят в себя после подобных увлечений, и свет смотрит на их шалости снисходительно. Но Вам свет не простит. За Вами установится репутация легкомысленной женщины,— особенно если появится ребенок. Вам кажется, что Вы любите его, но подумайте, так ли велика Ваша любовь? Прочитайте это письмо и дайте себе труд подумать. Не забудьте, какой у Юджина характер. Я с ним смирилась. В свое время я сделала непоправимую ошибку, но теперь поздно каяться.

Жизнь уже ничего не может дать мне. Пусть меня не ждет ничего хорошего, я по крайней мере сохраню уважение знакомых и друзей. А Вы — у Вас вся жизнь впереди. Когда-нибудь Вам встретится человек, которого Вы полюбите, и он не потребует от Вас жертв и тем более сам не принесет Вас в жертву своей прихоти. О, умоляю Вас, одумайтесь! Юджиң Вам не нужен. А я, как ни больно мне в этом сознаться, я нуждаюсь в нем. Я говорю Вам всю правду. Неужели Вы оставите без внимания мою мольбу?»

Это письмо привело Сюзанну в ужас. Анджела обрисовала Юджина в самом ужасном свете — вероломным, лживым и бесчестным в своем отношении к женщинам. Одна в своей комнате, Сюзанна глубоко задумалась. Но потом перед нею встал образ Юджина, вспомнились его обаятельный ум и окружавшая его атмосфера блеска и таланта. Он был в ее глазах воплощением

всего прекрасного в жизни — милый, славный, веселый. Только бы он был рядом! Слышать его голос, ощущать его ласки! Что могла жизнь предложить ей взамен? К тому же он нуждался в ней. Она решила поговорить с ним, показать ему письмо Анджелы и уже потом принять решение.

Дня через два они увиделись, условившись предварительно по телефону. Он назначил ей свидание близ холодильника и явился веселый, улыбающийся, пылкий, как всегда. После того как он побывал на службе и убедился, что Анджела ничего не предприняла, к нему вернулось мужество. Он проникся надеждой на счастливую развязку, — у них будет отдельная студия, и он заживет душа в душу со своей красавицей Сюзанной. Но едва они сели в автомобиль, она достала письмо Анджелы и, не говоря ни слова, протянула его Юджину. Он молча прочел его.

Юджина тоже потрясло содержание письма, он и не предполагал, что Анджела затаила против него такую злобу. В глубине души, однако, он признавал, что все это было правдой, горькой правдой, он только не верил, что его любовь принесет страдание Сюзанне. Судьба, быть может, окажется на этот раз милостивее и пошлет им счастье. Как бы то ни было, Сюзанна должна принадлежать ему.

— Ну, и что же? — спросил он, возвращая письмо. — Вы верите всему, что она пишет?

— Вполне возможно, что это правда, но почему-то, когда я с вами, мне все равно. Когда вас нет, другое дело. Тогда меня одолевают сомнения.

— Вы боитесь, что я не такой, каким вы хотели бы меня видеть?

— Я не знаю, что и думать. По-видимому, все, что она пишет, — правда. И все же я не уверена. Когда вас нет, я начинаю колебаться. Когда вы со мной, у меня такое чувство, что все должно кончиться хорошо. Я так люблю вас! Я убеждена, что все кончится хорошо! — И она обвила руками его шею.

— Значит, письмо ничего не меняет?

— Ничего.

Она доверчиво устремила на него большие ясные глаза, и они отдались радостям бездумной любви. Отъехав подальше, они позавтракали в загородной гос-

тинице (миссис Дэйл отправилась куда-то на весь день), а потом, очутившись у моря, остановились, чтобы насладиться чудесным видом, и целовались, целовались без конца. Сюзанна пришла в такой восторг, что уже предвидела благополучный исход их романа.

— Вы только предоставьте действовать мне,— говорила она.— Я буду зондировать почву дома. Если у мамá есть хоть капля логики, мне, наверно, удастся ее убедить. Так, по-моему, будет лучше. Я ненавижу обман и предпочла бы попросту ей все рассказать, а потом уж, если ничего не выйдет, поступить по-своему. Но я думаю, что обойдется и без этого. Она ничего не может сделать.

— Я далеко не уверен в этом,— осторожно заметил Юджин.

Он преклонялся перед смелостью Сюзанны, он очень надеялся на доброе отношение миссис Дэйл, на то, что оно удержит ее от какого-либо отчаянного шага. И все же он не мог себе представить, каким путем они добьются своего.

Сам он стоял за то, чтобы через некоторое время вступить с Сюзанной в тайную связь. Он особенно не спешил, так как его чувство к Сюзанне не ограничивалось физическим влечением, хотя он и стремился обладать ею. А она, начитавшись всяких книг и набравшись новых идей, готова была бросить вызов всему миру. Она утверждала, что не видит, каким образом связь с Юджином может принести ей несчастье.

— Но, дорогая моя, вы не знаете жизни,— возражал Юджин.— Она сокрушит вас. Где бы вы ни появились — за исключением разве только Нью-Йорка, — вас растерзают на мелкие кусочки. Нью-Йорк — столица мира, и здесь смотрят на вещи не совсем так, как везде, но и тут вам придется лгать и притворяться. Да так оно и легче.

— А вы сможете меня уберечь?.. — многозначительно спросила она, намекая на то, что случилось с Анджелой.— Мне бы не хотелось... Я бы не могла... Вы понимаете... пока...

— Я понимаю,— ответил Юджин.— Да, безусловно.

— Ну, хорошо, я подумаю,— сказала Сюзанна.— Но я предпочла бы играть в открытую. Мне бы гораздо

больше хотелось попросту рассказать обо всем мама и поступить по-своему. Насколько это было бы лучше! Моя жизнь принадлежит мне, и я могу делать с ней все, что хочу. Мое поведение никого не касается, даже мама. Если бы я вздумала погубить себя, и тогда это никого бы не касалось. Но я считаю, что это все неправда. Я хочу жить, как мне нравится. Я не хочу выходить замуж.

Юджин слушал ее и удивлялся. Такой девушки он еще не встречал. Кристина Чэннинг? Но это совсем особый случай. Кристине приходилось думать о своем искусстве. Сюзанна же совсем в ином положении. У нее чудесный дом, блестящие связи, деньги и все основания для счастливой, спокойной и нормальной жизни. Конечно, она любит его, но все-таки Юджину это казалось странным. С другой стороны, столько произошло за последнее время благоприятных событий, что он готов был вообразить, будто о нем заботится некое всемогущее и всеблагое провидение.

Анджела, в сущности, уже сдалась. Почему не может это случиться и с матерью Сюзанны? Анджела ничего ей не скажет. И миссис Дэйл вряд ли будет упорствовать больше, чем Анджела. Возможно, Сюзанне и вправду удастся уговорить ее. Раз она так твердо решила, не станет же он ее останавливать. Сюзанна упряма и своевольна, но она быстро развивается и рассуждает очень здраво. Может быть, она действительно добьется своего? Как знать?

Они повернули назад, и автомобиль понесся по тенистым дорогам, где ветви деревьев почти касались их лиц, мимо зеленых лугов, где ветер колыхал высокие травы, и живописных ферм со стайками детей и уток за оградой, мимо прекрасных вилл, мимо резвящихся школьников и устало бредущих рабочих. И все это время они крепко сжимали друг друга в объятиях, не уставая твердить о своих надеждах и своей любви. Сюзанна — как и Анджела когда-то — любила брать голову Юджина в ладони и заглядывать ему в глаза.

— Посмотрите на меня, — сказала она, когда он жалобно заметил, что все может перемениться. — Посмотрите мне прямо в глаза. Ну, что вы там прочли?

— Смелость и решимость.

— А что еще?

- Любовь.
- И вы думаете, что я могу измениться?
- Нет.
- Вы уверены?
- Да, уверен.
- Ну так вот, смотрите мне прямо в глаза и слушайте. Я никогда не изменюсь. Никогда, слышите? Я принадлежу вам и буду вашей, пока вы этого хотите. Теперь вы счастливы?
- Да.
- А когда у нас будет собственная студия...
- Когда у нас будет собственная студия, мы ее хорошо обставим и, возможно, через некоторое время начнем там кое-кого принимать,— сказал он.— Вы будете моей прекрасной Сюзанной, моим дивным цветком! Моей Еленой, моей Цирцеей, моей Дианой!
- Я буду вашей воскресной женой! — рассмеялась она.— Вашей возлюбленной в четные или нечетные дни,— как придется.
- Только бы это сбылось! — воскликнул он, расставаясь с нею.— Только бы сбылось!
- Потерпите и вы увидите,— сказала она.

Прошло несколько дней, и Сюзанна, по ее собственному выражению, открыла кампанию. Первый ее ход выразился в том, что она стала заводить речь о браке за обедом или когда оставалась наедине с матерью. Она выпрашивала ее по этому важному вопросу и тщательно запоминала все ответы. Миссис Дэйл принадлежала к числу философствующих дам, которые любят отвлеченные рассуждения, но никогда не применяют своих теорий к делам, близко их касающимся. В вопросах брака она придерживалась крайне либеральных взглядов — в отношении всех людей, кроме членов своей семьи. Она считала, что каждая девушка (только не ее дочь, разумеется) по достижении совершеннолетия и, так сказать, духовной зрелости, если она не удовлетворена тем, что может дать ей брак, и не питает ни к одному мужчине такой сильной любви, которая толкнула бы ее на замужество, имеет полное право поступать, как ей нравится. Надо только устроить жизнь так, чтобы удовлетворить потребность в любви, не подвергая опасности свою репутацию. Лично она, миссис Дэйл, не видела в этом ничего предосудительного. Она знала свет-

ских женщин, которые, связав себя несчастливym браком или браком по расчету, вступали потом в связь с избранником своего сердца. Если не считать тех представителей высших кругов, которые придерживались особо строгого кодекса нравственности, взгляды общества были на этот счет самые снисходительные, хотя говорить об этом и не полагалось. Кроме того, существовала так называемая веселящаяся молодежь,— с полной готовностью принимавшая в свою среду и миссис Дэйл,— которая высмеивала ригористические требования староверов. Надо было только соблюдать осторожность и не попадаться. В остальном же считалось, что каждый волен поступать, как хочет.

Сюзанна, разумеется, не подходила ни под одну из этих теорий. Сюзанна была красива, она могла рассчитывать на самую блестящую партию, и она была дочерью миссис Дэйл. Последняя отнюдь не торопилась сбыть ее с рук, выдав замуж за какого-нибудь ничтожного обладателя титула или миллионов, ради одних денег или громкого имени, но она надеялась, что рано или поздно найдется вполне достойный молодой человек, один из тех, что занимают блестящее положение в обществе или в денежном мире, или человек с большим дарованием — вроде Юджина,— и что он выступит претендентом на руку и сердце ее дочери. Состоится торжественное венчание в одном из знаменитых соборов — вероятнее всего, в соборе св. Варфоломея, а затем — роскошный свадебный обед, и, осыпанные подарками и поздравлениями, молодые супруги отбудут в восхитительное свадебное путешествие. Часто, глядя на Сюзанну, миссис Дэйл думала о том, какая прекрасная мать выйдет из этой крепкой, пышущей здоровьем девушки, по-своему одаренной и пылкой натуры. Уже по тому, как она танцевала, было видно, с какой жадностью она упивается жизнью. Настанет время, и явится ее избранник. Ждать придется недолго. Прекрасные весенние дни сделают свое дело. И теперь уже находились десятки мужчин, которые отдали бы полжизни, чтобы привлечь внимание Сюзанны. Но ни один из них не интересовал ее. Она казалась робкой, застенчивой, она как будто даже сторонилась людей. Ее мать и не догадывалась, какая железная воля скрывалась за всем этим, как

не догадывалась о смелых и бунтарских, чуждых ее кругу мыслях, роившихся в голове ее дочери.

— Как ты находишь, мама,— спросила однажды вечером Сюзанна, когда дома не было никого, кроме нее и матери.— Должна девушка выходить замуж, если она не уверена, что брак принесет ей счастье?

— Н-нет,— ответила миссис Дэйл.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Видишь ли, в нашем кругу так часто приходится наблюдать семейные неурядицы. Как посмотришь—брак не дает людям счастья. Не лучше ли жить одной, и даже, если найдется человек, которого полюбишь, разве непременно нужно выходить за него замуж, чтобы быть счастливой? Как ты думаешь?

— Что ты читала последнее время, Сюзанна? — спросила мать. В глазах ее мелькнуло изумление.

— Ничего особенного я в последнее время не читала. А почему тебя удивляет мой вопрос? — благоразумно спросила Сюзанна, заметив, как изменился тон матери.

— С кем ты разговаривала, в таком случае?

— Но какое отношение это имеет к моему вопросу, мама? Я не раз слышала, как ты сама это говорила.

— Что ж, возможно, я это и говорила. Но не кажется ли тебе, что ты еще слишком молода, чтобы задумываться над такими вещами? Мало ли что я говорю, когда рассуждаю отвлеченно. Все зависит от обстоятельств. Если девушка не может рассчитывать на хорошую партию, если она бедна или некрасива (мало ли какие бывают причины!), то ее, пожалуй, можно еще оправдать. Но тебе зачем над этим задумываться?

— Неужели, мама, из того, что я не урод, не бедна и представляю собой хорошую партию, непременно следует, что я должна выйти замуж? Я могу и не желать этого. Я ведь не хуже тебя вижу, к чему обычно приводят браки. Да и как я могу не видеть? Что же мне поэтому вообще сторониться мужчин?

— Да что с тобой, Сюзанна? Я никогда не слыхала от тебя таких рассуждений! Уж верно ты с кем-то беседовала или читала в последнее время что-нибудь такое ультрасовременное. Пожалуйста, без этих глупостей. Ты слишком молода и красива, чтобы увлекаться такими идеями. Ты можешь выбрать себе в мужья кого только

пожелаешь. Разве можно сомневаться, что ты найдешь мужа, с которым будешь счастлива, или по крайней мере попытаешься устроить свое счастье? Другое дело, если ты увидишь, что ошиблась в человеке. Но об этом рано загадывать. Во всяком случае, не говори глупостей, пока не узнаешь получше, что такое жизнь. Ты слишком молода, смешно даже слушать!

— Мама,— сказала Сюзанна, и в голосе ее прозвучало легкое раздражение,— зачем ты так разговариваешь со мной? Я ведь не ребенок. Я женщина. И я мыслю, как женщина, а не как девочка. Ты забываешь, что у меня свое разумение и свои взгляды. А может, я вовсе не хочу выходить замуж? Да так оно, пожалуй, и есть. И уж, во всяком случае, я не стану выходить ни за кого из этих безмозглых людишек, которые сейчас увиваются вокруг меня! Почему я не могу просто сойтись с женщиной, если мне захочется? Многие женщины так поступали до меня. Да хотя бы и не поступали, это не значит, что я не должна. Моя жизнь принадлежит мне

— Сюзанна Дэйл! — воскликнула ее мать, поднимаясь с места и вся холодея от ужаса.— Что ты говоришь? Может быть, это я внушила тебе такие мысли? Тогда, признаюсь, я жестоко наказана. Ты еще не в состоянии судить, хочешь ты выходить замуж или не хочешь. Ты еще совсем не знаешь мужчин. Зачем тебе понадобилось уже сейчас делать подобные заключения? Ради бога, Сюзанна, не начинай так рано задумываться над этими ужасными вопросами! Подожди еще несколько лет, присмотришься к жизни. Разве я тороплю тебя выходить замуж? Ведь не исключена возможность, что тебе встретится человек, которого ты сильно полюбишь и который полюбит тебя. Если же ты станешь швыряться собой, исходя из какой-то глупой теории, не дав себе труда подождать того, что готовит тебе жизнь, что сможешь ты дать этому человеку? Сюзанна! — воскликнула она, увидев, что девушка нетерпеливо отвернулась к окну.— Ты меня пугаешь! Уж нет ли тут кого-нибудь?.. Нет, нет, быть не может!.. Умоляю тебя, будь осторожна в своих выводах, словах, поступках! Я не могу знать всего, о чем ты думаешь, ни одна мать этого не знает. Но, ради бога, не будь опрометчивой, опомнись, подумай!

Она не спускала глаз с дочери, которая подошла к зеркалу и стала поправлять бант в волосах.

— Мне, право, смешно, мама,— спокойно сказала Сюзанна.— Когда ты находишься в обществе, где-нибудь на званом обеде, ты говоришь одно, а здесь, со мной,—совсем другое. Я пока не сделала ничего, что могло бы тебя напугать. Я сама еще не знаю, как поступлю. Но я уже не ребенок, мама, прошу не забывать этого. Я взрослый человек и вправе сама устроить свою жизнь. И уж, конечно, я не стану поступать так, как ты,—проповедовать одно, а делать другое.

Миссис Дэйл вздрогнула от этой шпильки. В доводах Сюзанны прозвучала такая нотка решимости, спокойной уверенности и прямооты, что она пришла в ужас. От кого она всего этого набралась? С кем она встречалась? Миссис Дэйл перебрала в уме всех знакомых девушек и мужчин. Кто самые близкие подруги Сюзанны? Вера Элмердинг, Лизетта Вудворт, Нора Тэн-Эйк — девушки светские, неглупые, хорошо знакомые с требованиями общества. Неужели они говорят между собой о таких вещах? Уж нет ли в их кружке какого-нибудь — или каких-нибудь — нежелательных представителей мужского пола? Остается одно средство, и его следует применить немедленно, не то Сюзанна может пасть жертвой подобных субъектов. Надо поехать с нею путешествовать и года два или три без перерыва разъезжать по свету, пока не пройдет опасный период, когда девушки так легко поддаются всякому вредному влиянию. Другого выхода нет. О, как проклинала миссис Дэйл свой язык! К чему была эта глупая болтовня! Вообще-то, конечно, все это правда — в теории. Но Сюзанна! Ее Сюзанна — ни за что! Она увезет свое дитя, пока не поздно, чтобы годы и жизненный опыт образумили ее. Она ни в коем случае не позволит ей оставаться здесь, где девушки и молодые люди обсуждают и проповедуют подобные идеи! Впредь она будет просматривать все, что Сюзанна читает. Она будет тщательно следить за ее знакомствами. Не обидно ли, что такая прелестная девушка заражена отвратительными, недостойными ее круга анархистскими идеями. Боже мой, что будет с ее Сюзанной? К чему это приведет ее? Боже милосердный!

Миссис Дэйл заглянула в пропасть общественного скандала, разверзшуюся у ее ног, и в ужасе отступила.

Никогда! Никогда! Она спасет Сюзанну от нее самой — и от этих ее сумасбродных идей — спасет немедленно!

И она задумалась о том, как бы тактично и невзначай завести разговор о путешествии. Она должна увлечь Сюзанну этой мыслью, не спугнув ее, не дав заподозрить, что на нее хотят оказать давление. Но отныне надо будет установить совершенно иные порядки — иначе говорить, иначе действовать. Ее долг — защитить Сюзанну и других ее детей от них самих, а также от всяких вредных влияний. Таков был урок, вынесенный миссис Дэйл из разговора с дочерью.

ГЛАВА XIII

Юджин и Анджела жестоко ссорились. Анджела снова и снова пыталась играть на его совести и чувстве порядочности, если уж нельзя было рассчитывать на его былую любовь. Ее прежние методы потерпели полный крах, и теперь она не знала, чем руководствоваться. Раньше Юджин, казалось, боялся ее гнева, а сейчас ему, по-видимому, было все равно. Когда-то он до известной степени поддавался на ласки, которым женатому человеку трудно противостоять, но теперь нет и этого. Ее чары не трогали его. Она лелеяла надежду, что мысль о будущем ребенке отрезвляюще подействует на него, — увы, и эта надежда растаяла как дым. Сюзанна, не желавшая от него отказаться, была в глазах Анджелы чудовищем, а Юджин — чуть ли не буйнопомешанным, и все же она понимала, что все это в порядке вещей. Он зачарован, он во власти гипноза. У него одна цель — Сюзанна, Сюзанна! — и за нее он готов бороться до конца. Он так и заявил Анджеле. Он сказал, что знает про ее письмо Сюзанне, что сам читал его и уничтожил. Письмо, следовательно, несколько ей не помогло. Анджела прекрасно сознавала, что Юджин вправе сердиться на нее. А он твердо стоял на своем, ожидая лишь решения Сюзанны: он часто встречался с девушкой и рассказывал ей, что, со своей стороны, одержал полную победу, и теперь свершение их надежд целиком зависит от нее.

Как уже говорилось выше, Сюзанна была страстной

натурой. Чем больше она виделась с Юджином, тем нетерпеливее ждала того радостного мгновения, которое сулили ей его слова, его взгляды и чувства. По наивности и неопытности она создала себе мечту, которую можно было осуществить, лишь позабыв о сострадании, решившись на самые отчаянные меры. Ее план — сказать обо всем матери и одержать над ней верх с помощью доводов разума или открытого вызова, — в сущности, никуда не годился, так как задача была трудная и требовала много времени. На основании того, что при их первом разговоре миссис Дэйл говорила с ней умоляющим тоном, Сюзанна вообразила, будто одержала крупную победу: мать находится целиком под ее влиянием и не может ее переспорить. Кроме того, Сюзанна сильно рассчитывала на уважение, которое миссис Дэйл питала к Юджину, а также на ее привязанность к ней самой. До сих пор мать никогда и ни в чем ей не отказывала.

Если Юджин еще не сделал Сюзанну своей любовницей, откладывая на неопределенный срок ту борьбу за их общее счастье, в какую неизбежно должен был вылиться такой незаконный союз, то это объяснялось тем, что он вовсе не был способен на отчаянные поступки, вовсе не был так смел, как казалось. Он хотел обладать Сюзанной, но немного робел перед ней: она находилась во власти сомнений, она хотела ждать, хотела по-своему строить свое будущее. Юджин никогда не умел быть настойчивым — он был чересчур для этого великодушен и покладист. Он не был способен вынашивать серьезные планы и принимать твердые решения; беспечная душа, он скорее предпочитал плыть по течению, отдаваясь на волю ветров, как благоприятных, так и неблагоприятных. Он, вероятно, мог бы проявить настойчивость, если бы им владело горячее желание чего-то добиться — денег, славы или любви, — но в том-то и дело, что он не умел желать чего-либо до конца, хотя сам об этом не догадывался. Конечно, за свое счастье нужно бороться, но стоит ли уж так ложиться костью. Ведь на свете нет такого счастья, без которого человек, если понадобится, действительно не может существовать. Будет мучиться, тосковать, терзаться, но все это можно как-то пережить. Сейчас он был увлечен как никогда, но он не умел быть упорным и жадным.

Сюзанна между тем готова была ему отдаться — необходима была только известная твердость и решительность с его стороны. Она говорила себе, что хочет подождать и уладить все по-своему, а на самом деле просто грезила наяву и оттягивала развязку, потому что ее оттягивал Юджин. Если бы он не медлил, она была бы счастлива ему подчиниться, но Юджину не доставало той безрассудной энергии, которая сначала действует, а потом размышляет. Подобно Гамлету, он был слишком склонен к раздумью, старался избегать рискованных путей и тем самым подвергал риску то высшее блаженство, ради которого готов был пожертвовать всеми материальными благами, доставшимися ему в жизни.

Когда миссис Дэйл спустя несколько дней заметила с невинным видом, что она мечтает распрощаться с Нью-Йорком на осень и зиму и вместе с Сюзанной и Кинроем съездить сперва в Англию, а затем на юг Франции и в Египет, Сюзанна тотчас заподозрила, что мать затеяла этот разговор неспроста. Или это злой умысел Судьбы, затеявшей разбить ее счастье? Сюзанне давно приходило в голову, что надо бы пока что отделаться от слишком частых приглашений за город, которыми осаждали их друзья и которые мать охотно принимала от своего и от ее имени, — но до сих пор она еще ничего не придумала. Миссис Дэйл очень любили, она везде была желанной гостьей. Последнее предложение, высказанное как бы невзначай, но вместе с тем тоном, не допускающим противоречий, сперва испугало Сюзанну, а потом рассердило. Ведь надо же — и именно сейчас!

— Мне не хочется ехать в Европу, — осторожно ответила она. — Мы были там три года назад. Я предпочла бы никуда не ехать и посмотреть, как люди проводят время в Нью-Йорке.

— Но ведь это чудная поездка, Сюзанна, — настаивала миссис Дэйл. — Камероны собираются на всю осень в Шотландию. Они там сняли коттедж. Во вторник я получила письмо от Луизы. Я и подумала, что мы могли бы съездить к ним погостить, а оттуда на остров Уайт.

— Мне не хочется ехать, мама, — решительным тоном заявила Сюзанна. — Нам и здесь хорошо. Почему тебя вечно тянет носиться по свету?

— Я и не думаю носиться по свету, Сюзанна. И что за выражение! В первый раз слышу, чтобы ты отказывалась от путешествия. Я полагала, тебе будет интересно побывать в Египте и на Ривьере. Ведь ты еще ни разу не была там.

— Я знаю, что поездка прекрасная, но этой осенью меня никуда не тянет. Я предпочитаю остаться здесь. Что это ты вдруг решила уехать на целый год?

— Совсем не вдруг,— продолжала настаивать миссис Дэйл.— Ты сама знаешь, что я уже давно об этом думаю. Разве я не говорила, что надо будет как-нибудь провести зиму в Европе? Ты тогда очень ухватила за мое предложение.

— Да, я помню, мама, но то было чуть ли не год назад... А теперь я предпочитаю остаться здесь.

— Но почему же? Мне кажется, этой зимой разъезжаются чуть ли не все твои подруги.

— Ха-ха-ха? — расхохоталась Сюзанна.— Чуть ли не все мои подруги! Чего ты только не придумаешь, мама, когда хочешь настоять на своем! Ты меня смешишь! Только потому, что тебе захотелось поехать в Европу, туда едут, оказывается, чуть ли не все мои подруги! — И она снова расхохоталась.

Соппротивление Сюзанны рассердило миссис Дэйл. Почему это она вбила себе в голову, что хочет остаться здесь? Должно быть, все дело в тех девушках, с которыми она дружит, хотя у Сюзанны как будто очень мало близких подруг. Элмердинги не собираются проводить зиму в Нью-Йорке. Они сейчас в городе, потому что на их загородной вилле был пожар, но долго они здесь не останутся. Тэн-Эйки тоже. Не может быть, чтобы Сюзанна почувствовала интерес к какому-то мужчине. Единственный человек, к которому она питает большую симпатию, это Юджин Витла, но он женат и относится к ней чисто по-дружески, как брат и опекун.

— Знаешь что, Сюзанна,— решительно заявила миссис Дэйл,— мне надоело выслушивать весь этот вздор! Ты увидишь, какое удовольствие тебе доставит поездка. И нечего выдумывать глупости. Ты как раз в том возрасте, когда молодой девушке полагается путешествовать. Собирайся-ка лучше в дорогу, мы непременно поедem.

— Ты ошибаешься, мама, я не поеду,— сказала Сюзанна.— Странно — ты разговариваешь со мной, как

будто я маленькая. Я не хочу в этом году ехать и не поеду. Если тебе хочется, поезжай сама.

— Да что с тобой, Сюзанна Дэйл? Что такое на тебя нашло? Конечно, ты поедешь! Где же ты будешь, если я уеду? Неужели ты думаешь, что я брошу тебя здесь одну? Разве я когда-нибудь так делала?

— Сколько угодно — когда я была в пансионе.

— Но это совсем другое дело. Тогда ты находилась под наблюдением. Мисс Хилл отвечала за тебя. А сейчас ты осталась бы одна. Неужели ты думаешь, что я соглашусь на это?

— Ну вот опять ты, мама, разговариваешь со мной, как с ребенком. Почему бы тебе не запомнить раз навсегда, что мне уже скоро девятнадцать лет? Я могу сама о себе позаботиться. А кроме того, найдется достаточно знакомых, к которым я могла бы на это время переехать!

— Сюзанна Дэйл, ты совсем с ума сошла! Не смей со мной так разговаривать! Ты моя дочь и находишься под моей опекой! Что за бредни? Нет, это все явно неспроста! Я не намерена уезжать и оставлять тебя здесь. Ты поедешь со мной. После всего, что я для тебя сделала, ты, надеюсь, хоть сколько-нибудь посчитаешься с моими чувствами. Как ты смеешь вступать со мною в пререкания?

— В пререкания? — высокомерно повторила Сюзанна. — Нет, мама, я не намерена вступать в пререкания. Просто, я не поеду. У меня есть свои соображения, и я не поеду — вот и все. А ты, если хочешь, поезжай.

Миссис Дэйл посмотрела на дочь и впервые прочла в ее глазах непоколебимое упорство. Но чем оно вызвано? Почему Сюзанне вздумалось проявить такую твердость — и откуда это упрямство, эта настойчивость? Миссис Дэйл обуревали разноречивые чувства — страх, гнев, изумление.

— Что это значит — «свои соображения»? — спросила она. — Какие у тебя могут быть соображения?

— Одно, но очень веское, — спокойно произнесла Сюзанна, переходя на единственное число.

— Какое именно, позволь полюбопытствовать?

В голове у Сюзанны теснились торопливые, хоть и не особенно ясные мысли. Сначала она рассчитывала на

продолжительную принципиальную дискуссию на тему о здравом смысле и морали, надеясь, что увлечет мать и заставит ее высказать некоторые свои взгляды, от которых ей уж потом неудобно будет отказаться. Таким образом мечтала она добиться желанной свободы. Но из нескольких замечаний, оброненных миссис Дэйл и в тот и в этот раз, Сюзанна поняла, что она не способна на логическую последовательность мысли и что ее философские рассуждения не распространяются на дочь. Она могла отнестись сочувственно к любой теории, но все это переставало для нее существовать, как только дело касалось Сюзанны. Поэтому оставалось одно — открыто бросить ей вызов или бежать. Последнее не улыбалось Сюзанне. Она уже совершеннолетняя. Она может сама строить свою жизнь. Средства у нее тоже есть. Рассуждать она способна не менее здраво, чем мать. Да и позиция, которую последняя заняла по отношению к ней, казалась Сюзанне, умудренной чувством и некоторым опытом, весьма жалкой и недостойной. Что знает о жизни ее мать, чего не знала бы она, Сюзанна? Они обе много бывали в обществе, и Сюзанна чувствовала, что она сильнее матери, что она более трезво судит о некоторых вещах. Почему бы ей не открыться сейчас, а затем настаивать на своем? Она одержит верх, иначе быть не может. Она имеет влияние на мать, и как раз наступил момент этим воспользоваться.

— Потому что я не хочу расстаться с любимым человеком,— тихо произнесла она наконец.

Миссис Дэйл уронила руку, которую подняла было, собираясь разразиться какой-то тирадой. От удивления у нее приоткрылся рот, и она уставилась на дочь с каким-то растерянным, страдальческим и глупым видом.

— С любимым человеком?..— повторила она, совершенно сбита с толку, чувствуя себя ладьей, сорванной с якоря и унесенной в безбрежное море.— Кто же это?

— Мистер Витла, мама, Юджин! Я люблю его, и он любит меня. Не смотри так на меня, мама. Миссис Витла знает. Она согласна отказаться от него. Мы любим друг друга. И я останусь здесь, чтобы быть возле него. Я нужна ему.

— Юджин Витла! — воскликнула миссис Дэйл. Она задыхалась, в глазах ее застыл неопиcуемый ужас, руки

похолодели от испуга и напряжения.— Ты любишь Юджина Витлу? Женатого человека! Он любит тебя? И ты говоришь мне это? Юджин Витла! Ты любишь его? Нет, я не могу этому поверить. Я, должно быть, сошла с ума! Сюзанна Дэйл! Не стой ты так передо мной! Не смотри на меня так! И ты говоришь это мне, твоей матери? Скажи мне скорее, что это неправда! Скажи мне скорее, что это неправда, пока я не лишилась рассудка! О боже, что со мной будет? Чем я согрешила? Юджин Витла! Именно Юджин Витла! О боже, боже, боже!

— Зачем так волноваться, мама? — спокойно произнесла Сюзанна.

Она ожидала приблизительно такой сцены, не столь, может быть, бурной, без таких истерических выкриков, но в общем чего-то в этом роде, и потому была отчасти подготовлена. Ее воодушевляла и вела эгоистическая любовь,— любовь, которой она убаюкивала себя, которая ни во что не ставила весь мир со всеми его законами. Надо признать, что Сюзанна не понимала как следует, что она делает. Ее околдовало обаяние ее возлюбленного, красота их любви. На уме у нее были не реальные факты, а прелесть летнего вечера, прохлады ветерка, очарование неба, сияние солнца и луны. Ласки Юджина, его поцелуи значили для нее больше, чем весь окружающий мир.

— Да, я люблю его. Разумеется, люблю. Что в этом странного?

— Что в этом странного? В своем ли ты уме, Сюзанна? Моя бедная, дорогая девочка. Моя Сюзанна! О, этот подлец! Негодяй! Втереться в мой дом и обольстить тебя, мое сокровище. Откуда тебе было знать? Как ты могла одна во всем разобраться! О Сюзанна, ради бога, ради меня замолчи! Не говори так! Не повторяй эти ужасные слова! О боже, боже! Зачем я дожила до этого! Мое сокровище! Моя Сюзанна! Моя прелестная, моя очаровательная детка! Я умру, если не смогу помешать этому. Я умру! Умру!

Сюзанна смотрела на мать, пораженная тем невероятным взрывом, который вызвало ее признание. Ее большие глаза словно стали еще больше, брови чуть поднялись, рот приоткрылся. Она казалась живым воплощением античной красоты, невозмутимо спокойным из-

ваянием. Гладкий, как мрамор, лоб, безупречные очертания губ — все говорило о том, что она никогда не знала другого чувства, кроме радости. Взгляд, слегка насмешливый, но нисколько не надменный, придавал особую прелесть этим и без того прекрасным чертам.

— Что с тобой, мама? Ты все еще воображаешь, что я ребенок. А между тем я говорю тебе то, что есть. Я люблю Юджина, и он любит меня. Как только нам удастся это устроить без большого шума, я уйду к нему. Я считала нужным сказать тебе об этом, так как не собираюсь ничего делать тайком от тебя. Но так будет. Я бы хотела, мамá, чтобы ты перестала на меня смотреть, как на младенца. Я знаю, что делаю. Я давно все обдумала.

«Давно обдумала! — проносилось в мозгу у миссис Дэйл. — Уйду к нему, как только удастся все устроить! Неужели она серьезно говорит о том, что будет жить с человеком, с которым она не обвенчана? С женатым человеком? Эта девочка окончательно сошла с ума! На нее нашло какое-то затмение! Иначе быть не может! Это не моя Сюзанна, моя дорогая, прелестная, очаровательная Сюзанна!»

Вслух она сказала:

— Ты говоришь, что будешь жить с ним... с этим... Нет, я не в силах произнести его имя! Я умру, если не смогу помешать этому! Жить с ним без брака, не позаботившись даже о разводе? Уж не снится ли мне все это?

— Да, я именно так и сделаю, — ответила Сюзанна. — Мы уже обо всем договорились. Миссис Витла знает. Она дала согласие. И я надеюсь, что ты дашь свое, если ты хочешь, чтобы я осталась с тобой, мама!

— Дать свое согласие! Боже правый! Наяву ли это? Моя ли это дочь говорит со мной? Я... — У нее перехватило дыхание. — Если б все это не было так ужасно, я бы, кажется, смеялась до упаду! Я сейчас расхохочусь! У меня будет истерика! У меня голова кружится! Сюзанна Дэйл! Ты с ума сошла! Ты окончательно, бесспоротно сошла с ума! Если ты не замолчишь, если ты не прекратишь этот ужасный бред, я тебя упрячу в сумасшедший дом! Пусть тебя освидетельствуют и установят, в своем ли ты рассудке! Предлагать матери нечто столь

дикое, жуткое, невообразимое! И подумать только, что я прожила с тобою восемнадцать лет, что я баюкала тебя на коленях и вскормила тебя своим молоком, а ты еще смеешь стоять передо мной и говорить, что будешь жить в незаконной связи с человеком, у которого хорошая, преданная жена, жена, с которой он и сейчас живет! Никогда в жизни я не слышала ничего более ужасного! Просто невероятно! Ты этого не сделаешь! Это так же невозможно, как невозможно человеку летать! Я убью его! Я тебя убью! Мне было бы легче увидеть тебя мертвой у своих ног, чем допустить, что моя дочь может стоять передо мной и говорить такие вещи. Этому не бывать. Скорее я собственноручно отравлю тебя! Я что угодно сделаю, приму все меры, чтобы ты никогда больше не видела этого человека! Если он осмелится переступить порог моего дома, я убью его на месте. Я так тебя люблю, я просто молюсь на тебя, но этому не бывать,— слышишь, не бывать! И не смей меня уговаривать! Клянусь, что я убью тебя! Я предпочту тысячу раз видеть тебя мертвой! Подумать только! О, этот зверь, этот изверг! Этот бессовестный негодяй! Войти в мой дом и так поступить со мной, так отблагодарить за мое доброе отношение! Ну, погоди! У него есть положение в обществе, у него есть имя. Я выживу его из Нью-Йорка! Я его разорю! Я сделаю так, что он не посмеет показаться на глаза порядочным людям! Погоди, увидишь!

Лицо ее побелело, руки были сжаты в кулаки, зубы судорожно стиснуты. Она была красива в этот момент дикой красотой тигрицы, обнажившей клыки. Глаза ее метали молнии. Сюзанна и не воображала, что ее мать способна на такой припадок бешенства.

— Странно, мама,— сказала она невозмутимо.— Ты говоришь так, словно имеешь право мною распоряжаться. Тебе хотелось бы, очевидно, доказать мне, что я не смею поступить, как хочу. Уверяю тебя, что я посмею. Моя жизнь принадлежит мне. Я твердо решила и так и поступлю. Ты меня не удержишь. Лучше не пытайся. Если я не сделаю этого сейчас, так сделаю потом. Я люблю Юджина и не намерена ни с кем считаться. Попробуй только помешать мне, и я уйду из дому. Лучше прекрати эти запугивания, все равно ни к чему это не приведет.

— Запугивания! Сюзанна Дэйл, ты не имеешь никакого представления ни о том, что ты говоришь, ни о том, что я намерена сделать! Если хоть малейший слух об этом просочится наружу, ты будешь навсегда изгнана из общества! Понимаешь ли ты, что у тебя не останется ни одного друга, что все твои знакомые, все, кем ты дорожишь, будут обходить тебя за милую? А если бы ты была бедна и нуждалась в работе, тебя не приняли бы даже продавщицей в лавку. Ты уйдешь к нему! Нет, скорее ты умрешь здесь, у меня на глазах! Я слишком люблю тебя, чтобы живую отдать на поругание! Я тысячу раз предпочла бы умереть вместе с тобой! Ты больше не увидишь этого человека ни единого раза, а если он посмеет явиться сюда, я его растерзаю! Запомни мои слова. Я говорю серьезно. Попробуй только не покориться, и ты увидишь, что я сделаю.

Сюзанна лишь улыбнулась в ответ.

— Как ты странно разговариваешь, мама, слушать смешно.

Миссис Дэйл опешила.

— О Сюзанна! Сюзанна! — вдруг воскликнула она. — Пока еще не поздно, пока я не возненавидела тебя, пока ты не разбила мне сердце, скажи, что ты рассказываешься, что с этим будет покончено раз и навсегда, что это был лишь отвратительный, кошмарный, страшный сон. О моя Сюзанна! Моя Сюзанна!

— Нет, нет, мама, — сказала Сюзанна, отступая на шаг. — Не подходи ко мне и не трогай меня! Ты сама не понимаешь, о чем говоришь, и не понимаешь меня и моих намерений. Ты меня не знаешь, мама, и никогда не знала. Ты всегда смотрела на меня сверху вниз, словно ты бог весть какая умная, а я ничтожная дурочка. Между тем это совсем не так. Это совершенно неверно. Я прекрасно знаю, что мне делать. Я прекрасно знаю, к чему стремлюсь. Я люблю мистера Витлу, и я буду ему принадлежать. Миссис Витла все понимает. Ей известно, как это бывает в таких случаях. Ты тоже поймешь. Мне нет дела до того, что обо мне скажут. Мне нет дела до того, как отнесутся ко мне наши друзья из общества. Не от них зависит моя жизнь, тем более что все это ограниченные, эгоистичные люди. Любовь — это нечто совершенно другое. Ты меня не понимаешь. Я люблю

Юджина и буду принадлежать ему, а он будет принадлежать мне. Если ты решила разбить и мою жизнь и его, сделай одолжение, но это все равно ни к чему не приведет. Все равно он будет моим. И лучше прекратить этот разговор.

— Прекратить разговор? Прекратить разговор? Так позволь тебе сказать, что я и не начинала еще говорить! Я еще только пытаюсь собраться с мыслями! Ты безумствуешь, точно одержимая, обманутая девочка, за которой я недостаточно присматривала! Отныне, если только господь пощадит меня, я буду строго исполнять свой долг по отношению к тебе! Ты так нуждаешься в моем руководстве, о, как ты в нем нуждаешься! Бедная моя маленькая девочка!

— Перестань, мама! Прекрати эту истерику! — прервала ее Сюзанна.

— Я позвоню мистеру Колфаксу! Я позвоню мистеру Уинфилду! Я добьюсь, что его выгонят со службы! Я его разоблачу в газетах! Негодяй, подлец, вор! О, зачем я дожила до этого дня? Зачем только я дожила до этого!

— Ну что ж, мама,— устало проговорила Сюзанна.— Продолжай, если тебе угодно. Ты прекрасно знаешь, что все это только слова, и я тоже хорошо это знаю. Ты меня не переделаешь. Словами тут не поможешь. И глупо поднимать такой крик. Почему ты не хочешь успокоиться? Мы можем говорить спокойно, зачем выходить из себя?

Миссис Дэйл приложила руки к вискам. Она не могла опомниться.

— Ну, ладно,— сказала она.— Ничего. Мне нужно собраться с мыслями. Но повторяю: тому, что ты задумала, не бывать. О! О! — и, отвернувшись к окну, она разрыдалась.

Сюзанна смотрела на нее с изумлением. Странная вещь человеческие чувства, когда они касаются нравственности. Вот теперь ее мать плачет из-за того, что ей, Сюзанне, кажется самым желанным, самым чудесным, самым важным на свете. Да, она многое узнала о жизни за последнее время. Действительно ли она так сильно любит Юджина? Да, да, да, конечно! Тысячу раз да! Для нее это не слезы и страдания, а великая, всеобъемлющая, бесконечная радость.

ГЛАВА XIV

Буря не унималась: она продолжала бушевать до часу, до двух, до трех часов ночи, и на следующий день опять с раннего утра до полудня и потом до глубокой ночи, и на третий день, и на четвертый, и на пятый. Это была страшная осада, изнуряющая ум, надрывающая душу, иссушающая сердце. Миссис Дэйл худела. Румянец исчез с ее лица, в глазах появилась растерянность. Она была ошеломлена, терроризирована, доведена до крайности в поисках средств, с помощью которых можно было бы преодолеть сопротивление Сюзанны, ее так неожиданно и бурно проявившуюся волю. Кто мог ожидать, что эта спокойная, мягкая, сдержанная девушка способна действовать так убежденно и решительно? Словно жидкость вдруг приобрела крепость алмаза. Неужели она выкована из железа и сердце у нее каменное? Ничто не трогало ее — ни слезы матери, ни угрозы, сулившие Сюзанне изгнание из общества, гибель физическую и моральную, как ей самой, так и Юджину — огласку в газетах, дом умалишенных. Зная свою мать, Сюзанна считала, что она любит с апломбом, а порой и напыщенно, порассуждать на философские темы, но не принимает этих рассуждений всерьез. Она не верила, что ее мать способна на решительный поступок — поместить ее, свою дочь, в сумасшедший дом или разоблачить Юджина и скомпрометировать себя, а тем более отравить кого-нибудь или убить. Она покричит, покричит — и сдастся. План Сюзанны состоял в том, чтобы довести мать до изнеможения, а самой упорно стоять на своем, пока та не сдастся, пока ее воля не сломится под этим напряжением. А тогда можно будет осторожно замолвить словечко за Юджина, и постепенно, поломавшись и поспорив, мать уступит. Юджин опять будет допущен на семейный совет, и они как следует все обсудят в присутствии матери. Они, пожалуй, даже условятся не во всем соглашаться друг с другом, но рано или поздно он будет принадлежать ей, а она ему. О, сколько счастья сулила эта радостная развязка! Сюзанне казалось, что цель близка, надо только немного потерпеть. Она будет бороться и бороться, пока мать не уступит, и тогда... О Юджин, Юджин!

Однако одержать победу над миссис Дэйл было не так-то легко. Как ни измучила ее эта борьба, она и не думала уступать. Однажды дело дошло чуть не до драки. Сюзанна в пылу спора решила позвонить Юджину и попросить его приехать, чтобы как-то договориться. Миссис Дэйл категорически заявила, что не допустит этого. Слуги и без того постоянно подслушивают за дверью, понимая, что происходит что-то серьезное. Сюзанна решила спуститься в библиотеку, где был телефон. Миссис Дэйл стала у двери, чтобы преградить ей путь. Тогда Сюзанна начала изо всех сил тянуть к себе дверь; миссис Дэйл попыталась оторвать ее руки от двери, но не могла, так как Сюзанна была сильнее.

— Какой позор! — воскликнула она, все еще стараясь удержать дочь. — Какой позор! Ты затеваешь с матерью драку. О, какое унижение!

Она горько, безудержно расплакалась.

— Боже мой, боже мой! — Задыхаясь от рыданий, миссис Дэйл упала в кресло. Волосы ее растрепались, один рукав лопнул по шву. — Как мне после этого смотреть в глаза людям!

Сюзанна глядела на нее с сочувствием. Она видела, что мать ее вне себя от горя.

— Мне очень жаль, мама, — сказала она, — но ты сама во всем виновата. Я могу и не звонить Юджину. Он сам мне позвонит, и я поговорю с ним. А все это оттого, что ты хочешь командовать мной. Ты не желаешь понять, что я взрослый человек, такой же, как и ты. Моя жизнь принадлежит мне, и я могу делать с ней все, что хочу. Все равно тебе не удастся мне помешать. Лучше не мучить друг друга. Я вовсе не хочу ссориться с тобой. И спорить не хочу, но только пора тебе понять, что я взрослая женщина. Давай же говорить разумно! Почему ты не выслушаешь меня и не войдешь в мое положение? Когда два человека любят друг друга, они имеют право соединиться. Никого больше это не касается.

— Никого не касается! Никого не касается! — злобно повторила миссис Дэйл. — Глупый бред влюбленной девчонки! Было бы у тебя хоть малейшее представление о жизни, о том, как устроено общество, ты сама бы над собой посмеялась. Пройдет каких-нибудь десять лет, пройдет год, и тебе станет ясно, какую страшную ошиб-

ку ты собиралась совершить. Тебе трудно будет поверить, что ты способна была на подобный шаг или могла хотя бы думать об этом. Никого не касается! О боже милосердный! Неужели ничто на свете не заставит тебя понять, как дико, как безрассудно то, что ты задумала?

— Но я люблю его, мама! — сказала Сюзанна.

— Люблю! Люблю! Ты говоришь о любви! — горько и страстно воскликнула миссис Дэйл. — Что ты знаешь о любви? Неужели ты думаешь, что он действительно любит тебя, если он способен явиться сюда, выкрасть тебя из порядочного дома, опорочить в глазах общества, разбить твою жизнь, смешать твоё имя с грязью, погубить и тебя, и меня, и твоих сестер, и брата на веки вечные? Что знает он о любви? Что знаешь ты о любви? Подумала ли ты об Адели, о Нинет, о Кинрое? Неужели они для тебя ничего не значат? Где твоя любовь к ним и ко мне? Больше всего я боюсь, как бы Кинрой не проведал об этой истории! Он пойдет к нему и убьет его! Я убеждена, что он это сделает! Я не могла бы ему помешать! Какой позор! Какой скандал! Все рушится вокруг меня! Неужели, Сюзанна, у тебя нет совести, нет сердца?

Сюзанна спокойно смотрела в пространство. Упоминание о Кинрое слегка взволновало ее. Кинрой — смелый мальчик. Он, пожалуй, действительно может убить Юджина. Но, с другой стороны, если бы мать вела себя благоразумно, не понадобилось бы ни убивать Юджина, ни разоблачать его, и вообще все обошлось бы без всяких волнений. Какое дело ей, или Кинрою, или кому бы то ни было до того, как она, Сюзанна, собирается распорядиться своей жизнью? Ведь если кто страдает, так только она. А ее это не пугает. Ну, кому какое до этого дело?

Она высказала эту мысль вслух, и миссис Дэйл принялась умолять ее трезво смотреть на жизнь.

— Много ты знаешь таких дурных женщин, какой собираешься стать сама? Хотела бы ты вести с ними знакомство? Много ли их найдется в порядочном обществе? Попробуй стать на точку зрения миссис Витла! Хотелось бы тебе быть на ее месте? Хотелось бы тебе быть на моем месте? Вообрази на минутку, что ты миссис Витла, а миссис Витла — это ты, что бы ты тогда сказала?

— Я не стала бы удерживать Юджина,— ответила Сюзанна.

— Да, да, конечно! Ты не стала бы удерживать! Возможно — но каково бы у тебя было на душе? Каково было бы на душе у всякой другой женщины? Неужели ты не видишь, как это позорно, как унижительно? Неужели ты совсем уже ничего не понимаешь и не чувствуешь?

— О мама, какие странные рассуждения! То, что ты говоришь, просто неумно! Это ты не считаешься с фактами. Миссис Витла больше не любит Юджина. Это ее собственные слова. Она мне так и написала. Я получила от нее письмо и отдала его Юджину. И он не любит ее. Она это знает. Она знает, что он любит меня. Но если она его не любит, так в чем же дело? Разве он не имеет права любить кого-нибудь другого? А я люблю его и хочу быть с ним. И он хочет быть со мной. Почему же нам не соединиться?

Несмотря на все свои угрозы, миссис Дэйл не могла не задуматься над тем, к каким последствиям привела бы ее попытка предать поведение Юджина общественной огласке. А последствия были бы ужасные и не замедлили бы дать о себе знать. Юджин пользовался известностью. Убить его,— впрочем, она едва ли серьезно думала об этом,— убить и не суметь сохранить преступление в тайне значило вызвать невероятный скандал и всякие расследования, не говоря уже о толках в обществе. Очернить его в глазах Колфакса или Уинфилда значило спорочить Сюзанну не только в их мнении, но и в мнении других членов их круга, поскольку они вряд ли сохраняют это в тайне. Отставка Юджина вызвала бы немало толков. Если он уйдет со службы, Сюзанна может убежать с ним — и что тогда? Миссис Дэйл с ужасом думала о том, что малейшего намека на эту историю, одного неосторожно сказанного слова достаточно, чтобы вызвать катастрофу. С каким восторгом ухватилась бы за подобную сенсацию так называемая желтая пресса! Как смаковала бы она все подробности! Положение в высшей степени опасное. И тем не менее надо что-то сделать, и притом безотлагательно. Но что?

И тут ей пришла мысль, что все же есть меры, к которым можно прибегнуть, не подвергая себя большой опасности и не рискуя несправимыми последствиями.

Только бы выиграть время и убедить Сюзанну подождать. Если ей удастся взять с нее слово, что она в течение десяти или хотя бы пяти дней ничего не предпримет, все может еще окончиться благополучно. За это время она повидается с Анджелой, с Юджином и даже с мистером Колфаксом. Для этого ей нужно было заручиться словом Сюзанны — на которое, она знала, можно было полностью положиться, — что до истечения срока та ничего не предпримет. Под тем предлогом, что Сюзанне самой нужно время, чтобы подумать, миссис Дэйл долго упрашивала ее не спешить, пока девушка, наконец, не согласилась, при условии, что мать разрешит ей позвонить Юджину и сказать, как обстоит дело. Юджин звонил ей на другой день после ее первого разговора с матерью, но слуга, по распоряжению миссис Дэйл, ответил, что Сюзанны нет в городе. Он звонил и на следующий день, и снова с тем же результатом. Он написал письмо, но миссис Дэйл перехватила его и спрятала. И только на четвертый день Сюзанна сама позвонила ему и все рассказала. Юджин испытал острое сожаление, что она поспешила выдать матери их тайну. Но теперь уже ничего не оставалось, как бороться до конца. Он сказал, что готов на любой риск, на любые жертвы, лишь бы добиться Сюзанны.

— Не приехать ли мне, чтобы поддержать вас? — спросил он.

— Нет, не раньше чем через пять дней. Я дала слово.

— И я не увижу вас?

— Нет, Юджин. Только через пять дней.

— Неужели мне нельзя даже позвонить вам по телефону?

— Нет. Подождите пять дней. Тогда — пожалуйста.

— Хорошо, моя радость, мое божество, я подчиняюсь. Я сделаю все, что вы прикажете. Но если б вы знали, родная, какой это долгий срок!

— Я знаю. Но потерпите немного.

— И ваши чувства не изменятся?

— Нет.

— Вас не могут уговорить?

— Нет, конечно, нет. Вы ведь знаете, дорогой, что не могут. Почему же вы спрашиваете?

— О Сюзанна, мне страшно! Вы еще так молоды. любовь такое новое для вас чувство!

— Нет, нет! Мои чувства не изменятся. Мне незачем клясться. Они не изменятся.

— Хорошо, моя радость!

Она повесила трубку, и миссис Дэйл поняла, что ей предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

Прежде всего она тайком от Сюзанны и Юджина навестила миссис Витла, чтобы услышать, что та знает и что может посоветовать.

Надо сказать, что свидание это не дало никаких результатов, если не считать того, что оно еще более распалило сердце Анджелы, а миссис Дэйл снабдило богатым материалом против Юджина. Анджела не оставляла попыток воздействовать на Юджина доводами и мольбами, открыть ему глаза на чудовищность преступления, которое он хотел совершить. Однако, несмотря на ее состояние, несмотря на все ее доводы, он оставался холоден и тверд и так настойчиво повторял, что со старой жизнью покончено, что она приходила в бешенство. Вместо того чтобы уйти от него, положившись на то, что время заставит его одуматься (или же, наоборот, внушит ей, что надо вернуть ему свободу), она продолжала стоять на своем. В ней все еще жило какое-то чувство к Юджину, она привыкла к нему, он был отцом ее будущего ребенка, пусть нежеланного. Наконец, с ним было связано ее положение в обществе, все ее надежды. С какой же стати она уйдет от него. И, опять-таки, оставался страх за будущее, страх перед событием, которое ее ожидало. Ведь она может умереть. Что станет тогда с ребенком?

— Признаться, миссис Дэйл,— сказала она с некоторым вызовом в голосе,— признаться, я не понимаю Сюзанну. Она достаточно взрослый человек и достаточно давно возвращается в общество, чтобы знать, что женатый мужчина — это священная собственность другой женщины.

— Знаю, знаю,— с тайным раздражением отозвалась миссис Дэйл,— но ведь Сюзанна так молода. Уверю вас, вы даже не представляете себе, какой она в сущности ребенок. Она увлекается всякими глупыми сентиментальными теориями. Я немного подозревала это в ней, но не думала, что это может проявиться с такой си-

лой. Не могу понять, от кого она это унаследовала. Отец ее был человек в высшей степени практический. Впрочем, я не знала за ней ничего дурного, пока она не поддалась влиянию вашего мужа.

— Возможно, что и так,— согласилась Анджела,— но и ее есть за что винить. Юджин — слабовольный человек, он увлекается только тогда, когда его увлекают. А девушка, которая не хочет, чтобы ее соблазнили, не поддастся соблазну.

— Сюзанна так молода,— снова插ставила миссис Дэйл.

— Я убеждена, что если бы Сюзанна знала все о похождениях мистера Витлы, она отказалась бы от него,— продолжала Анджела, не сознавая, как опрометчивы ее слова.— Я написала ей. Она должна была бы понять. Его поведение бесчестно и безнравственно, и эта история только лишнее тому доказательство. Я могла бы простить, если бы это было впервые. Но совершенно аналогичный случай произошел лет шесть-семь назад, и года за два до того у него тоже был роман. Если бы он сошелся с Сюзанной, он и ей изменял бы. Сначала он, конечно, будет по уши влюблен, а потом она ему наскучит, и он бросит ее. Да вы и сами поймете, что это за человек. Представьте, совсем недавно он заявил, что намерен снять отдельную квартиру для Сюзанны, и потребовал, чтоб я не мешала ему и никому об этом не говорила! Подумайте только!

Миссис Дэйл многозначительно покачала головой. Конечно, со стороны Анджелы было глупо так отзывать-ся о муже, но об этом не стоило сейчас говорить. Быть может, Юджин и сделал ошибку, женившись на ней. Впрочем, это не могло оправдать в глазах миссис Дэйл его желание увлечь Сюзанну. Будь он свободен, иное дело. Его положение, его ум, манеры — тут нечего было возразить, хотя бы он и был невысокого происхождения.

День уже клонился к вечеру, когда миссис Дэйл рассталась с Анджелой, довольно обескураженная тем, что она видела и слышала, и еще более утвердившаяся в мысли, что необходимы самые решительные меры. Анджела никогда в жизни не даст мужу развода. Юджин, с точки зрения нравственности, не может быть для ее дочери подходящим мужем. Все это грозит грандиозным

скандалом, в результате которого имя Сюзанны будет опорочено. В полном отчаянии миссис Дэйл решила — за неимением лучшего выхода — повидать Юджина и попытаться убедить его не встречаться с Сюзанной, пока он не получит развода. А тогда, во избежание худшего, она даст согласие на их брак, — впрочем, только на словах. На деле ей хотелось лишь одного — чтобы Сюзанна отказалась от Юджина. Лучше всего было бы куда-нибудь увезти ее или уговорить не губить свою жизнь. Все же она решила повидаться с Юджином.

На следующее утро Юджин сидел в своем кабинете в издательстве, ломая голову над тем, что могла означать эта пятидневная отсрочка, и тщетно стараясь сосредоточиться на многочисленных делах, требовавших его неустанного внимания и в данный момент изрядно запущенных, как вдруг ему подали карточку миссис Дэйл. Юджин мгновенно отпустил секретаря и приказал никого не принимать, а затем распорядился провести к нему неожиданную посетительницу.

Миссис Дэйл была бледна и печальна, но одета самым изысканным образом — в зеленовато-голубом шелковом платье и модной шляпке из черной соломки с перьями. Она и сама производила впечатление совсем еще молодой, красивой женщины, отнюдь не слишком старой для Юджина. Между прочим, было время, когда она подумывала о том, что он, пожалуй, способен в нее влюбиться. Но каковы бы ни были когда-то ее мысли, сейчас она гнала их прочь, ибо в них фигурировали развод или разрыв с Анджелой, или даже ее безвременная кончина, и страстная любовь Юджина к ней самой. Теперь, разумеется, с подобными мечтами было покончено, тем более что под влиянием пережитых волнений и страхов они почти изгладились из памяти миссис Дэйл. Юджин, со своей стороны, не забыл, что и он когда-то испытывал нечто подобное в отношении миссис Дэйл и что миссис Дэйл всегда выказывала к нему расположение. Сейчас, однако, ее привели сюда совершенно иные мысли и мотивы, и ему предстояло собрать все силы для борьбы с нею.

При появлении миссис Дэйл Юджин внимательно посмотрел на нее, любезно улыбнулся, хоть это и стоило ему некоторых усилий, и спросил деловым тоном:

— Чем могу служить?

— Злодей! — воскликнула она, словно в мелодраме — Моя дочь мне все рассказала!

— Да, Сюзанна сообщила мне об этом по телефону, — ответил он примирительно.

— И мне следовало бы убить вас тут же, на месте, — продолжала она тихо, но возбужденно. — Подумать только, что я впустила в свой дом такое чудовище и позволила ему находиться вблизи моей дорогой невинной дочери! Сейчас это мне кажется невероятным! Я не могу прийти в себя от ужаса! Как вы смели, — да еще имея такую милую, прекрасную жену, зная, что она больна и в таком положении?.. Будь в вас хоть капля порядочности, хоть капля совести... Когда я думаю об этой несчастной достойной женщине и о том, что вы сделали или намереваетесь сделать... О, если бы я не боялась скандала, вы не вышли бы отсюда живым.

— О, господи! Зачем говорить заведомый вздор, миссис Дэйл? — сказал Юджин, с трудом скрывая раздражение. Ему противна была ее мелодраматическая поза. — Этой бедной и достойной женщине, за которую вы заступаетесь, вовсе не так уж плохо живется, и, уверяю вас, она не настолько нуждается в вашем сочувствии, как вы воображаете. Несмотря на болезнь, она прекрасно умеет постоять за себя. Что же касается ваших планов предать меня смерти — собственноручно или через посредство третьих лиц, — то это, пожалуй, неплохая мысль, и я не стану вас отговаривать. Я не так уж влюблен в жизнь. Но позвольте вам заметить, что сейчас не сороковые годы, что мы живем в конце девятнадцатого века и притом в Нью-Йорке. Я люблю Сюзанну, и она любит меня, мы хотим принадлежать друг другу. Так вот надо найти такой выход из положения, который и для вас был бы приемлем, и устроил бы нашу судьбу. Сюзанна не меньше меня жаждет найти этот выход. Мысль эта принадлежит ей в такой же мере, как и мне. Отчего это вас так страшно волнует? Ведь вы хорошо знаете жизнь.

— Почему это меня волнует? Да как же мне не волноваться? И как можете вы, вы, человек, занимающий такое положение, стоящий во главе такого огромного дела, хладнокровно спрашивать, почему это меня волнует? Разве речь идет не о счастье моей дочери? Почему я

волнуюсь? Моя дочь — девочка, только что выросшая из коротких платьиц и совершенно не знающая жизни! И вы осмеливаетесь говорить мне, что она сама подала вам такую мысль! О низкий негодяй! Подумать только, что я могла так ошибиться в человеке! Это вы обманули меня вашими вкрадчивыми манерами и вашими разговорами о счастливой семейной жизни! Не понимаю, как я не догадалась раньше, видя вас так часто без жены. Я должна была бы понять Я и догадывалась, бог мне свидетель, но закрывала на это глаза. Меня обманула ваша мнимая порядочность. Я нисколько не виню бедняжку Сюзанну, я виню только вас. Вы обманщик, негодяй! И себя виню за свою глупость! Но я достаточно наказана.

Юджин только смотрел на нее и барабанил пальцами по столу.

— Но я пришла сюда не за тем, чтобы спорить с вами,— продолжала миссис Дэйл.— Я пришла сказать, что вы никогда больше не должны видеться с моей дочерью, ни разговаривать с ней, ни показываться там, где вы могли бы ее встретить, хотя могу вас уверить, что ноги ее не будет там, где будете вы. Очень скоро для вас будут закрыты двери всякого порядочного дома, об этом уж я позабочусь! Если вы сейчас же не дадите мне слово никогда больше не видеться с ней и не писать ей, я пойду к мистеру Колфаксу, с которым, как вам известно, я лично знакома, и все расскажу ему. Я убеждена, что, узнав о ваших прежних похождениях и о том, как вы намеревались поступить с моей дочерью, невзирая на положение вашей жены, он недолго пожелает пользоваться вашими услугами. Я пойду к мистеру Уинфилду, моему старому другу, и ему тоже все расскажу. Вам без всякого шума закроют доступ в общество, и моя дочь при этом нисколько не пострадает. Она так молода, что если история эта выплывет наружу, вся вина падет на вас. Миссис Витла рассказала мне вчера про ваше безобразное поведение. Вы рассчитывали сделать Сюзанну своей четвертой или пятой жертвой. Так нет же, это вам не удастся. Вы еще не знаете, что такое оскорбленная мать,—теперь вы это узнаете. Попробуйте поступить мне наперекор, если посмеете! Я требую, чтобы вы немедленно написали Сюзанне прощальное письмо, тут же, не сходя с места. Я лично передам его.

Юджин саркастически улыбнулся. Упоминание об Анджеле взбесило его. Миссис Дэйл была у них дома, и Анджела ей все выложила про него, про его прошлое. Какая низость! Ведь она все-таки его жена! Только сегодня утром она умоляла его, заклиная своей любовью, не бросать ее и ни единым словом не обмолвилась о посещении миссис Дэйл. Любовь, любовь! Хороша любовь, нечего сказать. Ведь он немало сделал для Анджелы,— могла бы она проявить хоть чуточку великодушия в такую трудную минуту, даже если это и тяжело ей.

— Написать вам официальное заявление о своем отказе от Сюзанны, не так ли? — сказал он с кривой усмешкой.— Какой абсурд! Разумеется, я этого не сделаю! Что же касается вашей угрозы пожаловаться мистеру Колфаксу, то я уже слышал ее от миссис Витла. Прошу вас, вот дверь. Его кабинет шестью этажами ниже. Если угодно, я велю курьеру проводить вас. Расскажите все мистеру Колфаксу, и вы увидите, много ли потребуется времени, чтобы это стало известно всем. Можете идти также к мистеру Уинфилду. Мне нет дела ни до него, ни до мистера Колфакса! Если вам хочется, чтобы об этой истории заговорили, тогда идите. Она получит широкую огласку, могу вас уверить. Я люблю вашу дочь. Я не могу жить без нее. Я буквально схожу по ней с ума.— Юджин встал.— И она любит меня, так по крайней мере, мне кажется. Во всяком случае я все ставлю на эту карту. С точки зрения любви моя жизнь была пуста. Я никогда не любил по-настоящему. А теперь я безумно люблю Сюзанну Дэйл. Я ни о чем и ни о ком, кроме нее, не в состоянии думать. Если бы вы способны были посочувствовать человеку, никогда не знавшему счастья, изголодавшемуся по любви, не нашедшему идеала ни в одной женщине, вы бы отдали мне вашу дочь. Я люблю ее, люблю! Ко всем чертям! — Он стукнул кулаком по столу.— Я на все готов ради нее! Если только она согласится быть моей, пусть Колфакс подавится своей службой, а Уинфилд — своей строительной компанией. А вы можете взять себе все ее деньги, если ей угодно будет вам их отдать. Я могу уехать за границу и там заработать на жизнь своей кистью. Я так и сделаю. Так поступали до меня многие американцы. Я люблю ее, слышите? Я люблю ее, и можете не сомневаться, что она будет моей! Вам не удастся помешать мне. У вас не хва-

тит ума, не хватит сил, не хватит находчивости, чтобы противостоять этой девушке! Она сильнее, она благороднее вас. Она выше всех современных понятий об обществе и жизни. Она любит меня и хочет быть моей,— она идет на это по доброй воле, свободно, с радостью. Найдете ли вы что-нибудь подобное в вашем высшем обществе с его мелкотравчатыми мыслями и чувствами? Вы говорите, что меня ждет изгнание? Но какое мне дело до вашего общества? До этого сборища пошляков, безмозглых ничтожеств, беззастенчивых грабителей, шулеров, воров, блюдолизов... Недурная компания! Мне смешно, что вы явились сюда с таким величественным видом читать мне нотацию. Какое мне до вас дело? Когда я познакомился с вами, вы показались мне совершенно другим человеком, не такой ограниченной мещанкой. Но вы несколько не лучше всех остальных. вы такая же покорная раба предрассудков и условностей. Ну что ж,— он щелкнул пальцами чуть ли не перед самым носом миссис Дэйл,— делайте все, что вам вздумается! Все равно Сюзанна будет моей! Она сама придет ко мне. Она на вас не посмотрит. Бегите к Колфаксу! Бегите к Уинфилду! Ничто вам не поможет. Она моя. Она по праву моя. Сюзанна — человек в полном смысле этого слова. Само провидение послало ее мне. И она будет принадлежать мне, хотя бы мне пришлось сокрушить и вас, и вашу семью, и себя самого, и всех, кто станет мне поперек дороги. Она будет принадлежать мне! Она моя! Моя! — Он конвульсивно выбросил вперед руку.— А теперь идите и делайте все, что вам угодно! Слава богу, я нашел хоть одну женщину, которая знает, что значит жить и любить! И она принадлежит мне!

Миссис Дэйл смотрела на него в изумлении, не веря своим ушам. Уж не сошел ли он с ума? Неужели он действительно так любит? До чего же Сюзанна вскружила ему голову! Вот странно. Она никогда не видела его таким. Она никогда не подумала бы, что он способен на такое чувство. Он всегда был такой спокойный, улыбающийся, мягкий, остроумный. А тут,— откуда взялся этот трагизм, этот огонь, эта страсть, эта жажда любви? Глаза его горели, видно было, что этот человек способен на все. Он, должно быть, действительно любит.

— О, зачем вы хотите причинить мне столько горя? — захныкала она вдруг. Лишь на одно мгновение

прониклась она его душевной болью, и в ней заговорило сочувствие.— Зачем вы вторглись в мою семью и пытаетесь ее разрушить? На свете сколько угодно женщин, которые рады будут полюбить вас, сколько угодно женщин, которые больше подходят вам и по годам и по темпераменту, чем Сюзанна. Она не понимает вас. Она сама себя не понимает. Она просто девочка — глупенькая влюбленная девочка. Это какой-то гипноз. О, зачем вы добиваетесь ее? Вы, который настолько старше, настолько опытнее! Откажитесь от нее! Я совсем не хочу идти к мистеру Колфаксу. Я совсем не хочу довериться мистеру Уинфилду. Я это сделаю в крайнем случае, но я не хочу этого. Я всегда была самого высокого мнения о вас. Я знаю, что вы незаурядный человек. Так помогите же мне восстановить мое уважение, мое доверие к вам. Я, может быть, не забуду, но я прощу. Вероятно, вы и в самом деле несчастливы в семейной жизни. Мне очень жаль вас. Я совсем не хочу вам мстить. Я не хочу делать ничего, что могло бы привести к тяжелым для вас последствиям. Я только хочу спасти бедняжку Сюзанну. О, прошу вас! Пожалуйста! Я ее так люблю! Вы едва ли в состоянии понять мои переживания, переживания матери! Как бы сильна ни была ваша любовь, вы не можете не считаться с другими. Истинная любовь великодушна. Я знаю, что Сюзанна упряма и своевольна и сейчас готова на все. Но она изменится, если вы ей поможете. Если вы ее действительно любите, если в вас есть хоть капля сострадания ко мне, если вам хоть сколько-нибудь дороги ее и ваше собственное будущее, откажитесь от ваших планов и верните ей свободу. Скажите ей, что вы ошиблись. Напишите ей сейчас же. Объясните, что вы не решаетесь на такой шаг, так как это значило бы навлечь бесчестие на меня, на нее и на вас, и потому вы отказываетесь от нее. Скажите, что вы решили подождать, пока время не вернет вам свободу — если это вам действительно суждено.— и дайте ей возможность самой судить о том, не найдет ли она счастье без вас. Неужели вы решитесь погубить такое невинное существо? Ведь она так молода, так неопытна. Если вы знаете, что такое жизнь, если вы способны хотя бы на малейшее уважение и внимание к другим, умоляю вас. умоляю как любящая мать — откажитесь от Сюзанны!

Слезы выступили у нее на глазах, она тихо заплакала, спрятав лицо в платок. Юджин озадаченно смотрел на нее. Что он делает? На что идет? Неужели он такой дурной человек, каким его изображают? Может быть, он в самом деле обезумел? Или вовсе лишен сердца? Горе миссис Дэйл и Анджелы, угрозы рассказать о его поведении Колфаксу и Уинфилду — все это на мгновение отрезвило его. словно яркая вспышка молнии вдруг озарила окружавший его мрак. На секунду в нем заговорило сочувствие: он понял, сколько горя он собирается причинить и как это безрассудно. Но это было лишь на миг, потом все прошло. Снова перед ним всплыл образ Сюзанны, ее точно высеченное из мрамора лицо, ее красота, ее глаза, губы, волосы, ее стремительные, словно натянутая тетива, полные жизни движения, ее улыбка. Отказаться от нее! Отказаться от Сюзанны, от мечты об отдельной студии, от постоянного радостного общения с ней! Разве Сюзанна этого от него хочет? Разве это говорила она ему в последний раз по телефону! Нет! Нет! Бросить ее сейчас, когда она всем своим существом рвется к нему? Нет, нет и нет! Никогда! Он еще поборется! Пусть даже его ждет гибель в борьбе. Ни за что! Ни за что!

Мысли его путались.

— Я не могу этого сделать, — сказал он, снова вскакивая, так как после своей предыдущей тирады он опять тяжело опустился на стул. — Я не могу этого сделать. Вы просите невозможного. Этого никогда не будет. Видит бог, я одержим любовью и не могу жить без Сюзанны. Идите и делайте все, что вам угодно, но она должна принадлежать мне, и она будет принадлежать мне. Она моя! Моя! Моя!

Его тонкие, худые руки сжались в кулаки, он скрипнул зубами.

— Моя, моя, моя! — бормотал он, словно злодей из дешевой мелодрамы.

Миссис Дэйл покачала головой.

— Да поможет господь нам обоим! — сказала она. — Никогда, никогда не будет она вашей! Вы недостойны ее! Вы ненормальны! Я буду бороться с вами всеми доступными мне средствами. Я ни перед чем не остановлюсь. Я богата и сумею постоять за себя. Она не достанется вам! Посмотрим, кто из нас одержит верх! —

Она встала и пошла к двери. Юджин последовал за ней.

— Делайте, что хотите,— спокойно ответил он,— но помните, что вы проиграете. Сюзанна придет ко мне. Я это знаю. Я это чувствую. Я, возможно, потеряю многое другое, но она будет моей. Я добьюсь ее! Она моя!

— О! — устало вздохнула миссис Дэйл, наполовину убежденная его словами.— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Тогда я ухожу.

— Прощайте,— сказал он торжественно.

— Прощайте,— ответила она.

Она вышла бледная как полотно, с широко раскрытыми глазами. Юджин бросился к телефону, но, вспомнив, что Сюзанна просила его не звонить и во всем на нее положиться, повесил трубку.

ГЛАВА XV

Пыл и пафос, которыми были проникнуты слова миссис Дэйл, должны были бы послужить Юджину предостережением. У него мелькнула на мгновение мысль догнать ее и попытаться еще как-то на нее воздействовать, сказать, что он приложит все усилия к тому, чтобы добиться развода и жениться на Сюзанне, но он вспомнил, что Сюзанна особенно настаивала на своем нежелании вступать в брак. Он не мог бы точно сказать, когда, где и при каких обстоятельствах она высказала это своеобразное желание, которое было, впрочем, вполне осуществимо при условии, что они будут вести себя тактично. Ничего ужасного нет в том, размышлял он, что два человека хотят сойтись подобным образом. Что тут особенного? Одному богу известно, сколько в мире таких незаконных, не совсем, может быть, обычных связей, и незачем обществу приходить в волнение из-за одного лишнего случая, особенно если люди действуют осмотрительно и дипломатично. Ни он, ни Сюзанна не собираются трубить на весь мир о своей связи. Вполне естественно, что он, выдающийся художник,— правда, забросивший на время свою кисть, но тем не менее законченный и признанный художник,— хочет иметь от-

дельную студию. Там он и Сюзанна могут встречаться. Никто не увидит в этом ничего предосудительного. Только зачем Сюзанна все рассказала матери? Прекрасно можно было обойтись без этого. Станные у нее принципы — говорить правду при любых обстоятельствах. А между тем она в сущности не всегда говорит правду. Она обманывала мать хотя бы уже тем, что так долго держала ее в полном неведении. Или это злая шутка судьбы, которая хочет над ним насмеяться? Не может быть. И все же настойчивость Сюзанны казалась ему теперь роковой ошибкой. Он сидел, погруженный в глубокое раздумье. Неужели он так страшно заблуждается? Неужели он когда-нибудь пожалеет? Вся его жизнь ставится сейчас на карту. Может быть, повернуть назад?

Нет! Нет! Нет! Никогда! Не бывать этому! Он должен идти напролом! Иного выхода у него нет!

Юджин долго сидел и думал.

Следующий шаг, который предприняла миссис Дэйл, не доставил ей таких неприятностей, как первый, хотя пользы и он не принес. Она вызвала своего домашнего врача, доктора Летсона Вули, пользовавшегося неограниченным доверием своих пациентов. Будучи сам человеком строгих правил, непоколебимым в вопросах чести и морали, он проявлял достаточную широту взглядов и терпимость, когда речь шла о ближнем.

— Ну, миссис Дэйл, чем могу вам быть полезен сегодня? — спросил он, входя в библиотеку, расположенную на первом этаже, и сердечно, хотя и с несколько усталым видом, пожимая ей руку.

— Ах, доктор Вули, у меня такие неприятности! — сразу же начала миссис Дэйл. — У нас собственно никто не болен. Но уж лучше бы болезнь. Дело гораздо серьезнее. Я вызвала вас, потому что рассчитываю на вашу помощь и сочувствие. Речь идет о моей дочери Сюзанне.

— Так, так, — пробормотал доктор. Голос его звучал хрипловато, потому что его голосовые связки были стары. Глаза зорко смотрели из-под мохнатых седых бровей — это был взгляд человека, умеющего многое видеть и таить про себя. — Что же с ней случилось? Что она сделала такого, чего не следовало бы делать?

— Ах, доктор, — воскликнула миссис Дэйл, чуть не плача, так как переживания последних дней совсем лишили ее самообладания, — я не знаю даже, что вам ска-

зять. Не знаю, с чего начать. Сюзанна, моя дорогая, моя бесценная Сюзанна, которой я так бесконечно доверяла, на которую так полагалась...

— Ну, ну, что же дальше? — прервал ее излияния доктор Вули.

И миссис Дэйл рассказала ему всю историю и ответила на некоторые в упор поставленные вопросы.

— Говоря по правде, вы должны еще быть благодарны судьбе, — сказал он. — Сюзанна могла уступить этому человеку тайком от вас и потом сообщить вам об этом как о свершившемся факте, а может быть, и совсем не сообщить.

— Не сообщить? О доктор! Моя Сюзанна!

— Миссис Дэйл, прежде чем стать вашим врачом, я был домашним врачом вашей матери. Я немного разбираюсь в человеческой природе вообще и неплохо изучил членов вашей семьи в частности. Ваш муж, если вам угодно будет вспомнить, был человек весьма решительный. Сюзанна, возможно, унаследовала его характер. Она очень молода, — прошу не забывать этого, — она сильная, здоровая девушка. Сколько лет этому Витле?

— Лет тридцать восемь, тридцать девять, доктор.

— Гм! Я так и думал. Опасный возраст. Надо только удивляться, что вы сами так благополучно миновали этот период. Ведь и вам под сорок, не правда ли?

— Да, доктор, но вы единственный человек, которому это известно.

— Знаю, знаю! Возраст опасный. Вы говорите, что он стоит во главе «Юнайтед мэгэзинс»? Я, кажется, слышал про него. Я знаком с мистером Колфаксом. И вы находите, что этот человек способен так увлечься?

— Мне и в голову не приходило — до этой истории.

— Что ж, тут нет ничего невозможного. Тридцать восемь — тридцать девять, с одной стороны, и восемнадцать — девятнадцать, с другой, — никуда не годится. А где Сюзанна?

— Вероятно, наверху, у себя в комнате.

— Может быть, мне поговорить с ней, хотя вряд ли это поможет.

Миссис Дэйл вышла и не возвращалась добрых три четверти часа. Сюзанна была раздражена, она упрямилась и на все уговоры матери отвечала отказом. Зачем вмешивать в это дело посторонних людей, а тем более

доктора Вули, которого Сюзанна хорошо знала и очень любила? Когда мать сказала ей, что доктор Вули хочет ее видеть, она сразу заподозрила, что это имеет какое-то отношение к Юджину, и спросила, зачем она понадобилась доктору. В конце концов она согласилась спуститься, хотя сделала это с единственной целью доказать матери всю бессмысленность и глупость этой суматохи.

Старый доктор сидел и думал о странной неразберихе, именуемой жизнью, где действуют непонятные законы физики и химии, где свирепствуют недуги и бушуют человеческие страсти — любовь и ненависть в их различных проявлениях; когда вошла Сюзанна, он поднял голову и внимательно посмотрел на нее.

— Рад вас видеть, Сюзанна,— с шутливой ласковостью сказал он, вставая и делая несколько шагов ей навстречу.— Как поживаете?

— Очень хорошо, доктор, а вы как?

— Да как видите, как видите, Сюзанна,— еще немного постарел, стал еще немного суетливее. Ничего не поделаешь, когда чужие горести — твои горести. Мне ваша матушка рассказала, что вы влюбились. Это очень интересно, не правда ли?

— Знаете, доктор,— вызывающе ответила Сюзанна,— я уже сказала мамá, что у меня нет желания обсуждать этот вопрос, и я считаю, что она не имеет никакого права принуждать меня к этому. Я не хочу говорить на эту тему и не стану. Я нахожу, что это величайшая бестактность.

— Бестактность? — повторила миссис Дэйл.— Ты считаешь, что обсуждать твои намерения — бестактность? А я должна тебе сказать, что люди назовут то, что ты собираешься сделать, преступлением!

— Я уже сказала, мама, что пришла сюда не для того, чтобы спорить, и предпочитаю молчать! — сказала Сюзанна, поворачиваясь к матери.— Мне здесь нечего делать. Я не хотела обидеть доктора Вули, но и не намерена оставаться здесь и снова выслушивать все, что тебе вздумается сказать.

Она шагнула к двери.

— Вот что, миссис Дэйл, вы нам не мешайте,— сказал доктор Вули, и уже самый тон, каким он это сказал, заставил Сюзанну остановиться.— Я тоже того мнения,

что разговоры делу не помогут. Сюзанна убеждена, что задумала что-то очень хорошее. Возможно, что это и так. Кто знает? Единственное, что стоило бы, по-моему, обсудить,— если вообще тут можно что-либо обсуждать,— это вопрос о времени. Я считаю, что Сюзанне было бы лучше немного подождать, прежде чем приводить в исполнение свое намерение, которое, надо полагать, не так уж плохо. Я совершенно не знаю мистера Витлу. Быть может, это способнейший и достойнейший человек. И все же Сюзанне следовало бы немного подождать. Я сказал бы, месяца три, а то и полгода. Ведь решение такого вопроса влечет за собой всевозможные последствия,— обратился он к Сюзанне.— Подумайте об обязанностях, которые выпадут на вашу долю, к которым вы, быть может, еще не совсем готовы. Не забывайте, что вам только восемнадцать или девятнадцать лет. Может случиться, что вам придется отказаться от выездов в свет, от танцев, от путешествий, да мало ли еще от чего — и целиком посвятить себя обязанностям матери и заботам о муже. Ведь вы предполагаете навсегда остаться с ним, не так ли?

— Я не хочу говорить об этом, доктор Вули.

— Но ведь это так, не правда ли?

— До тех пор, пока мы будем любить друг друга.

— Гм! Но ведь вы будете любить его какое-то время,— вы не станете этого отрицать, конечно?

— Разумеется, но к чему этот разговор? Я приняла решение.

— Речь идет лишь о том, чтобы вы еще немного подумали,— ласково продолжал доктор Вули, уже одним своим тоном обезоруживая Сюзанну и удерживая ее на месте,— чтобы не торопились и хорошенько взвесили все обстоятельства. Ваша матушка любит вас, и в глубине души, я убежден, вы тоже любите ее, несмотря на эту небольшую размолвку. Я и подумал, что во имя сохранения добрых чувств вы могли бы пойти на некоторые уступки,— ну, скажем, подождать полгода или даже год, и за это время как следует все обдумать. Мистер Витла, вероятно, не станет возражать. За такой срок чувства его к вам не изменятся. Что же до вашей матушки, то ей было бы легче, если бы она знала, что вы приняли решение не опрометчиво, а после зрелых размышлений.

— Да,— с жаром воскликнула миссис Дэйл,—

подожди и подумай, Сюзанна! Что значит один год?

— Нет,— нетерпеливо ответила Сюзанна.— Весь вопрос в том, хочу я ждать или нет. А я не хочу.

— Совершенно верно. Но все же вы могли бы принять мои слова в соображение. Согласитесь, что дело серьезное, под каким углом его ни рассматривай. Я не берусь это утверждать, но у меня такое чувство, что вы собираетесь совершить крупную ошибку. Опять-таки это только мое личное мнение. Вы имеете право судить по-своему. Я прекрасно понимаю, как вы на это смотрите, но общество, быть может, отнесется к такому шагу иначе, чем вы. Думать о мнении общества, Сюзанна, это, конечно, скучная материя, но все же нельзя с ним и не считаться.

Сюзанна упрямо и устало смотрела на своих мучителей. Их доводы не доходили до нее. Она думала о Юджине и о своем решении. Оно вполне осуществимо. Какое ей дело до общества? Она незаметно все ближе и ближе подвигалась к двери и наконец приотворила ее.

— Ну вот, как будто и все,— сказал доктор Вули, убедившись, что она твердо решила уйти.— До свидания, Сюзанна. Я рад, что повидал вас.

— До свидания, доктор Вули,— ответила она.

Она вышла, и миссис Дэйл в отчаянии заломила руки.

— Что же мне делать? — воскликнула она, глядя на своего советчика.

Доктор Вули подумал о том, как глупо давать советы людям, которые не желают их принимать.

— Не стоит волноваться,— сказал он, немного помолчав.— Я убежден, что она подождет, если вы правильно подойдете к ней. Сейчас она по какой-то причине крайне взвинчена и упорствует. Вы слишком на нее нажимаете. Действуйте мягче! Пусть она сама все хорошенько обдумает. Советуйте ждать, но не настаивайте. Силой вы ничего не добьетесь. У нее слишком непреклонная воля. Слезы тоже не помогут. Излишняя чувствительность раздражает. Уговорите ее еще подумать или лучше предоставьте это ей самой и просите только не торопиться. Если бы вам удалось увезти ее недели на три или, еще лучше, на несколько месяцев, чтобы она уехала по доброй воле и могла бы отдохнуть и от ваших

доводов и от его влияния, если бы она сама попросила его оставить ее на некоторое время, все было бы хорошо. Вряд ли она уйдет к нему. Она думает, что сделает это, но мне что-то не верится. Как бы там ни было, сохраняйте спокойствие. И уговорите ее уехать из Нью-Йорка.

— А можно было бы, доктор, запереть ее в какой-нибудь санаторий или в дом для душевнобольных, пока она не образумится?

— На свете все можно, но я бы сказал, что это наименее благоразумно из всего, что вы могли бы сделать. Насилие в таких случаях ни к чему не приводит.

— Я знаю, но что, если она не одумается?

— Право же, миссис Дэйл, об этом рано судить. Вы не пробовали говорить с ней спокойно. Вы только ссоритесь. От этого мало пользы. Вы все дальше и дальше отходите друг от друга.

— Какой у вас практический ум, доктор,— польстила ему миссис Дэйл, несколько успокоенная его словами.

— Дело не в практичности, а в интуиции. Будь я человеком практического ума, я бы не посвятил себя медицине.

Он направился к двери, и его старческое тело под действием собственной тяжести, казалось, оседало на каждом шагу. Но у порога он еще раз обернулся. Усталые серые глаза чуть заискрились, когда он сказал:

— Ведь и вы когда-то любили, миссис Дэйл?

— Да,— ответила она.

— Вы помните, что вы тогда переживали?

— Да.

— Так будьте же благоразумны. Постарайтесь вспомнить ваши собственные чувства, ваше собственное поведение. Вполне вероятно, что вам никто не ставил преград. А она этого не может сказать про себя. Она готова сделать ошибку. Мы хотим воспрепятствовать этому, и нет сомнения, что нам это удастся. Будьте же терпеливы. Ведите себя спокойнее. Поступайте по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами.

Шаркая ногами, он прошел через веранду и спустился по широким ступенькам к ожидавшей его машине.

— Мама,— сказала Сюзанна после ухода доктора Вули, когда миссис Дэйл зашла к ней, чтобы посмотреть,

не смягчилась ли она немного, и опять попросить ее не торопиться с решением.— Мама, зачем ты позоришь себя и меня? Для чего тебе понадобилось рассказать все доктору Вули? Этого я тебе никогда не прощу. Я не считала тебя способной на это. Я думала, у тебя больше гордости, больше собственного достоинства.

Надо было видеть Сюзанну в эту минуту, когда она стояла в своем просторном будуаре, спиной к овальному зеркалу туалета и лицом к матери, чтобы понять, чем она приворожила Юджина. Комната была вся залита ярким солнцем, и девушка в своем белом с голубым утреннем платье казалась на этом фоне лучезарной и легкой.

— Пойми, Сюзанна,— сказала миссис Дэйл совсем убитым голосом,— я просто не могу больше. Нужно же мне с кем-нибудь посоветоваться. Ведь я совершенно одна, если не считать тебя, Кинроя и детей,— в разговоре с Сюзанной и Кинроем, она называла Адель и Нинетту детьми,— а им мне, конечно, не хотелось бы говорить. Ты всегда была единственным человеком, с которым я делилась. Но раз ты пошла против меня...

— Вовсе я не иду против тебя, мама!

— Ах, вот как. Но не будем об этом говорить, Сюзанна. Ты разбила мне сердце! Ты меня буквально убиваешь. Мне необходимо было с кем-то посоветоваться. Доктор Вули наш старый друг. Он такой славный и отзывчивый.

— Ах, мама, я знаю, но к чему все это? Какая может быть польза от его слов? Разве он может меня переделать? Просто ты рассказываешь обо всем человеку, которому совершенно незачем это знать.

— Но я думала, что он может оказать на тебя влияние,— взмолилась миссис Дэйл.— Я думала, что ты слушаешься его. О боже, боже! Как я устала! Лучше бы мне не дожить до этого!

— Ну вот, опять ты начинаешь, мама,— уже более мягким тоном сказала Сюзанна.— Я не понимаю, почему ты в таком отчаянии. Я собираюсь устраивать свою жизнь, а не твою. Ведь это я так буду жить, а не ты.

— Разумеется, но то-то и пугает меня. Что у тебя за жизнь будет, если ты это сделаешь, если ты себя погубишь? Пойми только, что ты задумала, какой тебя ждет ужас! Никогда ты не будешь с ним жить, он слишком

стар для тебя и слишком избалован женщинами, ему нельзя верить. Он скоро тебя разлюбит, и ты останешься одна — незамужняя женщина, возможно, с младенцем на руках, отверженная обществом. Куда ты тогда денешься?

— Мама,— спокойно сказала Сюзанна, и ее розовые губы раскрылись, как у ребенка,— я обо всем этом думала. Я прекрасно все понимаю. Но мне кажется, что вообще из-за этого поднимают слишком много шума — и не только ты, но и другие. Ты предусматриваешь все, что только может случиться, но ведь не всегда это случается. Я убеждена, что многие так поступают, и никто не придает этому такого значения.

— Да, в книгах,— сказала миссис Дэйл.— Я знаю, откуда это у тебя. Просто начиталась романов.

— Пусть так, но все равно будет по-моему. Я твердо решила. Пятнадцатого сентября я перееду к мистеру Витле, и лучше бы ты теперь же с этим примирилась. Разговор происходил десятого августа.

— Сюзанна,— сказала миссис Дэйл, не сводя с дочери пристального взгляда,— я никогда не поверила бы, что ты способна говорить со мной таким тоном. Ничего подобного ты не сделаешь! Как ты можешь быть такой упрямой? Откуда в тебе это железное упорство? Так, значит, тебе безразлично все, что я сказала про Адель, и Нинетту, и Кинроя? Неужели у тебя совершенно нет сердца? Почему ты не хочешь подождать, как советует и доктор Вули, каких-нибудь полгода или год? Почему ты очертя голову решаешься на эту сумасбродную затею? Ведь это такой безумный, дикий эксперимент. Ты, в сущности, даже не дала себе труда подумать, у тебя не было на это времени.

— О нет, мама, я очень много думала. Я знаю, что делаю. Я говорю: пятнадцатого сентября, так как обещала Юджину, что не заставляю его ждать дольше, и я сдержу свое обещание. Я хочу уйти к нему. Уже прошло целых два месяца с тех пор, как мы с ним впервые об этом заговорили.

Миссис Дэйл передернуло. Ей и в голову не приходило уступить дочери, но этот срок, который с такой решительностью поставила Сюзанна, показывал, что надо действовать, не теряя ни секунды. Ее дочь ненормальна, вот и все. Времени оставалось в обрез. Необходимо было

увезти Сюзанну — лучше всего за границу — или же запереть где-нибудь, причем сделать это так, чтобы не слишком восстановить ее против себя.

ГЛАВА XVI

Следующим шагом миссис Дэйл в этой борьбе был разговор с Кинроем, который заявил, как юный рыцарь, что немедленно пойдет к Юджину и убьет его. К счастью, миссис Дэйл сумела помешать этому, так как на сына она имела больше влияния, чем на Сюзанну. Она объяснила ему, какой это вызовет неописуемый скандал, и посоветовала действовать тонко и осторожно. Кинрой был очень привязан к сестрам, особенно к Сюзанне и Адели, и рад был выступить в роли их защитника. Обуреваемый рыцарскими чувствами, он торжественно обещал, что поможет матери, и они долго говорили о том, как ночью усыпить Сюзанну хлороформом и, выдавая за больную, увезти на машине в штат Мэн, или в Адирондакские горы, или куда-нибудь в Канаду.

Было бы утомительно приводить здесь все дальнейшие перипетии борьбы. По прошествии условленных пяти дней Юджин несколько раз пытался звонить Сюзанне по телефону, но все его попытки поговорить с ней были пресечены Кинроем, успешно выполнявшим теперь роль частного сыщика. Сюзанна хотела, чтобы Юджин принял участие в семейном совете, но миссис Дэйл решительно этому воспротивилась. Она чувствовала, что каждая новая встреча влюбленных только укрепит связывающие их узы. Кинрой, по собственной инициативе, написал Юджину, что ему все известно и что он убьет его, если тот осмелится хотя бы близко подойти к их дому. Сюзанна догадалась, что мать держит ее в плену, и отправила Юджину письмо, которое ее горничная тайком спустила в ящик. Мать, писала она, рассказала обо всем доктору Вули и Кинрою. Она, Сюзанна, решила пятнадцатого сентября уйти из дому, если мать до этого времени не даст согласия на их тайный союз. Кинрой грозит убить Юджина, но это, конечно, ерунда. Просто Кинрой возбужден. Мать настаивает, чтобы она поехала с ней на полгода в Европу и за это время все

хорошенько обдумала. Но она этого не сделает. Она никуда не уедет, и ему нечего за нее опасаться, если даже он несколько дней не будет получать от нее известий. Надо подождать, пока буря немного уляжется. «Я буду все время здесь, но, пожалуй, нам лучше сейчас не встречаться. Когда настанет время, я сама приду к Вам, но увидимся мы раньше, как только представится возможность».

Юджина изумил и страшно огорчил такой оборот дела. Но уверенность Сюзанны внушала ему надежду, что все кончится хорошо. Ее мужество придавало ему силы. Сколько в ней спокойствия, как твердо она идет к своей цели! Какой клад эта девушка.

Это послужило началом их переписки, но спустя несколько дней Сюзанна посоветовала ему прекратить ее. Споры между нею, матерью и братом все продолжались. Препятствия, которые ставились ей на каждом шагу, озлобили ее, и она не переставала препираться с матерью, причем теперь затевала ссоры, как правило, сама Сюзанна.

— Нет, нет и нет,— неизменно повторяла она.— Я не уеду. Ну и что же? Как это глупо! Оставь меня в покое! Я не хочу об этом говорить!

Миссис Дэйл все старалась придумать, как бы тайком увезти Сюзанну. Усыпить ее хлороформом, как она вначале предполагала, было делом далеко не простым. К тому же это значило подвергнуть Сюзанну опасности, она могла умереть под наркозом. Нельзя прибегать к таким мерам без врача. И слугам это покажется странным. Миссис Дэйл боялась, что они и так уже многое подозревают. Наконец она решила сделать вид, будто уступает дочери, но только просит ее съездить с ней в Олбэни к ее опекуну, вернее, юридическому представителю опекунской конторы Маркуорда, где хранилась принадлежащая Сюзанне доля наследства, оставленного покойным Вестфилдом Дэйлом. Сюзанне предстояло посоветоваться со своим опекуном насчет земельных участков в западной части Нью-Йорка, принадлежавших ей лично, и заодно подписать документ об отказе от всяких прав на какое-либо наследство после матери. А затем, как заявила миссис Дэйл, она даст ей полную свободу, предварительно составив завещание, в котором будет указано, что старшая дочь лишается наследства. По воз-

вращении в Нью-Йорк Сюзанна может делать что хочет, мать не будет даже видаться с ней.

Чтобы внушить Сюзанне доверие, Кинрою было поручено рассказать сестре про намерения матери и просить ее ради нее самой, ради матери и остальных детей не соглашаться на этот разрыв. Миссис Дэйл стала вести себя совершенно по-иному. Кинрой так мастерски справился со своей задачей, а в поведении и разговорах матери появилось столько равнодушия и покорности судьбе, что Сюзанна почти поддалась обману. Она поверила, что в душе ее мамá произошел полный переворот и что она, пожалуй, действительно решила сделать так, как говорил Кинрой.

— Мне все равно,— ответила Сюзанна на уговоры брата,— пусть лишит меня наследства. Я охотно подпишу все документы. Если мамá хочет, чтобы я навсегда ушла от нее, я уйду. По-моему, она очень глупо вела себя во всей этой истории, да и ты тоже.

— Напрасно ты идешь на это,— сказал Кинрой в восторге от того, что приманка проглочена.— Мама в полном отчаянии. Она хотела бы, чтобы ты выждала полгода или год, прежде чем на что-либо решаться, но если ты будешь настаивать, она потребует, чтобы ты отказалась от наследства. Я пытался отговорить ее. Мне будет очень больно, если ты уйдешь от нас. Неужели ты не передумаешь, Сюзанна?

— Я уже сказала, Кинрой. Не приставай ко мне.

Кинрой отправился к матери и сообщил ей, что Сюзанна по-прежнему упорствует, но что с поездкой дело, кажется, выгорит. Она сядет в поезд, уверенная, что едет в Олбэни, а очутившись в закрытом вагоне, едва ли догадается о чем-либо до утра. К этому времени они будут уже далеко в Адирондакских горах.

Заговор частично удался. Миссис Дэйл, как и Кинрой, разыграла свою роль как по нотам. Юной пленнице уже чудилась свобода. Они взяли с собой только саквояж, Сюзанна довольно охотно села в машину, а затем и в поезд, поставив лишь условием, что ей будет разрешено позвонить Юджину по телефону и объяснить, в чем дело. И мать и Кинрой стали возражать, но вынуждены были уступить, так как Сюзанна категорически заявила, что иначе не поедет. Она позвонила ему в издательство (это было в четыре часа дня, а поезд уходил в

пять тридцать) и рассказала обо всем. Юджин сразу заподозрил ловушку и так и сказал Сюзанне, но она ответила, что этого не может быть. Мать никогда не лгала ей, брат тоже. У нее нет никаких оснований им не верить.

— Юджин говорит, что это ловушка, мама,— сказала она, поворачиваясь к матери, стоявшей тут же возле телефона.— Это правда?

— Ты сама прекрасно знаешь, что это неправда,— ответила миссис Дэйл, не сморгнув.

— Но если и так, все равно у вас ничего не выйдет,— громко сказала Сюзанна, чтобы Юджин мог ее слышать. Ее решительный тон успокоил Юджина, и он перестал возражать. Вот удивительная девушка — умеет подчинять себе и мужчин и женщин.

— Ну что ж, поезжайте, если думаете, что все в порядке,— сказал он.— Но мне будет очень тоскливо без вас. Я и так измучился, а теперь и вовсе не буду знать, что с собой делать. Скорей бы проходило время!

— Теперь уже недолго ждать, Юджин,— ответила она.— Всего несколько дней. В четверг я вернусь, и вы сможете зайти ко мне.

— В четверг днем?

— Да. Мы вернемся в четверг утром.

Она повесила наконец трубку, и они сели в машину, а час спустя — в поезд.

ГЛАВА XVII

Это был канадский экспресс, и до Олбэни он шел без остановок. Когда поезд приближался к этому городу, Сюзанна как раз ложилась спать, а так как они ехали в салон-вагоне, предоставленном в их распоряжение, по словам миссис Дэйл, самим президентом дороги, то проводник не пришел объявить об остановке, что сразу же раскрыло бы Сюзанне их карты. Поезд остановился в Олбэни в начале одиннадцатого. Вагон, в котором они находились, был самый последний, и, хотя снаружи слышались голоса, разобрать слова было невозможно. Сюзанна уже легла и решила, что это, по всей вероятности, Покипси или еще какая-нибудь промежуточная станция. К тому же миссис Дэйл объяснила, что, так как они поздно прибывают на место, вагон их будет отведен на за-

пасный путь и там простоят до утра. Тем не менее и миссис Дэйл и Кинрой оставались начеку, чтобы в полной готовности встретить любой решительный шаг со стороны Сюзанны. Поезд мчался, а Сюзанна крепко спала. Так наступило утро. Они пересекали Берлингтон, крайнюю северную оконечность штата Вермонт. Проснувшись и заметив, что поезд все еще едет, Сюзанна удивилась — что бы это могло значить? Мимо окна проплывали горы, вернее, высокие, поросшие соснами холмы, горные речки, над которыми они с грохотом проносились по высоким подвесным мостам, и выжженные лесными пожарами пространства, на которых одиноко и печально торчали почерневшие стволы деревьев, протягивая к небу обгорелые сучья. Сюзанна вдруг почувствовала что-то неладное и вышла из ванной узнать, в чем дело.

— Где это мы, мама? — спросила она.

Миссис Дэйл сидела, откинувшись в удобном плетеном кресле, и читала, или, вернее, делала вид, будто читает какую-то книгу. Кинрой вышел на заднюю площадку вагона полюбоваться местностью, но скоро вернулся, обеспокоенный мыслью о том, что сделает Сюзанна, обнаружив, куда она попала. В вагон, тайком от Сюзанны, была еще накануне погружена корзина с провизией, и миссис Дэйл собиралась устроить завтрак. Горничную она не рискнула взять с собой.

— Не знаю, — ответила она равнодушным тоном, глядя в окно на обгорелый лес.

— Кажется, мы должны были быть в Олбэни в первом часу ночи? — сказала Сюзанна.

— Да, верно, — ответила миссис Дэйл, собираясь с духом перед неизбежным признанием.

В это время в вагон вернулся Кинрой.

— В таком случае... — начала было Сюзанна и остановилась. Она бросила взгляд в окно, а потом в упор посмотрела на мать. Заметив растерянное, взволнованное выражение ее лица, она поняла, что это обман и что ее куда-то увозят против ее воли — но куда?

— Это ловушка, мама, — сказала она торжественно и холодно. — Ты солгала мне, и ты и Кинрой. Мы едем вовсе не в Олбэни... Куда мы едем?

— Сейчас я тебе ничего не скажу, — спокойно ответила миссис Дэйл. — Прими сначала ванну, а потом по-

говорим. Совершенно безразлично, куда мы едем. Если непременно хочешь знать, мы едем в Канаду и скоро будем там. Ты узнаешь точно, где мы, когда приедем на место.

— Мама,— сказала Сюзанна,— это низость. И ты об этом пожалеешь. Теперь я поняла. Мне следовало бы раньше догадаться, но я не могла поверить, что ты способна мне лгать, мама. Я прекрасно понимаю, что сейчас ничего не могу сделать, но со временем ты об этом пожалеешь. Такими методами ты от меня ничего не добьешься. И ты сама отвезешь меня обратно в Нью-Йорк.

Она устремила на мать пристальный взгляд, исполненный такой властной решимости, что миссис Дэйл, взволнованная и усталая, почувствовала, что ей, наверно, придется уступить.

— Сюзанна, что ты говоришь? — вмешался Кинрой.— Мама и без того совсем голову потеряла. Она ничего другого не могла придумать.

— Замолчи, Кинрой,— ответила Сюзанна.— Я не хочу с тобой разговаривать. Ты меня обманул, а ведь ты знаешь, что я никогда не обманывала тебя. Мама, ты меня удивляешь,— снова обратилась она к матери.— Подумать только, что ты способна лгать мне! Ну, хорошо. Сегодня ты взяла верх. Но рано или поздно победа будет на моей стороне. Ты выбрала неправильный путь. Увидишь, чем это кончится.

Миссис Дэйл вздрогнула, чувствуя, что холодеет от страха. Смелость и упорство этой девушки ставили ее в тупик. Откуда у нее столько мужества? — думала она. Вероятно, от покойного отца. Она буквально трепетала перед этим спокойствием, бесстрашием и твердостью характера, которые выработались у ее дочери под влиянием последних трудных дней.

— Не говори со мной так, Сюзанна,— стала она просить.— Я сделала это ради твоего же блага, и ты прекрасно меня понимаешь. Зачем ты мучишь меня? Ты знаешь, что я ни за что не отдам тебя этому человеку. Этого не будет. Я готова весь мир перевернуть! Я погибну в этой борьбе, но не отдам тебя!

— В таком случае тебе придется погибнуть, мама, потому что я сделаю так, как сказала. Ты можешь везти меня в этом вагоне, пока он не остановится, но я из ва-

гона не выйду. Я поеду обратно в Нью-Йорк. Теперь подумай, много ли ты этим достигла!

— Сюзанна, я, право, начинаю верить, что ты лишилась рассудка. Ты и меня свела с ума, хотя еще не настолько, чтобы я не могла отличить, что хорошо, а что дурно.

— Мама, я больше не скажу ни тебе, ни Кинрою ни слова. Хочешь, вези меня обратно в Нью-Йорк, не хочешь, не надо, но из вагона я не выйду. Я не желаю больше выслушивать всякий вздор и неправду! Один раз ты обманула меня, но больше тебе это не удастся.

— Ну что ж,— ответила миссис Дэйл, между тем как поезд все летел вперед.— Ты сама меня к этому вынудила. Все это вызвано только твоим поведением. Если бы ты пожелала быть благоразумнее, подождать и хорошенько подумать, мы с тобой не были бы сейчас здесь. Я не допущу, чтобы ты сделала то, что задумала. Можешь оставаться в вагоне, если угодно, но обратно в Нью-Йорк тебе без денег не попасть. Уж я об этом поговорю с начальником станции.

Сюзанна задумалась. У нее не было ни денег, ни платья, кроме того, что на ней. Она находилась в незнакомой местности и почти никогда не путешествовала одна. Все это несколько ослабило ее решимость, но это вовсе не значило, что она сдалась.

— Как же ты собираешься вернуться? — возобновила свои уговоры миссис Дэйл после небольшой паузы, так как Сюзанна сидела, не обращая внимания на мать.— У тебя нет денег. Уж не намерена ли ты устроить скандал? Единственное, что я хочу, это чтобы ты пожила здесь несколько недель,— чтобы у тебя было время подумать вдали от этого человека. Я не хочу, чтобы ты ушла к нему пятнадцатого сентября. Я не позволю тебе это сделать. Почему ты так неблагоразумна? Ты могла бы отлично провести время. Ты любишь ездить верхом — пожалуйста. Я тоже буду ездить с тобой. Можешь пригласить кого-нибудь из подруг. Я велю прислать тебе твои платья. Только побудь здесь некоторое время и подумай хорошенько о том, что ты хочешь сделать.

Сюзанна отказывалась разговаривать. Она размыш-

ляла о том, как ей поступить дальше. Юджин там, в Нью-Йорке. В четверг он будет ждать ее.

— Конечно, Сюзанна,— вставил Кинрой,— отчего бы тебе не послушаться маминого совета? Она искренне желает тебе добра. Ведь то, что ты задумала, ужасно! Отчего не поступить так, как велит здравый смысл, и не остаться здесь месяца на три-четыре?

— Не будь попугаем, Кинрой! Я все это уже слышала от мамы.

Когда миссис Дэйл упрекнула Сюзанну за ее тон, она ответила:

— Ах, замолчи, мама, я больше не желаю слушать! Ты меня ни в чем не убедишь. Ты мне солгала. Ты сказала, что мы едем в Олбэни. Ты заманила меня сюда. Так потрудись теперь отвезти меня обратно! Ни о какой Канаде не может быть и речи. Я не поеду никуда, кроме Нью-Йорка. Давай лучше прекратим этот разговор.

Поезд все мчался вперед. Был подан завтрак. В Монреале салон-вагон перевели на колею Канадско-Тихоокеанской железной дороги. Миссис Дэйл не переставала упрашивать Сюзанну, но та молчала и даже отказалась от еды. Она сидела и смотрела в окно, думая о том, как неожиданно все повернулось. Где сейчас Юджин? Что он делает? Что он подумает, если она не вернется в Нью-Йорк? Она не сердилась на мать, она чувствовала презрение к ней. Этот обман вызывал в ней досаду и отвращение. Она не испытывала безумного желания быть с Юджином, она просто думала о том, что все равно к нему вернется. Он рисовался ей таким, как она сама,— сильным, терпеливым, находчивым, готовым, если нужно, прожить некоторое время и без нее — хотя о себе она тоже имела довольно смутное представление. Ей очень хотелось увидеть его, но в сущности гораздо больше хотелось дать ему возможность увидеть ее, раз ему этого так сильно хочется. Каким чудовищем должна казаться ему ее мать!

В полдень они прибыли в Джуинату, а в два находились уже в пятидесяти милях к западу от Квебека. Сюзанна решила было совсем не притрагиваться к пище, чтобы досадить матери, но потом поняла, что это глупо, и села за стол. Своим поведением она создавала чрезвычайно тяжелую атмосферу для матери и брата, и те уви-

дели, что ничего не добились, а только перенесли свои испытания в другое место. Ее воля не была сломлена. В вагоне дышалось, как перед грозой.

— Сюзанна,— обратилась к ней миссис Дэйл,— почему ты не хочешь со мной разговаривать? Почему ты отказываешься понять, что я делаю это для твоего же блага? Я хочу дать тебе время подумать. Поверь мне, я вовсе не желаю применять насилие, но войди и ты в мое положение...

Сюзанна молча глядела в окно на мелькавшие мимо зеленые поля.

— Сюзанна, неужели ты не понимаешь, что этого никогда не будет? Неужели ты не можешь понять, какой это ужас?

— Мама, прошу тебя, оставь меня в покое. Ты сделала то, что, по-твоему, должна была сделать. А теперь оставь меня. Ты мне лгала, мама. Я не хочу с тобой говорить. Я требую, чтобы ты отвезла меня обратно в Нью-Йорк. Тебе ничего другого не остается. Не приставай ко мне с объяснениями, они все равно не помогут.

В груди миссис Дэйл клокотала буря, но она чувствовала свое полное бессилие перед дочерью. К Сюзанне нельзя было и подступить.

Прошло еще несколько часов, и на какой-то маленькой станции Сюзанна попыталась сойти с поезда, но миссис Дэйл и Кинрой буквально силой удержали ее. При этом чувствовали они себя прескверно, ибо не могли не видеть, что им так и не удалось сломить волю Сюзанны. Она наотрез отказывалась с ними считаться. Миссис Дэйл заплакала. Потом лицо ее окаменело. Потом начались мольбы и заклинания. Сюзанна молчала и надменно отворачивалась.

Когда поезд остановился у Три-Риверс, Сюзанна заявила, что не тронется с места. Миссис Дэйл умоляла, грозила позвать на помощь, говорила, что объявит Сюзанну невменяемой. Ничто не помогало. Вагон отцепили, после того как кондуктор спросил миссис Дэйл, намерена ли она сойти на этой станции. Миссис Дэйл была вне себя. Ее душили ярость, стыд и сознание своего бессилия.

— Как ты ведешь себя! — набросилась она на Сюзанну.— Какой демон в тебя вселился! Ну что ж, останемся жить в вагоне! Посмотрим, что из этого выйдет.

Она знала, что это невозможно, так как вагон был предоставлен ей лишь на один рейс, и на другой день его нужно было вернуть в Нью-Йорк.

Вагон перевели на запасный путь.

— Я умоляю тебя, Сюзанна! Прошу тебя, не делай из нас всеобщего посмешища! Какой срам! Что подумают люди!

— Мне все равно, что они подумают.

— Но ведь ты не можешь здесь оставаться!

— Могу.

— Ну перестань, Сюзанна, выйдем из вагона, пожалуйста, выйди! Ведь мы здесь не век проживем. Я отвезу тебя обратно в Нью-Йорк. Обещай мне, что пробудешь тут месяц, и я даю тебе честное слово, что после этого отвезу тебя обратно в Нью-Йорк. Мне опротивела вся эта комедия! Я не вынесу этого! Потом можешь делать что угодно! Только останься здесь на месяц.

— Нет, мама,— ответила Сюзанна.— Ты опять не сдержишь слова. Ты меня уже раз обманула. И теперь снова лжешь.

— Клянусь тебе, я не лгу! Верно, я раз солгала, но я была в полном отчаянии, Сюзанна, прошу тебя, ну пожалуйста! Будь благоразумна. Пожалей меня хоть немного. Я отвезу тебя обратно, но подожди хотя бы, пока придут наши вещи. Мы не можем ехать в таком виде.

Она послала Кинроя за начальником станции и объяснила, что им нужен экипаж, который доставил бы их в Монт-Сесиль, в снятый ими в этом округе охотничий домик. Она также вызвала врача,— эта мысль пришла ей в голову в самую последнюю минуту,— которому решила заявить, что ее дочь в невменяемом состоянии. В крайнем случае она позовет на помощь и ее силою выведут из вагона. Она так и сказала Сюзанне. Но та в ответ лишь метнула в ее сторону яростный взгляд.

— Зови врача, мама,— сказала она.— Я вытерплю и это. Посмотрим, чего ты добьешься. Но ты еще пожалеешь. Ты будешь горько раскаиваться в каждой своей глупости.

Когда прибыл экипаж, Сюзанна отказалась выйти из вагона. Кучер, местный житель, француз по происхождению, подошел к вагону, чтобы доложить о себе. Кинрой

пытался успокоить сестру, он обещал, что сам поможет все уладить, если она согласится спокойно поехать в охотничий домик.

— Вот что я тебе скажу, Сюзи. Если в течение этого месяца вы с мамà не придете к какому-то соглашению и ты все еще будешь рваться обратно, я пришлю тебе денег на дорогу. Я завтра или послезавтра поеду в Нью-Йорк — так хочет мама, — но я даю слово помочь тебе. Больше того, я уговорю маму привезти тебя обратно через две недели. Ты знаешь, что я раньше никогда не лгал тебе и впредь никогда не буду. Прошу тебя, поедem. Давай сядем в экипаж. Я уверен, что здесь очень хорошо.

Миссис Дэйл сняла охотничий домик у Кэткартов, договорившись с ними обо всем по телефону. Он был полностью меблирован и готов для приема гостей, даже растопка была принесена в комнаты, и оставалось только разжечь камины. Там был водопровод, горячая вода, подававшаяся из котельной, ацетиленовые лампы, а также изрядный запас провизии. Привратник, с которым можно было снестись по телефону со станции, по первому сигналу должен был вызвать прислугу. Миссис Дэйл успела обо всем договориться с ним еще до того, как прибыл экипаж. Дороги находились в таком скверном состоянии, что пользоваться автомобилем было невозможно. Станционный агент, предвкушая щедрое вознаграждение, изо всех сил старался услужить.

Сюзанна слушала Кинроя, но не верила ему. Она вообще теперь никому не верила, кроме Юджина, а он был далеко и не мог ей ничего посоветовать. Все же, раз у нее не было денег, а мать грозила позвать врача, она решила, что лучше, пожалуй, не устраивать скандала. Миссис Дэйл, казалось, совсем перестала владеть собой. Лицо ее осунулось и стало блее полотна, она была страшно взволнована; у Кинроя нервы тоже были натянуты донельзя.

— Даешь ты мне честное слово, — обратилась Сюзанна к матери, когда та возобновила свои уговоры, в какой-то мере подтверждавшие обещания Кинроя, — что если я соглашусь пробыть это время здесь, ты через две недели отвезешь меня в Нью-Йорк?

Это позволило бы ей вернуться в город в пределах обещанного Юджину срока, а раз так, то задержка не

играла, в сущности, большой роли, при условии, конечно, что ей можно будет переписываться со своим возлюбленным. Мать поступила с ней глупо и деспотично, но с этим можно было примириться. Не видя иного средства для водворения мира, миссис Дэйл дала обещание. Быть может, если продержат Сюзанну в полном покое в течение двух недель, этого окажется достаточно. Пусть поразмыслит в совершенно другой обстановке. В Нью-Йорке слишком нервная атмосфера, а там, в охотничьем домике, царит тишина и покой. Поспоров еще немного, Сюзанна согласилась наконец сесть в экипаж, и они поехали в сторону Монт-Сесия в охотничий домик Кэткартов, носивший название «Часок-другой», где в это время года не было ни живой души.

ГЛАВА XVIII

Домик Кэткартов, длинное, двухэтажное строение, стоял на склоне лесистой горы, на полпути к вершине. Это была одна из тех летних резиденций привилегированного класса, находящихся неподалеку от нетронутых дебрей, где все создает иллюзию жизни на лоне девственной природы, неисследованной и полной опасностей, хотя на самом деле они расположены достаточно близко от таких больших городов, как Квебек и Монреаль, чтобы можно было спокойно наслаждаться всеми благами цивилизации, не боясь неприятных сюрпризов. Просторные комнаты были убраны со вкусом и по-летнему просто: плетеные стулья и кресла, деревянные скамьи в нишах окон, резные книжные полки, огромные, красиво облицованные камины, окна со свинцовым переплетом, открывающиеся наружу, низкие кушетки со множеством подушек, великолепные шкуры на полу. На стенах висели охотничьи трофеи — олени рога, лисьи, медвежьи и всякие шкуры, чучела гагар и орлов. Кэткарты проводили лето где-то в другом месте и с удовольствием сдали свой охотничий домик такой особе, как миссис Дэйл.

К ее прибытию в «Часок-другой» сторож Пьер, старый местный житель, потомок первых поселенцев, изъяснявшийся на ломаном английском языке и одетый в костюм землистого цвета, под которым, наверно, скрыва-

лось белье не первой свежести, уже успел растопить камины и теперь возился в котельной. Жена его, маленькая крепкая женщина в сборчатой юбке, что-то готовила на кухне. В кладовой привратника хранились богатые запасы мяса, муки, масла и прочей снеди. В помощь хозяйке была приглашена дочь соседа-охотника, обычно служившая у Кэткартов горничной. Миссис Дэйл принялась устраиваться на новом месте, но споры не утихали ни на минуту, так как Сюзанна продолжала стоять на своем.

В четверг Юджин, остававшийся в Нью-Йорке, тщетно дожидался вестей от Сюзанны. Он позвонил по телефону, но ему ответили, что миссис Дэйл нет в городе и что она не скоро вернется. Наступила пятница — от Сюзанны ни слова. В субботу то же. Он послал ей заказное письмо, но оно вернулось с пометкой «адресат выбыл». Тогда ему стало ясно, что его подозрения были правильны и что Сюзанна попала в ловушку. Он стал нервничать и волноваться, его мучили всевозможные страхи. Мрачный, сидел он за своим письменным столом и барабанил пальцами по стеклу, тщетно стараясь сосредоточиться на десятках мелочей, постоянно требовавших его внимания. Иногда он бесцельно бродил по улицам, погруженный в свои думы. Подчиненные спрашивали его мнения относительно книг, реклам и издательских планов, но он неспособен был даже как следует вслушаться в то, что ему говорили.

— Наш шеф в последнее время чем-то сильно озабочен, — заметил Картер Хейз, заведующий отделом рекламы, в разговоре с заведующим отделом распространения. — Он даже не слышит, что ему говорят.

— Да, я и сам это заметил, — ответил тот. Они вместе вышли из приемной, примыкавшей к кабинету Юджина, и под руку направились по устланному ковром коридору к лифту. — Что-то с ним неладное творится. Ему следовало бы отдохнуть. Он слишком много работает.

Но Хейз вовсе не находил, что Юджин слишком много работает. За последние четыре-пять месяцев его невозможно было поймать. Юджин приходил утром в десять или в половине одиннадцатого, часто уходил в два или в три, во время завтрака у него были деловые свидания, не имевшие никакого отношения к его обязанностям в издательстве, а вечером он отправлялся на

званный обед или уезжал куда-нибудь в такое место, где его нельзя было разыскать. Несколько раз, когда Колфакс посылал за ним, оказывалось, что Юджина нет на месте, а иногда Колфакс сам приходил к нему в кабинет и не заставлял его. Он не проявлял недовольства — Юджин имел полное право располагать своим временем, — но считал, что такое поведение не в интересах самого Юджина как директора издательства: ведь ему приходится разрешать множество вопросов. Только человек исключительных способностей мог бы справиться с таким делом, не отдавая ему все свое время. Эта мысль, конечно, не пришла бы Колфаксу в голову, будь Юджин его компаньоном, как другие его сотрудники на других предприятиях, — но так как Юджин был только служащим, Колфакс не мог смотреть на него иначе, как на человека, обязанного все свое время отдавать делам издательства.

Уайту, например, ничего не нужно было, кроме работы. Он всегда был на месте, всегда начеку, он добросовестно относился к своим обязанностям, нисколько не зазнавался, работал спокойно и со знанием дела. При каждом удобном случае он шел советоваться с Колфаксом, тогда как Юджин не имел ни малейшего желания бегать по всяким пустякам к начальнику; он предпочитал действовать на свой страх и держался в высшей степени независимо.

Но не одно это вредило Юджину. Постепенно по издательству начал распространяться слух, что Витла принимает участие в строительной «Компании Синее море», о которой было много разговоров в городе, главным образом в финансовых кругах. Колфакс тоже слышал об этой компании. Он интересовался ее планами, так много обещавшими в смысле роскоши и комфорта. Пока что была осуществлена лишь незначительная часть того живописного целого, которое было изображено на цветных иллюстрациях к брошюре в два листа (творение Юджина), но даже то, что было сделано, в достаточной степени свидетельствовало о грандиозных масштабах предприятия. Уже была проложена на милю с четвертью прекрасная набережная с парапетом, построен павильон под ресторан и дансинг, а также один из намеченных небольших отелей — все в точном соответствии с первоначальным архитектурным планом. Два-три десятка нарядных

особняков, каждый на участке в сто пятьдесят квадратных метров, высились там, где раньше тянулось заросшее осокой болото. На трех или четырех островках был укреплен грунт, и на одном из них появилось небольшое здание яхт-клуба,— но все же строительной компании предстояло еще много потрудиться, чтобы довести до конца хотя бы треть намеченных работ.

Юджин ничего не знал о финансовом положении компании, разве только в самых общих чертах. Он старался держаться в тени, хотя нередко завтракал с Уинфилдом, Уилибрэндом и другими причастными к этому делу лицами и не упускал случая обратить внимание своих знакомых на красоты и преимущества нового курорта. Он охотно рассказывал то одному, то другому, что «Синее море» скоро станет самым роскошным летним курортом в мире. Это давало известные результаты. Помогали и восторженные отзывы других заинтересованных лиц, но все же дела компании были далеко не блестящи. Для настоящего успеха «Синему морю» нужен был гораздо больший капитал, чем первоначальные десять миллионов. Строительство требовало солидной постановки дела, несовместимой с погоней за быстротой.

Вскоре сотрудникам издательства, а потом и Колфаксу и Уайту стало известно, что Юджин серьезно заинтересован в этом предприятии, занимает в нем пост секретаря или какой-то другой и отдает работе по проектированию курорта значительную часть того времени, которое он мог бы использовать в интересах издательства.

— Что вы на это скажете? — спросил Колфакс Уайта, когда тот однажды утром зашел к нему в кабинет. Сведения о Юджине были переданы Колфаксу заведующим типографией, одним из подчиненных Уайта, по его указанию.

— Скажу то же, что и всегда,— ответил Уайт, пожимая плечами.— Он так же мало интересуется нашим делом, как и всяким другим. Оно ему нужно только как ступень, а когда он поднимется выше, тогда — прощайте. Что ж, с его точки зрения, это, может быть, и правильно,— каждый человек вправе стремиться к лучшему. Но нам от этого не легче. Нам было бы выгоднее иметь такого служащего, который не думал бы о том, как отсюда уйти. А лучше всего возьмитесь сами управ-

лять делом. У вас, конечно, нет особого желания, но при том опыте, какой вы здесь приобрели, вы без труда найдете помощника, который прекрасно справится с работой под вашим руководством. Так что во всем этом есть и своя положительная сторона,— если что случится, вы можете обойтись и без Витлы. При хорошем помощнике вы будете руководить делом, не выходя из своего кабинета.

Этот разговор происходил в самый разгар романа между Юджином и Сюзанной. В продолжение весны и лета все мысли Юджина были заняты девушкой — он измышлял способы увидеться с нею, обдумывал загородные поездки, вспоминал каждое ее движение, каждое слово и потому, как правило, мало внимания уделял служебным делам, которые, кстати, сильно ему приелись. Вот если бы средства, вложенные в строительную компанию, стали давать ощутимую прибыль в виде дивидендов, тогда он мог бы бросить службу. Когда Анджеле стало известно о его романе с Сюзанной, он стал думать о том, что некстати связал свое благосостояние с проектом «Синего моря». Если бы судьба судила ему остаться с Анджелой, тогда еще куда ни шло. Он мог бы терпеливо ждать и ни о чем не беспокоиться. Теперь же попытка превратить эти бумаги в наличные вызвала бы, вероятно, вмешательство суда, так как Анджела могла возбудить против него иск. Да и вообще необходимо было прилично обеспечить ее и сделать это совершенно официально. Кроме вложений в строительную компанию, у него не было ничего, если не считать жалованья, а теперь они так мало откладывали, что их сбережения не могли служить ему большой поддержкой в случае, если бы миссис Дэйл пожаловалась на него Колфаксу и тот порвал бы с ним. Потребует ли он, чтобы Юджин отказался от Сюзанны, или же попросту предложит ему подать в отставку? Юджин замечал, что в последнее время Колфакс далеко не так мил и не так восторгается его успехами, как бывало раньше, но это еще ровно ничего не доказывало. Нет ничего удивительного в том, что они надоели друг другу. Они реже бывали вместе в обществе, а когда им случалось там встречаться, Колфакс заметно сторонился его. Юджин подозревал, что Уайт строит против него козни. Что ж, если Колфакс переменится к нему, тут уж ничего не поделаешь. Что

касается издательских дел, то начальству как будто не на что жаловаться — работа шла вполне успешно.

Гроза разразилась позднее и совсем неожиданно, но до тех пор и семейство Дэйл, и Анджела, и сам Юджин претерпели немало терзаний и душевных мук.

Отъезд Сюзанны явился первым ударом грома, за которым последовали другие. Не получая известий от Сюзанны, Юджин был вне себя. Впервые в жизни он познал, как убийственно невыносима и горька любовь, если нет уверенности и надежда ускользает. Душевные испытания сопровождались и настоящей физической болью в области солнечного сплетения, в том месте, которое в просторечии называется «под ложечкой». Он сильно страдал, — не меньше, надо полагать, чем тот юный спартанец, внутренности которого грызла лиса, спрятанная у него за пазухой. Он без конца думал о том, где Сюзанна, что она делает, а затем, видя, что работа не клеится, вызывал машину и уезжал куда-нибудь или же, нахлобучив шляпу, бесцельно бродил по улицам. Езда в автомобиле не приносила облегчения, так как мучительнее всего было сидеть на одном месте. Вечером он возвращался домой, располагался в своей студии у окна, а еще чаще на маленьком балкончике и смотрел на вечно меняющуюся панораму Гудзона, тоскуя по Сюзанне и думая, где она сейчас, увидит ли он ее когда-нибудь. Удастся ли ему одержать победу в этой борьбе, если они даже увидятся? О, ее прекрасное лицо, ее дивный голос, ее восхитительные глаза и губы! Волшебное прикосновение ее рук, ее стремительные движения!

Он пробовал писать стихи и сочинил несколько неплохих сонетов «К возлюбленной». Он брал альбом и делал карандашом наброски, вспоминая ее в разных позах, запечатлевая всевозможные выражения ее прелестного лица, в надежде использовать впоследствии эти эскизы для задуманной им серии ее портретов. Его несколько не смущало присутствие Анджелы, хотя у него хватило такта скрывать от нее эту работу. Ему было немного стыдно, что он так обращается с ней, но вид ее внушал ему не столько жалость, сколько досаду и неприязнь. Зачем только он женился на ней, — не переставал он себя спрашивать.

Однажды вечером они сидели в студии. Лицо Анджелы было воплощенным отчаянием, ибо она постепенно

начинала осознавать весь ужас своего положения. Видя, какой он мрачный и подавленный, она заговорила с ним:

— Юджин, тебе не кажется, что ты мог бы побороть себя? Ты говоришь, что Сюзанну увезли обманом. Почему не примириться с этим? Подумай о своей карьере, Юджин. Подумай обо мне. Что будет со мной? Если ты захочешь, ты пересиличишь себя. Неужели ты бросишь меня после стольких лет, прожитых вместе? Подумай все же, как я старалась,— разве я не была тебе хорошей женой, Юджин? Ты не можешь сказать, что я очень изводила тебя. О Юджин, я все время чувствую, что над нами нависла ужасная катастрофа! Если бы я только знала, что сделать, что сказать! Я сознаю, что бывала временами раздражительна и придирчива, но с этим теперь покончено. Я стала другим человеком. Это никогда больше не повторится.

— Это невозможно, Анджела,— спокойно отвечал он.— Это невозможно. Я не люблю тебя. Я уже не раз говорил тебе: я не хочу жить с тобой. Не хочу и не могу. Я должен во что бы то ни стало вернуть себе свободу,— либо развестись, либо негласно разойтись с тобой,— как угодно. Я несчастлив и никогда не буду счастлив, пока я здесь. Сначала я хочу освободиться, а потом решу, что делать.

Анджела покачала головой и вздохнула. Ей трудно было привыкнуть к мысли, что она, точно неприкаянная, бродит по своей квартире и не может договориться с собственным мужем. Мариетта уехала в Висконсин еще до того, как разразилась буря. Миртл была в Нью-Йорке, но Анджеле не хотелось ей открываться. Она не решалась писать никому из родных, кроме той же Мариетты, но и с ней не делилась своими горестями. У младшей сестры, пока она гостила у них, создалось впечатление, что их семейная жизнь протекает вполне гладко.

Анджела часто плакала, а потом слезы сменялись яростью, хотя с каждым разом ярость все убывала. Снова ею овладели страх и уныние, напоминавшие тоскливые дни, предшествовавшие ее замужеству, и скорбь о том, что ей предстоит окончательно и бесповоротно потерять единственного близкого человека, которого она, несмотря ни на что, продолжала любить.

ГЛАВА XIX

Три дня спустя, когда Юджин был в издательстве, у себя в кабинете, от миссис Дэйл пришла телеграмма следующего содержания: «Взываю к вашей чести джентльмена прошу в случае получения письма моей дочери ничего не предпринимать до свидания со мной».

Юджин был сильно озадачен. Он представил себе, что между Сюзанной и матерью — где бы они ни находились — идет отчаянная борьба, и, по всей вероятности, Сюзанна скоро даст о себе знать. Только сейчас он впервые получил хотя бы отдаленное представление о том, где она; телеграмма была помечена «Три-Риверс, Канада», — следовательно, они были где-то там. Однако эта пометка мало чем помогла ему, так как ни писать Сюзанне по такому адресу, ни ехать к ней он не мог. Ему не удалось бы разыскать ее. Оставалось лишь ждать и помнить, что она ведет борьбу, быть может, еще более жестокую, чем он. Юджин носил телеграмму в кармане и думал о том, когда же наконец придет известие от Сюзанны и что принесет ему завтрашний день. Все, кому приходилось иметь с ним дело, замечали, что он чем-то крайне озабочен.

Колфакс, увидев его, воскликнул:

— Что с вами, приятель, вы на себя не похожи!

Он решил, что Юджин обеспокоен делами «Синего моря». Вскоре после того, как Колфаксу доложили об участии Юджина в этой затее, ему стало известно, что потребуются огромные капиталовложения, для того чтобы курорт действительно стал таким, каким он был задуман, и что пройдет много лет, прежде чем можно будет ждать от него соответствующих доходов. Если Юджин вложил в дело большую сумму, то он, надо полагать, потерял ее или, в лучшем случае, «заморозил» на неопределенный срок. Что ж, поделом ему, пусть не занимается вещами, в которых ничего не смыслит.

— Нет, ничего, — рассеянно ответил Юджин. — Я себя прекрасно чувствую. Немножко устал, разумеется, но это пройдет.

— А не взять ли вам отпуск на месяц, чтобы немного прийти в себя?

— Да нет, спасибо! Во всяком случае, не сейчас, — ответил Юджин.

Про себя он решил, что отпуск может пригодиться ему немного позднее, и тогда он воспользуется этим предложением.

Разговор перешел на деловые темы, но от Колфакса не укрылось, что у Юджина как-то уж очень ввалились глаза и что его гложет тревога. «Как бы он совсем не слег», — подумал он.

Сюзанна между тем жила сравнительно спокойно, насколько это возможно было при ее отношениях с матерью. Однако после нескольких дней, проведенных в бесплодных спорах — все на ту же тему, — она стала понимать, что ее мамá отнюдь не намерена уехать из Канады к концу того срока, о котором они сговорились, тем более что их возвращение в Нью-Йорк было сопряжено с немедленным уходом Сюзанны к Юджину. Миссис Дэйл сперва заговорила об отсрочке, а потом начала настаивать, чтобы Сюзанна согласилась ехать не в Нью-Йорк, а в Ленокс и там провела зиму. В Канаде становилось холодно, хотя выдавались еще солнечные деньки, а порою и прекрасные вечера. Зато ночи были очень холодные. Миссис Дэйл и сама мечтала о соглашении, так как страшно скучала одна с Сюзанной после веселой нью-йоркской жизни. Однако за четыре дня до срока, на который был намечен отъезд, она все еще упорствовала или же дипломатически медлила. Сюзанна, глубоко этим возмущенная, пригрозила, что напишет Юджину, после чего миссис Дэйл и послала ему паническую телеграмму. Немного погодя Сюзанна написала следующее письмо, которое поручила отправить своей горничной Габриели:

«Дорогой Юджин!

Если Вы меня любите, приезжайте и увезите меня. Я предупредила мамá, что если она не сдержит слова и не вернется со мной в Нью-Йорк до пятнадцатого, я немедленно дам Вам знать, — а она все еще упрямится. Я нахожусь в Канаде, в имении Кэткартов «Часок-другой», в восемнадцати милях к северу от станции Три-Риверс. Здесь всякий знает его. Приезжайте непременно, я буду ждать Вас. Не пытайтесь писать, письмо вряд ли дойдет до меня. Буду ждать, не отлучаясь из дома.

Любящая Вас Сюзанна».

Никогда еще Юджин не получал от женщины такого пламенного призыва.

Письмо пришло через тридцать шесть часов после телеграммы, и мысль Юджина лихорадочно заработала. Пора действовать! Возможно, что он теперь навсегда покончит со старой жизнью. Удастся ли ему увезти Сюзанну? Зорко ли ее охраняют? Сладкий трепет пронизал его при мысли, что Сюзанна зовет его и что он едет ее разыскивать. «Если Вы меня любите, приезжайте и увезите меня».

Поедет ли он?

Еще бы!

Справившись о времени отхода поезда, он вызвал машину, позвонил своему лакею и приказал немедленно уложить чемодан и доставить его на вокзал Грэнд-Сентрал. Затем он позвонил Анджеле, но она в этот день как раз собралась к Миртл, жившей в верхней части Седьмой авеню, чтобы наконец поделиться с ней своими горестями. Состояние ее сейчас нисколько его не беспокоило, событие, которого она ждала и о котором Юджин часто задумывался, предстояло еще не скоро. Сообщив Колфаксу, что он едет на несколько дней отдохнуть, Юджин отправился в банк и взял оттуда все, что у него было на текущем счету, то есть свыше четырех тысяч долларов. Билет он купил в один конец, так как не знал, чем кончится свидание с Сюзанной. Он снова пытался позвонить Анджеле, заявить ей напрямик, что едет разыскивать Сюзанну, сказать, чтобы она не беспокоилась и что он ей напишет, но она еще не вернулась домой. Как ни странно, Юджина ни на минуту не оставляла глубокая жалость к жене и мысль о том, что она сделает, если он не вернется. Что будет с ребенком? И все же он считал, что должен ехать. Анджела страдает, она живет в постоянном страхе — он чувствовал это и все же был не в силах противостоять зову Сюзанны. Он не мог противостоять ничему, что имело отношение к этой его любви. Он вел себя как одержимый. Он знал, что рискует всей своей карьерой, но и это его не смущало. Сюзанна должна принадлежать ему. Будь что будет — лишь бы добиться Сюзанны, прекрасной, несравненной!

В пять тридцать поезд тронулся, и, сидя в покачивающемся вагоне, мчавшем его на север, Юджин думал о

том, что он предпримет, когда прибудет на место. Если Три-Риверс сколько-нибудь крупный поселок, можно рассчитывать найти там автомобиль. Он оставит машину на некотором расстоянии от дома, а сам постарается пробраться поближе и тайно даст о себе знать. Если только Сюзанна там, она, конечно, ждет его и выбежит по первому его знаку. И они немедленно сядут в машину. Возможно, что вскоре начнется погоня, но он постарается сбить ее со следа, чтобы никто не знал, к какой железнодорожной станции он направился. Ознакомившись с картой, он убедился, что ближайший крупный центр — Квебек, но он мог взять направление на Монреаль и Нью-Йорк или на Буффало, если они предпочтут ехать на Запад. Все будет зависеть от расписания поездов.

Любопытно, каким блужданиям подвержен при подобных обстоятельствах человеческий ум. Ни до прибытия на станцию Три-Риверс, ни после у Юджина не было никакого точно выработанного плана — он понятия не имел, что они предпримут в дальнейшем, и знал только, что должен добиться Сюзанны. Он не знал, вернется ли в Нью-Йорк, или нет. Если Сюзанна пожелает и такая возможность представится, они из Монреаля поедут в Англию или во Францию. Можно проехать в Портленд и там сесть на пароход. А может быть, миссис Дэйл, убедившись, что Сюзанна с ним и действует по доброй воле, смягчится и не станет возражать, и тогда он вернется в Нью-Йорк и снова приступит к работе. Если бы Юджин действительно занял такую решительную позицию и придерживался ее до конца, это, вероятно, разрешило бы проблему.

В вагоне с ним ехал мужчина с черной бородой, что всегда было у него хорошей приметой. Выйдя на станции Три-Риверс, он нашел подкову — это тоже предвещало удачу. Ни разу не остановился он на мысли, что ждет его, если он действительно потеряет место и вынужден будет жить на те деньги, которые имел при себе. Он не в состоянии был мыслить логически и словно грезил наяву. Ему хотелось верить, что он может соединиться с Сюзанной и сохранить свой оклад и что все останется как было. Такова логика мечтателей.

Прибыв в Три-Риверс, Юджин, разумеется, обнаружил, что все складывается совсем не так, как он рассчитывал. После продолжительной засухи здесь можно бы-

ло проехать на автомобиле, до имения «Часок-другой» во всяком случае,— но в последнее время погода испортилась. Перед приездом Юджина прошли холодные дожди, дороги размыло, и передвигаться можно было только верхом или в шарабане. Такой шарабан как раз направлялся в Сен-Жак, не доезжая четырех миль до охотничьего домика, и возница сказал Юджину, что там, если он пожелает, можно достать верховых лошадей, у его хозяина есть конюшня.

Это вполне устраивало Юджина, и он решил, что в Сен-Жаке наймет двух лошадей, подъедет как можно ближе к охотничьему домику Кэткартов и привяжет их где-нибудь в укромном месте. А там он уж как-нибудь вызовет Сюзанну. Вот был бы замечательный финал! Как дивно мчаться по лесу вдвоем! И велико же было изумление Юджина, когда, прибыв в Сен-Жак, он встретил миссис Дэйл. Услужливый начальник железнодорожной станции предупредил ее по телефону, что какой-то джентльмен, по описанию похожий на Юджина, прибыл с последним поездом и направляется в «Часок-другой». А до этого была телеграмма от Кинроя из Нью-Йорка, сообщавшая, что Юджин куда-то уехал. Со дня отъезда миссис Дэйл каждый его шаг был под наблюдением. Вернувшись в Нью-Йорк, Кинрой стал звонить в издательство и ежедневно спрашивать, в городе ли мистер Витла. До сих пор ответ неизменно гласил, что Юджин в городе. Когда же ему сообщили, что мистер Витла уехал, он позвонил Анджеле и справился у нее. Она подтвердила, что Юджина нет в городе. Кинрой немедленно телеграфировал матери, и та, рассчитав, когда можно ждать гостя, и получив от начальника станции уведомление, что приезжий сел в шарабан, выехала ему навстречу. Она решила не уступать ему без боя ни дюйма пути. Она, правда, уже не собиралась убивать его — у нее и неостало бы на это храбрости,— но все еще надеялась уговорить. Прибегнуть к услугам сыщиков и охраны она не решилась. Не может быть, чтобы Юджин был на самом деле так жесток. Это Сюзанна сбивает его с толку своим упрямством и своими письмами. Миссис Дэйл ясно видела, что с дочерью ей не справиться. Вся надежда была на то, чтобы уговорить Юджина или добиться отсрочки. В крайнем случае они вместе вернутся в Нью-Йорк, и тогда она обратится к Колфаксу и Уин-

филду. Уж они-то сумеют его образумить. Как бы там ни было, она ни на секунду не оставит Сюзанну с Юджином вдвоем, пока эта история не разрешится — в ее пользу или наоборот. Увидев Юджина, она приветствовала его своей обычной светской улыбкой и ласково позвала, указывая на свободное место в экипаже:

— Прошу вас! Садитесь.

Он угрюмо посмотрел на нее и повиновался, но, убедившись, что она сама любезность, вежливо поздоровался:

— Как вы поживаете?

— Благодарю вас, очень хорошо.

— А как Сюзанна?

— Она здорова, насколько мне известно. Сейчас ее здесь нет.

— Где же она? — спросил Юджин, на лице которого выразилось неопишное разочарование.

— Она уехала с друзьями в Квебек дней на десять — посмотреть город, а оттуда собирается прямо в Нью-Йорк. Едва ли она еще вернется сюда.

Она так уверенно лгала, что Юджина охватило чувство отвращения. Он не верил ни одному ее слову.

— Это ложь, — грубо сказал он. — Самая бессовестная ложь. Сюзанна здесь, и вы это прекрасно знаете. Но как бы там ни было, я хочу удостовериться.

— Вы поразительно вежливы, — сказала миссис Дэйл, считая за лучшее превратить это в шутку. — Раньше вы так не разговаривали. Но это не важно. Сюзанны здесь нет. Если вам непременно хочется, вы сами в этом убедитесь. Но я не советовала бы вам проявлять слишком большую настойчивость, так как, узнав о вашем прибытии, я вызвала помощь — не удивляйтесь, если вас встретят сыщики и охрана. Во всяком случае, Сюзанны здесь нет, и вы можете с таким же успехом повернуть обратно в Нью-Йорк. Если хотите, я отвезу вас на станцию. Право же, будьте благоразумны, зачем вам нарываться на скандал? Сюзанны здесь нет, но вы не увиделись бы с ней, даже если бы она никуда не уезжала. Об этом позаботились бы люди, которых я вызвала. Если же вы вздумаете шуметь, вас попросту арестуют, и тогда вся эта история попадет в газеты. Будьте же благоразумны, мистер Витла, и вернитесь в Нью-Йорк. Так вы ничего не добьетесь. В одиннадцать вечера здесь про-

ходит поезд из Квебека. Мы можем еще поспеть к нему. Хотите? Обещаю вам — если вы одумаетесь и не доставите мне больше неприятностей — через месяц привезти Сюзанну в Нью-Йорк. Я не могу отдать ее вам, пока вы не получили развода, пока вы не пришли к какому-то соглашению с женой. Если же вам удастся это сделать в течение ближайших шести месяцев или года и Сюзанна за это время не раздумает, тогда пожалуйста. Я готова хоть в письменной форме отказаться от возражений против вашего брака и позабочусь, чтобы она без хлопот получила свою долю наследства. Я, наконец, помогу вам и ей вернуться в общество. Вы знаете, что я пользуюсь некоторым влиянием.

— Сначала я должен повидаться с нею, — ответил Юджин угрюмо и недоверчиво.

— Я, конечно, не обещаю вам, что все забуду, — продолжала миссис Дэйл, притворяясь, будто не расслышала его слов. — Это не в моих силах, но я готова сделать вид. Вы сможете пользоваться моей дачей в Леноксе. Я постараюсь освободить от аренды наш дом в Морристауне или в Нью-Йорке, и вы устроитесь в любом из них. Если хотите, я готова даже обеспечить вашу жену некоторой суммой. Это поможет вам вернуть себе свободу. Я не поверю, чтобы вы предпочли соединиться с Сюзанной незаконно, как вы ей предлагаете, когда есть возможность, немного обождав, сделать это открыто. Она говорит, что не хочет выходить замуж, но это только глупые разговоры, просто она начиталась всяких вредных книжек. Она хочет выйти замуж или, во всяком случае, захочет, когда придет время подумать об этом серьезно. Почему бы нам не помочь ей в этом? Почему вам не поехать обратно, предоставив мне привезти ее в Нью-Йорк немного погодя, чтобы мы могли там обо всем переговорить? Я буду только рада принять вас в мою семью. Вы блестящий человек. Я всегда была очень расположена к вам. Так будьте же благоразумны. Давайте я отвезу вас на станцию, и вы вернетесь в Нью-Йорк, — хорошо?

Пока миссис Дэйл убеждала его, Юджин не сводил с нее внимательного взгляда. Как она красноречиво лжет! Она старается не допустить его к Сюзанне, и Юджин прекрасно понимал, почему. Сюзанна где-то здесь, ду-

мал он, хотя ее могли снова увезти обманом, как это уже раз случилось.

— Вздор какой! — ответил он с небрежным и вызывающим видом. — Ничего подобного я делать не стану. Прежде всего я вам не верю. Если вам хочется доказать свое доброе отношение ко мне, разрешите мне повидать Сюзанну. И тогда в ее присутствии вы можете повторить все, что сказали сейчас. Я приехал сюда, чтобы ее увидеть, и я ее увижу. Она здесь. Я уверен, что она здесь. Зачем вы лжете? И знайте, я увижусь с нею, хотя бы мне пришлось прожить здесь целый месяц, разыскивая ее.

Миссис Дэйл нервно поежилась. Она понимала, что Юджин решился на все. Она догадывалась, что Сюзанна писала ему. Разговаривать, пожалуй, не стоит. Никакие хитрости не помогут, и все же она не могла не хитрить.

— Послушайте, мистер Витла, — взволнованно сказала она. — Я повторяю, Сюзанны здесь нет. Она уехала. Мой дом охраняют сыщики, и их очень много. Они знают, кто вы. Они получили подробное описание вашей наружности. Им приказано стрелять, если вы сделаете попытку ворваться силой. Кинрой тоже там. Он готов на все. Мне уже пришлось выдержать с ним борьбу, он рвался убить вас. Дом охраняется. Даже сейчас за нами следят. Будьте же благоразумны. Вы все равно не увидите ее. Она уехала. Зачем поднимать шум? Зачем рисковать своей жизнью?

— Оставьте эти разговоры, — сказал Юджин. — Вы лжете. Я вижу это по вашему лицу! Знайте же, что я не дорожу жизнью, и вам не удастся меня запугать. Довольно! Сюзанна здесь, и я ее увижу.

Он замолчал и стал смотреть перед собой, а миссис Дэйл лихорадочно думала о том, что же ей теперь предпринять. Никаких сыщиков и охраны в доме не было. Сюзанна никуда не уезжала. Все это были пустые слова, как и догадывался Юджин. Прежде всего миссис Дэйл хотелось избежать огласки, и такие средства она прибегала на самый крайний случай.

Вечер, которому предшествовало несколько ветреных дней, выдался довольно тихий. На востоке всходила луна, отчетливо видимая на светлом закатном небе. Вскоре она ярко засияет в небе. Воздух был, пожалуй, даже

теплый, пахло землей и хвоей. Юджин не оставался, конечно, равнодушен к красоте этого вечера, но он был слишком удручен мыслью, что Сюзанны может здесь не оказаться.

— О, будьте хоть немного великодушны,— взмолилась миссис Дэйл, опасавшаяся, что Юджин и Сюзанна окончательно потеряют рассудок, если снова увидятся. Ее дочь потребует — как не переставала требовать все это время,— чтобы мать отвезла ее в Нью-Йорк. Юджин оставит без внимания все ее просьбы, и последует немедленный отъезд или бесстыдная связь у нее в доме. Она подумала, что могла бы убить их, если не будет другого выхода, но под действием вызывающей настойчивости Юджина, с одной стороны, и Сюзанны — с другой, чувствовала, что мужество изменяет ей. Ее пугала смелость этого человека.

— Я сдержу свое обещание,— в полном отчаянии несвязно твердила она.— Клянусь честью, ее здесь нет! Уверяю вас, что она в Квебеке. Подождите один месяц. Я сама привезу ее. Мы вместе найдем какой-нибудь выход. Неужто в вас нет ни капли великодушия?

— Я был бы способен на великодушие,— ответил Юджин, на которого произвели известное впечатление ее заманчивые обещания,— но я не могу вам верить. Вы говорили неправду Сюзанне, когда увезли ее из Нью-Йорка. Это была ловушка, а сейчас вы придумали новую. Я знаю, что Сюзанна никуда не уезжала. Она находится здесь, недалеко. Отвезите меня к ней, и мы обо всем поговорим. Кстати, куда мы едем?

Миссис Дэйл свернула не то на тропинку, не то на заброшенную проселочную дорогу, густо заросшую по бокам невысокими деревьями и напоминавшую просеку, которую прокладывают к вырубке.

— К охотничьему домику.

— Я этому не верю,— сказал Юджин, ко всему относившийся с подозрением — Не может быть, чтоб это была главная дорога к такому поместью.

— Уверяю вас, что это и есть главная дорога.

Миссис Дэйл приближалась к участку, на котором стоял охотничий домик, и ей хотелось выгадать время, чтобы еще поговорить с Юджином.

— Что ж, поезжайте этой дорогой, если вам угодно,— сказал Юджин,— а я предпочитаю идти пешком.

Вам не удастся отделаться от меня, сколько бы вы ни кружили. Я останусь здесь неделю, месяц, два месяца, если понадобится, но не уеду, не повидавшись с Сюзанной. Она здесь, и я это знаю. Я пойду один и найду ее. Я не боюсь вашей охраны.

Он выскочил из экипажа, и миссис Дэйл вынуждена была сдаться.

— Подождите! — крикнула она. — Туда еще больше двух миль. Я отвезу вас. Но все равно, вы не застанете там Сюзанну. Она ушла в сторожку. Будьте же благоразумны! Клянусь вам, я привезу ее в Нью-Йорк. Неужели вы отвергнете мои предложения и предпочтете разбить и ее жизнь, и свою, и мою? О, если бы мистер Дэйл был жив! Если бы около меня был мужчина, на которого я могла бы положиться! Ну, садитесь, поедemте. Только обещайте мне, что сегодня вы не будете пытаться ее увидеть. Все равно ее нет дома. Она ушла в сторожку. О боже, хоть бы что-нибудь случилось, чтобы все это по крайней мере кончилось так или иначе!

— Вы говорили как будто, что она в Квебеке?

— Я сказала это только, чтобы выиграть время. У меня нервы совсем расшатались. Да, это была неправда. Но ее действительно нет дома. Она ушла на весь день. Я не могу разрешить вам остаться у нас. Позвольте мне отвезти вас обратно в Сен-Жак, и вы можете переночевать у старого Пьера Гэна. А утром приедете. Слугам может показаться странным, если я привезу вас сейчас. Обещаю вам, что вы увидите с Сюзанной. Даю вам слово.

— Ваше слово! Право же, миссис Дэйл, вы совершенно запутались. Я ни одному вашему слову не верю, — холодно ответил Юджин.

Теперь он совсем успокоился и, ликуя, думал о том, что Сюзанна здесь. Он увидит ее — он это чувствовал. Он нанес миссис Дэйл крупное поражение. И он будет наносить ей удар за ударом, а потом они вместе с Сюзанной предложат ей свои условия.

— Никуда я не поеду, и вы сейчас же приведете ко мне Сюзанну. Если она действительно не дома, то вы отлично знаете, где ее найти. Но она там, и я увижусь с ней сегодня же. Мы можем обсудить ваше предложение в ее присутствии. Достаточно вы мудрили. Сюзанна на

моей стороне, и вы это знаете. Она моя. Вам с ней не сладить, а вот вдвоем мы с вами поговорим.

Он откинулся на спинку экипажа и стал напевать что-то про себя. Луна все ярче и ярче сияла в небе.

— Обещайте мне одно,— в отчаянии настаивала миссис Дэйл.— Обещайте мне, что вы убедите Сюзанну согласиться на мое предложение. Несколько месяцев ничего для вас не значат. Вы можете, как обычно, видеться с нею в Нью-Йорке. Займитесь вашим разводом. Вы единственный человек, который в состоянии повлиять на Сюзанну, я признаю это. Мне она не поверит. Меня она не станет слушать. Поговорите вы с ней. От этого зависит ваше будущее. Уговорите ее подождать. Уговорите ее остаться здесь или поехать в Ленокс и только потом вернуться в Нью-Йорк. Вас она послушает. Она поверит всему, что вы ей скажете. Я ей солгала. Я много лгала за это время, у меня не было другого выхода. Но поставьте себя на мое место. Прошу вас, повлиять на нее. Я сделаю все, что обещала, и даже больше.

— Я сегодня же увижу Сюзанну?

— Да, если обещаете помочь мне.

— Я увижу сегодня Сюзанну или нет, независимо от всяких обещаний? Я ничего не скажу вам такого, чего не мог бы повторить в ее присутствии.

— Но обещайте мне согласиться на мое предложение и повлиять на Сюзанну.

— Я, пожалуй, готов согласиться, но обещать ничего не обещаю. Я хочу, чтобы Сюзанна сама услышала все, что вы намерены сказать. Я думаю, что с моей стороны возражений не будет.

Миссис Дэйл безнадежно покачала головой.

— Все равно вам придется уступить,— продолжал Юджин.— Я увижу ее, угодно это вам или нет. Сюзанна там, и я найду ее, хотя бы мне пришлось обыскать весь дом. Она услышит мой голос.

Он говорил с полным сознанием своей силы.

— Ну что ж,— ответила миссис Дэйл.— По-видимому, придется уступить. Но умоляю вас, будьте осторожны в присутствии слуг. Пусть они думают, что вы мой гость. И разрешите мне отвезти вас сегодня же в Сен-Жак, после того как вы увидите Сюзанну. Не оставайтесь с нею больше получаса.

Миссис Дэйл была в таком ужасе от того, как все повернулось, что не могла собраться с мыслями.

Юджин уже тайно поздравлял себя с победой, в то время как экипаж, освещенный луной, продвигался вперед, подпрыгивая на рытвинах дороги. На радостях он даже пожал руку миссис Дэйл и сказал, что она напрасно расстраивается — все кончится хорошо. Они вместе поговорят с Сюзанной. Интересно будет услышать ее мнение.

— Подождите здесь, — сказала миссис Дэйл, когда они достигли небольшого, поросшего лесом холма у поворота дороги, откуда открывался вид на широкую, ярко освещенную луной долину. — Я зайду и вызову ее. Не знаю, дома ли она, но если нет, значит, она в сторожке, и мы вместе пройдем туда. Мне не хотелось бы, чтобы слуги присутствовали при вашей встрече. Умоляю вас, побольше сдержанности. Ради бога, будьте осторожны!

Юджин улыбнулся. Как она взволнована! Какая растерянность после всех ее угроз! Так, значит, победа? Какую борьбу он выдержал! И вот он у самых ворот прекрасного здания, огни которого прорезают серебристые сумерки. Воздух был напоен ароматом лугов. Пахло влажной от вечерней сырости землей, которая скоро затвердеет и покроется толстым ковром снега. Кое-где слышались запоздалые птичьи голоса, ветер слегка шелестел в листве. «В такую ночь...» — вспомнились ему слова Шекспира. Как подходила эта обстановка для его встречи с Сюзанной! Как прекрасна их любовь! Они все время встречались в таких чудесных местах — на лоне природы или среди изысканной роскоши. Казалось, само небо покровительствует этому величайшему событию всей его жизни. Он — признанный гений. Судьба осыпает его цветами. Она венчает его короной победителя.

Он ждал; тем временем миссис Дэйл направилась к дому, и немного спустя вдали показалась грациозная девичья фигурка. Юджин видел, как она бежала в тени деревьев, а за нею немного позади следовала миссис Дэйл. Сюзанна легкой, танцующей походкой спешила к Юджину — юная, прекрасная, полная решимости и жизненных сил. Складки ее широкого платья развевались, обрисовывая стройный стан. Она казалась Юджину воплощением красоты. Геба, юная Диана, Венера в де-

вятнадцать лет! Губы ее раскрылись в счастливой улыбке, а глаза были спокойны, как голубые опалы, таящие где-то в глубине своей золото и огонь.

Еще издали она увидела его и бросилась навстречу, протягивая ему руки.

— Сюзанна! — воскликнула миссис Дэйл. — Как тебе не стыдно!

— Молчи, мама! — нетерпеливо ответила девушка. — Мне дела нет ни до чего! Мне ни перед кем не стыдно! Ты одна виновата во всем! Незачем было лгать мне. Он не приехал бы, если бы я не вызвала его. Теперь я уеду в Нью-Йорк. Я тебя предупреждала, что уеду.

Она не воскликнула «О Юджин!», когда подошла к нему, а только взяла его голову в обе ладони и нежно заглянула в глаза. Его взгляд обжег ее огнем. Она отступила на шаг и широко раскрыла объятия, чтобы крепче прижать его к себе.

— Наконец-то, наконец-то! — говорил он, лихорадочно целуя ее. — О Сюзанна! Моя голубка!

— Я знала, что вы приедете, — сказала она. — Я говорила ей, что вы приедете. Теперь я уеду с вами.

— Да, да! — воскликнул Юджин. — Какая дивная ночь! Какое счастье! И вы снова со мной!

Миссис Дэйл стояла неподалеку, бледная, как смерть, в полном оцепенении. Подумать только, что ее дочь способна так вести себя, так опозорить ее, заставить ее быть свидетельницей подобного срама! Это невероятно, ужасно, невыносимо!

— Сюзанна! — всхлипнула она. — Мне легче было бы умереть, чем видеть это!

— Я говорила тебе, мама, ты еще пожалеешь, что увезла меня, — сказала Сюзанна. — Я предупреждала тебя, что напишу Юджину. Я так ждала вас! — обратилась она к нему и нежно сжала его руку.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на девушку. Царственные осенние звезды на бархате ночи поплыли вокруг его головы. Так вот что такое победа! Как прекрасна жизнь! Мог ли он думать, что его ждет такой триумф! Переживал ли когда-нибудь влюбленный более радостную победу?

— О Сюзанна! — горячо прошептал он. — Это как во сне, как в сказке. Мне не верится, что я вижу вас наяву.

— Да, да, Юджин, как хорошо, как невообразимо хорошо! — ответила она.

И, не обращая внимания на миссис Дэйл, они взялись за руки и скрылись в темноте.

ГЛАВА XX

Вся беда заключалась в том, что Юджин, снова сжимавший Сюзанну в своих объятиях, не приготовил сколько-нибудь ясного плана действий. Вместо того чтобы немедленно предложить ей какой-то способ открыто или тайно вырваться на волю или же, овладев девушкой, увезти ее — чего в сущности она и ждала, — он принялся передавать ей слова миссис Дэйл и, вместо того чтобы сказать «бежим», — спрашивал ее совета.

— Вот что ваша матушка только что предложила мне, Сюзанна, — начал он и стал излагать разговор во всех подробностях. В обещаниях миссис Дэйл он уже видел свершение всех своих надежд.

— Я ответил ей, — сказал он, подразумевая миссис Дэйл, находившуюся где-то тут же, поблизости, — что ничего не могу сказать. Она требовала от меня обещания, что мы именно так и поступим, но я заявил, что решение вопроса должно быть предоставлено вам. Если вы хотите вернуться в Нью-Йорк, мы поедем туда сегодня или завтра. Если же вы предпочтете принять совет вашей матушки, то я подчинюсь вашему желанию. Я предпочел бы, конечно, чтобы вы стали моей теперь же, но вместе с тем готов и ждать, при условии, что мы будем иметь возможность видеться.

Сюзанна слушала его и не понимала. Какого решения он от нее ждет? Она жаждала чего-то необыкновенного, какой-то волнующей драматической развязки, — но так как ничего не произошло, ей приходилось довольствоваться тем, что есть. По правде говоря, ею владело одно только желание — быть с Юджином. Она отнюдь не рассчитывала, что он получит развод. Под влиянием прочитанных книг и незрелых размышлений ей казалось, что в этом и нет особой необходимости. Она вовсе не желала зла Анджеле. Она не хотела, чтобы Юджин нанес жене смертельное оскорбление, открыто бросив ее. После

того как Юджин сказал ей, что жизнь с Анджелой его не удовлетворяет, что между ними нет настоящей любви, что и Анджела не питает к нему сколько-нибудь сильного чувства,— она и сама признавала это в своем письме,— Сюзанна решила, что нет ничего дурного, если она будет делить Юджина с Анджелой. Но что такое он говорит сейчас? Он рассуждает о том, как им быть в дальнейшем. Она думала, что он явится и умчит ее, как некий бог, а вместо этого он развивает перед нею какую-то новую теорию и отнюдь не похож на юного бога. Сюзанна совсем растерялась. Она не могла понять, почему Юджин не хочет немедленно увезти ее.

— Я, право, не знаю... Как вы находите лучше,— сказала она.— Если вы хотите, чтобы я пробыла здесь еще месяц...

— Нет, нет,— прервал ее Юджин; он догадывался, что допустил какую-то ошибку, и хотел поскорее исправить ее — Я этого ни в коем случае не хочу. Нет, нет, вовсе нет! Я хочу, чтобы вы поехали со мной сегодня же, если возможно. Но я считал своим долгом вам все рассказать. Ваша матушка говорила как будто искренне. Если мы можем добиться своего и притом остаться с ней друзьями, было бы очень нехорошо не воспользоваться этим. Зачем причинять ей лишние страдания? Но если вы и в самом деле согласны...

Он замолчал, чувствуя, что окончательно запутался. Сюзанна едва ли могла бы в ту минуту сказать, какое впечатление произвели на нее его слова. Она только чувствовала, что все бремя ответственности за то или иное решение взваливается на нее. Но это было несправедливо, ей не хватало для этого сил. Не хватало жизненного опыта. Пусть Юджин решает, и как он решит, так и будет.

Надо сказать, что даже в тот момент, когда Юджин опять заключил Сюзанну в свои объятия,— да еще в присутствии ее матери,— он все же не почувствовал того триумфа, как ожидал, потому что еще не считал судьбу свою окончательно решенной. Он не считал возможным пренебречь предложением миссис Дэйл, если оно серьезно. Она заявила ему, прежде чем позвать Сюзанну, что если он не примет ее условий, она будет продолжать борьбу — немедленно даст телеграмму Колфаксу и попросит его приехать. Несмотря на то, что Юджин за-

брал свои деньги из банка и готов был бежать, как только представится возможность, его все же удерживала мысль о Колфаксе и желание сохранить свое обеспеченное положение, присоединив к нему все, что предлагала миссис Дэйл. Он колебался. А может быть, удастся все уладить к общему удовольствию?

— Я не жду от вас окончательного решения,— сказал он,— но как вы думаете?

А Сюзанна пребывала в каком-то смутном состоянии, мешавшем ей думать. Юджин был с нею. Это был рай. Высоко в небе сияла луна.

Чудесно снова быть с ним, чувствовать его ласки. Но он не собирается похищать ее. Они не бросали миру вызова. Они не делали ничего, похожего на то, о чем она мечтала, не неслись через все препятствия к победе,— а между тем она именно для этого вызвала его сюда. Мать обещала помочь ему в получении развода. Она окажет материальную поддержку Анджеле, если понадобится. И она, Сюзанна, через некоторое время выйдет замуж, и скоро у нее будет свой дом, и все, как у других. Как странно! Но ведь это вовсе не то, чего она добивалась. Она хотела пренебречь условностями, она мечтала о чем-то смелом, необыкновенном. Может быть, она и погубила бы себя, хотя ей это казалось маловероятным. Мать рано или поздно уступила бы. Так почему же Юджин идет на эту сделку? Как странно...

Ничто не могло нанести такого удара их любви, как эти вдруг проснувшиеся сомнения. Ведь с приездом Юджина они должны были соединиться. Они должны были бороться и победить. Но вот теперь он обнимал ее, а у нее не шли из головы эти смутные мысли. Что-то омрачало их счастье,— словно бледная дымка, туманящая яркую луну, словно брызги пены над морским прибоем или крохотное облачко, не больше человеческой ладони, от которого сердце сжимается боязливым предчувствием. Юджин был для нее по-прежнему желанным — но он не собирался бежать с нею. Они говорили о возвращении в Нью-Йорк,— но не сейчас же и не вместе. Как же так?

— Вы думаете, это будет очень для вас плохо, если мамà все расскажет Колфаксу? — спросила она, когда Юджин передал ей угрозу миссис Дэйл.

— Не знаю,— серьезно ответил Юджин.— Да, пожалуй, что плохо. Трудно сказать, как он отнесется.

Впрочем, это не имеет никакого значения,— добавил он, и снова Сюзанна была озадачена.

— Ну что ж, если вы хотите ждать, давайте подождем. Я согласна поступить, как вы находите лучше. Я не хочу, чтобы вы потеряли из-за меня место. Если вы считаете, что нужно подождать, будем ждать.

— Но только в том случае, если мне можно будет видаться с вами регулярно,— ответил Юджин, окончательно теряя почву под ногами.

Не умел он идти к победе, не умел взять инициативу в свои руки. Он наивно старался сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы — хотел видаться с Сюзанной, кататься с Сюзанной, танцевать с Сюзанной, только что не поселиться с нею в Нью-Йорке, впредь до предстоящего вступления в тайный или открытый союз. Миссис Дэйл обещала принять его в свою семью, а на самом деле она только старалась выгадать время, чтобы предпринять некоторые шаги и дать Сюзанне возможность опомниться. Больше всего она надеялась на время, и в этот вечер, почти не отходя от влюбленных и уловив кое-что из слов Юджина, она почувствовала значительное облегчение. Либо он начинает приходить в себя и раскаиваться в своем безумии, либо поддался на ее обманчивые посулы. Если б удалось разлучить его с Сюзанной еще на неделю, а самой вернуться в Нью-Йорк, она пошла бы к Колфаксу и к Уинфилду и, возможно, заставила бы их воздействовать на Юджина. Нужно сломить его волю. Он не понимает, что делает, он потерял рассудок. По-видимому, ее ложь подействовала, и она добьется отсрочки, а больше ей ничего не нужно.

— Не знаю. Делайте, как считаете лучше,— говорила Сюзанна между двумя поцелуями.— Как вы хотите — чтобы я завтра же поехала с вами в Нью-Йорк, или...

— Да, да,— ответил он быстро и решительно,— завтра же. Но мы должны приложить все старания, чтобы переубедить вашу матушку. Она понимает, что раз мы снова вместе, то это дело конченное, и надо ее в этом уверить. Она говорит об уступках, а нам только того и нужно. Если нам предлагают какое-то соглашение, почему не пойти на него? Я не против того, чтобы подождать еще недельку,— надо дать ей подумать. Если же она к тому времени не изменит своего отношения, будем дей-

ствовать. Вы могли бы поехать на недельку в Ленокс, а затем ко мне.

Он говорил так, словно одержал победу, между тем как в действительности потерпел решительное поражение. Он потерял Сюзанну.

Сюзанна глубоко задумалась. Не того она ждала, но...

— Хорошо,— сказала она после непродолжительной паузы.

— Вы завтра поедете со мной?

— Да.

— Куда — в Ленокс или в Нью-Йорк?

— Посмотрим, что мамá скажет. Если вам удастся с ней договориться... Все, что хотите... Я согласна.

Немного спустя Юджин и Сюзанна пожелали друг другу спокойной ночи. Было решено, что утром увидятся и вместе поедут до Ленокса. Миссис Дэйл поможет ему добиться развода. Положение казалось вполне удовлетворительным, даже прекрасным. Но почему-то Юджин чувствовал, что делает не то, что нужно. Он ушел к себе в комнату, в один конец дома, а Сюзанна — в другой. Миссис Дэйл, объятая страхом, оставалась настороже и не смыкала глаз, но в этом не было надобности. Юджин больше не безумствовал. Засыпая, он думал о том, что в ближайшем будущем все устроится и что Сюзанна в конце концов станет его женой.

ГЛАВА XXI

На следующий день, обсудив заманчивую возможность провести несколько дней в охотничьем домике и отдаться восторгам свидания и выслушав прозрачные намеки миссис Дэйл насчет того, что подумают слуги, которые, вероятно, и так уже кое-что подозревают или же слышали от начальника станции, Юджин и Сюзанна решили расстаться: она направлялась в Ленокс, он — в Нью-Йорк. Весь путь до Олбэни они просидели рядышком в купе спального вагона, как дети, которые счастливы быть вместе. Миссис Дэйл, сидя напротив, перебирала в уме все свои обещания и думала о том, не лучше ли в конце концов сейчас же ехать в Нью-Йорк и

прекратить эту историю при помощи Колфакса, или следует подождать еще немного, чтобы все само собой заглохло.

На другое утро, в Олбэни, Сюзанна и миссис Дэйл пересели в поезд, шедший в Бостон, а Юджин поехал в Нью-Йорк. Он чувствовал себя совсем другим человеком, когда пришел к себе на службу, а потом домой. Анджела, вконец измученная, посмотрела на него, точно он был привидением или выходцем с того света. Она не знала, куда он уезжал. Она не знала, вернется ли он когда-нибудь. Не было смысла прибегать к упрекам, в этом она давно убедилась. Оставалось только взывать к его добрым чувствам. Она подождала до конца обеда, во время которого они говорили о самых безразличных вещах, а потом зашла к нему в комнату, где он распаковывал чемодан.

— Ты ездил за Сюзанной? — спросила она.

— Да.

— Она с тобой?

— Нет.

— Знаешь, Юджин, как я провела эти последние три дня? — спросила она.

Юджин молчал.

— Я провела их на коленях. Да, на коленях, — повторила она. — Я молила бога, чтобы он спас тебя от тебя самого.

— Не говори вздора, Анджела, — холодно отозвался он. — Ты прекрасно знаешь, как я смотрю на эти вещи. Как видишь, со мной ничего не случилось. Я пробовал перед отъездом дозвониться к тебе по телефону. Я поехал для того, чтобы найти Сюзанну и привезти ее обратно, и я действительно привез ее — пока что в Леннокс. Я выиграю в этой борьбе. Сюзанна будет моей — с благословения закона или без него. Хочешь дать мне развод — пожалуйста. Я обещаю полностью обеспечить тебя. Откажешь мне — я все равно добьюсь Сюзанны. Мы с ней обо всем договорились. Зачем в таком случае все эти истерики?

Анджела смотрела на него глазами, полными слез. Нет, это не тот Юджин, которого она знала! Во время каждой такой сцены, каждой попытки образумить его она чувствовала перед собой словно глухую, непроницаемую стену. Неужели он так обезумел от любви к этой

девушке? Неужели он сделает то, что говорит? Когда он в высшей степени спокойно стал излагать ей свои планы, подвергшиеся за последние дни некоторым изменениям, и упомянул имя миссис Дэйл, она перебила его:

— Никогда она не отдаст тебе Сюзанну! Вот увидишь! Ты обманываешься. Она только говорит так. Она водит тебя за нос. Ей нужно выиграть время. Подумай, что ты собираешься делать. Ничего из этого не выйдет.

— Ты ошибаешься,— сказал Юджин.— Я уже фактически одержал победу. Сюзанна будет моей.

— Возможно, возможно, но какой ценой! Посмотри на меня, Юджин. Разве тебе недостаточно меня? Я еще хороша. Ты всегда восхищался моим телом. Смотри, смотри! — и она распахнула пеньюар.

Она заранее продумала эту сцену в надежде произвести на него впечатление:

— Разве тебе недостаточно меня? Разве я не могу дать тебе все, что ты желаешь?

Юджин устало отвернулся: эта выходка вызвала в нем отвращение. Ничего более неудачного Анджела не могла придумать — ничего более неуместного и бесполезного. Это была в своем роде эффектная драматическая сцена, но при данных обстоятельствах она ни к чему не вела.

— Оставь, Анджела,— сказал он.— Этим ты на меня больше не подействуешь. Супружеские чувства между нами умерли и не воскреснут. Зачем обращаться к аргументам, которые утратили для меня свою силу? Я ничего не могу с собой поделать. Между нами все кончено. Так что же ты намерена предпринять?

И опять Анджела ушла ни с чем. Хотя нервы ее были вконец издерганы и в душе царило отчаяние, она, как зачарованная, следила за этой трагедией, которая разыгрывалась у нее на глазах. Неужели ничто не заставит его образумиться?

Они разошлись по своим комнатам, а на другое утро Юджин опять сидел за столом в своем служебном кабинете. От Сюзанны пришло письмо, что она все еще в Леноксе, а потом второе, в котором она сообщала, что мать на день или два уехала к знакомым в Бостон. На пятый день к нему в кабинет вошел Колфакс и, радушно поздоровавшись, сел в кресло.

— Ну, как дела, старина? — спросил он.

— Да все так же, — сказал Юджин. — Не могу пожаловаться.

— Все благополучно?

— Да, более или менее.

— Скажите, к вам сюда никто не ввалится, пока я здесь? — осведомился он, как-то странно глядя на Юджина.

— Я давно отдал соответствующее распоряжение, но могу на всякий случай повторить, — сказал тот, сразу настораживаясь. Уж не собирается ли Колфакс говорить с ним о чем-то, имеющем отношение к его сердечным делам? Он чуть побледнел.

Колфакс задумчиво смотрел в окно на расстилавшуюся в отдалении панораму Гудзона. Он вынул сигару, обрезал кончик, но не закурил.

— Я спросил вас, не помешают ли нам, — задумчиво начал он, — потому что мне нужно с вами поговорить, и предпочтительно наедине. На днях у меня была миссис Дэйл, — добавил он все так же задумчиво. Юджин вздрогнул, услышав это имя, и еще больше побледнел, но продолжал сидеть спокойно. — Она рассказала мне целую историю, будто у вас какие-то предосудительные намерения касательно ее дочери — не то вы собираетесь похитить ее, не то жить с ней, без предварительного развода с женой и не обвенчавшись, не то оставить жену, или что-то в этом роде. Я не придавал этому большого значения, но все же поговорить с вами я должен. Надо вам сказать, что не в моих привычках вмешиваться в чьи-то личные дела. Я считаю, что они меня не касаются и не касаются моего предприятия, если, конечно, не набрасывают на него тень. Но я хотел бы знать, правда ли то, что говорила миссис Дэйл. Это правда?

— Да, — ответил Юджин.

— Мы с миссис Дэйл старые друзья. Я знаю ее уже много лет. Конечно, миссис Витла я тоже знаю, но не так близко. Вам известно, что с ней я виделся значительно реже, чем с вами. Я не знал, что вы несчастливы в браке, да это и не имеет никакого отношения к делу. Важно лишь то, что миссис Дэйл намерена, как видно, устроить грандиозный скандал, что она совсем потеряла голову, и я подумал, что лучше мне с вами поговорить, пока не произошло ничего серьезного. Вы

сами понимаете, что всякий скандал, связанный с вашим именем, может весьма пагубно отозваться на делах издательства.

Он умолк, ожидая, что Юджин будет оправдываться или протестовать, но тот не проронил ни слова. Он был бледен, все его нервы были напряжены, на душе лежала мучительная тяжесть. Так, значит, она все же обратилась к Колфаксу! Вместо того чтобы сдержать слово, вместо поездки в Бостон, она помчалась в Нью-Йорк и бросилась к Колфаксу. Все ли она ему рассказала? Вполне возможно, что Колфакс, несмотря на свой беспристрастный тон, примет ее сторону. Что он думает о нем, Юджине? В вопросах морали он человек весьма консервативный. Миссис Дэйл может быть ему полезна своими связями в свете. Он держится очень спокойно и, видимо, взвешивает каждое слово. Как мало отвечает его характеру этот безучастный тон.

— Вы всегда представлялись мне интересным объектом для изучения, Витла,— продолжал Колфакс после некоторого молчания,— с первой же минуты нашего знакомства. Мне кажется, что вы гений, если таковые существуют, но, как и все гении, вы не свободны от слабостей и сумасбродств. Одно время я верил, что вы серьезно обдумываете свои планы, которые, надо сказать, всегда себя оправдывали, но потом я пришел к заключению, что это не так. Вы притягиваете к себе известные формы таланта и энергии. Кроме того, вы обладаете рядом других достоинств, хотя мне трудно было бы их в точности определить. У вас богатое воображение, это мне хорошо известно. Вы умеете правильно ценить людей. Это я тоже знаю. На моих глазах вы подобрали несколько превосходных работников. Конечно, все это делается вами не наобум, но без всякой системы и последовательности,— я сказал бы, без должного чувства ответственности,— разве что я глубоко заблуждаюсь. И мне кажется, что история с маленькой Дэйл — это недурная иллюстрация к моим словам.

— Не будем говорить о ней,— сказал Юджин холодно и чуть высокомерно.— Я предпочел бы не касаться этого.

Всякое упоминание о Сюзанне вызывало в нем бо-

лезненное чувство. Тема была опасная, и Колфакс это понял.

— Хорошо, не будем,—спокойно отозвался он.—Но справедливость моих слов можно установить и другим путем. Согласитесь, вы действовали в этой истории далеко не обдуманно, так как в противном случае без труда поняли бы, что напрямик летите в пропасть. Если вы хотели добиться этой девушки и, насколько я понимаю, заручились ее согласием, вы должны были это сделать, дружище, без ведома ее матери. Миссис Дэйл, возможно, сумела бы потом как-нибудь все уладить. Во всяком случае, девушка была бы ваша, и я полагаю, что вы согласны были бы нести ответственность за все последствия. Теперь же вы вмешали в это дело миссис Дэйл, а у нее есть могущественные друзья. Вы не можете не считаться с нею. И я не могу. Она настроена крайне воинственно и, пожалуй, не остановится ни перед чем, чтобы заставить вас отступить.

Он снова сделал паузу, ожидая, что Юджин что-нибудь скажет, но тот не произнес ни слова.

— Я хочу задать вам один вопрос и прошу на меня не обижаться, так как я говорю с вами без всякого умысла; просто это поможет мне лучше разобраться во всем, а может быть, позднее и вам, если вы захотите. Было ли в ваших отношениях с мисс Дэйл что-либо компрометирующее и...

— Нет,—ответил Юджин, не давая ему кончить.

— Давно уже идет эта борьба?

— С месяц или около того.

Колфакс пожевал конец сигары.

— Как вам известно, Витла, вы нажили себе в издательстве много сильных врагов. Ваш образ правления был далеко не мягкий. К тому же, как я замечаяю, вы далеко не дипломат. Вы набрали людей, которые были бы счастливы свалить вас и занять ваше место. Если бы они узнали все обстоятельства этого щекотливого дела, вы не остались бы на своем посту больше пятнадцати минут. Вы это сами, конечно, понимаете. Вам пришлось бы уйти, и я был бы бессилён этому помешать. Вы не могли бы здесь удержаться. Да и я не мог бы этого допустить. Об этом вы, надо полагать, не подумали. Впрочем, влюбленные не рассуждают. Я вполне вас понимаю. Я видел миссис Витла и могу сказать,

в чем беда. Она держала вас на коротком поводке. Вы не чувствовали себя хозяином в собственном доме. Это вызывало в вас раздражение. Ваша жизнь представлялась вам сплошным банкротством. Вам казалось, что вы погубили себя этим браком — и это вселило в вас беспокойство. Я знаю девушку, о которой идет речь. Она очаровательна. Но, как я уже говорил, дорогой мой, вы не точно составили смету — не рассчитали, не спланировали. И если бы мне нужны были доказательства того, о чем я всегда смутно догадывался, то именно эта история дает их мне: вы не умеете действовать планомерно.

Сказав это, он отвернулся и стал смотреть в окно. Юджин сидел, не поднимая глаз. Он никак не мог понять, к чему этот человек клонит. Колфакс рассуждал очень спокойно и сосредоточенно, Юджин привык видеть его совсем другим. Обычно он не изъяснялся по-человечески, а кричал, горячась и жестикулируя. Сейчас он говорил медленно, обдуманно и, пожалуй, даже с чувством.

— Несмотря на то, что я расположен к вам, Витла,— дружба, конечно, налагает на нас некоторые обязанности,— но дружба дружбой, а служба службой, и я постепенно пришел к заключению, что вы, пожалуй, не самый идеальный человек для своего поста. Вы живете больше чувством, вы слишком беспорядочны. Уайт давно указывал мне на это, но я ему не верил. Я и сейчас говорю не с его слов. Но едва ли я стал бы предпринимать какие-то шаги только на основании моих впечатлений, если бы не эта история. Я еще не пришел к окончательному выводу, но мне сдается, что положение ваше щекотливое и опасное для данного предприятия. Вы сами понимаете, что скандала издательство не потерпит. Представьте, какой шум подняли бы газеты! Это причинило бы нам колоссальный вред. И я думаю, что ввиду всего вышеизложенного вам нужно взять годичный отпуск и постараться тем временем потихоньку наладить свою жизнь. Лично я полагаю, что вам не следовало бы связываться с этой девушкой, если вы не можете добиться развода и жениться на ней. Но я не советовал бы вам добиваться развода, если этого нельзя сделать без большого шума. Я имею в виду, разумеется, только ваше положение здесь, в издательстве. Поми-

мо этого можете поступать, как вам угодно. Но помните, всякий скандал отразится на вашей работе у меня. Удастся вам устроить свои дела,—отлично! Нет,—ничего не поделаешь. Если эта история вызовет много разговора, то вы сами понимаете, что о вашем возвращении сюда не может быть и речи. Отказаться от этой девушки вы, вероятно, не согласитесь?

— Нет,—сказал Юджин.

— Я так и думал. Я знаю, как серьезно относятся к таким вещам люди вашего типа. Можете вы добиться от миссис Витла развода?

— Я не уверен,—сказал Юджин.— У меня нет юридических оснований для развода. Только несходство характеров, ничего больше. Но этот брак лишил мою жизнь всякого смысла.

— Да,—сказал Колфакс,— я вижу, это сложная история. Я понимаю, что вы могли полюбить эту девушку. Она действительно прелестна,—из-за таких вот девушек и возникают подобные осложнения. Я не намерен указывать вам, что делать. Вам виднее. Но если бы вы спросили моего совета, я сказал бы — не пытайтесь вступать с нею в связь, не обвенчавшись. Человек в вашем положении не может себе этого позволить. Вы слишком заметная фигура. Вы, конечно, знаете, что за последние годы ваше имя приобрело некоторую известность в Нью-Йорке, не правда ли?

— Да, знаю,—сказал Юджин.— Но я считал, что договорился с миссис Дэйл.

— Очевидно, это не так. Она сказала мне, что вы уговариваете ее дочь стать вашей любовницей, что у вас нет надежд добиться в ближайшее время развода, что ваша жена находится в... прошу прощения... а вы между тем настаиваете на том, чтобы сойтись с ее дочерью. По ее мнению, это недопустимо. Я склонен согласиться с ней. Это очень неприятно, но что поделаешь? Она утверждает, что вы грозили попросту увезти девушку и жить с нею, если она, ее мать, не согласится на ваши требования.— Он снова сделал паузу.— Это верно?

— Да,—ответил Юджин.

Колфакс медленно повернулся в своем кресле и посмотрел в окно. Что за человек! Странная штука — любовь!

— И когда же вы намерены это осуществить? — спросил он наконец.

— Не знаю! Сейчас все так запуталось. Мне нужно подумать.

Колфакс помолчал.

— Да, весьма странная история. Не многие поймут ее так хорошо, как я. Не многие поймут вас, Витла, как я вас понимаю. Вы просчитались, дорогой мой. И вам придется заплатить за это. Так бывает со всеми нами. Я не могу разрешить вам оставаться здесь. Очень сожалею, но не могу. Придется вам взять годичный отпуск и подумать хорошенько. Если ничего не случится, если никакого скандала не будет,— что ж, трудно сказать, как я поступлю тогда. Возможно, что я подыщу для вас местечко,— конечно, не то, какое вы занимали, но что-нибудь найдется, это уж мы тогда сообразим. А пока что...— Он умолк и снова задумался.

Юджин понял, как обстоит дело. Разговор о возвращении в издательство — пустые слова. Колфакс пришел к заключению, что должен его уволить, и дело вовсе не в миссис Дэйл, не в Сюзанне и не в моральной стороне вопроса, а исключительно в том, что он потерял доверие Колфакса. Как-то случилось, что Колфакс благодаря Уайту, благодаря миссис Дэйл, благодаря поведению самого Юджина пришел к заключению, что Юджин человек беспорядочный, ненадежный, и поэтому, только поэтому он теперь увольняет его. Тут и Сюзанна, тут и судьба, тут и его собственный несчастный характер. Он долго сидел в мучительном раздумье и, наконец, спросил:

— Когда вы хотите, чтобы я сдал дела?

— О, когда вам будет угодно, но чем скорее, тем лучше, раз дело грозит скандалом. Конечно, если хотите, можно повременить недели три,— ну, месяц, полтора. Лучше всего сделать вид, будто речь идет о вашем здоровье и вы просите об отставке ради поправления его — это позволит соблюсти внешние приличия. Для издательства ваш уход не будет иметь большого значения — дело настолько налажено, что год вполне может идти по инерции. А через год все, может быть, и уладится. Посмотрим...

Юджину было бы легче, если бы он не произнес последней лицемерной фразы.

Колфакс пожал ему руку и ушел, а Юджин подошел к окну. Итак, крепкий фундамент, на котором была построена его карьера, выбит у него из-под ног, словно ударом ядра. Он потерял свой поистине исключительный пост, потерял свои двадцать пять тысяч долларов. Где он найдет такое место? Кто еще, какая другая компания может платить такие деньги? Удастся ли ему удержать квартиру на Риверсайд-Драйв? Разве только, если он женится на Сюзанне. И как сохранить собственную машину и лакея? Колфакс ни словом не обмолвился о том, что временно оставит за ним оклад,— да и с какой стати? Колфакс ничем ему не обязан. Он прекрасно платил ему, лучше, чем платили бы в другом месте.

Юджин теперь горько пожалел, что так увлекся проектом «Синего моря»,— из-за своей глупой восторженности он ухлопал туда все свои деньги. Пойдет ли миссис Дэйл и к Уинфилду? Удастся ли ей и там навредить ему? Уинфилд всегда был ему хорошим другом. Он относился к нему с большим уважением. Да, но это обвинение, этот разговор о его намерении совратить девушку! Как это все обидно! Возможно, что и Уинфилд отшатнется от него, хотя, с другой стороны, почему бы? У Уинфилда были любовницы,— но, правда, не было жены.

Колфакс прав. Он действовал необдуманно. Это совершенно ясно. Теперь его призрачный мир начал меркнуть, как облака на закате. Возможно, что он и в самом деле гнался за химерой. Неужели это так? Неужели?

ГЛАВА XXII

Как и следовало ожидать, этот внезапный удар заставил Юджина поколебаться. Ему стало страшно. Миссис Дэйл обратилась к Колфаксу, чтобы он употребил все свое влияние и заставил своего подчиненного образумиться. Но она не собиралась этим ограничиться. Она только и думала о том, как бы очернить Юджина, сславить его перед всеми, но так, чтобы Сюзанны это не коснулось. Если раньше Юджин был с ней немилосерден, то и она теперь не знала пощады. Она хотела

заставить его окончательно отказаться от Сюзанны и даже не видеться с нею. Побывав у Уинфилда, она намерена была тут же мчаться в Ленокс, чтобы помешать всяким дальнейшим планам влюбленных, каким-либо неосторожным решениям Сюзанны или возможному приезду Юджина.

Обращение к Уинфилду не принесло ей ни нравственной поддержки, ни даже простого сочувствия, Уинфилд не видел причин вмешиваться. Он ведь не опекун Юджина и не блюститель общественной нравственности. Впрочем, он был рад узнать об этой истории, он приобрел теперь моральное право обходиться с Юджином несколько иначе. Правда, ему было немного жаль его — какой мужчина не посочувствовал бы Юджину? Но, занятый мыслями о реорганизации своей строительной компании, он уже с меньшим огорчением думал о предстоящих Юджину потерях. Когда же последний немного позже обратился к приятелю в надежде с его помощью реализовать свои вложения в «Синее море», Уинфилд ответил, что не видит возможности что-либо сделать. Дела компании не блестящи. Необходимо укрепить ее финансовое положение новыми капиталовложениями. Если не удастся в самом скором времени разместить все акции, неизбежна полная реорганизация. Лучшее, что может ожидать Юджин, это получить за свои бумаги акции нового выпуска, но уже на значительно меньшую сумму. Таким образом, Юджин убедился, что и с этой стороны ему грозит крах.

Когда Юджин полностью осознал, какой удар нанесла ему миссис Дэйл, он понял, что должен откровенно объясниться с Сюзанной. Вся эта история привела к самым плачевным для него результатам, и он начал задумываться над тем, что же с ним теперь будет. Свой оклад в двадцать пять тысяч долларов в год он потерял: надежды на полную материальную независимость, которую сулило ему «Синее море», растаяли, как дым; о прежнем образе жизни нечего было и мечтать, ведь жизнь в обществе требует больших средств, — все это делало его нулем, совершеннейшим нулем. А если начнутся разговоры о нравственной стороне его отношений с Сюзанной, о его безжалостном поступке с Анджелой, если это дойдет, например, до слуха Уайта, что тогда будет? Уайт уж постарается растрезвонить это по все-

му Нью-Йорку. О Юджине заговорит весь город, по крайней мере весь издательский мир. Перед ним закроются двери всех редакций. Сам Колфакс едва ли будет болтать. Что касается Уинфилда, то Юджин не допускал и мысли, что миссис Дэйл была у него, но если она все же была, не распространится ли эта весть и дальше? Расскажет ли Колфакс Уайту? Сохранит ли тот все в тайне, если узнает? Разумеется, нет. Постепенно Юджин начал отдавать себе отчет в безумии своего поведения. Что он наделал? Подобно человеку, усыпленному сильным наркотиком, он медленно приходил в себя, пытаясь сообразить, что с ним. Место потеряно. Наличных денег у него немного — всего пять-шесть тысяч. Единственное его богатство — любовь Сюзанны, но ее мать объявила ему войну, а он связан Анджелой, которая не даст ему развода. Как уладить все это? Но разве может он думать о том, чтобы вернуться к Анджеле? Конечно, нет.

Он сел к столу и написал Сюзанне письмо, которое должно было все объяснить и открыть ей путь к отступлению, что он считал своей первейшей обязанностью перед ней.

«Любовь моя!

Сегодня утром у меня был разговор с мистером Колфаксом. То, чего я опасался, случилось. Ваша мать ездила не в Бостон, как Вы думали, а в Нью-Йорк. Она виделась с Колфаксом и, вероятно, также с моим другом Уинфилдом. Последнее меня мало огорчает, так как я не связан с его компанией жалованьем или определенным доходом. Но ее разговоры в издательстве причинили мне непоправимое зло. Попросту говоря, я лишился места. Очевидно, главную роль тут сыграли происки других лиц, к которым Ваша мать не имеет никакого отношения, но ее жалобы и обвинения, несомненно, завершили то, чего она не могла бы добиться одна. Дорогая моя, понимаете ли Вы, что это значит? Я Вам как-то говорил, что все мои наличные деньги вложены в курорт «Синее море», который, по моим предположениям, должен был со временем развиться в крупное дело. Возможно, что так оно и будет, но потеря места сильно отразится и на моем положении в этом

предприятию, если только мне не удастся немедленно подыскать себе что-нибудь другое. Я вынужден буду, по всей вероятности, отказаться и от квартиры на Риверсайд-Драйв, и от собственной машины, и вообще сильно поубрать паруса перед ураганом. Это значит, что если Вы захотите жить со мной, мы должны будем довольствоваться скромным заработком художника, разве только я приму решение подыскать себе другую службу, и мне удастся это сделать. Я собственно такое примерно будущее и представлял себе, когда ездил за Вами в Канаду, но поскольку это стало свершившимся фактом, Вы, возможно, захотите переменить свое решение. Если с «Синим морем» ничего не случится, мой пай в этом деле может со временем материально обеспечить меня. Сейчас сказать что-нибудь трудно, и, во всяком случае, до этого еще далеко, а пока я могу рассчитывать только на заработок художника, но и это во многом зависит от того, как далеко намерена зайти в своей мести Ваша матушка. Она настроена в высшей степени враждебно. Вы слышали, что она говорила в охотничьем домике? Очевидно, это были одни слова.

Дорогая, я пишу все это для того, чтобы ясно представить Вам положение вещей. Если Вы решите связать свою судьбу со мною, Вам, быть может, придется иметь дело с человеком, репутация которого сильно пошатнулась. Вы должны понять, что между Юджином Витлой — директором «Юнайтед мэгэзинс» и Юджином Витлой — художником разница огромная. Любовь к Вам внушила мне безрассудную смелость, она побудила меня бросить вызов всему миру. Так как Вы прекрасны, так как Вы самое совершенное создание, какое я когда-либо знал, я принес всего себя на алтарь любви. Я бы с радостью сделал то же самое снова — тысячу раз. До Вашего появления жизнь моя была пуста. Я только притворялся, что живу, зная в душе, что такая жизнь — пустая видимость, недостойная ложь. Но появились Вы — и мир ожил для меня. О, как прекрасны были эти дни, эти вечера! Разве могу я забыть Дэйлвью, или «Синее море», или Браерклиф, или тот дивный день — первый день нашей любви — на Саут-Бич? Моя дорогая девочка, в нашем чувстве было столько красоты, столько безоблачного счастья! Мы решились на отчаянный шаг, и сам я ни о чем не жа-

лею. Мне снился чудный, волшебный сон. Но может быть, прочитав мое письмо и узнав, как обстоит дело, Вы задумаетесь,— о чем я и прошу Вас,— и пожалеете, и во многом раскаетесь, и примете другое решение. Поступайте же без колебания, так, как считаете нужным.

Вспомните, что я просил Вас спокойно подумать обо всем еще задолго до того, как Вы открылись Вашей матушке. Мы с Вами хотели смело идти в жизни своим путем, не по проторенной дороге. Едва ли и тогда можно было надеяться, что люди станут смотреть на вещи нашими глазами. Напротив, можно было с уверенностью сказать, что нас ждут огромные неприятности. И все же меня это не пугало, да и теперь не пугает. Если Вы решите приехать ко мне сюда, сообщите мне об этом. Если Вы хотите, чтобы я приехал к Вам, позовите меня. Мы отправимся в Англию или в Италию, и я снова возьмусь за живопись. Я убежден, что могу еще писать. Или же мы останемся здесь, и я постараюсь найти себе какое-нибудь место.

Вы должны помнить, однако, что Ваша матушка еще не сложила оружие. Она, пожалуй, решится и на более крутые меры, чем до сих пор. Вы думали, что сможете уговорить ее, но, по-видимому, Вы ошибались. Я полагал, что там, в Канаде, мы одержали победу, но, оказывается, и это не так. Если она захочет помешать Вам получить Вашу долю наследства, это может ей удасться. При желании она может лишить Вас свободы, запереть в сумасшедший дом. Мне бы хотелось поговорить с Вами лично. Можно мне приехать в Ленокс повидаться с Вами? Собираетесь ли Вы вернуться в Нью-Йорк на будущей неделе? Нам нужно все обдумать, нужно действовать — теперь или никогда. Но если Вами овладеет сомнение, не считайтесь со мной. Помните, что условия изменились. Все Ваше будущее зависит от Вашего решения. Пожалуй, мне давно уже следовало поговорить с Вами так, как я говорю сейчас, но я не думал, что Ваша матушка способна сделать то, что она сделала, и что в этом вопросе будет играть какую-то роль мое материальное положение.

Жизнь моя, радость моя! Для меня настал день величайших испытаний. Я глубоко несчастен, но только от мысли, что могу Вас потерять. Все остальное, в сущ-

ности, не имеет значения. С Вами все покажется прекрасным, что бы ни готовила мне судьба. Без Вас жизнь станет чернее ночи. От Вас зависит решение, и Вы должны принять его, не откладывая. Как Вы скажете, так и будет. Повторяю, со мной не считайтесь. Вы молоды, перед вами блестящее будущее. Я в конце концов вдвое старше Вас. Я стараюсь рассуждать трезво, чтобы Вы ясно представляли себе, что Вас ждет, если Вы решите стать моей.

Но правильно ли Вы поймете меня,— вот о чем я порою себя спрашиваю. Уж не было ли все это сном? Вы так прекрасны! Вы были для меня источником радости и света. Неужели это был мираж, прельстительный обман? Кто знает, кто знает. И все же я люблю Вас, люблю, люблю! Тысячу поцелуев, мое божество. Жду Вашего решения.

Юджин».

Сюзанна в Леноксе прочитала это письмо и впервые в жизни задумалась глубоко и серьезно. Что происходит? На что она идет? Такой оборот дела пугал ее. Ее мать оказалась упорнее, чем она предполагала. Подумать только, что она могла пойти к Колфаксу, что она могла так лгать, так бросаться своим словом! Сюзанна никогда не поверила бы, что ее мать способна на это. Она никогда не поверила бы, что Юджин может потерять место. Он казался ей всемогущим, он сам себе ставил законы. Однажды он спросил ее, за что она его любит, и она ответила:

— За то, что вы гений и можете сделать все, что захотите.

— Полноте, что вы! — ответил он. — Это вовсе не так. Ничего особенного я сделать не могу. У вас неверное представление обо мне.

— Нисколько,— настаивала она.— Вы художник, и к тому же писатель.— Это лестное мнение внушили ей рекламные брошюры, составленные им для Уинфилда, стихи, посвященные ей, и старые газетные вырезки со статьями, которые он когда-то писал в Чикаго,— однажды она была у него в гостях, и он показал ей свой старый блокнот со всякими записями и зарисовками.— И вы управляете таким большим предприятием, и сами заведовали отделом рекламы и художественным отделом.

Она запрокинула голову и восторженно посмотрела ему в глаза.

— О боже мой, какой длинный перечень талантов! Видно, боги и впрямь насылают безумие на тех, кого они хотят погубить.— И он поцеловал ее.

— И вы так красиво любите,— добавила она в заключение.

Сюзанна часто вспоминала этот разговор, и вот теперь она увидела Юджина в совершенно ином свете. Он, оказывается, вовсе не всемогущ. Он не сумел помешать ее матери сделать то, что она сделала,— да и сама Сюзанна разве может рассчитывать одержать над нею верх? Какого бы мнения она ни была о поведении матери, факт остается фактом,— та готова перевернуть весь мир, чтобы не дать им соединиться. Действительно ли она так уж неправа? С той памятной ночи в Сен-Жаке, когда то, чего она ожидала, не случилось, Сюзанну начали одолевать сомнения. Уверена ли она в своем желании бросить дом и уйти с Юджином? Готова ли она вступить в борьбу с матерью за наследство? Возможно ведь, что ей придется отстаивать свои права. Вначале она мечтала, что будет встречаться с Юджином в изящно обставленной студии, а жить они будут — он у себя, она у себя. Но это — разговоры о бедности, о невозможности содержать машину, о необходимости разлучиться с семьей,— это было уже нечто совсем другое. И все-таки она любила его. Быть может, она еще договорится с матерью?

В течение последующих двух-трех дней произошло еще несколько бурных сцен, в которых приняли участие опекун Сюзанны, мистер Герберт Питкертн, представитель опекунской конторы Маркуорд, и — опять же — доктор Вули. Бедной, растерявшейся Сюзанне пришлось выдержать новую осаду. Тут были и лукавые доводы матери, уверявшей, что если она подождет год и потом скажет, что по-прежнему любит Юджина, никто не помешает им соединиться, и заявление мистера Питкертна, что всякий суд, куда бы ни обратилась миссис Дэйл, признает Сюзанну неспособной управлять своим имуществом, и осторожное предупреждение доктора Вули о том, что едва ли целесообразно обращаться к медицинской экспертизе, но если миссис Дэйл будет настаивать, то Сюзанну, несомненно, признают невменяемой,— хотя

бы для того, чтобы не допустить не освященный церковью брак. В душу Сюзанны закрался страх. Ее железная воля стала сдавать, особенно после письма Юджина. Она была глубоко возмущена поведением матери, но лишь теперь задумалась над тем, как отнесутся к этому ее друзья. Предположим, матери удастся заключить ее в дом умалишенных. Что подумают знакомые? Догадаются ли они, где она? Дни и недели страшного напряжения, вконец измучившие мать, стали сказываться и на воле дочери, вернее, на ее нервах. Напряжение было слишком велико, и Сюзанна стала подумывать, не лучше ли поступить так, как предлагал раньше Юджин, и немного подождать? В Сен-Жаке он сказал, что согласен ждать, если она согласна. Он только ставил непременно условием, что они будут видеться. Но мать уже снова переменила фронт и твердила об опасности, которой грозит нежелательное влияние Юджина. Чтобы решить, действительно ли она его любит, Сюзанна должна прожить по крайней мере год так, как жила раньше.

— Как ты можешь ссылаться на свои чувства? — набрасывалась миссис Дэйл на Сюзанну, невзирая на то, что девушка упорно молчала. — Ты дала уговорить себя, не потрудившись даже подумать как следует. От одного года ничего не станется. Чем это может повредить тебе или ему?

— Но зачем ты сказала мистеру Колфаксу, мама? — снова и снова спрашивала Сюзанна. — Как ты могла поступить так гадко, так жестоко!

— А затем, что необходимо было заставить его одуматься. Он не умрет с голоду. Он человек талантливый. Нужно было как-то привести его в чувство. Мистер Колфакс не уволил его. Он мне обещал, что не станет его увольнять. Он сказал, что заставит его взять годичный отпуск, пусть за это время хорошенько подумает. Ничего другого он не сделал. И ничего плохого в этом нет. А хотя бы и было, — ты подумала о том, сколько я из-за него выстрадала?

Она была страшно озлоблена против Юджина и рада была отплатить ему.

— Мама, я никогда тебе этого не прощу, — продолжала Сюзанна. — Ты поступаешь возмутительно. Я подожду, но все равно будет по-моему. Я не откажусь от него.

— О, через год можешь делать что угодно! — подхватила миссис Дэйл. — Главное, подожди год, дай себе время подумать, а если ты и тогда не изменишь решения, что ж, так и быть. Тем временем он получит развод.

Она вовсе не думала того, что говорила, но всякий довод был хорош, лишь бы оттянуть время.

— Да я вовсе не хочу выходить за него замуж, — упрямо настаивала Сюзанна, цепляясь за свою первоначальную идею. — Я не того хотела.

— Что ж, пусть так, — благодушно отозвалась миссис Дэйл. — Через год ты будешь рассуждать иначе. Я не хочу прибегать к насилию, но нельзя требовать от меня, чтобы я спокойно смотрела, как разваливается моя семья, как ты сама себя губишь. Ведь ты не даешь себе отчета в своих поступках. Это, наконец, мое право, — во имя всех лет, которые я тебе посвятила, ты должна оказать мне хоть каплю уважения. Год пройдет незаметно — и для тебя и для него. Ты убедишься, действительно ли он тебя любит. Возможно, что это мимолетная прихоть. У него были другие женщины до тебя, будут, вероятно, и другие после тебя. А может быть, он вернется к миссис Витла. То, что он тебе говорит, никакого значения не имеет. Ты должна испытать его, прежде чем разрушать и его семью и свою. Если он действительно тебя любит, он охотно согласится ждать. Пройдет год, и можешь делать все, что угодно. Я могу только надеяться, что если ты уйдешь к нему, то хотя бы на правах жены. Если же вы будете настаивать, я постараюсь по мере сил потушить скандал. Напиши ему, что, по-твоему, вам нужно подождать год. Тебе незачем видаться с ним. Это лишняя трепка нервов. И для него будет лучше, если ты только напишешь. Ему будет гораздо тяжелее, если вы встретитесь и все начнется сначала.

Миссис Дэйл смертельно боялась влияния Юджина на Сюзанну, но тут ей не удалось ничего добиться.

— Ничего подобного, — заявила Сюзанна. — Ничего подобного! Я еду в Нью-Йорк, и больше мы об этом говорить не будем.

Миссис Дэйл пришлось уступить. Ничего другого ей не оставалось.

Три дня спустя Юджин получил письмо от Сюзанны, в котором она сообщала, что не может сейчас

писать подробно, но что скоро будет в Нью-Йорке и повидается с ним. А потом в Дэйлвью в присутствии матери — доктор Вули и мистер Питкери находились в другой части дома — между Юджином и Сюзанной произошла встреча, во время которой все вопросы были снова подвергнуты обсуждению.

Узнав, чего требует от него миссис Дэйл, Юджин сел в машину и поехал на это свидание такой мрачный и вместе с тем такой взволнованный, как никогда в жизни. Его одолевали тяжелые предчувствия и мысли о неустроенном материальном положении. Бывали, правда, минуты, когда в нем вспыхивала надежда, что Сюзанна опять неудержимо и горячо восстанет, бросится в его объятия, невзирая ни на кого и ни на что, во всеуслышание с полным убеждением заявит о своей любви и победительницей вместе с ним уйдет из дому. Так велика еще была его вера в ее любовь.

Стоял холодный октябрьский вечер. В свинцовом небе тускло светил новорожденный месяц — предвестник морозов, над головою густой массой сверкали звезды. Сидя в своей машине на пароме, перевозившем его на Стейтен-Айленд, Юджин увидел стаю диких уток, держащих путь на юг, к тем заросшим камышом болотам, которые воспевают Брайант в «Обращении к водяной птице». Они издавали заунывные крики, и их слабое кряканье разносилось в воздухе, вызывая в душе Юджина чувство тоски и одиночества. Промчавшись среди оголенных деревьев, он подъехал к Дэйлвью и вошел в огромную гостиную, где они когда-то танцевали с Сюзанной. В камине ярко пылал огонь. Сердце его учащенно забилося, он должен был сейчас увидеть ее, а один ее взгляд действовал на него, как бальзам на измученное тело, как глоток студеной воды на человека, томимого жаждой.

Миссис Дэйл встретила его с вызывающим видом, зато Сюзанна бросилась ему на шею.

— О! — вырвалось у нее, и она крепко и долго прижимала его к себе, задыхаясь от волнения. Несколько минут стояла полная тишина.

— Мама все-таки настаивает, Юджин, чтобы мы подождали год, — сказала наконец Сюзанна. — И я думаю, что, пожалуй, лучше, если мы так и сделаем, раз вокруг этого поднялся такой шум. Возможно, что мы немного

поторопились, как вы думаете? Я сказала мамà, какого я мнения о ее разговоре с мистером Колфаксом, но ей до этого, очевидно, дела нет. Она грозит, что объявит меня душевнобольной. Один год — это ведь не так много, раз мы будем знать, что все равно я буду вашей, не правда ли? Но я решила, что должна сама вам обо всем сказать и спросить вашего мнения.

Она умолкла, продолжая смотреть на него горящими глазами.

— Я считал, что мы уже договорились обо всем в Сен-Жаке,— сказал Юджин, обращаясь к миссис Дэйл, между тем как в душу его медленно проникал ужас.

— Да, верно, но только я вношу одну поправку, а именно, что вы не будете видеться с Сюзанной. Я против того, чтобы вы встречались. При создавшемся положении это недопустимо. Пойдут сплетни. И вам надо как-то урегулировать ваши отношения с женой. Совершенно невыносимо, чтобы вы всюду бывали с Сюзанной, в то время как жена ваша ждет ребенка. Я хочу, чтобы Сюзанна уехала на год и провела его в таком месте, где она может успокоиться и прийти в себя. И вы должны ее отпустить. Если она и тогда будет настаивать, что любит вас, и не пожелает считаться с элементарной логикой, я окончательно умою руки. Пусть получает свое наследство. Пусть идет к вам, если вы ей так нужны. К тому времени и вы, надеюсь, опомнитесь и либо добьетесь развода, либо вернетесь к миссис Витла,— вообще поступите, как здравомыслящий человек.

У нее не было намерения раздражать Юджина, но в каждом ее слове звучала злоба.

Юджин нахмурился и повернулся к Сюзанне.

— Это и ваше решение? — спросил он устало.

— Я нахожу, что мамà возмутительно вела себя, Юджин,— сказала она уклончиво, а возможно, отвечая на слова матери.— Мы с вами вправе распорядиться нашей жизнью, и в конце концов мы так и сделаем. Конечно, мы вели себя немного эгоистично. Я думаю, что год — это, пожалуй, не так страшно, лишь бы только прекратился весь этот шум. Я могу подождать, если вы согласны.

От этих слов такое невыразимое отчаяние, такая глубокая скорбь овладели Юджином, что он не в силах был

говорить. Не верилось, чтобы Сюзанна, его Сюзанна, могла предлагать ему это. Согласен ли он ждать год? И это говорит она, которая с таким вызовом утверждала, что ждать не станет. «Год — это, пожалуй, не так страшно...» Подумать только, что жизнь, судьба и миссис Дэйл одержали над ним такую победу! Неужели судьба может так насмеяться над ним? Неужели жизнь может с таким неслыханным коварством обмануть человека? Он потерял место. Затея с «Синим морем» надолго зашла в тупик и, вероятно, ничего не даст ему. Сюзанна уезжает на целый год, быть может, навсегда, — вероятно, навсегда, — так как за год, оставшись с дочерью, миссис Дэйл добьется от нее всего, чего только захочет. Анджела стала ему чужой, и скоро появится на свет ребенок. Какая развязка!

— И вы это твердо решили, Сюзанна? — печально спросил он, чувствуя, как скорбь обволакивает его туманом.

— Я думаю, что так, пожалуй, лучше, Юджин, — уклончиво ответила она. — Я знаю, это большое испытание. Но я буду вам верна. Обещаю вам, что чувства мои не изменятся. Ведь мы можем подождать год, не правда ли? Как вы думаете?

— Целый год не видеть вас, Сюзанна?

— Да, но он пройдет, Юджин.

— Целый год?

— Да, Юджин.

— В таком случае мне нечего прибавить, миссис Дэйл, — сказал он, поворачиваясь к ее матери. Глаза его горели мрачным, зловещим огнем, в сердце на мгновение вспыхнула ненависть к Сюзанне. И она могла так поступить с ним! Дать ему отставку, как он мысленно выразился. Что ж, такова жизнь. — Вы победили, — продолжал он. — Это для меня страшный урок. Да, любовь жестока. Я люблю Сюзанну. Она мне дороже жизни. Иногда я сомневался, понимает ли она это.

Он повернулся к Сюзанне, и впервые за все время ему показалось, что он не прочел в ее глазах того понимания, какое находил всегда. Неужели судьба и на этот раз солгала ему? Неужели он и тут ошибся и гонялся за прекрасным, манящим призраком? Неужели эта любовь была западней, поставленной на его пути, чтобы снова превратить его в ничто?

Ему вспомнилось предсказание астролога, что после перерыва в семь-восемь лет его ждет второй период поражений и горя.

— О Сюзанна! — произнес он просто, голос его звучал трагически. — Вы действительно любите меня?

— Да, Юджин, — ответила она.

— Правда?

— Да.

Он протянул ей руки, и она бросилась к нему, но никакие силы мира не могли рассеять его тяжкие сомнения. Они отняли у поцелуя всю радость, словно он еidel во сне, что держит в своих объятиях совершенное создание, а проснувшись, обнаружил, что обнимает пустоту. Словно жизнь, чтобы погубить его, послала Иуду в сбразе девушки.

— Довольно, мистер Витла! — холодно сказала миссис Дэйл. — Не к чему затягивать прощание. Расстанемся на год, а там посмотрим.

— Сюзанна, проводите меня до дверей, — попросил Юджин, и голос его звучал скорбно, как отдаленный звон колокола.

— Нет, — вмешалась миссис Дэйл. — Там прислуга. Прошу вас проститься здесь.

— Мама! — гневно и вызывающе воскликнула Сюзанна, расстроенная его горем. — Не смей говорить таким тоном. Оставь нас одних, а не то я пойду с ним и до дверей и дальше. Пожалуйста, уйди.

Миссис Дэйл вышла.

— Любовь моя! — воскликнул Юджин с глубоким отчаянием — Я не могу этому поверить. Не могу! Очевидно, здесь какая-то моя ошибка. Мне следовало давным-давно увезти вас. Так вот каков конец! Год! Целый год! Да и год ли только?

— Только год, — настаивала Сюзанна. — Верьте мне, один только год. И я не изменю за это время. Вы знаете сами.

Он покачал головой, а Сюзанна, как бывало раньше, сжала его виски ладонями. Она целовала его глаза, губы, волосы.

— Верьте мне, Юджин. Может быть, я сегодня кажусь вам холодной, но вы не знаете, что я пережила. На каждом шагу какие-то ужасные затруднения. Подожд-

дем год. Обещаю вам, что буду вашей! Клянусь! Только год. Разве мы не можем подождать один год?

— Только год,— повторил он.— Только год! Я этому не верю. Кто знает, что будет через год! О мое божество, моя радость, мой дивный цветок! Я не перенесу этого. Это выше моих сил. Теперь я расплачиваюсь. Да, это расплата.

Он взял ее голову в свои ладони и долго смотрел на нежное очаровательное личико, на ее глаза, губы, щеки, волосы.

— А я думал... Я думал...— бормотал он.

Сюзанна молча гладила его волосы.

— Ну что ж, раз нужно, значит нужно,— сказал он.

Он направился к двери, но снова вернулся, еще раз обнял Сюзанну и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Миссис Дэйл ждала его в передней.

— Прощайте, миссис Дэйл,— угрюмо проговорил он.

— Прощайте, мистер Витла,— ответила она ледяным тоном. Но и она чувствовала, сколько трагизма было в одержанной ею победе.

Юджин надел шляпу и вышел.

В черном октябрьском небе ярко горели мириады звезд. Нью-йоркская гавань и бухта были залиты таким же волшебным светом, как и в ту ночь, после бала в форте Уодсворт, когда Сюзанна вышла к нему на террасу. Юджину вспомнились весенние запахи, чудесное ощущение молодости и любви, надежда, которая зародилась тогда в его сердце. И вот, спустя каких-нибудь полгода, все кончено. Не стало для него Сюзанны, ее ласкового голоса, ее цветущей красоты, ее милого шепота, нежного прикосновения. Все кончено!

Увял цветок, чью сладость я вдыхал,
Где красота, что радовала взор?
Где та, кого я к сердцу прижимал?
Где голос, ласка, райских звуков хор?

Кончились прекрасные дни, когда они вместе катались верхом, вместе обедали, вместе гуляли в лесу вблизи дожидавшейся их машины. Здесь он впервые играл с нею в теннис. Недалеко отсюда они часто встречались тайком. И вот ее нет, ушла.

Он приехал на машине, но сейчас ему хотелось пройти пешком. Проклятая штука жизнь! Все пошло прахом. Скоро у него не будет ни машины, ни квартиры на

Риверсайд-Драйв, ни места в издательстве — ничего! — Боже мой, я не перенесу этого! — вырвалось у Юджина, и немного спустя он повторил: — Я не перенесу этого! Не перенесу!

Доехав до Баттери, он отпустил шофера, приказав ему отвести машину в гараж, а сам уныло побрел по темным коридорам улиц нижней части Нью-Йорка. Вот Бродвей, где он так часто бывал с Колфаксом и Уинфилдом. Вот он, могущественный финансовый мир Уолл-стрита, где он надеялся когда-нибудь блистать. Эти высокие безмолвные здания, казалось, сторонились его. Далеко в небе ярко горели звезды, холодные, живительные, но сейчас они ничего не говорили ему. Как наладить жизнь? Что делать? Целый год! Нет, она никогда не вернется, никогда! Все кончено. Растаяло в небе серебристое облачко. Мираж рассеялся в пустоте. Высокий служебный пост, положение в обществе, свой дом, любовь — куда это все девалось? Скоро он и сам будет сомневаться, не приснилось ли ему все. К дьяволу! Будь проклята коварная судьба, которая поиграла им лишь для того, чтобы погубить.

Оставшись одна, Сюзанна заперлась у себя в комнате. С каждой минутой она все больше ощущала весь ужас того, что произошло. Упорно глядя в пол, она вспоминала лицо Юджина.

— О! — вырвалось у нее, и впервые за всю свою жизнь она почувствовала, что могла бы разрыдаться от большого, настоящего горя. Но слез не было.

А на Риверсайд-Драйв другая женщина, одинокая, несчастная, с ужасом думала о свалившейся на нее катастрофе. Что делать? Где найти спасение? О боже, ее жизнь, ее ребенок! Как заставить Юджина понять? Если бы можно было открыть ему глаза.

ГЛАВА XXIII

После разговора с Колфаксом и принятого Сюзанной решения, в сущности равносильного полному отказу, Юджин занялся ликвидацией своих служебных и семейных дел. Все это было нелегко. По совету Колфакса, он сказал сотрудникам, что уезжает за границу по издательским делам, и при этом в самом ближайшем

времени: он материально заинтересован в другом предприятии, о чем они, возможно, слышали или догадываются, и потому, вполне вероятно, не вернется в издательство или разве только на короткий срок. Юджин держался спокойно и уверенно, и никто не подозревал, что значит для него этот уход. Все это было для служащих большим сюрпризом. Они остались под впечатлением, что Юджина ждет еще более высокое положение — теперь он, очевидно, целиком посвятит себя собственному делу.

Анджеле он заявил, что они должны расстаться. Он не допускал в этом вопросе ни малейшей неясности. Пусть она знает, как обстоит дело. Службу он потерял, с Сюзанной соединится не скоро. И он требовал, чтобы Анджела ушла от него, или он сам уйдет. Он советовал ей поехать на время в Висконсин, или в Европу, или куда бы то ни было, предоставив ему самому выпутываться из своих затруднений. Он ей, собственно, сейчас не нужен. Она может обойтись без него. Существуют сиделки, к помощи которых она может обратиться, существуют санатории для беременных и родильные дома. Он готов за все платить. Юджин что угодно готов был сделать, чтобы больше не жить с Анджелой. Один ее вид, при той гложущей тоске, какую он испытывал, служил бы для него вечным укором, вечным напоминанием о пережитом позоре. Нет, они должны расстаться, и, может быть, кто знает, Сюзанна еще найдет в себе достаточно отваги и решимости, чтобы прийти к нему. Так должно быть. А вдруг Анджела умрет. Да, эта жестокая мысль приходила ему в голову. Она умрет, и тогда... тогда... О том, что ребенок может остаться в живых, даже если Анджела умрет, он не задумывался. Эта мысль не укладывалась у него в голове. Ребенок был для него лишь отвлеченным понятием.

Юджин снял комнату в большом доме в районе Кингсбридж, где ни один человек не знал его и где он вряд ли мог встретить знакомых, и стены ее стали свидетелями безотрадного зрелища. Это было зрелище человека, чья жизнь пошла прахом, в чьих чувствах, представлениях, наклонностях и восприятиях царил хаос, — человека, пережившего страшное разочарование, павшего под тяжестью судьбы. Будь Юджин лет на десять — пятнадцать старше, это состояние могло бы привести к

самоубийству. Будь у него несколько иной характер, оно могло бы толкнуть его на убийство, на любое преступление. А он только погрузился в полную апатию и, вспоминая о своих рухнувших надеждах, думал о том, где-то теперь Сюзанна, что делает Анджела, что говорят и думают о нем люди, как собрать осколки своей разбитой жизни и что-нибудь слепить из них.

Единственным спасением для него оказалось желание работать — оно вернулось не сразу, но все же постепенно стало заявлять о себе. Необходимо было чем-то заняться, хотя бы той же живописью. В таком состоянии нечего было и думать рыскать по Нью-Йорку в поисках службы. «Синее море» ничего не могло ему дать. А работать он должен, чтобы содержать Анджелу, чтобы не оказаться перед ней последним негодяем. Ибо, размышляя о своем отношении к ней в свете случившегося, Юджин начал понимать, что вел себя очень некрасиво. Она глубоко чуждый ему человек, но разве можно ставить это ей в вину? Во всяком случае, сейчас необходимо придумать, чем заняться, чем жить и вообще что делать дальше.

У них было много разговоров на эту тему, были бурные сцены, так как для Анджелы рушилось все, что представляло какую-то цену в жизни, но, несмотря на ее плачевное положение, они расстались. Наступил ноябрь месяц, и так как домовладелец прослышал о финансовых затруднениях своего жильца, вернее, о постигших его неудачах, Юджину удалось расторгнуть арендный договор, истекавший только через несколько лет, и отказаться от квартиры. Анджела, совершенно обезумевшая от горя, не знала, где искать помощи. Она попала в одно из тех унижительных положений, которые заставляют человека бежать общества себе подобных. В отчаянии она бросилась к сестре Юджина, Миртл, которая сперва намеревалась скрыть от мужа это позорное и трагическое происшествие в своей семье, но потом все ему рассказала и вместе с ним стала думать, что делать. Фрэнк Бэнгс, как человек практического склада и к тому же убежденный приверженец «христианской науки» (он стал им с тех пор, как у Миртл каким-то чудом исчезла беспокоившая ее опухоль), попытался применить и здесь основной догмат этого учения — догмат о господстве добра.

— Не горюй, Миртл,— сказал он жене, которая, несмотря на свою веру, была потрясена и испугана несчастьями, свалившимися на голову брата.— Это только лишний раз показывает, как способен заблуждаться человеческий ум. То, о чем ты рассказываешь, как будто и серьезно, но в глазах господ это ничто. Уверяю тебя, все кончится благополучно, если мы будем в это верить. Анджеле лучше всего лечь в родильный дом — сейчас или когда придет время. Я надеюсь, что нам удастся убедить Юджина поступить по справедливости.

Они уговорили Анджелу искать совета и помощи в учении миссис Эдди. Сама же Миртл отправилась к своей знакомой лекарке и попросила ее употребить все свое влияние или свои познания, чтобы наставить ее брата на путь истины. Та ответила, что это невозможно, пока на то не будет желания самого Юджина, но обещала молиться за него. Вот если бы удалось уговорить его обратиться к ней по доброй воле, в поисках духовного руководства или божественной помощи, тогда другое дело. Несмотря на заблуждения Юджина — а в глазах Миртл они были чудовищны,— ее вера не позволяла ей укорять его. К тому же, он был ее любимый брат. Юджин — незаурядный человек, рассказывала она миссис Джонс, но он всегда был со странностями. Она готова допустить, что он и Анджела не были идеальной парой. Но ведь «христианская наука» все может исправить.

Анджела переживала мучительные дни, пока ее вещи упаковывались и увозились на склад, на хранение. Эти обломки прошлого были ей бесконечно дороги, как напоминание о былом величии, как символ жизненных благ и видного положения в обществе. С болью в сердце перебирала она вещи Юджина — его картины, трости, трубки, его одежду — и горько зарыдала, когда ей попался под руку красивый шелковый халат, в котором он обычно отдыхал дома,— так живо вспомнились ей былые, счастливые дни. И сейчас у Анджелы иногда прорывался ее холодный жесткий тон, и снова ею овладевал прежний властный дух — но ненадолго. Она потерпела поражение и прекрасно это сознавала. Все рух-

нуло. В ее ушах раздавался гул холодного, грозного моря.

Сюзанне одно время действительно казалось, что она любит Юджина. Слишком велико было магическое обаяние его личности, и она не в силах была ему противостоять. В Юджине чувствовалось что-то глубоко враждебное общепринятым мнениям. Если при первом, поверхностном, взгляде он казался агнцем, послушным рабом узаконенных чувств и представлений, то на самом деле, в своем презрении к утвердившимся традициям, это был неукротимый волк. Он ни во что не ставил отстоявшиеся формы жизни, ее раз и навсегда заведенный порядок. Заглядывая глубже, он видел в ней не материальную ее сущность, а духовную — или, скажем, нематериальную, в материальном же усматривал лишь тень духовного. Какое дело могущественным силам жизни до того, сохранится ли та или иная система, за которую цепляются люди, поднимая вокруг этого такую возню и шум? Да ровно никакого! Однажды, побывав а морге, где он видел человеческие тела, которым суждено было превратиться как бы в химическое месиво, он сказал себе, что смешно даже предполагать, будто человеческая жизнь что-нибудь значит для тех сил, которые вызывают такие превращения. Тут действуют непреодолимые законы химии и физики, иногда допускающие кое-какую прихотливую игру теней, но лишь как нечто временное, преходящее. Однако, пока эта игра длится, как она прекрасна!

Нечего и говорить, что Сюзанна была крайне подавлена всем случившимся, так как она в не меньшей мере, чем Юджин, способна была страдать. Но она дала слово ждать и решила сдержать обещание, хотя один раз и нарушила его. Ей шел двадцатый год — Юджину вскоре должно было сравняться сорок. Независимо от ее желания, жизнь могла еще залечить ее раны. Что же касается Юджина, то, по мере того как шло время, его боль только усиливалась. Миссис Дэйл вместе с Сюзанной и остальными детьми отправилась за границу. Она гостила у людей, которые ничего не знали об увлечении Сюзанны и едва ли могли узнать, — в крайнем случае, могли лишь что-то предполагать. Если бы что и выплыло наружу, — а такую возможность она допускала, — миссис Дэйл решила заявить, что у Юджина были недо-

стойные виды на ее дочь, но что ей удалось быстро разгадать его планы и расстроить их, почти без ведома Сюзанны. Это звучало в достаточной степени правдоподобно.

Что теперь делать? Как жить дальше? Эта мысль постоянно грызла Юджина. Поселиться где-нибудь в глухом переулке, в какой-нибудь конуре, где бы им с Анджелой, если бы он решил не расходиться с нею, можно было за небольшие деньги любоваться красивым видом из окна? Ни за что! Примирился с мыслью, что Сюзанна потеряна для него по меньшей мере на год, что ее стняли у него так неожиданно и грубо? Нет, это невозможно! Признать, что он совершил ошибку,— хотя он еще не видел, в чем она состояла,— проявить раскаяние и постараться кое-как наладить прежнюю жизнь? Ни в коем случае! Ему не в чем было раскаиваться. У него не было ни малейшей охоты возвращаться к Анджеле. Она ему опротивела,— вернее, опротивело состояние скованности всякими запретами и предрассудками, с которыми он вынужден был мириться столько лет. Юджину претила мысль, что ему, вопреки его желанию, навязывают ребенка. Он на это не пойдет. Незачем ей было ставить себя в такое положение. Нет, лучше смерть. Его жизнь застрахована в ее пользу, он выплатил по полису около восемнадцати тысяч долларов — в случае его смерти, она получит эту сумму. И он желал смерти. Пусть это будет в ее глазах искуплением за жестокие удары, которые судьба нанесла ей, но жить с ней дальше он не согласен. Ни за что! Не важно, будет у нее ребенок или нет! Остаться с ней, в их квартире, после того памятного вечера,— да разве это возможно? Ведь ему пришлось бы делать вид, будто ничего не произошло, будто ничего не изменилось в его отношениях с Сюзанной. Да и она, может быть, еще вернется к нему. Может быть! Может быть! О, какое глумление — бросить его таким образом, когда она могла прийти к нему, должна была прийти. О, сколько яда в смертоносных стрелах судьбы!

И вот наступил день, когда их мебель была отправлена на склад, и Анджела временно поселилась у Миртл, а затем настал и тот тяжелый час, когда она уехала из

Нью-Йорка в Расин, где жила с мужем ее сестра Мариетта. Она решила, что только на прощание, под строжайшим секретом, откроется сестре. Юджин проводил ее на вокзал, хотя у него не было ни малейшего желания присутствовать при ее отъезде. Анджела, однако, не оставляла надежды, что время принесет с собою примирение. Если она сможет его дожидаться, если возьмет себя в руки, с честью выйдет из предстоящего испытания и не умрет и не даст Юджину развода, он, быть может, образумится и решит, что она стоит хотя бы того, чтобы жить с нею под одной крышей. Ребенок может способствовать этому — немыслимо, чтобы это событие оставило его равнодушным. Он не может не прийти ей на помощь в такое время. Она твердила себе, что с радостью пройдет через все пытки, если только это вернет ей Юджина. Ее ребенок — какой прием ждет его! Нежеланный, отвергнутый еще до рождения! Как поступит с ним Юджин, если она умрет? Быть не может, чтобы он бросил его на произвол судьбы. По-своему, с грустью и тревогой, она уже начинала привязываться к ребенку.

— Скажи мне только одно,— обратилась она к Юджину однажды, когда они то ссорились, то строили планы, как дальше жить.— Если у меня родится ребенок, и я... я умру — ты ведь не бросишь его на произвол судьбы? Ты позаботишься о нем, правда?

— Конечно, позабочусь,— ответил он.— Это тебя не должно тревожить. Не такой уж я отъявленный негодяй. Я не хотел ребенка, верно, ты навязала мне его. Но, конечно, я о нем позабочусь. И я совсем не хочу, чтобы ты умирала, ты это знаешь.

Если только она останется в живых, размышляла Анджела, она готова снова пройти вместе с Юджином через все испытания бедности и нужды, только бы видеть его образумившимся, положительным человеком, хотя бы и не слишком преуспевающим. Ребенок поможет этому, наверняка поможет. Ведь у Юджина никогда не было детей. Пусть ему сейчас неприятна мысль о ребенке, но с его появлением все может измениться. Только бы ей остаться в живых. Трудно ей будет, ведь она уже не молода.

Тем временем она советовалась с юристом, врачом и гадалкой, с астрологом и с лекаркой, рекомендованной ей Миртл; это было бессмысленное, смешное сочетание,

но Анджела совсем растерялась, а в бурю всякая гавань сулит спасение.

Врач сказал Анджеле, что ее мышцы утратили свою упругость, но он надеется, что при соблюдении известного режима все кончится благополучно. Астролог открыл ей, что это испытание предназначено им звездами,— скорее даже ее мужу, который, по-видимому, уцелеет после всех потрясений и еще преуспеет в жизни. Что же касается самой Анджелы,— и тут астролог покачал головой,— о, разумеется, и для нее все кончится благополучно. Он лгал. У гадалки она спросила, женится ли Юджин на Сюзанне, и была счастлива услышать, что эта девушка никогда не войдет в его жизнь. Гадалка, разряженная, увешанная драгоценностями, была страшна, как смертный грех,— Анджела долго ждала ее в приемной среди других посетительниц, которых привели сюда различные горести — сердечные заботы, потеря денег, ревность, опасности родов. Миссис Джонс объяснила Анджеле, что все на свете есть проявление божественного духа, всемогущего и всеобъемлющего добра, и что зла, следовательно, нет, а есть только иллюзии зла. Оно имеет власть лишь над теми, кто в него верит, утешала она Анджелу, но лишено всякого значения и смысла для того, кто сознает себя совершенным и неугасимым отражением божественной идеи. Бог — это принцип. Достаточно уяснить себе это, а также что человек — неотъемлемая его часть, и зло рассеивается подобно дурному сну, чем в сущности оно и является. Зло лишено всякой реальности. По их учению, уверяла она Анджелу, никакое зло не может ее коснуться. Бог есть любовь.

Юрист, выслушав возбужденный рассказ Анджелы о безнравственном поведении Юджина, сообщил ей, что по законам штата Нью-Йорк, где все эти проступки были совершены, она может претендовать лишь на самую незначительную часть состояния своего мужа, если у него таковое имеется. Что касается развода, то эта процедура потребует минимум двух лет. Он лишь в том случае рекомендовал бы ей судиться, если бы ей удалось доказать, что муж ее располагает большими средствами, в противном случае игра не стоит свеч. И он взял с нее двадцать пять долларов за совет.

ГЛАВА XXIV

Если человек долго жил в определенной среде, медленно и верно создавая себе известные взгляды, привычки и правила поведения; если при этом он достиг видного положения в обществе и слово его было законом для других; если он изведal, что значит полная свобода действий, познал то легкое и беззаботное ко всему отношение, какое дает богатство, роскошь и почет, то внезапная потеря средств, страх перед общественным мнением, вечная боязнь публичного унижения и позора становятся для него пыткой, мучительнее которой трудно что-либо вообразить. Это для него пора сурового испытания. Кто восседает среди великих мира и взирает на жизнь, управляемую некоей высшей силой, избравшей его своим сверкающим орудием, тот понятия не имеет о чувствах человека, низвергнутого с высоты, лишенного прежних почестей и благ, пребывающего во мраке, среди праха бывшего величия, и грустно размышляющего о минувшей славе. В этом заключена трагедия, недоступная пониманию обыкновенного человека. Ветхозаветные пророки знали это — они не переставали возвещать судьбу тех, кто, увлеченный своими безумствами, сошел с пути праведного и чья участь, волею благодетельной, но карающей силы, должна была стать примером для других. «Так сказал господь: — Ты восстал против бога всевышнего, и перед тобой были выставлены взятые из храма сосуды его, и ты, и военачальники твои, и жены, и наложницы пили вино из них, и ты восславлял богов, сотворенных из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня... Дни твоего царствования сочтены, и царству твоему конец. Деяния твои были положены на чашу весов, и веса их оказалось недостаточно. И царство твое будет поделено между мидянами и персами».

Судьба Юджина могла бы в известной мере служить образцом этого призрачного торжества справедливости. Его царству, пусть и утлому, и на самом деле пришел конец. В нашей общественной жизни слишком сильны слепые инстинкты, и мы почти бессознательно бросаемся прочь от всего, что противоречит традициям, обычаям, предвзятым взглядам и целям, которым, по своей близорукости, придаем большое значение. Кто из нас не

бежит от человека, за какие-то деяния осужденного той частью общества, мнением которой мы почему-то дорожим? Пусть он высоко держит голову и ведет себя безупречно — если на него упала хотя бы тень подозрения, все отворачиваются от него, друзья, родные, деловые знакомые — словом, все общество в целом. «Нечистый!» — несется вопль. «Нечистый, нечистый!» И хоть бы сами мы были ничтожествами в душе, хоть бы сами были гробами повапленными, мы вместе с другими бежим прочь. Но этим мы лишь подтверждаем превосходство тех мудрых сил, которые ведут человека к предназначенной цели, не позволяя его развращенности, его рабской подражательности замутить их светлый приговор.

Анджела поехала в Блэквуд повидать отца, который был уже совсем стар и немощен, а потом — в Александрию навестить мать Юджина, здоровье которой тоже сильно пошатнулось.

«...Я все еще не теряю надежды, что ты одумаешься, — писала она Юджину. — Пиши мне время от времени, если будет желание. Ведь это тебя ровно ни к чему не обязывает. От нескольких слов, которые ты мне черкнешь, ничто не изменится, а я так одинока. Ах, Юджин, если бы я могла умереть — если бы я могла умереть!»

Ни в Блэквуде, ни в Александрии Анджела ни единым словом не обмолвилась об истинном положении вещей. Она рассказывала, что Юджину давно надоела его коммерческая деятельность, и теперь, поскольку обстоятельства у Колфакса сложились для него неблагоприятно, он рад на время вернуться к своему искусству. Возможно, он тоже приедет, но он страшно занят. Так она лгала всем. Но Миртл она писала подробно о своих надеждах, а главное, о своих страхах.

У Юджина было несколько свиданий с Миртл. Она с детских лет питала к нему нежность как к младшему брату. Много в его характере было ей и сейчас так же мило, как в те времена, когда они были детьми. Она разыскала Юджина в его унылой комнате в Кингсбридже.

— Почему бы тебе не переехать к нам, Юджин? — начала она его упрашивать. — У нас уютная квартира. Ты можешь взять себе большую комнату, рядом с нашей спальней. Там из окна очень красивый вид. Фрэнк

к тебе так хорошо относится. Мы с ним слышали обо всем от Анджелы, и я считаю, что ты не прав, но ты мой брат, и я хочу, чтобы ты переехал к нам. Все кончится хорошо, вот увидишь. Бог рассудит вас. Мы с Фрэнком молимся за тебя. Ты должен знать, что по нашему учению зла не существует. Ну, пожалуйста,— и Миртл улыбнулась своей былой девичьей улыбкой.— Ну что ты торчишь здесь один, взаперти? Разве тебе неприятно будет поселиться вместе со мной?

— Разумеется, мне было бы приятно жить у вас, Миртл, но сейчас это невозможно. И я не хочу. Мне нужно подумать, надо побыть одному. Я еще не решил, что делать дальше. Попробую вернуться к живописи. Денег у меня пока хватит, а времени хоть отбавляй. Тут на холме есть несколько домов получше — наверно, там найдется для меня комната с окнами на север, под студию. Но все это нужно обдумать. Я еще и сам не знаю, что буду делать.

Между прочим, у него снова начались боли под ложечкой,— как тогда, когда миссис Дэйл увезла Сюзанну в Канаду и он испугался, что больше ее не увидит. Это была настоящая физическая боль, резкая, как от удара ножа. Его удивляло, что он может сейчас страдать от физической боли. Он чувствовал также ломоту в глазах и в кончиках пальцев. Не странно ли это?

— Посоветуйся с кем-нибудь из наших врачей,— говорила ему Миртл.— Ведь ты ничем не рискуешь. Верить для этого не нужно. Хочешь, я куплю тебе книгу, где все изложено, почитай ее. Увидишь, Юджин, ты и сам скажешь, что в этом что-то есть. Ну вот, ты иронически улыбаешься, но я не могу тебе сказать, сколько это дало мне. Ну просто очень, очень много. Я совсем не та, что была пять лет назад, и Фрэнк тоже. Ведь ты знаешь, как я была больна?

— Да, знаю.

— Так почему бы тебе не повидать миссис Джонс? Можешь ничего ей не рассказывать, если не хочешь. Бывает, что она просто чудеса творит.

— Ну чем мне поможет твоя миссис Джонс? — с горечью отозвался Юджин, и губы его скривились в едкую усмешку.— Может она меня излечить от меланхолии? Сделать так, чтобы сердце у меня не болело?

К чему все эти разговоры? Просто надо скорее кончать всю эту музыку.

Он угрюмо отвел глаза.

— Миссис Джонс не может, зато бог может. Ах, Юджин, я прекрасно понимаю, что у тебя на душе. Но я прошу тебя, сходи к ней. Ну что тебе стоит? Завтра я принесу тебе книгу. Ты почитаешь ее, если я принесу?

— Ничего я читать не стану.

— Юджин, сделай это ради меня.

— Зачем, если я не верю? И не могу верить. Я слишком здравомыслящий человек, чтобы придавать серьезное значение такому вздору.

— Как ты странно рассуждаешь, Юджин! Когда-нибудь ты другое скажешь. Я знаю твои взгляды, но все-таки прочитай ее. Ну, пожалуйста! Мне бы не следовало тебя упрашивать. Это совсем не так должно делаться, но я хочу, чтобы ты хоть взглянул в нее. И сходи повидайся с миссис Джонс.

Юджин отказался. Из всех идиотских советов, какие могли быть ему предложены, это был самый глупый. Христианская наука! Христианская белиберда! Он и сам знал, что ему следует сделать. Совесть подсказывала ему, что он должен забыть Сюзанну и вернуться к Анджеле в этот тяжелый для нее час, вернуться к своему ребенку — по крайней мере на время. Но как могущественно очарование красоты и любви! Дни, проведенные с Сюзанной в окрестностях Нью-Йорка! Часы блаженства, когда она была так прекрасна! Как превозмочь все это? Как забыть? Ведь она была так пленительна, так необычайно хороша. Каждое воспоминание о ней отзывалось в сердце невыносимой болью, и Юджин старался гнать от себя эти мысли, куда-то ходил, что-то делал, просто метался по комнате, чтобы не думать. Какая жизнь! Какой ад!

Если в ту пору в поле зрения Юджина попала «христианская наука», то это объяснялось исключительно тем, что Миртл и ее муж были восторженными последователями этой секты. Как в Лурде и в Сент-Анн де Бо-Пре паломникам приходит на помощь надежда, жажда исцеления и фанатическая вера в благотворное вмешательство какой-то высшей силы, так было и с Миртл,

которая исцелилась от серьезного и трудно поддающегося лечению недуга. У нее была опухоль, нервная бессонница, несварение желудка и общее расстройство пищеварения, и никакие усилия врачей не приносили облегчения. Она тяжело страдала душой и телом, когда ей попало в руки руководство миссис Эдди под названием «Наука и здоровье — с ключом к Священному писанию». И, читая эту книгу, она вдруг избавилась от всех своих болезней, вернее, ею овладела мысль, что она здорова, а немного спустя она и действительно выздоровела. Она выбросила в мусорный ящик все свои порошки и микстуры, которых у нее набралось изрядное количество, перестала обращаться к врачам, принялась читать издания этой секты, зачастила в ее ближайшую церковь и вскоре с головой ушла в дебри метафизических рассуждений о сущности земного существования. Муж Миртл, очень ей преданный, тоже стал приверженцем этого учения, ибо то, что хорошо для нее и могло излечить ее, рассуждал он, достаточно хорошо и для него. Увлеченный высшим духовным смыслом «христианской науки», он стал даже более рьяным последователем и ее толкователем, чем сама Миртл.

Те, кто хоть сколько-нибудь знаком с «христианской наукой», знают, что основной ее догмат гласит: бог — это принцип, а не личность, воспринимаемая нашими чувствами (свидетельство которых иллюзорно), а человек — его образ и подобие (в духовном смысле). Человек, стало быть, не бог и не частица бога, он — божественное помышление и, следовательно, исполнен гармонии и всяческих совершенств. Для людей, не склонных к метафизике, все это лишено всякого смысла, но для тех, кто к ней расположен, здесь заключено некое откровение. Материя представляется им лишь искусным сочетанием иллюзий, претерпевших эволюцию или нет, не суть важно, но непременно возникших из ничего и во всяком случае лишенных какой бы то ни было видимой и осязаемой основы. Сами по себе, вне той веры и значения, какое приписывает им тот, кто сам только дух, эти иллюзии — ничто. Стоит в них усомниться, и они рассеиваются, как мираж.

Для Юджина, пребывавшего в состоянии крайней угнетенности, — он стал угрюм, мрачен, разочарован и всюду видел действие злых, разрушительных сил, —

это учение могло бы представить известный интерес, если бы он захотел с ним ознакомиться. Юджин принадлежал к типу людей, с детства склонных к метафизике. Всю свою жизнь он не переставал размышлять о загадках бытия, читал Спенсера, Канта, Спинозу, а главным образом таких авторов, как Дарвин, Гексли, Тиндаль, лорд Эвербери, Альфред Рассел Уоллес,— в последнее же время сэра Оливера Лоджа и Вильямса Крукса,— пытаясь уяснить себе на основе индуктивного, материалистического метода, что такое жизнь. Углубляясь в такие произведения, как «Сверхдуша» Эмерсона, «Размышления» Марка Аврелия и диалоги Платона, он, казалось, различал в них проблески истины. Бог есть дух, думал он, как Христос сказал женщине у колодца в Самарии, но только большой вопрос, занимается ли он делами земли, где столько взаимной вражды и страданий. Сам Юджин этому не верил, во всяком случае он сильно сомневался в этом. Его всегда глубоко трогала Нагорная проповедь — отношение Христа к мирским невзгодам, а также пламенная вера древних пророков, утверждавших, что бог есть бог, нет бога, кроме единого, и что он покарает всякое беззаконие. Покарает или не покарает, думал Юджин, это еще под большим сомнением. Понятие греха всегда было для Юджина загадкой, особенно первородного греха. Возможно ли, чтобы еще до появления человека на земле существовали какие-то законы? И какие же? Был ли среди них, например, закон о браке, о некоем духовном союзе, который, следовательно, старше самой жизни? Предусматривали ли эти законы такое явление, как воровство? Но как можно говорить о воровстве вне всякой связи с жизнью? Где было воровство, когда не было человека? Или оно появилось на земле вместе с человеком? Смешно! Очевидно, здесь действуют законы другого порядка, вроде тех, какие проявляются в химии и физике. Один профессор, крупный социолог, читавший лекции в каком-то колледже, говорил Юджину, что в таких понятиях, как успех, неудача, грех, лицемерие; он видит лишь производные первичных инстинктов, вроде инстинкта самосохранения или размножения. Помимо этого ничего не существует. Абсолютная мораль? Чепуха! Таких вещей не бывает.

Этот крайний скептицизм не мог не увлечь Юджина.

Он всегда был склонен к сомнению. Как уже говорилось, жизнь под его скальпелем распадалась на отдельные элементы, но собрать их потом воедино он не умел — из-за неумения последовательно мыслить. Вот, скажем, люди толкуют о святости брака, но ведь брак тоже результат какой-то эволюции! Это было ему хорошо известно. Однажды он прочитал чей-то двухтомный трактат под заглавием «История человеческого брака» — или что-то в этом роде. В нем говорилось, что животные спариваются лишь на тот срок, какой нужен, чтобы вырастить детенышей, то есть довести их до того возраста, когда они сами смогут о себе заботиться. И разве не это лежит в основе современного брака? В той же книге, помнится, сказано: брак только потому стал считаться священным и нерасторжимым, что человеку надо много времени для воспитания своего потомства — так много, что пока дети станут на ноги, родители успевают благополучно состариться. А тогда зачем разводиться?

Но производить на свет детей обязанность каждого. Вот в том-то все и дело! Вот тут-то и начинались для Юджина все его мучения. Отсюда вырастала проблема домашнего очага. Дети! Воспроизведение рода! Впрягайтесь в колесницу эволюции! Так неужели же всякий, кто этого не делает, осужден? Он навлекает на себя гнев своего племени? А сколько есть мужчин и женщин, которые не имеют детей, не могут их иметь! Тысячи и тысячи, и те, кто имеет детей, осуждает тех, кто не имеет. Юджин знал, что преобладающая в Америке точка зрения заключается в том, что человек должен производить на свет и воспитывать детей, — точка зрения практическая и консервативная! Взять хотя бы его отца. Но разве не находятся хитрецы, которые пользуются этим в своих целях: они переносят свои фабрики туда, где инстинкт размножения особенно силен, чтобы за бесценок нанимать детей на работу; и ничего с этими людьми не случается, — а может быть случается?

Мирта не переставала упрашивать брата познакомиться с новым толкованием священного писания, утверждая, что оно рассеет все его земные горести, ибо оно учит, что в мире существует только чистый дух, не доступный человеческому разуму. Если ему лучше разойтись с Анджелой, говорила Мирта, то так оно и будет;

а если нет — то этому не бывать. Но в чем бы ни заключалась истина, к нему вернутся счастье и душевный покой. Он должен поступать правильно («ищите прежде всего царствия божьего»), а остальное приложится.

Вначале Юджина ужасно раздражали эти разговоры, но потом он втянулся в них. За завтраком и за обедом шли нескончаемые увещания и уговоры. Бэнгс и Миртл приводили бесконечные доводы в пользу «науки», а несколько раз Юджин даже сопровождал их в церковь, где по средам верующие рассказывали о чудесах, объектами или очевидцами которых были сами. Рассказы эти казались Юджину малоправдоподобными. Пока дело ограничивалось повествованиями о недугах, которые можно в известной мере считать плодом больного воображения, он готов был объяснить эти случаи мнимого исцеления результатом религиозной восторженности. Но когда оказывалось, что эти мнимые больные излечились от рака, туберкулеза, прогрессивного паралича, зоба, костных заболеваний и грыжи, он не столько готов был счесть их лжецами, так как они не производили такого впечатления, сколько склонен был думать, что они заблуждаются. Как могли эти люди, — или их учение, одним словом, что бы там ни было, — вылечить рак? Бог ты мой!

Так продолжал он упорствовать в своем неверии и отказывался читать книгу, пока однажды в среду вечером от нечего делать не забрел в Четвертую церковь последователей «христианской науки». Кто-то из сидевших в одном с ним ряду поднялся и произнес следующую речь:

«Я хочу свидетельствовать перед вами о любви и милости, которую явил мне господь бог, так как совсем недавно я был поражен неизлечимым недугом и чувствовал себя пропащим человеком.

Я вырос в семье, где с Библией не расставались ни днем, ни ночью — отец мой закоснелый пресвитерианец, — и до того меня всем этим пичкали, до того мне опротивело наблюдать на каждом шагу и даже на примере моих ближайших родичей, как слово у этих святош всегда расходится с делом, что я решил про себя: ладно, не стану ни в чем им перечить, пока живу в отцовском доме и ем отцовский хлеб. Зато уж, как вырвусь на волю, буду делать, что хочу. Так я прожил до семнадцати

лет, а затем перебрался на жительство в большой город Цинциннати. Но едва только оказался на воле и сбросил с себя, словно ненужную ветошь, все мое религиозное воспитание и решил зажить по-своему, пустился я во все тяжкие и стал выпивать, хотя, по правде говоря, не видел в вине большой радости, и так и не сделался пьяницей».

Юджин улыбнулся.

«Поигрывал я и в карты, однако опять-таки не втянулся, не стал игроком. Но была у меня лютая страсть к женскому полу, и тут уж я заранее прошу вашего прощения и думаю, что вы меня простите, потому что есть, верно, и среди вас такие, кому мой рассказ может пойти на пользу.

Скажу вам одно: женщины были для меня величайшим соблазном. Вожделение владело всеми моими мыслями. Меня обуяла жестокая похоть. И так был во мне силен голос плоти, что я не мог увидеть хорошенькую женщину, чтобы — как сказано в писании — не пожелать ее. Так я жил в грехе и беззаконии, но тут господь посетил меня. Я заболел водянкой, воспалением почек и прогрессивным параличом. И после того, как пролежался пять лет и истратил все свое имущество на врачей и всякое лечение, мои близкие однажды отнесли меня, совсем больного, в Первую церковь последователей христианской науки в городе Чикаго. А до этого я всегда обращался за помощью к обыкновенным врачам.

Если среди присутствующих есть такие, кто переживает то же, что пережил я, пусть услышат меня.

Ибо я хочу сказать вам, что я стал здоровым человеком — и не только физически или морально, нет, я окреп и духом, насколько мне говорит мой слабый разум. Я прошел шестимесячный курс лечения у одной женщины в Чикаго и вот стою перед вами — здоровый человек. Господь есть добро!».

С этими словами он сел.

Пока он говорил, Юджин внимательно изучал его лицо. Это был высокий худощавый блондин с рыжеватой бородкой. Лицо свежее, румяное, с правильными чертами, голубые глаза смотрят уверенно и спокойно. И вообще от него веет здоровьем, энергией и бодростью. Голос у него звучный, ясный, его, по-видимому, хорошо

слышат даже в задних рядах. Человек этот одет в новый, если и не изысканный, костюм, — хорошо сшитый и безукоризненно на нем сидящий. Это не бродяга, не какая-нибудь подозрительная личность, а человек с солидной профессией, может быть, чертежник или инженер. Что-то в его судьбе напомнило Юджину его собственную. Правда, он не знал всех этих болезней, но разве совершенная женская красота не будила в нем любовных желаний? Однако можно ли ему верить? Ну, неужели же он врет! Смешно! Или сам заблуждается? Кто этот человек? Слишком он сильный, рассудительный, энергичный, слишком ясно и здраво мыслит, чтобы ошибаться или лгать. И все же... А вдруг этот незнакомец послан ему какой-то неведомой попечительной силой, его добрым гением, который еще не совсем от него отступился? Возможно ли это? Странное, но доброе предчувствие посетило его — как и в тот день, когда он увидел чернобородого господина в вагоне, отправляясь на зов Сюзанны; как и в тех случаях, когда таинственные силы раскладывали у него на дороге старые подковы, предвещающие удачу. В задумчивости вернулся он домой и в тот вечер впервые серьезно уселся за книгу «Наука и здоровье», подаренную ему сестрою.

ГЛАВА XXV

Тот, кто когда-либо пытался читать эту своеобразную, а по мнению многих и весьма примечательную книгу, знает, что внешне — это нагромождение чудовищных противоречий и метафизической галиматии. Уже одного утверждения в предисловии, будто после потопа люди стали болеть и чаще и серьезнее, чем раньше, достаточно, чтобы ошеломить каждого, кто привык полагаться на науки с их материалистическим обоснованием. И когда Юджин, едва приступив к чтению, наткнулся на эту нелепость, он весь вскипел. Ну что, в самом деле, за охота болтать глупости! Ведь всем известно, что никакого потопа не было. Так зачем же выдавать басню за факт? Это раздражало его, хотя в известном смысле казалось даже забавным. И тут же он набрел на другое, невнятное и по существу противоречивое место, где шла речь о материи и духе. Миссис Эдди утверждала, что

свидетельству наших чувств нельзя верить, а сама то и дело на них ссылалась и для иллюстрации своих мыслей приводила аллегории, основанные на чувственном опыте. Юджин не раз бросал книгу, так его раздражали постоянные ссылки на Библию. Библия не была для него авторитетным источником. Да и самое понятие христианства не внушало ему почтения, так же как и человеку, свидетельствовавшему в церкви. Можно ли серьезно уверять, будто сотворенные Христом чудеса происходят и в наше время? А как же показания этого человека? Разве в его словах не чувствовалась глубокая искренность, подлинное волнение того, кто грешил и раскался?

Вскоре, однако, отдельные мысли, рассеянные тут и там, а также спиритуалистическое толкование христианства в целом пробудили в Юджине интерес к этой книге. Особенно одно место привлекло его внимание,— ведь он никогда не чуждался метафизики.

«Осознай на миг, что мы живем и мыслим лишь в духе и что ни в нас, ни вокруг нас нет ничего материального,— и тело твое избавится от боли. Если ты страдаешь от мнимого недуга, он сразу оставит тебя. Там, где плоть подчинена духу и любви, самые печали станут радостью».

«Бог есть дух,— вспомнил Юджин слова Иисуса.— И поклоняющиеся должны поклоняться ему в духе и истине!»

«Недуг твой оставит тебя. И самые печали станут радостями».

«Печали? Какие же печали? — думал Юджин.— Ведь не любовные же! Очевидно, это означает конец земной любви; ведь и она преходяща».

Продолжая читать, он обнаружил, что последователи «христианской науки» верят в непорочное зачатие девы Марии, и это тоже поразило его, как ужасная нелепость. Они верили также, что люди в конце концов откажутся от брака, как от бранный иллюзии самосотворения и продолжения рода, а вместе с этим отпадет и рождение детей; дематериализация человеческого тела, возвращение его к духовной сущности, которой чужды грех, болезни, разложение и смерть, также входило в их символ веры. Юджину подобные утверждения представлялись вопио-

щей нелепицей, но в то же время это отвечало его ощущению присутствия в жизни какой-то тайны и общему метафизическому направлению его ума.

Надо сказать, что темперамент Юджина — его склонность к самоанализу и сильная впечатлительность, — а также отчаяние, когда он, словно утопающий за соломинку, хватался за все, что сулило облегчение его горю, чувству безнадежности и полного крушения, немало способствовали тому, что он занялся изучением этой довольно-таки фантастической теории бытия. Он много слышал о «христианской науке», знал, что ее последователи строят церкви, что их число растет, особенно в Нью-Йорке, — что они трубят повсюду, будто освободились от власти зла. А так как у Юджина не было ни дела, ни развлечений, и ничто не уводило его от мыслей о самом себе, то все эти любопытные утверждения, естественно, должны были заинтересовать его.

Юджину было известно, как из первоисточника, так и из книг других мыслителей, что Карлейль говорил: «Материя сама по себе, внешний материальный мир — это либо ничто, либо продукт человеческого воображения» («Дневник Карлейля», из его биографии, написанной Фрудом), и что, по учению Канта, вселенная существует только в нашем восприятии или сознании и представляет собою всего лишь мысль. С другой стороны, Марк Аврелий учил в своих «Размышлениях», что душа вселенной полна любви и милосердия, что в ней нет зла и что она не подвластна злу. В свое время эти слова поразили Юджина; они выражали точку зрения диаметрально противоположную его собственному взгляду на вселенную, дух которой представлялся ему коварным, жестоким и злобным. Его удивляло, что человек, который стал римским императором, мог думать иначе. В Нагорной проповеди Юджин видел прекраснодушные рассуждения мечтателя, не знающего действительности. И все же заповедь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут», — всегда изумляла его своей красотой, и он считал ее глубоко верной: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Китс сказал: «Красота — это истина, а истина — это красота». А еще кто-то утверждал: «Истина — это то, что существует».

«А что существует?» — спрашивал себя Юджин. И сам себе отвечал: «Красота», — так как жизнь, при всех ее ужасах, прекрасна.

Только людям со склонностью к метафизике или с религиозным складом ума было бы интересно проследить тот медленный и так и незавершившийся процесс, который можно было бы назвать «обращением» Юджина и который тянулся долгие месяцы, когда Анджела гостила в Расине и после, когда она, вернувшись по настоянию Миртл в Нью-Йорк, поселилась в родильном приюте, куда ее определил Юджин. В эти бездны отваживается заглянуть только самый бесстрашный ум, и Юджин измерил всю их глубину. Он подолгу беседовал с Миртл и ее мужем на всевозможные темы, житейские и отвлеченные. (Все это уже не имело никакого отношения к Анджеле: Юджин прямо говорил, что не любит ее и к ней не вернется и что он не представляет себе жизни без Сюзанны.) Он набрасывался на философские и религиозные книги и читал и перечитывал их, так как никакого другого дела у него не было. Он читал или перечитывал «Историю евреев» Кента, «Пол и характер» Вейнингера, «Механизм мироздания» Карла Снайдера, «Героев духа» Мэззи, «Бхагавадгиту» в переводе Джонсона, очерк Эмерсона «Сверхдуша», «Науку и еврейские предания», а также «Науку и христианские предания» Гексли. Юджин обнаружил в этих трудах любопытные факты, относящиеся к религии, которых он раньше не знал, или, может быть, забыл, а именно, что евреи — едва ли не единственная раса или нация, давшая миру непрерывный ряд религиозных мыслителей и пророков; что идеалом их с начала до конца был единый бог, или божество, сперва племенное, а потом и всеобщее, чье содержание и значение расширялось и росло, пока не было отождествлено со вселенной, не стало самой вселенной, руководящим началом и вместе с тем единым богом, вера в которого, в его способность исцелять, созидать и разрушать никогда не умирала.

В Ветхом завете много об этом говорилось, в сущности, только об этом и говорилось. Юджин с удивлением узнал, что древние пророки на заре истории мало чем отличались от неистовствующих дервишей, — они доводили себя до полного исступления, судорожно извиваясь, катались по земле, кололи себя ножами, как это и

сейчас делают фанатики-персы, празднуя десятый месяц года, и прибегали к самым странным приемам, чтобы поддержать в себе фанатический пыл,— что, однако, не мешало им проявлять своеобразное величие духа. Они часто посещали храмы, повсюду выделяясь своим диким видом и странным одеянием. Пророк Исайя в течение трех лет не носил никакой одежды (Исайя, 22, 21); Иеремия (согласно Мэззи) ходил по улицам Иерусалима с деревянным ярмом на шее и восклицал: «Так преклонит Иуда главу свою под иго вавилонское» (Иеремия, 27, 2); Зедекия же, надев на себя железные рога, подобные оленьим, явился к королю Ахаву со словами: «Сим избодешь сириян» (Книга Царств 1, 22, 11). Его почитали безумцем, потому что он вел себя как безумец. Елисей явился в лагерь к грубому вояке полководцу Иую и, разбив у него на голове сосуд с маслом, воскликнул: «Так повелел бог Израиля — я помазал тебя на царство над его избранным народом»,— после чего открыл дверь и убежал. Все эти эпизоды, какими бы дикими они ни казались, не противоречили представлению Юджина о пророчествах. В них не было ничего пошлого — наоборот, много величественного, необузданно-драматического, каким и должно представлять себе слово божие. Юджин также с удивлением узнал, что эволюционная теория отнюдь не исключает представления об управляющем вселенной божестве и божественном промысле, как это ему всегда казалось. Теперь, когда эти вопросы так остро встали перед ним, он то и дело стал замечать в газетах высказывания ученых, которые повергали его в немалое изумление. Например, в рецензии на книгу современного биолога Джордана Гоулда он наткнулся на следующую цитату:

«Жизнь управляет физическими силами с помощью клеточного механизма и, насколько нам известно, только с его помощью». То, что Юджин читал у миссис Эдди и слышал от Бэнгса, не вязалось с этим утверждением, но его поразило, что и оно в конечном счете вело к признанию деятельного божества, определяющего наши цели. «В органической молекуле нельзя обнаружить никаких признаков разума или разумно направленной воли; она продукт математически детерминированных и неизменных физических сил. Жизнь осознает себя в особой, дифференцированной деятельности клетки; человек,

следовательно, представляет собой комплекс еще более дифференцированных функций, это еще более высокое и совершенное воплощение, чем отдельная клетка. Жизнь, или бог, проявляются в клетке... (а также и повсюду за ее пределами, и столь же, если еще не более активно,— мысленно добавил Юджин). Разум клетки — это божественный разум. (Следуя учению миссис Эдди, с этим нельзя было согласиться. Для нее клетка была иллюзорна.) Человек в конце концов не что иное, как бог... Если вы замените слово «жизнь» словом «Biologos» или «бог» — что я со своей стороны могу только приветствовать, то перед нами предстанет величайший факт биологии. Клетка, таким образом,— это орудие бога и его посредник в мире материи; это механизм воплощения, слово, становящееся плотью и живущее среди нас».

В газете, в одном из воскресных номеров, Юджину попался отрывок, в котором излагалась теория современного физика Эдгара Люсьена Ларкина.

«После того как был изобретен, а в самое недавнее время и усовершенствован новый микроскоп, работающий с помощью ультрафиолетовых лучей, и соответствующая микрофотокамера с движущейся пленкой, был, очевидно, достигнут предел того, что способен различать человеческий глаз. Нашему зрению стали доступны такие мельчайшие органические и неорганические тела, что по сравнению с ними самые крошечные объекты, которые мы раньше улавливали с помощью старых инструментов, кажутся громоздкими и неуклюжими. Это открыло нам новую область — микровселенную, не менее чудесную, чем звездный мир. Мы уже не сомневаемся в существовании этого сложного мира, но исследование его еще только началось — лет через сто микровселенная будет в какой-то мере исследована. Законы микродвижений будут, по всей вероятности, открыты и опубликованы в учебниках наряду с законами движения обширнейших солнечных систем. Пытаясь осмыслить сущность этой мельчайшей жизни и мельчайших движений, я не могу представить себе их иначе как одухотворенными. Каждое движение здесь управляется разумом. Чем больше я смотрю на эти диковинные существа, тем больше крепнет во мне уверенность, что жизнь микровселенной проникнута разумом. Эти движущиеся

частицы знают свой путь. Если при рассмотрении в старый микроскоп более крупных частиц, взвешенных в жидкостях, было установлено, что они с большой быстротой двигаются по всем геометрическим направлениям, то микроскоп, работающий ультрафиолетовыми лучами, открывает нам миллионы мельчайших тел, движущихся с невероятной быстротой по геометрически правильным траекториям под геометрически правильными углами, всегда различными для каждого отдельного вида».

Так что же это за углы? — спрашивал себя Юджин. Кто их установил? И кто и что определило эти геометрически правильные траектории?.. «Божественный разум», о котором говорится у миссис Эдди? Неужели же в словах этой женщины есть какая-то правда? Так он продолжал читать и размышлять над прочитанным, пока однажды не наткнулся в газете на мысли Альфреда Рассела Уоллеса касательно вселенной и ее управления, которые заинтересовали его, так как он увидел в них подтверждение того, о чем говорил Христос и его истолковательница миссис Эдди, то есть что существует «божественный разум», или же «центральная мысль», не знающая зла и руководствующаяся исключительно благими побуждениями.

«Жизнь — это сила, которая из воздуха, воды и растворенного в ней вещества создает простейшие и в высшей степени сложные организмы, обладающие определенным строением и функциями; эти организмы находятся в состоянии постоянного распада и восстановления, которые осуществляются с помощью внутренней циркуляции жидкостей и газов; они размножаются, последовательно проходят через фазы молодости, зрелости и старости, затем умирают и распадаются на составные элементы. Таким образом, они составляют непрерывные ряды подобных себе индивидуумов и, находясь в благоприятных условиях, обладают, по-видимому, потенциальным бессмертием.

Для того, чтобы объяснить, как осуществляется руководство этими низшими силами в соответствии с определенной системой эволюции, торжество которой мы наблюдаем повсюду, мы вынуждены предположить существование некоего всеобъемлющего разума, — вездесущего духа, который движет вселенной. Ничто другое нас удовлетворить не может...

Но, сделав этот шаг, мы вынуждены пойти и дальше... У нас имеется полное научное и логическое основание для того, чтобы видеть в животном и растительном царстве, богатствами которого в конечном счете распоряжается только человек, некое предварение нас самих, которое должно содействовать развитию нашего сознания и подготовить нас к более высоким формам жизни в качестве существ духовного порядка.

...Было бы естественно предположить, что огромная зияющая пропасть, отделяющая нас от божества, населена бесконечной иерархией существ, наделенных все возрастающим могуществом в отношении создания, развития и управления вселенной.

...Вполне возможно также представить себе обширнейшую систему сотрудничества между этими существами, находящимися на различных ступенях могущества и разума, начиная с существ высшего порядка и кончая еще лишенными сознания или почти бессознательными «душевыми клетками», о которых говорит Геккель.

Я могу также представить себе некое... Бесконечное Существо, которое предусматривает и предопределяет в общих чертах весь ход вселенной.

Существо это могло, скажем, внушить некоторым из своих высших ангелов идею создания первичного космоса, вселенной из одного лишь эфира, обладающего теми свойствами и особенностями, которые породили все последующее. Другие ангелы, подчиненные первым, должны были бы выделить из эфира в должных пространственных и количественных соотношениях все элементы материи, с тем чтобы под воздействием таких законов и сил, как сила тяготения, теплота и электричество, они могли образовать обширные туманности и солнечные системы, из которых состоит звездный мир.

Мы можем затем предположить, что неисчислимые сонмы ангелов, для коих тысячелетия равны дню, наблюдают за развитием этих солнечных и планетных систем и что в одной из них (а может быть, и в нескольких) возникло сочетание всех тех необходимых условий (известные пространственные соотношения, строения из элементов, атмосфера и водные массы, отстоящие от источников тепла на такие расстояния, что они могут обеспечить устойчивость строения и единообразие температуры на данный минимум миллионов лет или веков),

которые потребны для развития жизни, начиная от амебы вплоть до человека плюс еще несколько сот миллионов, необходимых для того, чтобы завершилось развитие человека.

А это заставляет нас заключить о существовании целого воинства духов — их можно было бы назвать организующими духами, — коим поручено так воздействовать на мир «душевных клеток», чтобы те точно и без заминки выполняли свою работу...

На дальнейших этапах развития жизни могла возникнуть необходимость во все более многочисленных и наделенных все более высоким разумом силах, которые направляли бы основные виды и разновидности по предначертанным им путям, в соответствии с общим планом, всемерно следя за тем, чтобы не допустить перерыва в той особой линии развития, которая одна лишь способна была в конце концов привести к появлению человека...

Я льщу себя надеждой, что это умозрительное построение найдет отклик в душе некоторых моих читателей, как единственно возможная в настоящее время попытка определить первопричины, обусловившие возникновение материи, жизни и сознания, а также появление человека, который в высших своих достижениях лишь немногим уступает ангелам и, подобно им, предназначен к поступательному развитию в духовном мире».

Это утверждение, исходящее из кругов представителей научного естествознания и, стало быть, не противоречащее их выводам относительно устройства вселенной, показалось Юджину весьма близким тому, о чем учила миссис Эдди, а именно, что все в мире — это разум в его бесчисленных проявлениях; единственное различие между миссис Эдди и английскими натуралистами заключалось в том, что они допускали существование некоей упорядоченной иерархии, которая проявляет себя и руководит вселенной в соответствии с предуказанными ей или добровольно принятыми ею законами, доступными нашему исследованию и изучению, в то время как миссис Эдди говорила о вездесущем духе, который управляет через посредство упорядоченных законов и сил, им самим для себя созданных. Бог был для них принципом таким же непреложным, как, скажем, арифметическая истина, что дважды два — четыре, и он про-

являл себя повседневно, повсечасно и ежеминутно, как в убогой каморке, так и в мире вращающихся солнц и планет. Бог — это принцип. Наконец-то Юджин понял это. Принцип же пребывает везде и во всем одновременно. Нельзя себе представить места, где, например, дважды два не будет четыре, где эта истина неприменима. То же самое относится и к всеильному, вездесущему и всеведущему божественному разуму.

ГЛАВА XXVI

Нет ничего опаснее для человеческого разума, чем навязчивая идея. Она может привести, да и часто приводит человека к гибели. Для Юджина такой навязчивой идеей было представление о совершенной красоте девушки в восемнадцать лет. Этот культ совершенной красоты, вместе с неспособностью Анджелы сохранить его любовь и верность, были отчасти причиной всех его бед до самого последнего времени. Религиозная система, воспринятая со слепой горячностью, могла бы отвлечь, но могла бы и погубить его, когда бы он способен был ею увлечься. К счастью, то учение, которым увлекся Юджин, не имело ничего общего с узкой догмой, являя собой религию в более широком значении этого слова, то есть духовный синтез или свод метафизических систем того времени, не лишенный интереса для всякого мыслящего человека. «Христианская наука» как культ или религия отвергалась всеми установленными религиями и их последователями, усматривавшими в ней нечто извращенное, бессмысленное, дикое — вроде черной магии, беспочвенной фантастики, гипноза, месмеризма, спиритизма; короче говоря, в ней видели все то, чего в ней не было, и очень мало (вернее, ничего) из того, что в ней было. А между тем миссис Эдди только сформулировала, — вернее, лишний раз выразила мысль, которую можно найти в священных книгах индусов и в заветах иудеев, как Ветхом, так и Новом, и у Сократа, у Марка Аврелия, у святого Августина, а также у Эмерсона и Карлейля. Единственное различие между нею и современными философами заключалось в том, что ее «единое начало» было не злобным, как представлял себе Юджин и многие другие, а всеблагим. Ее «единство» было

«единством» любви. Бог был всем, но только не источником зла, последнее же, по ее мнению, было лишь иллюзией, без реальности или субстанции,— пустой звук, лишенный смысла.

Следует помнить, что все время, пока Юджин предавался этим мучительным религиозным исканиям, он жил на северной окраине города, работая урывками над несколькими картинами, которые надеялся продать, время от времени навещая Анджелу, находившуюся в надежных руках в родильном приюте на Сто десятой улице, не переставая ни на секунду думать о Сюзанне и о том, увидит ли он ее еще когда-нибудь. Его мозг был до такой степени воспламенен красотой и духовным совершенством этой девушки, что он в сущности едва ли мог считаться нормальным человеком. Для того, чтобы привести его в себя, необходима была какая-то встряска, катастрофа, превосходящая все пережитое им до сих пор. Некоторую положительную роль сыграли для него материальные невзгоды. Потеря Сюзанны только разожгла его любовь к ней. Положение Анджелы несколько отвлекало мысли Юджина, так как его занимал вопрос, что с нею будет. «Если бы она умерла!» — говорил он себе, потому что человек обладает счастливой способностью от души ненавидеть тех, кому он причинил больше всего зла. Он с трудом заставлял себя навещать ее, до такой степени им владела мысль, что она стоит на его пути, а мысль, что она собирается сделать его отцом, приводила его в бешенство — ведь если Анджела умрет, ребенок останется у него на руках, и это, возможно, помешает Сюзанне со временем к нему вернуться.

В тот период Юджин сторонился людей, так как он чувствовал себя среди них отщепенцем и полагал, что своим появлением в обществе только накличет на себя беду; все это не соответствовало действительности и было лишь плодом его воображения. Этого не было бы, если бы он в это не верил. Но именно потому он и поселился в тихой местности, куда почти не доходил шум городского движения. Здесь он мог предаваться своим мыслям в полном покое. Семья, у которой он снял комнату, ничего о нем не знала. Приближалась зима с холодом, снегом и сильными ветрами, и Юджин с удовольствием думал о том, что сюда мало кто забредет, особенно из числа его влиятельных знакомых. Он получал

много писем, которые пересылались ему с прежней квартиры, так как его имя все еще значилось в списках разных комитетов, а также в адрес-календаре, да и было у него много относительно скромных друзей, с которыми можно было бы встречаться без больших затрат и которые рады были бы повидаться с ним. Но Юджин не отвечал на приглашения и никому не сообщал своего нового адреса; он много гулял по вечерам, а днем читал, рисовал или же просиживал часами, погруженный в раздумье. Он все время размышлял о Сюзанне и о том, что судьба воспользовалась ею как приманкой, чтобы вовлечь его в западню. Сюзанна еще вернется к нему, она должна вернуться. Он придумывал чудесные, мучительные встречи с нею, видел в своем воображении, как она бросается в его объятия, чтобы уже никогда больше с ним не расстаться. Об Анджеле, лежавшей в палате родильного приюта, он думал очень мало. Она была под наблюдением опытных врачей. Он платил по всем счетам. До критического момента было еще далеко. Миртл навещала ее. Порою он ловил себя на мысли, что он жесток, что его рассудок гонит прочь ту, что была для него верной опорой в жизни, но так или иначе он находил себе оправдание. Анджела ему не пара. Почему она не может жить вдали от него? Вот и «христианская наука» отрицает брак, считая его человеческой иллюзией, противоречащей нерушиму единству человека и бога. Почему бы Анджеле не дать ему, наконец, свободу?

Он писал стихи, посвященные Сюзанне, и читал творения старых поэтов, которые разыскал в хозяйском сундуке среди ненужных книг. Снова и снова перечитывал он сонет, начинавшийся словами: «Отвергнутый людьми, отвергнутый судьбою»¹ — этот вопль из мрака, в котором он узнавал свой собственный голос. Он купил сборник стихов Иейтса, и ему казалось, что они говорят о Сюзанне:

Не мне корить ее, что дни мои
Она тоской наполнила .

Его состояние не было таким тяжелым, как восемь лет назад, когда он заболел, но оно было все же очень серьезным. Снова мысли его сосредоточились на ковар-

¹ Шекспир, сонет XXIX

стве жизни, на ее изменчивости и капризах. Юджина интересовало лишь то, что имело отношение к загадочным сторонам природы, и от этого в нем снова стал зарождаться болезненный страх перед жизнью. Все это заставляло Миртл опасаться за его рассудок.

— Почему ты не посоветуешься с кем-нибудь из наших врачей? — пристала она к нему однажды. — Поверь мне, они помогут тебе. Полно упрямиться. В этих людях что-то есть, я не могу выразить, что именно. Какое-то удивительное спокойствие. Тебе сразу станет лучше. Сделай это ради меня.

— Не донимай меня, Миртл. Оставь меня в покое. Ни к кому я не пойду. Я готов признать, что в этом учении что-то есть — с точки зрения метафизики, — но зачем мне ходить к врачам? Если бог существует, он так же близок мне, как и всякому другому.

Миртл в отчаянии ломала руки, и, видя, как она страдает, Юджин решил послушаться. Кто знает, может быть, в этих людях заложены гипнотическая сила или способность непосредственного воздействия, некий магнетизм, который может повлиять на него и утолить его душевную боль. Он верил в гипноз, во внушение и во многое другое. В конце концов он позвонил миссис Джонс — старой женщине, которую очень хвалили и его сестра и другие; она жила на южной стороне Бродвея, где-то неподалеку от Миртл. Рассказывали, что она многим вернула здоровье. С какой стати он, Юджин Витла, спрашивал себя Юджин, берясь за телефонную трубку, — с какой стати он, бывший директор «Юнайтед мэгэзинс», бывший художник (Юджин считал, что он уже больше не художник в настоящем смысле слова), пойдет к какой-то даме, проповедующей «христианскую науку», чтобы излечиться — от чего? От чувства безнадежности? Да. От сознания жизненного краха? Да. От душевной боли? Да. От нечистых помыслов, подобных тем, в которых каялся незнакомец в церкви? Да. Не смешно ли! Но вместе с тем им владело любопытство. Он размышлял о том, действительно ли это возможно. Может ли он исцелиться от навязчивой мысли, что потерпел крах в жизни? Может ли он исцелиться от снедающей его тоски? Хочет ли он, чтобы эта тоска прошла? Нет! Конечно, нет! Ему нужна Сюзанна. Он прекрасно понимал намерения Миртл — она рассчитывала

с помощью «христианской науки» вернуть его Андже́ле и заставить позабыть Сюзанну, а он знал, что это невозможно. Он решил пойти к старой лекарке, но только потому, что его мучило безделье, одиночество и отсутствие всякой цели впереди. Он решил пойти, потому что не знал, в сущности, что ему делать.

Миссис Джонс — миссис Алтэа Джонс — жила в одном из тех многоквартирных домов стандартной архитектуры, которых в Нью-Йорке тысячи. Широкий проход между двумя светло-желтыми кирпичными корпусами вел вглубь, к узорчатой железной решетке подъезда, по обе стороны которого стояли на фигурных постаментах электрические фонари с матовыми лампочками, отбрасывавшими мягкий свет. Дальше — обычный вестибюль, лифт, ко всему равнодушный негр-лифтер в форме и телефонный коммутатор. Здание было семиэтажное. Стоял январский вечер, шел снег. Метель крутила снежные хлопья, и улицы были устланы мягким ковром рыхлого снега. Несмотря на тяжелое настроение, Юджин, как и всегда, отдался во власть той изумительной картины, какую представлял собой окружающий мир, — город, одетый в горностаевую мантию. Трамваи с грохотом проносились мимо, пешеходы шли сгорбившись, кутаясь от ветра в шубы. Юджин с восхищением смотрел на снег, на пушистые хлопья, упиваясь чудесами обычной, повседневной жизни. Это отвлекло его от горя и заставило снова думать о живописи.

Миссис Джонс жила на седьмом этаже. Юджин постучал, и ему открыла горничная, которая проводила его в приемную, так как он пришел немного раньше назначенного времени. Здесь дожидались своей очереди несколько пациентов — здоровые на вид мужчины и женщины. «Разве это не доказывает, — подумал Юджин, опускаясь на стул, — что вся эта «наука» имеет дело с воображаемыми недугами?» И снова ему вспомнился незнакомец в церкви, с такой искренней убежденностью свидетельствовавший о своем излечении. Что ж, подождем, увидим. Хотя он не мог себе представить, чтобы это принесло ему какую-нибудь пользу. Надо скорее приниматься за работу. Юджин сидел в углу приемной, упершись локтями в колени и сцепив пальцы под подбородком, и думал. Его угнетал невзрачный вид этой комнаты, рыночная безвкусная мебель. Неужели божествен-

ный разум не может создать для своих представителей более приличную обстановку? Возможно ли, чтобы человек, призванный осуществлять воздействие всемогущего бога на смертных, был настолько лишен чувства красоты, чтобы жить в таком доме? Вот уж неубедительное свидетельство могущества божия, а впрочем...

Вошла миссис Джонс,— маленького роста, полная, некрасивая женщина, седая, морщинистая, безвкусно одетая, с весьма внушительным носом, с бородавкой у рта. Казалось, природа, сотворившая миссис Джонс некрасивой, не хотела ограничиться полумерами, и Юджин подумал, что почтенная лекарка сильно напоминает диккенсовскую миссис Микобер со старой гравюры. На ней была черная юбка из добротного материала, сидевшая мешком, и блуза сине-стального цвета. Юджин заметил, однако, что у нее ясные серые глаза и приятная улыбка.

— Мистер Витла, не так ли? — спросила она, направляясь к нему через всю комнату, так как Юджин уселся в самом углу, возле окна. Она говорила с легким шотландским акцентом.— Очень рада вас видеть. Прощу вас, пройдите ко мне.

Она принимала его раньше других, так как они по телефону условились насчет времени. Миссис Джонс провела его через всю комнату и у порога своего кабинета пожала ему руку, пропуская мимо себя.

Юджин осторожно ответил на рукопожатие.

Так вот она какая, эта миссис Джонс! — подумал он, входя к ней и оглядываясь. Бенгс и Миртл утверждали, что она совершала чудеса исцеления, вернее, что их совершал через нее божественный разум. Руки у нее были сморщенные, лицо старое. Почему она не сделает себя молодой, если ей дано творить чудеса? И почему в комнате такой беспорядок? Можно было буквально задохнуться от обилия развешанных по стенам литографий и гравюр, изображавших сцены из Библии и жизни Христа. На полу лежал какой-то красный коврик или дорожка; стулья, обитые кожей, были топорной работы, стол весь завален книгами, а со стены глядел поблекший портрет миссис Эдди и глупые, надоедливые изречения. До чего же бездарны люди, когда дело касается искусства жить! И как может утверждать, что постиг бога,

тот, кто и о жизни-то ничего не знает! Юджин устал, эта комната вызывала в нем отвращение. И сама миссис Джонс тоже. У нее ко всему прочему был неприятный, визгливый голос. И эта особа берется лечить рак? И чахотку? И другие страшные болезни, как утверждает Миртл? Какой вздор!

Усталый, но чувствуя нарастающее раздражение, он сел на стул, который указала ему миссис Джонс, и уставился на нее, а она уселась напротив и окинула его ласковым, улыбающимся взглядом.

— Ну,— начала она без предисловий,— на что жалуется чадо господне?

Юджин в раздражении задвигался на стуле.

Чадо господне! Вот ханжа! Какое у него право называться господним чадом? Нет, этим она его не возьмет. Как глупо, как непроходимо глупо! Почему не спросить по-человечески, что с ним такое. Тем не менее он ответил:

— На многое, так что мне, вероятно, нельзя помочь.

— Ну-ну, быть того не может. Не мешает, кстати, помнить, что для бога нет ничего невозможного. Ведь с этим вы согласны, не правда ли? — с улыбкой добавила она.— Вы, надеюсь, верите в бога или в некую руководящую силу?

— Не знаю, может быть, и верю. Я знаю, что в бога положено верить. Да, пожалуй, верю.

— И он кажется вам недобрым богом?

— Да, и всегда казался,— ответил Юджин, подумав об Анджеле.

— Бренный разум, бренный разум! — словно подтверждая вслух собственную мысль, произнесла миссис Джонс.— Каких только не рождает он заблуждений!

После чего она обратилась к Юджину:

— Человек должен быть исцелен — и даже против воли, чтобы познать, что бог есть бог любви. Итак, вы считаете себя нераскаянным грешником, не правда ли,— и думаете, что бог злобен? Можете ничего мне не рассказывать. Все мы одинаковы в нашем земном состоянии. Я хотела бы только напомнить вам слова пророка Исайи: «Если будут грехи ваши красны, как пурпур,— как руно убелю...»

Юджин уже много лет не слышал этого изречения и едва ли помнил его. И вдруг оно ожило в его душе во

всей той яркой образности, которая так отличает изречения библейских пророков. Он почувствовал, что готов простить миссис Джонс ее бородавку, большой нос и нескладное одеяние за то, что она сумела так кстати вернуть это изречение. Это сразу подняло старую лекарку в его глазах, так как свидетельствовало об уме или, во всяком случае, о такте.

— Можете вы излечить меня от горя? — спросил он мрачно и не без сарказма. — Можете вы излечить меня от страха и тоски?

— Сама я ничего не могу, — ответила она, угадав его настроение. — Но для бога нет ничего невозможного. Если вы верите в высший разум, он исцелит вас. Святой Павел говорил: «Я делаю все по милости господа, который дарует мне силы». Вы прочитали книгу миссис Эдди?

— Нет. Я еще читаю ее.

— Вам все понятно?

— Не скажу. Там слишком много противоречий.

— Знаю, так обычно кажется всем, кто впервые знакомится с нашим учением. Но пусть это вас не тревожит. Ведь вы хотите избавиться от ваших горестей. Забудьте, что я слабая женщина и что вы пришли ко мне за помощью. Вспомните слова апостола Павла о тех, кто трудится во имя истины: «Итак, мы посланники от имени Христа, и как бы сам бог увещевает через нас, от имени Христа просим: примиритесь с богом».

— Я вижу, Библию вы знаете наизусть, — заметил Юджин.

— Это единственное, что я знаю, — отвечала она.

Затем началось одно из тех религиозных действий, которые так обычны у последователей «христианской науки», но весьма удивляют новичка. Миссис Джонс попросила Юджина сосредоточить мысли на молитве господней.

— Не важно, если даже текст покажется вам бессмысленным... Вы пришли сюда за помощью, вы образ и подобие божие, и он не позволит, чтоб вы ушли от него с пустыми руками. Но сперва разрешите мне прочесть вам псалом, который, по-моему, очень полезен для начала.

Она раскрыла Библию, лежавшую на столе, и стала читать:

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.

Говорит Господу: «прибежище мое и защита моя. Бог мой, на Которого я уповаю!»

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы.

Перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен, щит и ограждение — истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем.

Язвы, ходящей в мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится.

Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.

Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.

Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих.

На руках понесут тебя, да не приткнешься о камень ногою твоею.

На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя Мое.

Воззовет ко мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его.

Долготою жизни насыщу его и явлю ему спасение Мое».

Слушая этот всемилостивейший божественный манифест, Юджин сидел с закрытыми глазами и вспоминал свои недавние злоключения. Впервые за много лет он пытался сосредоточить мысли на премудром, всеблагом и всемогущем милосердии. Но это ему не удавалось, так как он не мог согласить обещание божественной милости с природою знакомого ему мира. Зачем говорить: «На руках понесут тебя, да не приткнешься о камень ногою твоею», тогда как на самом деле и ему и Ангеле столько пришлось в последние дни пережить тяжелого? Разве не сказано о нем: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится»? Почему же тогда он лишен этой защиты? Правда, там говорится: «За то,

что он возлюбил меня, избавлю его». Так уж не это ли ответ? Разве возлюбила его Анджела? Или он сам? Возможно ли, что все их беды отсюда?

«Призовет меня и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его и прославлю».

Но призывал ли его когда-нибудь он, Юджин? Или Анджела? Разве не увязли они оба в болоте отчаяния? Но все равно, Анджела — неподходящая ему жена. Что же бог думал? Никогда он, Юджин, к ней не вернется.

Так размышлял он полусерьезно, полускептически, пока миссис Джонсон не кончила. Ну, а что, если и в самом деле вопреки его сомнениям вся эта возня, и шум, и страдания, и тревоги — не что иное, как самообман? Но ведь Анджела страдает. Да и не только Анджела. Как же это понять? Разве такие факты не опровергают иллюзорность мира? Или же и самые факты иллюзорны?

— А теперь давайте уразумеем, что мы с вами безгрешные чада господни,— продолжала после короткой паузы миссис Джонс.— Ведь каждый из нас считает себя большим и сильным и меньше всего сомневается в собственном бытии. И мы действительно существуем, но лишь как помышление божие. А это значит, что ничто не может причинить нам вреда, и никакое зло к нам не приблизится. Ибо бог бесконечен. Он сила и жизнь. Он истина и любовь. Он выше всех и над всеми.

И, закрыв глаза, она углубилась в себя, чтобы показать ему, объяснила она, совершенство его духа в боге. Юджин силился вспомнить слова молитвы, но на самом деле думал об этой комнате и ее безобразной мебелировке, о дешевых литографиях на стене, о невзрачности их хозяйки и о том, как смешно, что он здесь. За него, Юджина, возносят молитвы! Что подумала бы Анджела! И почему эта женщина так стара, если дух всемогущ? Почему она мирится с собственной невзрачностью? Что это она делает? Как это называется? Гипнотизм? Месмеризм? Но он хорошо помнил тот отрывок в книге миссис Эдди, где ясно говорилось, что таким вещам нет места в «христианской науке». Нет, эта старуха не притворяется. Ее слова, ее улыбка не лгут. Она и в самом деле верит в какую-то благую силу. Но поможет ли эта сила ему, Юджину, как о том говорится в псалме? Оставит ли его эта боль? Удастся ли ему вырвать

из сердца Сюзанну? А что, если именно это и будет для него злом? Да, конечно. И все же... Ему приказано молиться. Высшие силы могут исцелить его. Для сил, которые правят вселенной, нет ничего невозможного... Достаточно вспомнить телефон, беспроводной телеграф... А солнце, луна... «Он заповедует своим ангелам охранять тебя на всех путях твоих».

Минут пятнадцать прошло в безмолвном размышлении, и миссис Джонс открыла глаза.

— А теперь,— сказала она, улыбаясь,— посмотрим, не почувствуем ли мы себя лучше. И, разумеется, нам станет лучше, потому что мы сами станем лучше и потому что проникнемся сознанием, что ничто не может причинить зла помышлению божьему. Все прочее — обман. Он не имеет власти над нами, потому что он бессилен. Пусть в ваших мыслях пребудет добро — бог, и сами вы станете добрым. Если же в ваших мыслях будет зло, вы и сами станете злом, хотя оно и существует только в вашем воображении. Запомните это.

Она говорила с ним, словно с малым ребенком.

Юджин вышел от нее и окунулся в морозную ночь, где ветер взвивал клубы снега. Он застегнул пальто на все пуговицы. По Бродвею, как всегда, мчались трамваи. Мимо него то и дело сновали такси. Люди, постоянно оживляющие пейзаж большого города, с трудом пробирались по снегу. Сквозь его мелькание сочился ясный голубой свет дуговых фонарей. Шагая по улице, Юджин думал о том, станет ли ему теперь лучше. Миссис Эдди утверждала, что все на свете нереально,— бренный разум создал мир, не приемлемый для духа, бренный разум, который (Юджину вспомнилось это выражение) сам есть «ложь и ложь порождает». Неужели это так? Действительно ли зло нереально, а горе лишь самообман? Удастся ли ему избавиться от чувства страха и стыда и снова взглянуть в лицо всему миру? Он сел в трамвай, направлявшийся в северную часть города, доехал до Кинсбриджа и, погруженный в раздумье, побрел домой. Как может он рассчитывать вернуться к жизни и снова найти себя? Ведь ему уже сорок лет. Он уселся в кресло у лампы и, взяв книгу «Наука и здоровье», стал рассеянно перелистывать ее. Потом решил, любопытства ради, посмотреть, что скажет ему раскрытая наугад страница или отрывок. Он все еще был во

власти суеверных чувств. Раскрыв книгу, он прочел следующее:

«Когда смертный сочетает мысли о земле с мыслью о небе и трудится, как трудится господь, он уж не блуждает в потемках и не цепляется за землю, как тот, кто не изведал небесного. Наши плотские представления обманывают нас. Они делают человека лицемером поневоле, ибо он порождает зло, когда хотел бы творить добро, создает уродство, хотя мечтает о красоте и гармонии, причиняет боль тем, кого хотел бы благословить. Он становится лжетворцом, но мнит о себе как о полубоге. Его прикосновение превращает надежду в прах, прах, который мы попираем ногами. Он мог бы сказать о себе языком Библии: «Добро, которое хочу творить, не творю, зло же, которое творить не хотел бы, творю».

Юджин захлопнул книгу и задумался. Хорошо бы проникнуться этим, если это действительно так. Но меньше всего ему улыбалось стать сектантом, религиозным фанатиком. Ведь это такое дурачье. Он взял газету — свежий номер «Ивнинг пост» — и где-то в уголке литературного приложения наткнулся на отрывок из стихотворения покойного Томаса Фрэнсиса «Небесный ловчий». Оно начиналось так:

Я от него бежал и день и ночь,
Я от него бежал под своды лет .

Странное волнение вызвал в Юджине конец:

Лицо его недвижно,
Страшен вид;
Неспешно и упорно, как отмщенье,
Звучат за мной шаги,
И голос говорит:
«Отверг меня, и нет тебе спасенья!»

Действительно ли поэт так чувствовал? Можно ли этому верить? Юджин снова взялся за книгу, и постепенно ему стало представляться, будто грех, и зло, и болезнь в самом деле только иллюзии и что от всего этого можно отрешиться, если уверовать в божественный принцип. Но тут же его взяло сомнение. А это мучительное сознание несправедливости?.. В состоянии ли он отказаться от Сюзанны? Хочет ли он этого? Нет!..

Он встал, подошел к окну и стал глядеть на улицу. Там все еще кружил снег.

«Откажись от нее! Откажись!» И положение Анджелы так опасно. Черт возьми, в какую передрагу он попал! Что ж, завтра утром он навестит Анджелу. Он проявит по крайней мере внимание к ней. Он не бросит ее в такое время. Юджин лег и пытался уснуть, но он разучился спать по-настоящему. Он был слишком утомлен, слишком расстроен и взвинчен. Все же он немного поспал, и это было самое большее, на что он в те дни мог надеяться.

ГЛАВА XXVII

Он все еще пребывал в этом состоянии, когда по прошествии двух месяцев наступило то великое событие в жизни Анджелы, в котором он силой обстоятельств вынужден был принять участие. Она лежала в родильном доме на Морнингсайд-Хейтс, выходявшем фасадом на соборную площадь, в уютной палате, обставленной согласно всем правилам гигиены, и не переставала думать о том, что сулит ей судьба. Анджела, собственно, так и не оправилась от мучившего ее летом приступа ревматизма, а поскольку ей вдобавок пришлось пережить много тяжелого, выглядела она бледной и слабой, хотя и не чувствовала себя больной. Главный хирург, акушер Ламберт,— худощавый мужчина лет шестидесяти пяти, с седой бородой и седыми вьющимися волосами, с широким горбатым носом и острым взглядом серых глаз, говорившим об энергии, проницательности и выдающихся способностях, принял большое участие в Анджеле. Для него она была одним из тех простых, кротких созданий, которые всю жизнь жертвуют собой для других. Ему нравилось, что у нее такое бодрое, трезвое и веселое настроение, несмотря на ее состояние — очень серьезное, настолько серьезное, что это бросалось в глаза даже посторонним. У Анджелы было оживленное, свежее лицо — когда она не бывала подавлена или раздражена, ее отличал цепкий ум, о чем можно было судить по ее метким забавным замечаниям, и настойчивое постоянное желание, чтобы все, что делается вокруг нее, делалось правильно и хорошо. Сестра мисс де Саль, дородная,

флегматичная особа лет тридцати пяти, постоянно хвалила ее за терпение и спокойствие и тоже привязалась к этой симпатичной маленькой женщине, не терявшей мужества и душевной бодрости и преисполненной надежд, несмотря на ожидавшее ее серьезнейшее испытание.

Общее мнение главного хирурга, ординатора и сестры сводилось к тому, что у Анджелы слабое сердце и что в ее положении надо опасаться за почки. Анджела после частых бесед с Миртл пришла каким-то образом к выводу, что в критическую минуту «христианская наука» в лице своих врачей окажет ей помощь, хотя у нее и не было настоящей веры. Она не сомневалась, что и Юджин рано или поздно вернется к ней, так как Миртл говорила, что лечит его «заочно» и что он пытается разобраться в книге «Наука и здоровье». Когда появится ребенок, между ними произойдет примирение, потому что... потому что... ну, просто потому, что дети так обаятельны! У Юджина в сущности не жестокое сердце, он только сильно увлечен. Сирена завлекла его в свои сети. Но это пройдет.

Мисс де Саль заплетала ей косы — как у настоящей Гретхен! — и завязывала их большими розовыми бантами. С некоторого времени ее стали одевать в легкие свободные халаты, удобные и мягкие, и в них она сидела в кресле, размышляя о том, что ее ждет. Из стройной, изящной женщины она превратилась в разбухшее, бесформенное существо, но не унывала. Юджин навещал ее, — ему было искренне ее жаль. Стоял конец зимы, снег сыпал за окнами то мягко и тихо, то бешено кружась, и парк против родильного приюта стал совсем белый. Анджеле видны были в окно оголенные тополя, выстроившиеся перед собором словно часовые. Она держалась спокойно, терпеливо и не теряла надежды, между тем как старый акушер, говоря о ней с ординатором, с сомнением качал головой.

— Необходима величайшая осторожность. Я сам буду у нее принимать. Постарайтесь, насколько можно, укрепить ее организм. Будем надеяться, что у ребенка маленькая головка.

Миниатюрность и отвага Анджелы умиляли его. Впервые за много лет практики он испытывал настоящую жалость.

Ординатор строго выполнял все его указания. Для Анджелы готовились специальные блюда и питье. Кормили ее часто. Ей был предписан полный покой.

— Мне не нравится ее сердце,— докладывал он главному хирургу. — Оно ослаблено и дает перебои. Я подозреваю какое-то функциональное расстройство.

— Не будем терять надежды,— серьезно отозвался тот. — Постараемся обойтись без эфира.

Юджин из-за своего душевного состояния неспособен был осознать всю серьезность положения Анджелы. Он был далек от нее — ни чувство, ни страсть не связывали их. Сестра и ординатор, полагавшие, что он очень любит жену, решили ничего ему не говорить. Они не хотели пугать его. Несколько раз он спрашивал, не разрешат ли ему присутствовать при родах, но ему отвечали, что это нежелательно, и прежде всего для него самого. По совету сестры Анджела сама попросила Юджина не приходить, но он считал, что нужен ей, как бы далеки они ни были. К тому же ему хотелось все видеть.

Если он будет рядом, говорил он себе, Анджела легче перенесет это испытание. Когда же сроки приблизились и ему стало ясно, какой катастрофой все может кончиться, он решил, что обязан оказать ей эту помощь. К нему вернулось что-то от той нежности, которую в былые дни вызывала в нем ее миниатюрность. Она, вероятно, не справится с этим. Ей предстоят ужасные страдания. Она ведь никогда не желала ему зла и только старалась сохранить его для себя. Сколько горечи, сколько трагизма в этой жестокой путанице человеческих отношений! Почему жизнь так чудовищно сложна?

Время родов приблизилось, и у Анджелы начались жестокие боли. Таинственный процесс, происходивший в чреве матери, где будущая жизнь покоилась в колыбели из мышц и связок, в сущности, закончился, и теперь вся энергия материнского организма переключилась на другое. Боль от натянутых до предела связок причиняла Анджеле невыносимые страдания. Она судорожно сжимала руки, лицо ее покрывалось смертельной бледностью, она начинала плакать. Юджин несколько раз бывал у нее во время этих приступов, и тут только он увидел, до чего сложен и неумолим извечный процесс воспроизведения рода, который приводит женщину на порог смерти, для того чтобы на земле не угасала жизнь.

Он задумался над тем, не правы ли последователи «христианской науки», когда утверждают, что жизнь лишь ложь и иллюзия, бессмысленный, лихорадочный бред, о котором ничего не хочет знать мудрость господня.

Он отправился в библиотеку и взял там книгу по акушерству, в которой описывалось хирургическое вмешательство при родах. Он нашел в ней десятки рисунков, изображавших ребенка в чреве матери в необычайно странных положениях (что-то в них наводило на мысль о цветке), словно свернутый лепесток. Рисунки были выполнены очень тонко, некоторые, несмотря на их чисто прикладное значение, даже превосходно, и Юджин был очарован. Они изображали уже развившегося младенца, но какой же он был маленький! Головка его находилась то в одном положении, то в другом, крошечные ручки были забавно скрючены, но всегда в нем было что-то милое и трогательное. Бегло просмотрев книгу, Юджин узнал, что главную трудность при родах представляет головка ребенка — момент ее прохождения. Никаких других сложностей для акушера, по-видимому, не существовало. Но как справиться с этой? Если голова у ребенка большая, а мать уже немолода и стенки брюшной полости неэластичны или жестки, то естественные роды могут оказаться невозможными. В книге были целые главы о краниотомии и цефалотрипсии, а на простом человеческом языке это означало, что в известных случаях приходится размягчить череп ребенка специальным инструментом...

Одна глава была посвящена «кесареву сечению», причем описывались трудности этой операции и приводились пространные рассуждения об этической стороне дела — что правильнее: убить ребенка, чтобы спасти мать, или же наоборот, и какова сравнительная ценность их жизни для общества. Подумать только, что в критическую минуту хирург сам выносит приговор и приводит его в исполнение! Да, здесь мелочные законы жизни утрачивают свою власть! Здесь мы снова взываем к человеческой совести, которую миссис Эдди определяла как «отражение имманентного разума». Если бог благ и мудр, то в этом решении прозвучит его голос. Он подскажет, что надо делать. Автор книги говорил о высшем нравственном законе, который один может руководить хирургом в этот страшный час.

Дальше рассказывалось, какие хирургу нужны инструменты, сколько ассистентов (два), сколько сестер (четыре), какого рода бинты, иглы, нитки (шелк или кетгут), скальпели, расширители и резиновые перчатки. Указывалось, как должен быть произведен разрез, когда и в каком месте. Юджин в ужасе закрыл книгу. Он встал и поспешил выйти на свежий воздух, подгоняемый желанием скорее увидеть Анджелу. Он знал, что у нее слабый организм. Она часто жаловалась на сердце. Мышцы ее, по-видимому, уже не так эластичны. Если предположить, что при родах возникнет хотя бы одна из тех трудностей, о которых он читал...

Он не хотел, чтобы она умерла.

Да, было время, когда он говорил себе, что хочет ее смерти, но теперь он не желал быть убийцей. Нет, нет, Анджела всегда была ему так предана. Она работала для него. Черт возьми, немало она выстрадала за то время, что они прожили вместе. Он плохо обходился с нею, очень плохо, и вот бедняжка, беспомощная и одинокая, не зная, что делать, поставила себя в такое безвыходное положение. Конечно, она виновата. Она пыталась, как всегда, удержать его во что бы то ни стало, но разве можно упрекать ее за это? Разве это преступление, если она хотела, чтобы он любил ее? Просто они оказались совершенно неподходящей парой. Он не хотел ее обидеть и женился на ней, а потом как он ее обижал!.. Их брак принес с собой только постоянные раздоры и взаимное недовольство, и оба были несчастны, а ей теперь, в довершение всего, угрожает смерть от нечеловеческих страданий, из-за слабого сердца, больных почек, от кесарева сечения... Да разве она вынесет что-либо подобное? И думать нечего. Она недостаточно крепка для этого — ведь она уже немолода.

Интересно, думал он, могла ли бы ее спасти «христианская наука» или какой-нибудь знаменитый хирург, который сумел бы обойтись без ножа? Но как? Как? Если бы миссис Джонс с помощью своих молений могла вызволить ее из такой беды, как бы он был ей благодарен! Если не за себя, то за нее. Он мог бы отказаться от Сюзанны... мог бы... да... Ах, зачем ему докучают сейчас эти мысли!

Было три часа пополудни, когда он пришел к Анджеле в больницу; утром он заглянул на несколько ми-

нут, и тогда она чувствовала себя довольно сносно. Сейчас ей было значительно хуже. Острая боль в боку, на которую она и раньше жаловалась, усилилась, лицо ее то краснело, то бледнело, и по нему пробегала судорога. Миртл тоже пришла навестить невестку, она говорила с ней, а Юджин стоял рядом и с щемящим сердцем думал о том, что он должен сделать, что он может сделать. Анджела заметила его тревожное состояние. Как ни плохо ей было, ей стало жаль его. Она знала, что он будет страдать, ведь он не злой человек по натуре, и сейчас она впервые почувствовала, что сердце его смягчилось. Она улыбнулась ему и подумала, что, быть может, он изменится и вернется к ней. Миртл уверяла ее, что все кончится благополучно. Сестра тоже находила, что все идет прекрасно; она повторила это и вошедшему в палату ординатору, молодому человеку лет двадцати восьми, с пронизательными, веселыми глазами. Его рыжие волосы и красное лицо говорили о воинственной натуре.

— Схваток еще не было? — спросил он Анджелу, улыбаясь ей и показывая два ряда сверкающих белых зубов.

— Право, не знаю, доктор, — ответила она, — знаю только, что у меня все болит.

— Ну, когда начнутся схватки, вы сразу узнаете, — сказал он, усмехнувшись. — Родовые схватки — это такая штука, которую ни с чем не спутаешь.

Он вышел, и Юджин последовал за ним.

— Как вы ее находите, доктор? — спросил он, когда они оказались в коридоре.

— Ничего... относительно, конечно. Ведь вам известно, что организм у нее не очень крепкий. По-моему, дело подвигается не плохо. Скоро приедет доктор Ламберт — вы лучше с ним поговорите.

Ординатор не хотел лгать. Он считал, что нужно сказать Юджину правду. Доктор Ламберт был того же мнения, но он решил выждать до последнего момента, чтобы дать хотя бы приблизительно правильный прогноз. Он приехал в пять часов вечера, когда на улице было уже темно, и, войдя в палату, с тревогой посмотрел на Анджелу своими серьезными, добрыми глазами. Он пощупал ее пульс и выслушал сердце стетоскопом.

— Как вы думаете, доктор, я справлюсь? — тихо спросила Анджела.

— Ну, конечно, конечно! — ласково ответил он, погладив ее руку. — Маленькая женщина — большое мужество!

— Ну как, доктор? — спросил Юджин, догоняя его в коридоре.

Впервые за много месяцев он думал о чем-то, не имевшем отношения ни к постигшим его неудачам, ни к Сюзанне.

— Я считаю нужным сказать вам, мистер Витла, что положение вашей жены очень серьезно, — ответил старый хирург. — Я не хотел бы внушать вам излишней тревоги — все еще может кончиться благополучно. У меня нет оснований утверждать, что благополучный исход невозможен. Но ваша жена поздно вздумала обзаводиться первым ребенком. Ее мышцы утратили эластичность. Главное, чего нам приходится опасаться, это осложнения со стороны почек. У женщины ее возраста всегда надо ожидать неприятностей при прохождении головки. Может быть, придется пожертвовать ребенком. Не знаю. Я неохотно прибегаю к кесареву сечению. Это операция, которой мы, врачи, не любим, и она не всегда проходит удачно. Все, что только мы в силах сделать, будет сделано. Но я хочу, чтобы вы отдавали себе ясный отчет в положении. Раньше чем предпринять какой-либо серьезный шаг, мы спросим вашего согласия. Но когда критический момент наступит, вам придется быстро принять то или иное решение.

— Я и сейчас могу сообщить вам его, — сказал Юджин, мгновенно уясняя себе всю серьезность положения. В этот момент к нему вернулась былая сила воли и чувство собственного достоинства. — Спасите жизнь моей жены, к каким бы мерам вам ни пришлось прибегнуть. Это мое единственное желание.

— Благодарю вас, — сказал хирург. — Мы сделаем все, что можно.

После этого Юджин долгие часы просидел у постели Анджелы, которая переносила муки, каких, казалось, ни один человек не мог бы выдержать. Он видел, как она вдруг вся вытягивалась на постели, без кровинки в лице, с обильной испариной на лбу, а затем, когда ее отпускало, лицо ее наливалось кровью, и она не кричала громко, а только стонала. Он убедился, что, как это ни странно, Анджела в отличие от него вовсе не пугливый

ребенок, готовый скулить из-за всякого пустяка, что она была частью великой созидательной силы, и именно оттого так велики были ее муки и велика выдержка, с какой она их переносила. Но улыбаться она уже не могла. Она пребывала в непрерывных, невероятных муках. Миртл поехала домой пообедать, но обещала вернуться попозже. Мисс де Саль привела еще одну сестру; Юджин вышел из палаты, и Анджелу приготовили к последнему испытанию. На ней был обыкновенный больничный халат, открытый сзади, на ноги ей натянули белые полотняные чулки. По распоряжению доктора Ламберта в операционной на верхнем этаже был приготовлен стол, за дверью палаты стояла наготове каталка на колесиках, чтобы при первой необходимости перевезти ее наверх. Доктор Ламберт распорядился, чтобы его вызвали, как только начнутся настоящие родовые потуги,—сестра прекрасно умела их распознавать. Ординатор должен был все время наблюдать за больной.

В этот тягостный час Юджина больше всего поражало невозмутимое, будничное, чисто деловое отношение медицинского персонала ко всем этим трагедиям,—в приюте было много рожениц. Мисс де Саль хлопотала вокруг Анджелы с неизменно спокойной улыбкой на лице. Она взбивала подушки, приводила в порядок постель, аккуратно задергивала оконные занавески и выполняла еще тысячу всяких других мелких дел или же, остановившись перед настольным или стенным зеркалом, поправляла свой кружевной чепчик и халат. Она не обращала внимания ни на Юджина, ни на Миртл, когда та была в палате, и с самым невозмутимым видом входила и выходила, разговаривала и шутила с другими сестрами.

— Неужели нельзя как-нибудь облегчить ее муки? — в изнеможении спросил ее Юджин. Нервы его были взвинчены до предела.—Ведь ей не вынести этого. У нее не хватит сил.

Сестра спокойно покачала головой.

— Мы беспомощны в таких случаях. Никаких наркотиков мы ей дать не можем — они задерживают процесс. Ничего, она потерпит. Через это проходят все женщины.

«Все женщины!» — мысленно повторил Юджин. Боже мой! Неужели каждый раз, когда на земле рождает-

ся ребенок, женщина подвергается подобной пытке? На земном шаре около двух миллиардов человек — значит, два миллиарда раз повторялся весь этот ужас? И сам он причинил столько страданий своей матери? И Анджела? И каждый ребенок? Какую страшную ошибку совершила Анджела, и как это бессмысленно, как глупо! Впрочем, сейчас об этом поздно размышлять. Анджела страдает. Она ужасно мучается.

В палату заглянул доктор Уиллетс, ординатор, но, по-видимому, не нашел никаких оснований для тревоги. Он кивнул мисс де Саль, которая вместе с ним подошла к кровати, и кивок был явно успокоительный.

— По-моему, все идет нормально, — сказал он.

— Да, доктор, — сказала она.

Юджин был изумлен — как они могли так говорить? Ведь Анджела невыносимо страдала.

— Я пойду на часок в корпус «А», — сказал ординатор. — Если будет что-нибудь новое, дайте мне знать.

«Что может быть нового? — подумал Юджин. — Разве Анджеле может стать еще хуже?» И вспомнил про рисунки в той книге. Неужели, мелькнуло у него, необходимо будет прибегнуть к одному из тех страшных способов, о которых там упоминается? Благодаря этим рисункам он представлял себе теперь весь ужас возможного исхода.

Около полуночи наступила та перемена, которую Юджин ждал с таким страхом и мучительным состраданием к Анджеле. Миртл не было. Она договорилась с Юджином, что будет ждать его звонка. Анджела и раньше стонала и то конвульсивно вытягивалась, то сгибалась пополам и бесцельно и мучительно ворочалась с боку на бок, но теперь она вдруг подскочила на кровати и снова упала, точно потеряв сознание. Это сопровождалось пронзительным криком, за которым последовал еще и еще один. Юджин кинулся к двери, но сестра предупредила его.

— Началось, — спокойно сказала она. Она направилась к телефону и вызвала доктора Уиллетса. Теперь к ней присоединилась сестра из другой палаты. Несмотря на то, что лицо Анджелы побагровело и вены на нем вздулись, обе сестры были по-прежнему спокойны. Юджин едва верил своим глазам, но он сделал над собой

огромное усилие, чтобы тоже казаться спокойным. Так вот она, пытка деторождения!

Спустя несколько минут явился доктор Уиллетс — тоже спокойный, энергичный, деловитый. На нем был черный костюм, поверх которого была надета белая полотняная куртка, но он поспешно вышел из палаты, на ходу снимая и пиджак и куртку, и вернулся в одной рубашке с засученными рукавами и длинном белом фартуке — вроде тех, какие Юджин видел на мясниках. Подойдя к Анджеле, он стал проделывать над нею какие-то манипуляции; он что-то сказал при этом стоявшей рядом сестре, но Юджин не расслышал его слов.

Он не мог смотреть — ему было страшно.

Когда раздался четвертый или пятый конвульсивный крик роженицы, в палату вошел еще один врач, молодой человек, одних лет с Уиллетсом, так же одетый, и стал с ним рядом. Юджин никогда раньше его не видал.

— Без щипцов не обойтись? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Уиллетс. — Доктор Ламберт будет сам принимать. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

В коридоре слышались шаги, и в палату вошел главный хирург. Он еще внизу снял шубу и меховые перчатки и остался в обыкновенном костюме. Но, как только он посмотрел на Анджелу, послушал ее сердце и пощупал виски, он вышел и вскоре вернулся, как и другие, в фартуке и без пиджака. Рукава его были засучены, хотя он пока еще ничего не делал, а только следил за действиями ординатора, у которого руки были в крови.

— Почему они не дадут ей хлороформа? — обратился Юджин, на которого никто не обращал внимания, к мисс де Саль.

Но та едва ли расслышала его слова и только покачала головой. Она быстро исполняла приказание своего высокого начальства — врачей.

— Советую вам выйти отсюда, — сказал доктор Ламберт, подходя к Юджину. — Вам здесь нечего делать. Помочь вы ничем не в состоянии, а помешать можете.

Юджин вышел и в страшной тревоге стал шагать из одного конца коридора в другой. В голове проносились воспоминания обо всем, что он пережил с Анджелой, обо всех этих долгих годах треволнений и борьбы. Вдруг

он подумал о Миртл и решил позвонить ей,— она сказала, что непременно хочет приехать. Но потом решил, что не нужно. Ничем она тут не поможет. Так же внезапно мелькнула у него мысль о миссис Джонс. Миртл могла бы попросить ее заочно помочь Анджеле. Что угодно, что угодно — какой это ужас, что она должна так мучиться.

— Миртл,— сильно нервничая, сказал он, когда та подошла к телефону,— говорит Юджин. Анджела страдает невообразимо. Роды начались. Ты не могла бы попросить миссис Джонс помочь ей? Это ужас какой-то!

— Разумеется, Юджин. И я сама сейчас приеду. Не мучай себя напрасно.

Он повесил трубку и снова стал ходить по коридору. До его слуха доносились неясные слова и заглушенные крики. Сестра — не мисс де Саль, а другая — вышла и завела в палату каталку.

— Ее будут оперировать? — спросил он дрожащими губами.— Я ее муж.

— Кажется, нет. Впрочем, не знаю. Доктор Ламберт хочет перевезти ее в операционную на всякий случай.

Немного спустя каталку с Анджелой вывезли к лифту, которым соединялись этажи. Лицо ее было чем-то прикрыто, к тому же вокруг нее было много людей, и Юджин не мог хорошенько разглядеть, в каком она состоянии; его только удивило, почему она лежит так неподвижно, но сестра сказала ему, что ей дали легкую дозу опия, рассчитанную на кратковременное действие, чтобы это не могло помешать операции, если таковая понадобится. Юджин тупо молчал, пораженный ужасом. Потом он стоял в коридоре за дверью операционной, боясь войти. Ему вспомнились слова главного хирурга, а кроме того, какую пользу мог он принести своим присутствием? Он дошел до самого конца тускло освещенного коридора и там остановился в задумчивости, глядя в окно, за которым кружила метель. Вдали виднелся ярко освещенный поезд, золотой змеей извивавшийся по высокой эстакаде. Слышны были гудки автомобилей, пешеходы с трудом брели по снегу. Как все запутано в жизни, думал Юджин. Совсем еще недавно он желал смерти Анджелы, а сейчас... Боже мой, опять она стонет! Он понесет заслуженную кару за свои подлые мысли. Да, несомненно, это расплата за грехи, за все его ужасное легкомыслие! Час возмездия наступил. Какой

трагедией оказалась его жизнь! Каким банкротством! Жгучие слезы выступили у него на глазах, губы задрожали. Его вдруг охватила страшная жалость — не к себе, а к Анджеле. Но он подавил ее. Нет, черт возьми, он не будет плакать! Что пользы от слез? Анджеле они не помогут.

Нахлынули было мысли о Сюзанне, о миссис Дэйл, о Колфаксе, но он поспешил отогнать их. Если бы они видели его сейчас! Снова послышался приглушенный крик, и Юджин поспешил назад, к дверям операционной. Он больше не в силах был терпеть.

Но он не вошел. Он стоял, напряженно прислушиваясь, и до его слуха донеслись звуки, какие издает человек, который хрипит и задыхается. Неужели это Анджела?

«Низкие щипцы!» — голос принадлежал доктору Ламберту.

«Высокие щипцы!» — это был тот же голос. Затем послышался стук металлического предмета о дно таза.

«Боюсь, что мы таким образом ничего не добьемся, — раздался опять голос доктора Ламберта. — Придется резать, хоть и очень не хотелось бы».

Из операционной вышла сестра, чтобы посмотреть, нет ли поблизости Юджина.

— Вы бы лучше спустились в приемную, мистер Витла, — сказала она. — Ее очень скоро вынесут отсюда, теперь уже надолго.

— Нет, я хочу сам быть при операции, — сказал он неожиданно для себя...

Он вошел в зал, посреди которого на операционном столе лежала Анджела. С потолка низко спускался электрический канделябр с шестью яркими лампочками. У изголовья Анджелы стоял доктор Уиллетс, дававший наркоз. Справа стоял доктор Ламберт, не обративший на Юджина никакого внимания; на руках у него были залитые кровью резиновые перчатки, он держал скальпель. Одна из двух сестер священнодействовала у дальнего конца операционного стола, где на отдельном столике были аккуратно разложены инструменты, губки и бинты. Мисс де Саль находилась слева. Она раскладывала на столе возле Анджелы куски марли. Рядом с нею и против доктора Ламберта стоял еще один хирург, которого Юджин раньше не видал. Из груди Анджелы

вырывалось тяжелое хрипение. Она, по-видимому, была без сознания. Ее лицо скрывали куски марли и какая-то резиновая воронка.

У Юджина ногти вонзились в ладони. Значит, все-таки операция! — подумал он. Кесарево сечение. Очевидно, они не могут извлечь ребенка, даже убив его. Семьдесят пять процентов таких операций, говорилось в книге, кончается благополучно; но эта статистика относилась только к зарегистрированным случаям, а сколько незарегистрированных? Действительно ли доктор Ламберт такой великий хирург? Выдержит ли Анджела эфир, с ее слабым сердцем?

Юджин стоял и наблюдал за всей этой сценой. Доктор Ламберт быстро вымыл руки и взял маленький блестящий скальпель, сверкавший, как ярко начищенное серебро. Руки старого врача в резиновых перчатках казались в электрическом свете голубовато-белыми. Обнаженное тело Анджелы было совсем восковым. Доктор Ламберт склонился над нею.

— Старайтесь по мере возможности поддерживать правильное дыхание,— сказал он своему младшему коллеге.— Если она очнется, дайте ей эфир. А вы, доктор, присмотрите за артериями.

Он сделал легкий надрез в нижней половине живота, и Юджин увидел, как в том месте, которого коснулся нож, брызнули струйки крови. Разрез выглядел совсем небольшим. Сестра губкой снимала кровь, едва только она выступала. Затем хирург сделал второй надрез, и тогда показалась ткань, выстилающая изнутри мышцы живота и защищающая кишечник.

— Я не хочу делать слишком большой разрез,— спокойно сказал хирург, словно разговаривая сам с собой.— А то с этими внутренностями потом большая возня. Приподымите слегка края, доктор. Очень хорошо. Губку, мисс Вуд. А теперь, если мы сделаем еще один надрез здесь...

Он снова стал орудовать своим инструментом, совсем как добросовестный столяр или плотник. Потом бросил нож в таз с водою на столике мисс Вуд и, просунув пальцы в кровоточащую рану, к которой сестра все время прикладывала губку, что-то обнажил. Что это?

Сердце у Юджина судорожно заколотилось. Доктор Ламберт просовывал пальцы все глубже — сперва сред-

ний, затем также и указательный,— приговаривая при этом:

— Что-то я ножку не нахожу. А ну-ка, еще поищем. Ага, вот она!

— Разрешите, доктор, слегка подвинуть головку?

Это говорил молодой врач, находившийся слева от доктора Ламберта.

— Осторожнее только! Осторожнее! Она пригнута почти к самому копчику. Ну, теперь я ее держу. Тише, доктор, не забывайте о последе.

Из жуткой раны появилось что-то залитое кровью, что-то странное — крохотная ступня, ножка, тельце, голова...

«Боже мой, какой ужас!» — мысленно произнес Юджин, и снова слезы выступили у него на глазах.

— Послед, доктор... Следите за брюшиной, мисс Вуд. Ребенок жив, все в порядке. Как пульс больной, мисс де Саль?

— Слабоват, доктор.

— Поменьше эфиру в таком случае. Ну, теперь можно все укладывать на место. Губку. Придется, Уиллетс, потом наложить швы. Боюсь, что само не заживет. Некоторые хирурги придерживаются другого мнения, но я не верю в возможность самопроизвольного заживления у нее. Наложим по крайней мере три или четыре шва.

Они работали, как плотники, как столяры, как электромонтеры. Анджела, казалось, была для них не более как манекен. И все же в их медленных, уверенных движениях чувствовалась напряженность и торопливость. «Тише едешь — дальше будешь», — вдруг всплыла в памяти Юджина старая поговорка. Он наблюдал за тем, что разыгрывалось у него на глазах, и ему казалось, что все это сон, кошмарный сон, или потрясающая картина, вроде знаменитого полотна Рембрандта «Ночной дозор». Молодой хирург — тот, которого Юджин не знал, — высоко поднял какой-то предмет фиолетового цвета, держа его за ножку, точно освежеванного кролика; Юджин с ужасом сообразил, что это его ребенок, — ребенок Анджелы, — тот самый, из-за которого здесь вели такую отчаянную борьбу, терпели такие страшные мучения. Это было чудовище, игра природы, нечто немыслимое, бесформенное. Юджин не хотел верить своим глазам; он

увидел, как доктор шлепнул ребенка по спине и с любопытством разглядывает его. И в этот момент послышался слабый крик,— нет, в сущности даже не крик, а чуть слышный странный звук.

— Она страшно маленькая, но я думаю, что с ней все в порядке.— Голос принадлежал доктору Уиллетсу, он говорил о ребенке. О ребенке Анджелы. Теперь его держала сестра. Они только что резали Анджелу. А сейчас они зашивают рану. То, что происходило здесь, не имело отношения к жизни,— это был жуткий бред. Юджину казалось, что он потерял рассудок, что он очутился во власти злых духов.

— Ну, доктор, я думаю, хватит. Прикройте ее, мисс де Саль. Теперь можно увозить.

Они еще долго занимались Анджелой — накладывали повязку, снимали прибор, через который подавался эфир, потом уложили ее на спину, обмыли, переложили на носилки и выкатили из операционной. Она лежала без сознания, еще под действием эфира, и стонала.

Юджину невыносимо было слышать ее мучительное тяжелое дыхание. Казалось невероятным, чтобы эти звуки могли исходить из груди Анджелы — словно кричала ее душа. И ребенок тоже кричал — здоровым детским криком.

«Боже мой, что за пытка!» — думал Юджин. Подумать только, что это должно было случиться. Угроза смерти, хирургический нож, бессознательное состояние, боль — выживет ли Анджела после всего этого? Будет ли она жить? А он стал отцом.

Он повернул голову и увидел неимоверно крохотную девочку, которую сестра держала на каком-то одеяльце или подушке. Она что-то делала с нею — обтирала маслом. Ребенок был розовый, как и всякий ребенок.

— Радость-то какая, а? — сказала сестра, чтобы немного утешить его. Ей хотелось вернуть Юджина к действительности. У него был совсем безумный вид.

Юджин не спускал глаз с ребенка. Странное овладело им чувство... Он испытывал глубокое волнение — неудержимое, щекочущее, щемящее. Он прикоснулся к ребенку. Он посмотрел на его ручонки, на личико. Какое-то сходство с Анджелой. Да, несомненно. Это его ребенок. Это ребенок Анджелы. Выживет ли она? Исправится ли он? Боже мой, и надо же было такому бре-

мении свалиться на него именно сейчас, но ведь это его ребенок. Как мог он думать... Бедная крошка! Если Анджела умрет... Если Анджела умрет, то от всей ее долгой, трагической борьбы у него останется во всем мире только это — его маленькая дочка. Если Анджела умрет... А на смену ей пришло вот это. Для какой цели? Чтобы светить ему в жизни? Чтобы придать ему сил? Чтобы сделать его лучше, честнее? Он не находил ответа. Он только чувствовал, что невольно проникается нежностью к ребенку. Дитя, рожденное бурей. Но Анджела, которая так близка ему сейчас, выживет ли она, увидит ли его? Вот она лежит без сознания, неподвижная, страшно изрезанная. Доктор Ламберт, собиравшийся уходить, подошел, чтобы еще раз посмотреть на нее.

— Как вы думаете, доктор, будет она жить? — спросил его Юджин прерывающимся от волнения голосом.

— Трудно сказать, — ответил тот с чрезвычайно озабоченным видом. — Трудно сказать. Сил у нее не так уж много. Слабое сердце и плохие почки — это скверная комбинация. Как бы там ни было, у нас был один только выход, и мы должны были им воспользоваться. Я рад, что удалось спасти ребенка. Сестра о нем позаботится, будет сделано все, что нужно.

Он вышел из больницы, как рабочий уходит после работы к себе домой, как дай бог каждому из нас уходить, исполнив свое дело. Юджин подошел к Анджеле. Как он сожалел сейчас о тех долгих годах взаимного недоверия, которые привели к этому. Ему было стыдно за себя, стыдно за жизнь, за всю ту путаницу, которую она порождает. Анджела казалась такой маленькой, бледной, изможденной... Да, всему виной он. Это он привел ее на операционный стол своей ложью, своим непостоянством, своим неустойчивым характером. С известной точки зрения это попросту убийство, тем более что сердце его смягчилось лишь в самую последнюю минуту. Но жизнь и его не слишком миловала. Да, да... О, дьявольщина! Будь оно все проклято! Только бы Анджела выздоровела, — он постарается исправиться. Да, непременно. Не ему бы говорить такие вещи, но он постарается. Право же, любовь не стоит тех жертв, каких она требует. Бог с ней, с любовью, бог с ней! Он проживет и без нее. Альфред Рассел Уоллес прав, — есть неведомые нам таинственные силы. Где-то есть бог. Он царит над миром.

Недаром же существуют эти могущественные темные силы. Только бы Анджела не умерла,— он исправится; он будет вести себя иначе. Да, да, он станет совсем другим.

Он всмотрелся в лицо Анджелы; она показалась ему такой слабой и бледной, что он подумал: «Нет, она не выживет».

— Едем ко мне домой,— просила его Миртл, которая только что приехала.— Здесь мы все равно ничего не можем сделать. Сестра говорит, что она придет в себя только через несколько часов. А ребенок в надежных руках.

Ребенок, ребенок! Он забыл про ребенка, забыл о существовании Миртл. Он думал только о той долгой, мрачной трагедии, какой была его жизнь, о том, сколько зла он причинил.

— Ну, едем,— устало ответил он.

Близилось утро. Они вышли, сели в такси и поехали к Миртл. Но, несмотря на страшную усталость, Юджин почти не спал. Он, словно в горячке, метался с боку на бок.

Он встал рано, ему не терпелось поехать в больницу и узнать, как Анджела и как ребенок.

ГЛАВА XXVIII

Состояние Анджелы, вдобавок к сердечной слабости, осложнилось еще тем, что в самый момент родов у нее сделалась так называемая эклампсия, особый вид нервного расстройства, сопровождаемого конвульсиями. Установлено (во всяком случае, таковы были статистические данные того времени), что в одном случае из пяти-сот роды осложняются подобными симптомами, уносящими новорожденную жизнь. В половине случаев погибает также и мать, каковы бы ни были меры, принятые самыми опытными хирургами. На возможность этой болезни указывают известные изменения в почках, хотя вызывается она не ими. Пока Юджин во время родов находился в коридоре, он был избавлен от страшного зрелища,— Анджела лежала, уставившись в пространство, рот ее скривился в страшной гримасе, она вся изогнулась, руки ей свело, скрюченные пальцы медленно

шевелились, вызывая представление о механической фигуре, у которой кончается завод. За этим последовало беспамятство и столбняк, и если бы ребенок не был немедленно удален из чрева, и мать и младенец погибли бы в страшных муках. Но и сейчас у Анджелы не было сил бороться за жизнь. Она ненадолго пришла в себя, и у нее началась сильнейшая рвота, а потом снова погрузилась в беспамятство, сопровождавшееся бредом. Она называла имя Юджина. Ей мерещилось, очевидно, что она в Блэквуде, и она просила его приехать. Он держал ее руку в своей и плакал, так как знал, что ему ничем уже не загладить своей вины. Каким он был зверем!

Он закусил губу и невидящими глазами уставился в окно. Однажды у него вырвалось: «Эх, и дрянь же я, пропащий человек! Лучше бы мне умереть!»

Весь день и большую часть ночи Анджела провела в беспамятстве. В два часа пополудни она пришла в себя и попросила показать ей ребенка. Сестра принесла его. Юджин взял ее за руку. Ребенка положили с ней рядом, и она заплакала от радости, но плач ее был тихий, еле слышный. Юджин тоже разрыдался.

— Девочка? — спросила она.

— Да, — ответил Юджин и немного спустя добавил: — Анджела, я должен тебе сказать... Прости меня. Мне стыдно. Я хочу, чтобы ты поправилась. Я буду совсем другой, правда.

Но даже произнося эти слова, он подсознательно думал о том, может ли он измениться. Не будет ли опять все по-прежнему, если она выздоровеет, а может быть, даже и хуже?

Она погладила его руку.

— Не плачь, Юджин, — сказала она. — Все будет хорошо. Я поправляюсь. И мы оба будем вести себя иначе. Я и сама не меньше виновата, чем ты. Я была слишком строга.

Она стала перебирать его пальцы, а он задыхался от слез. Что-то больно сдавило ему горло.

— Прости меня. Прости меня, — выговорил он с трудом.

Через некоторое время ребенка унесли, и у Анджелы снова начался бред. Она страшно ослабела — до такой степени, что не могла уже говорить, хотя вскоре и пришла в сознание. Она пыталась что-то сказать знаками.

И Юджин, и сестра, и Миртл поняли ее. Ребенка! Его принесли, и сестра держала его перед нею; Анджела улыбнулась слабой, печальной улыбкой и перевела взгляд на Юджина.

— Будь спокойна, я позабочусь о ней,— сказал он, склонившись над кроватью.

Мысленно он произнес клятву. Он станет порядочным человеком — отныне и до конца своих дней он будет чист. Ребенка снова положили рядом с Анджелой, но она уже не в силах была двигаться. Она все больше и больше слабела и вскоре скончалась.

Юджин сидел возле нее, обхватив голову руками. Итак, его желание исполнилось. Анджела умерла. Он получил хороший урок — вот что значит идти наперекор совести, здоровому инстинкту, непреложным законам жизни. Он просидел так целый час, не внимая просьбам Миртл, пытавшейся увести его.

— Прошу тебя, Юджин! — молила она. — Пожалуйста, пойдем!

— Нет, нет! — отвечал он. — Ну, куда я пойду? Мне и здесь хорошо.

Наконец он все-таки встал и пошел за нею, недоуменно размышляя о том, как устроить теперь свою жизнь, кто будет заботиться об... об...

«Анджеле?» — пришло ему в голову имя. Конечно, он назовет ее Анджелой. Он слышал, как кто-то сказал в разговоре, что у нее будут золотистые волосы.

Пусть концом этой истории послужит нам повесть о философских блужданиях и сомнениях ее героя и о постепенном его возврате в русло обычной жизни, обычной в том смысле, как это понимает художник. Никогда уже, говорил себе Юджин, не будет он тем сентиментальным и увлекающимся глупцом, которому воображение рисует совершенство, едва он увидит красивую женщину. И все же был период, когда у них с Сюзанной — если б она внезапно вернулась — могли возобновиться прежние отношения, а может быть, и более пылкие. И это несмотря на владевшее им уныние и на его умозрительный интерес к «христианской науке», как к возможному средству исцеления, несмотря на угнетавшее его сознание своей вины перед Анджелой, своей жестокости, граничащей с убийством. Былая страсть по-прежнему терзала его сердце. Правда, он должен был теперь

заботиться о маленькой Анджеле, которая стала для него источником радости и в известной мере отвлекала его от мыслей о себе. Ему нужно было восстановить свое материальное благополучие; он нес ответственность перед некоей абстракцией, именуемой общественным мнением, которое олицетворялось для него теми, кто знал его или кого он знал. И тем не менее в нем жила все та же старая боль,— и сознание, что ничто уже не мешает ему вступить в новый брак или построить свою жизнь на началах свободной любви, о которой когда-то грезил Сюзанна, рождало в нем безрассудные мечты. Сюзанна, Сюзанна! Его преследовало ее лицо, ее глаза, каждый ее жест. Не Анджела, несмотря на весь трагизм ее смерти, а Сюзанна. Он часто думал об Анджеле — о ее последних часах в больнице, о ее прощальном повелительном взгляде, говорившем: «Позаботься о ребенке!», и тогда горло его сжималось, словно схваченное сильной рукой, и к глазам подступали слезы. Но даже в эти минуты он не переставал чувствовать, что какие-то неведомые силы влекут его к Сюзанне, и только к ней. Сюзанна, Сюзанна! Ее волосы, ее улыбка, весь ее образ стал для него воплощением романтической мечты, которая была уже так близка и которая сейчас, когда Сюзанны не было с ним и разлуке их не предвиделось конца, сияла таким ярким светом, какого действительность, несомненно, была бы лишена.

«Из вещества такого ж, как и сон, мы созданы, и жизнь на сон похожа, и наша жизнь лишь сном окружена»¹. Да, мы так же призрачны, как наши сны, и вся наша неугомонная тряская действительность соткана из тех же грез и снов. Ничто в мире так не радует и не мучит нас, ничто так не дорого нам, как наши сны.

В ту первую весну и лето, когда Юджин поселился вместе с Бэнгсом и Миртл, взявшей на себя заботу о маленькой Анджеле, он несколько раз побывал у миссис Джонс. Бессилие, проявленное «христианской наукой» в отношении Анджелы, произвело на него не слишком выгодное впечатление, хотя Миртл и постаралась найти какое-то благовидное объяснение этой явной неудаче. Юджин пребывал в страшно подавленном состоянии, и Миртл снова уговорила его обратиться к старой лекарке.

¹ Шекспир, «Буря».

Она уверяла, что миссис Джонс поможет ему побороть болезненное уныние, и после свидания с ней он воспрянет.

— Возьми себя в руки, Юджин, — говорила она. — Иначе ничего ты не добьешься. Ведь у тебя же талант. Ты рано хоронишь себя. Твоя жизнь только еще начинается. Увидишь, к тебе вернутся силы и здоровье. Перестань же горевать. Что ни случается, все к лучшему.

И он опять отправился к миссис Джонс, ругая себя за это, так как, несмотря на пережитые потрясения, а может быть, именно благодаря им, понимал, что никакая религия не может дать ему ответа на мучившие его вопросы. Анджелу не удалось спасти. Почему же он должен быть спасен?

И все же метафизический стимул продолжал заявлять о себе — слишком тяжело было страдать и не верить, что существует какое-то спасение. Иногда он ненавидел Сюзанну за ее равнодушие. Пусть только они встретятся, и уж он посчитается с ней. Он не станет больше унижаться до мольбы и уговоров. Сюзанна сознательно заманила его в западню — она достаточно умна для этого! — а потом с легким сердцем бросила. Разве так поступает человек с большой душой? — спрашивал он себя. Разве та, о которой он мечтал, была бы способна на это? О, эти часы, проведенные в Дэйлвью, их единственное мучительное свидание в Канаде, эта ночь, когда она так самозабвенно танцевала с ним!

За три года Юджин изведal все причуды, все изломы, на какие только способен больной, блуждающий в потемках разум. Он то готов был уверовать в «христианскую науку», то опять убеждал себя, что миром правит дьявол — этаким космический шут с повадками Гаргантюа и Бробдингнега, грозящий гибелью всему чистому и святому и с глумливой радостью взирающий на свинство, и тупость, и душный, гадкий, прожорливый разврат. Мало-помалу его бог — если для Юджина существовал бог — вновь превратился в двойственное начало, или в сочетание добра и зла: с одной стороны, идеальное и аскетически чистое добро, с другой — самое чудовищное и омерзительное зло. Его бог — некоторое время во всяком случае — был богом бурь и всяких ужасов и в то же время богом покоя и всяческого совершенства. Позднее он дошел до состояния, которое можно

было бы охарактеризовать не как отрицание бога, а скорее как философское свободомыслие или скептицизм. Он пришел к выводу, что не знает, чему верить. В жизни, очевидно, все дозволено и нет ничего установленного. Быть может, жизнь — это только пестрый калейдоскоп, где все уравновешено — взлеты и падения, горе и смех. Но хотя Юджин способен был громче всех поносить жизнь — и в одиноких размышлениях и в страстных спорах, — он хорошо понимал, что действительность — и не только в лучшие свои минуты, но и в худшие — исполнена красоты, поэзии и радости: и пусть он старится, стонет и сетует, пусть повержен и разбит, жизнь, которую он и любит и ненавидит, будет по-прежнему сиять. Он может бранить ее, ей до этого нет дела. Он может погибнуть, может перестать существовать — с жизнью этого не случится. Для жизни он ничто, — но сколько острой боли, сколько радости почерпнул он в тайниках ее храма, в ее благостных иллюзиях.

Как ни странно, но когда в душе Юджина происходила эта ломка, он одно время снова стал бывать у миссис Джонс, главным образом потому, что она была ему симпатична. Он находил в ней какую-то теплоту, что-то материнское: ее окружала атмосфера, напоминавшая ему родной дом в Александрии. Эта женщина, вечно занятая мыслями о возвышенном, по примеру миссис Эдди утверждавшая — на основе своей веры или понимания, как она говорила, — единство вселенной (беззлобность, благость управляющих ею сил, отсутствие страха, боли, недугов и даже смерти), до такой степени прониклась уверенностью, что зла не существует (разве только в представлении смертных), что порою почти убеждала в том и Юджина. Он подолгу рассуждал с нею об этих предметах. Он шел к ней со своим горем, как ребенок к матери.

Мир, утверждала она вслед за миссис Эдди, — это чистый дух, а не материя, и никакие ужасы действительности, как бы красноречивы они ни были, не могли опровергнуть для нее этой истины, не противоречили в ее глазах божественной гармонии. Бог добр. Все, что ни есть в мире, — это бог, следовательно, все в мире добро, а остальное иллюзия. Ничего третьего не существует. Судьба Юджина в этом смысле не отличается от многих других человеческих трагедий.

— Возлюбленное чадо,— говорила она Юджину,— мы с вами сейчас дети господни, и нам неизвестно, что ждет нас впереди; одно мы знаем, что, когда он предстанет пред нами (она объяснила Юджину, что он — это вселенский дух совершенства, который включает в себя и людей), мы уподобимся ему. Ибо мы увидим его таким, каков он есть.

— И всякий, кто надеется на него,— очистится, ибо он чист.

Однажды она объяснила Юджину, что очищение отнюдь не требует от человека безнадежной душевной борьбы и аскетического воздержания. Нет, достаточно человеку уверовать в свое доброе начало, и эта вера укрепит его.

— Вы смеетесь надо мной,— сказала она ему как-то,— но я говорю вам, что вы чадо божье. В вас теплится божественная искра. Настанет день, и она разгорится ярким пламенем. Все остальное рассеется как дурной сон, потому что оно лишено реальности.

В ее обращении с ним было что-то материнское, она даже пела ему псалмы, и, как ни странно, ее тоненький голосок уже не раздражал его, а ее духовная сила преображала ее и делала прекрасной в его глазах. Чуждачества и внешняя неприглядность миссис Джонс, а также то обстоятельство, что ее квартира обставлена безвкусно, что у нее безобразная фигура — по его понятиям во всяком случае, — что она неизвестно почему приписывает китам духовную сущность, а клопов и прочих зловредных насекомых считает порождением брэнного разума,— все это нисколько не смущало его. В ее рассуждениях о вселенной, как о духе, о вселенной, не знающей зла, было что-то притягательное. Конечно, пяти чувств недостаточно для познания мира, и за пределами их показаний он угадывал бездонные глубины чудес и могущества. Так почему же заранее отклонить такое решение? Почему не принять его, как вполне пригодное? В книге «Машина мироздания», которую Юджин когда-то читал, говорилось, что мир планет бесконечно мал, что с точки зрения беспредельности он вообще не идет в счет, хотя и кажется нам необъятным. Почему же вместе с Карлейлем не признать, что этот мир существует только в нашем восприятии и что по-

этому он призрачен? Постепенно мысли эти крепили и все больше овладевали Юджином.

Он стал бывать в обществе. Случайная встреча с мосье Шарлем, который долго тряс ему руку и расспрашивал, где он живет и что делает, воскресила в Юджине бывшее влечение к искусству. Мосье Шарль стал горячо убеждать его снова устроить выставку своих картин, каких бы то ни было.

— Вы! — воскликнул он сердечно, но и с некоторой долей негодования, так как Юджин был для него прежде всего художником, и притом очень крупным.— Вы, Юджин Витла,— редактор, издатель! Вы, перед кем через несколько лет, стоит вам только пожелать, склонились бы все ценители искусства! Вы, который мог бы, отдав этому свою жизнь, сделать для американского искусства больше, чем любой известный мне мастер! Вы тратите свое время на заведование художественными отделами, на редакторскую возню, на издательское дело! Да неужели вам не совестно? Но и сейчас еще не поздно. А ну, давайте-ка устроим выставку! Что вы скажете, если я предложу приурочить ее к разгару сезона,— я имею в виду январь или февраль, а? В эту пору все интересуются искусством. Я предоставляю в ваше распоряжение самый большой зал. Ну, как вы думаете?

Он весь горел чисто французским энтузиазмом, он повелевал, вдохновлял, настаивал.

— Если только у меня что-нибудь выйдет,— негромко ответил Юджин, разводя руками, и в уголках его рта обозначились горькие складки презрения к себе.— Возможно, что время мое уже ушло.

— Ваше время ушло! Ваше время ушло! Какой вздор! И вы говорите мне подобные вещи? «Если у меня что-нибудь выйдет!» Нет, я отказываюсь иметь с вами дело! Вы, с вашими бархатными тонами, с вашими смелыми линиями! Нет, это невозможно, невысказано!

С пафосом чистокровного галла он воздел руки, закатил глаза, брови у него полезли на лоб. Затем он пожал плечами и стал ждать признаков оживления на лице Юджина.

— Ну что ж,— сказал тот, выслушав его.— Но только я ничего не обещаю. Посмотрим.— И он сообщил ему свой адрес.

И опять эта встреча дала толчок Юджину. Мосье Шарль, которому известно было мнение о нем знатоков и который в свое время успешно распродавал все его картины, смотрел на них как на прибыльный товар, если не в Америке, то за границей, и надеялся в качестве импресарио талантливого художника заработать немало денег и славы.

Надо продвигать на рынок американских художников — кто-нибудь из них должен выдвинуться, так почему не Витла? Этот человек действительно заслуживает поддержки.

И Юджин стал писать, быстро, нервно, вдохновенно, все, что ни попадалось ему на глаза, временами чувствуя, что былая его сила навсегда утрачена. Он снял комнату окнами на север, неподалеку от дома, где жила Миртл, и здесь пробовал писать портреты — Миртл с мужем, Миртл с маленькой Анджелой, создавая классически простые композиции. Затем он стал подбирать натуру на улице — чернорабочие, прачки, пропойцы, все характерные типы. Случалось, он уничтожал свои картины, но в общем работа подвигалась. Им овладело лихорадочное желание изобразить жизнь такой, какой он видел ее, запечатлеть ее с портретной точностью, со всеми ее странностями и причудами, с ее бессмысленностью и жестокостью. Он часто писал толпу, ее неустойчивые, изменчивые настроения. Парадокс, который представляет собой опустившийся пропойца — живой труп — среди бьющей ключом жизни, на время завладел его воображением. Он видел в этом свой собственный протест, судорожное цепляние за жизнь, обвинение, брошенное в лицо природе, и это подхлестывало его. Полотно это было впоследствии продано за восемнадцать тысяч долларов — рекордная цифра.

А тем временем Сюзанна — его утраченная мечта — путешествовала с матерью за границей. Она побывала в Англии, Шотландии, Франции, Египте, Италии и Греции.

Жестокая буря, которую вызвало ее внезапное и в сущности безотчетное увлечение, не прошла для нее даром. А теперь она была так потрясена катастрофами, которые эта буря обрушила на голову Юджина, что не знала, что делать и что думать. Она была еще слишком молода и по-прежнему далека от жизни. Сильная

телом и духом, она по-прежнему жила мечтами и впечатлениями минуты — ее философские и нравственные представления еще не устоялись. Миссис Дэйл, опасаясь новой вспышки упрямства, которая могла разрушить все ее тонкие расчеты, старалась воздействовать на дочь то лаской, то упорством, то хитростью, как угодно, лишь бы избежать какого-нибудь внезапного порыва и опасного пробуждения прошлого.

Тревога не покидала ее ни на минуту. Как поладить с Сюзанной? Всякое ее желание, любой каприз или причуда, касавшиеся туалетов, развлечений, путешествий, знакомств, исполнялись немедленно. Не хочется ли ей поехать туда-то, увидеть то-то, встретиться с тем-то и тем-то? И Сюзанна, прекрасно понимавшая, какими мотивами руководствуется мать, и вместе с тем встревоженная страданиями и бедами, которые она навлекла на Юджина, не могла решить, правильно ли она тогда поступила. Сомнения одолевали ее.

Но больше всего ее смущала мысль, действительно ли она любила Юджина? Не было ли это мимолетным увлечением? Не было ли это злой шуткой, которую сыграла с ней бунтующая кровь, между тем как о духовной близости между ними не могло быть и речи? На самом ли деле Юджин единственный человек, с которым она могла бы быть счастлива? Не слишком ли он склонен к обожанию, не слишком ли своенравен, не слишком ли опрометчив и безрассуден в своих стремлениях? Действительно ли он такой одаренный человек, как она себе представляла? Не кончилось ли бы дело тем, что она вскоре разлюбила бы его, а может быть, даже и возненавидела? Могли бы они быть долго и по-настоящему счастливы? Или ей был бы скорее по душе человек с твердым характером, более крутой и равнодушный — человек, которым она восхищалась бы и за которого вынуждена была бы бороться? Не такой, что обожал бы ее и нуждался в ее сочувствии, а сильный, смелый, решительный, разве не это в конце концов ее идеал? И разве можно сказать про Юджина, что он отвечает ее идеалу? Эти вопросы и еще много других не переставали терзать ее.

Как ни странно, жизнь полна таких трагических парадоксов. Как часто горячность характера и крови приводит нас к грубым ошибкам, против которых протесту-

ет наш разум, все наши жизненные обстоятельства и общественные условности. Одно дело — мечты человека, другое — его способность осуществить их. Известны, правда, случаи блистательных побед и, напротив, блистательных поражений. Блистательное поражение потерпел Абеляр, блистательную победу одержал Наполеон, возведенный на трон в Париже. Но как ничтожно число побед по сравнению с числом поражений!

Нельзя сказать, однако, что Сюзанна пришла к выводу, будто она никогда не любила Юджина. Отнюдь нет. Хотя миссис Дэйл прибегала к хитрейшим маневрам, чтобы окружить дочь более молодыми и более достойными ее внимания мужчинами, Сюзанне, по натуре склонной к самоанализу и трезвой наблюдательности, не скоро предстояло вновь попасться на удочку любви, если считать, что однажды это с нею уже случилось. Она, казалось, дала себе обещание отныне внимательнее изучать мужчин и, не отвергая их ухаживаний, выжидала какого-нибудь шага со стороны Юджина или кого-либо другого, который заставил бы ее принять решение. В Сюзанне пробудился интерес к той странной и опасной силе, какой была ее красота: она знала теперь, что она действительно красива, и часто заглядывалась на себя в зеркало, любясь искусно положенным локоном, линией подбородка, щеки или плеча. О, как она вознаграждает Юджина за все его мучения, если когда-нибудь вернется к нему! Но сбудется ли это? Может ли она к нему вернуться? К тому времени он, пожалуй, образумится и только презрительно пожмет плечами и высокомерно усмехнется при встрече с ней. Потому что, нет сомнения, Юджин замечательный человек, и скоро его звезда снова засияет. А тогда — что он подумает о ней, о ее молчании, вероломстве, ее нравственной трусости?

«В конце концов, что я такое? — говорила она себе. — Но как высоко он вознес меня, как восхищался мной, как пылал! Нет, конечно, он необыкновенный человек!»

ГЛАВА XXIX

Развязка этого романа — вернее, то, что можно назвать развязкой, — наступила лишь два года спустя. К тому времени взгляды Сюзанны стали более трезвы-

ми, она развилась интеллектуально, сделалась более хладнокровной — хотя, пожалуй, не более холодной — и более критически смотрела на окружающее. Мужчины что-то уж очень пылко восхищались ее красотой. После Юджина их страстные заверения и клятвы в вечной любви не производили на нее большого впечатления.

И вот однажды в Нью-Йорке на Пятой авеню произошла встреча. Сюзанна поехала с матерью за покупками, но как-то случилось, что они на минуту потеряли друг друга. Юджин в ту пору уже окончательно пришел в себя. Время залечило его раны, но разве лишь чуть затуманило в его сердце образ чудной, неувядаемой красоты. Не раз задумывался он над тем, что он сделал бы, если бы снова увидел Сюзанну, что сказал бы ей? Улыбнулся бы, поклонился? И если бы в глазах ее прочел ответный блеск, опять вспылал к ней любовью? Или он нашел бы ее изменившейся, холодной и безразличной? Может быть, он и сам отнесся бы к ней с насмешливым безразличием? Потом у него, вероятно, было бы тяжело на душе, но он отплатил бы ей. Если она действительно любила его, то пусть вдвойне страдает от того, что была глупой, безвольной куклой в руках матери. Он не мог знать, что Сюзанна слышала о смерти его жены и о рождении ребенка и что она написала ему пять писем и все уничтожила, из страха перед его упреками, равнодушием и презрением.

Она слышала, что он снова достиг славы, так как выставка состоялась и вызвала одобрительные отклики. Его талант признавался всеми. Особенно восторгались художники. Они считали, что он несколько причудлив и эксцентричен, но что это большое дарование. Мосье Шарль подал одному крупному финансисту идею поручить Юджину стенную роспись его банка, строившегося в финансовом центре Нью-Йорка. И Юджин написал для него девять больших панно, в которых с глубокой выразительностью передал свое восприятие жизни. Большие, сверкающие красками фрески его работы можно было увидеть и в Вашингтоне — в трех крупных общественных зданиях, — и в capitoлиях¹ трех различных штатов; Юджин запечатлел в них свои смелые мечты о красоте, какой еще не бывало в мире. В каждой его

¹ Здания, в которых заседают конгрессы штатов.

работе мелькал один и тот же образ — лицо, рука, овал щеки, глаз. И если вы когда-то знали прежнюю Сюзанну, вам нетрудно было угадать, кто этот неуловимый призрак, который витал перед художником.

Но, несмотря на это, он теперь ненавидел ее — так по крайней мере ему казалось. Разум его попрах прекрасный образ, который когда-то так боготворил. Он ненавидел — и все же любил ее. Жизнь, любовь сыграли с ним отвратительную шутку — они затмили его разум, а потом насмеялись над безумцем. Нет, никогда уже любовь не будет владеть им. И все же женская красота оставалась для него сильнейшим соблазном, разница была лишь в том, что теперь он не поддавался ему.

И вот однажды пути их скрестились.

Он едва узнал ее, так неожиданна была встреча и так мгновенна. Он только что вышел из ювелирного магазина на Пятой авеню возле Сорок второй улицы, где купил маленькой Анджеле колечко ко дню рождения, и увидел Сюзанну, переходившую улицу на перекрестке. Глаза этой девушки, беглый взгляд, молниеносное воспоминание о чем-то прекрасном...

Юджин остановился — возможно ли...

«Он даже не узнает меня, — подумала Сюзанна, — а может быть, он меня ненавидит. Боже мой — ведь только пять лет прошло...»

«Как будто она, — подумал он, — а может быть, и нет. Но если даже и она, пусть убивается к дьяволу!»

Жесткие складки залегли в углах его рта.

«Я сделаю вид, будто не заметил ее, лучшего она не заслуживает, — решил он. — Она никогда не узнает, что я ее люблю».

И так они разошлись, чтобы больше не встречаться, — и оба жаждали любви, оба отвергали ее, оба хранили глубоко в сердце призрак утраченной красоты.

ЭПИЛОГ

Метафизика часто служит нам желанным прибежищем в поисках душевного равновесия и моральной опоры, хотя не всегда это так, и все зависит от того, к чему склоняют человека его симпатии и жизненный опыт. Жизнь на каждом повороте теряется в неведомом,

и в памяти остаются лишь важнейшие вехи на пройденном пути, а потом и они исчезают. Может показаться странным, что Юджин, разбитый физически и нравственно, на какое-то время заблудился в тумане религиозных измышлений, но такие вещи бывают с людьми, которых сильно потрепало бурей. В религии они ищут спасения от самих себя, от своих сомнений и отчаяния.

Если бы меня спросили, что такое религия, я бы сказал, что это примочка, накладываемая человеком на душевные раны, что это раковина, куда он заползает, чтобы укрыться от неизбежного, вечно изменчивого, беспредельного. Все мы ищем чего-то безусловного и создаем его себе, если не находим. Религия как будто дает жизни некий постоянный адрес, этикетку, но это лишь самообман. И снова мы возвращаемся к таким извечным проблемам, как время, пространство и безграничный разум — но чей? Ибо это — то самое, во что мы неизбежно упираемся и куда относим все, что нам не дано познать.

Однако потребность в религии не является чем-то постоянно присущим человеку, как, впрочем, и остальное в жизни. Стоит ему выздороветь, и душа его оказывается во власти прежних иллюзий. В жизнь Юджина снова вошли женщины — а как вы думали? — быть может, привлеченные его грустью и одиночеством, когда, надломленный пережитой трагедией, он стал снова показываться в обществе. Но теперь он принимал их внимание скорее скептически, хотя и не всегда оставался к нему равнодушен. Женщины, которых он встречал у знакомых, зрелые матроны и юные девушки, мечтали заинтересовать его и не хотели и слышать об отказе. Тут были и актрисы, и художницы, и бездарные поэтессы, певицы из варьете, журналистки и просто бездельницы. Задушевные беседы, переписка и встречи иногда приводили и к более интимным отношениям, которые кончались так же, как и все предыдущие. Так, значит, Юджин не изменился? Да нет, не слишком. Он только закалил свои чувства и разум, закалил для жизни и работы. Снова бывали в его жизни бурные сцены, слезы расставания, отречения, холодные встречи, — но где-то за всем этим, под крылышком у Миртл, жила маленькая Анджела — его опора и утешение.

Для всякого постороннего взгляда Юджин был теперь художником, язычником до мозга костей, который читал Библию ради красот стиля, а Шопенгауэра, Ницше, Спинозу и Джемса — ради тех жизненных тайн, которые они ему приоткрывали. В своей дочурке он видел обаятельное существо и в то же время предмет, достойный изучения. Он с любовью и интересом наблюдал за девочкой, в которой уже различал кое-что свое и кое-что Анджелино, гадая, что из всего этого получится. Какая она будет, когда вырастет? Будет ли искусство что-нибудь значить для нее? Она казалась ему такой смелой, веселой, своенравной.

— Дочка у тебя изрядный тиран,— говорила ему Миртл.

И он с улыбкой отвечал:

— Ничего не поделаешь, попробую как-нибудь с этим справиться.

Он тешил себя мыслью, что если он и маленькая Анджела со временем поймут друг друга и если она не слишком рано выйдет замуж, он постарается создать для нее прекрасный дом. А может быть, и ее муж согласится жить с ним под одной крышей.

Последняя сцена нашей повести приводит читателя в студию в Монтклере, где обосновался Юджин и где Миртл, переселившаяся к нему вместе с мужем, вела его хозяйство, а маленькая Анджела не давала ему скучать. Однажды поздно вечером Юджин сидел у камина, углубившись в книгу, как вдруг прочитанная фраза или отрывок привели его на память одно место в примечательных главах «О непознаваемом» из работы Спенсера «Факты и комментарии», и он встал, чтобы разыскать его. Порывшись, он нашел нужный том и с удовлетворением прочитал эти строки, настолько созвучные его собственным взглядам и настроениям. И поскольку отрывок этот так пришелся по душе Юджину, я приведу его здесь:

«Если от нас скрыта сущность вещей, воспринимаемых нашими чувствами, то тайны мироздания еще более нам недоступны, ибо если первые могут считаться — и действительно считаются — объяснимыми либо в свете гипотезы о сотворении мира, либо в свете учения об эволюции, то ко вторым это неприменимо. Как

верующий, так и скептик должны сойтись на том, что пространство извечно и никем не создано, и что оно, наоборот, предшествовало сотворению мира, буде такое действительно имело место. Следовательно, если бы мы и проникли в тайну бытия, это не разрешило бы для нас многих других, еще более недоступных и темных загадок. То, что мыслится нами как предшествовавшее всякому творению и всякой эволюции, ставит нас перед загадками, которые еще меньше поддаются нашему познанию, чем явления мира видимого и осязаемого. Мысль о мире, который, будучи исследован со всех сторон и, казалось бы, до конца, таит в себе неисследованную область, по сравнению с которой часть, доступная нашему воображению, бесконечно мала,— мысль о пространстве, по сравнению с которым наша неизмеримая звездная система сжимается до ничтожных размеров,— эта мысль так грандиозна, что наш ум не вмещает ее. За последние годы представление о бесконечном пространстве, не имеющем ни начала, ни причины,— пространстве, которое всегда существовало и будет существовать, вызывает во мне чувство, подобное страху».

«Вот это,— мысленно произнес Юджин, оглядываясь, так как ему послышался легкий шорох за дверью,— вот это поистине самое ясное утверждение ограниченности человеческого познания, какое мне приходилось встречать».

И тут он увидел на пороге маленькую Анджелу в широкой пижаме, немного похожей на костюм Пьеро, и улыбнулся, так как шалости и уловки этой своенравной молодой особы были ему хорошо знакомы.

— Ты зачем сюда пришла? — спросил он с напускной строгостью.— Тебе давно пора спать. Вот узнает тетя Миртл, попадет тебе!

— Мне не спится, папочка,— ответила ему маленькая плутовка, которой очень хотелось еще немного посидеть с ним у камина, и она быстро побежала к нему через комнату, чтобы приласкаться.— Подними меня, папочка!

— Знаю я, как тебе не спится, жулик ты этакий! Просто хочешь, чтобы я укачал тебя на руках. А ну-ка. живей в постельку!

— Ой нет, папочка!

— Ну уж ладно, иди сюда,— и, взяв ее на руки, Юджин снова уселся у камина.— А теперь изволь спать, или я сейчас же отнесу тебя в кровать.

Девочка свернулась клубочком, положив ему на руку золотистую головку. А он смотрел на это личико и думал о том, как бурно было ее появление на свет.

— Мой цветочек! — сказал он.— Милая моя крошка!

Она не отозвалась. Немного погодя он уложил ее сонную в постель, тщательно подоткнул одеяльце, а затем вернулся к себе и вышел на побуревшую лужайку. Ноябрьский ветер шелестел в безжизненно повисших и почерневших листьях деревьев. Над головой мерцали звезды — величественный пояс Ориона, таинственные созвездия обеих Медведиц и та далекая туманность, которую именуют Млечным Путем.

«Где во всем этом — в бесконечности материи — Анджела? — подумал он и провел рукою по волосам.— И где будет то, из чего состою я? Как хаотична, но как прекрасна жизнь! Сколько в ней разнообразия, сколько нежности и суровости. Она словно яркая симфония!»

Он глядел в сверкающую бездну пространства, и прекрасные образы рождались в его душе.

«Как хорошо сегодня шумит ветер», — подумал Юджин.

И он тихонько вернулся в дом и запер дверь.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

Над романом «Гений» Т. Драйзер начал работать во второй половине 1910 и закончил его к августу 1911 года. Некоторые издатели и критики, прочитавшие роман в рукописи, отозвались о нем весьма нелестно, считая, что история Юджина Витлы «не может... захватить читателя» и не заслуживает того, чтобы быть напечатанной. Нежелание издателей выпустить роман в свет заставило писателя на время отложить его; он возвращается к нему только в 1913 году и фактически переписывает заново.

В основу «Гения» положены факты из жизни хорошо знакомого писателю художника Эверетта Шинна из группы «Восьмерка». В романе Драйзер широко использовал свое знание трудностей, с которыми сталкивались в США многие люди интеллектуального труда — литераторы, художники, артисты. Собственный опыт позволил писателю создать правдивое, глубоко эмоциональное произведение. «Мне больше всего нравится «Гений», — говорил он. — Я вложил в него большую часть самого себя».

Опубликованный в октябре 1915 года роман был встречен американской критикой в штыки. Писателя называли «хроникером вульгарных американцев», обвиняли в том, что в качестве героя книги он «избрал ненормального человека и написал о нем ненормально длинный роман». Журнал «Нейшн» договорился даже до того, что будто бы само происхождение писателя не дает ему возможности создать крупные интеллектуальные ценности.

Нападки мракобесов не очень-то беспокоили писателя, однако дело приняло неожиданный оборот: «нью-йоркское общество борьбы с пороком» обнаружило в романе 17 «богохульных» и 75 «непристойных» мест и потребовало от издателя изъять книгу из продажи. Руководствуясь сугубо коммерческими соображениями и стараясь избежать дорогостоящего судебного процесса, издатель

выполнил это требование. Драйзер, не без оснований опасавшийся за целостность печатных форм, тайком вывез их из типографии в соседний штат Нью-Джерси, который находился за пределами действий «нью-йоркского общества борьбы с пороком».

Являясь полуофициозной организацией, на которую власти штата Нью-Йорк возложили проведение в жизнь законов, направленных «против непристойностей», общество это пользовалось большими правами. Как отмечают американские исследователи, тень его постоянно «угрожающе нависала над столом каждого нью-йоркского редактора».

В этих условиях многие американские писатели увидели в действиях «нью-йоркского общества борьбы с пороком» не столько стремление запретить книгу Драйзера, сколько попытку нанести удар по свободе печати вообще. В защиту Драйзера высказались около 500 американских писателей, в том числе Джек Лондон, Роберт Фрост, Синклер Льюис, Джон Рид. Поддержал его и такой известный европейский писатель, как Герберт Уэллс. Однако эта поддержка не дала никаких практических результатов — роман оказался под запретом, и писателю удалось добиться его нового издания только через восемь лет — в 1923 году.

Некоторые американские исследователи объясняют резкие нападки критики на Драйзера после выхода «Гения» тем, что его автор самым содержанием и стилем своих произведений бросил смелый вызов сторонникам так называемой «традиции жеманности» в американской литературе. Взгляды сторонников этой традиции отчетливо были выражены в статье профессора Иллинойского университета С. Шермана «Варварский натурализм г-на Драйзера», опубликованной в декабре 1915 года в журнале «Нейшн». Автор статьи без обиняков утверждал, что он «не находит никакой моральной ценности или запоминающейся красоты» в романах Драйзера, что они — всего лишь «примеры грубой и наивно упрощенной натуралистической философии» и якобы показывают жизнь, основываясь не на законах человеческих отношений, а на законах «поведения животных».

Возражая автору статьи в «Нейшн», известный американский критик Рэндолф Борн писал, что Т. Драйзер является «очень человеческим критиком очень обычной человеческой жизни, романтически чувствительным и поэтически реалистическим, с художественным видением и прочным теплым чувством к американской жизни: «Гений» отнюдь не представляет собой средоточие порнографических ужасов, каким его считают общества борьбы с пороком, а есть история ищущего художника...». Герои Драйзера, под-

черкивал Борн,— это «желания, которые по-разному в каждом из нас колотятся в железные стены жизни...».

Именно реалистическое изображение американской действительности, показ того тяжелого положения, в котором оказывается в Америке каупервудов даровитый художник, вызывали бешенство реакционеров, всячески травивших писателя. Своим романом Т. Драйзер развенчал миф о так называемой «свободе творчества» в буржуазном обществе. Роман «Гений» — это основанное на личном опыте свидетельство писателя о том, что ждет человека искусства в Америке, в которой, по словам Ван Вик Брукса, «буквально все тенденции общественной жизни... вступили в заговор с целью связать по рукам и ногам таланты страны...».

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНИЙ. *Перевод М. Волосова*

Книга вторая (*Продолжение*) 5

Книга третья 129

Историко-литературная справка . 412

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Собрание сочинений
в двенадцати томах

Том VII

Редактор тома
Е. А. Ромашкина

Оформление художника
Ю. А. Боярского

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 1218

Сдано в набор 23.10.85. Подписано к печати 31.01.86
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 23,98. Усл. кр.-отт. 24,78.
Тираж 750 000 экз. Изд. № 12. Заказ № 1770.
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Индекс 70685